
University of Virginia Library
PG;3337;.G67;1855 V.3
ALD Sochineniia.
AX 000 450 221


UNIVERSITY OF VIRGINIA
1819



ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.



Цѣна за три тома 3 рубля.

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГРЕЧА.

Ахъ, сколько я въ мой вѣкъ бумаги исписалъ!

Дмитріевъ.



ИЗДАНІЕ

Александра Смирдина.

ТОМЪ III.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 16 Августа 1854 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

—*—

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАЯ ПОѢЗДКА
въ
ГЕРМАНІЮ
въ 1835 году.

I.

Пароходъ.

Къ самымъ счастливымъ, благодѣтельнымъ и обильнымъ послѣдствіями изобрѣтеніямъ девятнадцатаго вѣка, безъ сомнѣнія, принадлежатъ пароходы: они уничтожили дальнія разстоянія, сблизили чуждые другъ другу народы, ослабили владычество бурь и волнъ морскихъ. Теперь вы, при пособіи этого коврика-самолета, можете изъ Петербурга прибыть на четвертый день въ Гамбургъ, на шестой въ Лондонъ, на осьмой въ Парижъ; можете съѣздить въ эти и другія

мѣста, за дѣломъ, для прогулки, для забавы, какъ въ Царское Село или въ Петергофъ, зная почти навѣрное, что въ такой-то день поѣдете, столько-то времени тамъ пробудете, и тогда-то воротитесь. «Куда вы ѣдете?» спрашивали у меня знакомые, прочитавъ имя мое въ газетахъ. — «Въ Гамбургъ и Берлинъ,» отвѣчалъ я. — «И на долго?» — «Я отпущенъ на мѣсяцъ.» — «И, полно-те! Что можно видѣть въ одинъ мѣсяцъ? Стоитъ ли это труда!» — «Увидите. Поѣду въ Гамбургъ, попользуюсь тамошними купальнями, заверну въ Берлинъ, порадую душу свою картиною живаго движенія наукъ, искусствъ и литературы, повидаюсь съ знакомыми, познакомлюсь съ другими — и чрезъ мѣсяцъ явлюсь, какъ листъ передъ травой, отдохнувъ, освѣжившись, собравъ новыя силы для продолженія моей утомительной работы.»

Въ среду, 19-го Іюня, въ половинѣ перваго часа, отправился я, въ сопровожденіи моихъ родныхъ и домашнихъ, тихимъ шагомъ къ пароходу Ольгѣ, стоявшему у Англійской Набережной, насупротивъ дома Коммерческаго Клуба, гдѣ помѣщается контора пароходства. Народъ тѣснился густою толпою на палубѣ парохода и на набережной. Обнимались, цѣловались, плакали, смѣялись, желали другъ другу счастливаго пути. Въ часъ зазвонили въ первый разъ, чрезъ пять минутъ во второй, еще чрезъ пять минутъ въ третій. Наступило мгновеніе разлуки. Друзья, родные обнялись еще разъ; провожавшіе поспѣшили по узенькой дощечкѣ на берегъ; она поднялась; паро-

ходъ оторвался отъ берега, поворотилъ къ устью Невы; колеса заскрипѣли, дымъ хлынулъ густыми клубами, и мы понеслись впередъ. На берегу стояли оставшіеся друзья, и провожая насъ глазами, подавали намъ знаки; мы отвѣчали имъ такъ же; они исчезали мало по малу изъ глазъ нашихъ, и чрезъ четверть часа мы потеряли ихъ изъ виду. Посвятивъ имъ еще сердечный вздохъ, мы обратили взоръ на будущее. Предъ нами волновались пучины коварнаго Балтійскаго Моря, и манили насъ къ юго-западнымъ берегамъ своимъ.

Небольшой пароходъ Ольга служитъ сообщеніемъ съ Кронштадтомъ для пассажировъ, отправляющихся за море на большихъ пароходахъ. Обыкновенно бываетъ онъ наполненъ множествомъ людей, провожающихъ друга или роднаго. И въ это время было такъ. Пестрая толпа двигалась и шумѣла на палубѣ. Въ числѣ пассажировъ были повѣренные въ дѣлахъ, англійскій и французскій, дипломаты испанскіе и португальскіе: они провожали одного чиновника англійскаго посольства, Лорда Чельзи (Chelsea). Люднѣе всѣхъ было отдѣленіе артистовъ. Гайцингеръ съ женою возвращался во-свояси, предъ окончаніемъ срока ихъ отпуска изъ Карлсру. Бывшій петербургскій актеръ Поллертъ ѣхалъ въ Германію съ женою своею, которая составляла украшеніе нѣмецкаго театра нашего, но фамильными обстоятельствами принуждена была оставить службу. Суфлеръ французскаго театра, Геленъ, выслуживъ урочные годы, возвращался во Францію съ пенсіономъ, благословляя добрую и щед-

рую Россію. — Было нѣсколько больныхъ, отправлявшихся въ теплый климатъ и на цѣлительныя воды, для возвращенія и возстановленія своего здоровья. Всякъ занимался чѣмъ нибудь. Матери укачивали младенцевъ; отцы удерживали мальчиковъ отъ неосторожныхъ прыжковъ. Въ дымѣ сигаръ летали разноязычныя фразы. Нѣкоторыхъ начало укачивать. Одна молоденькая дама чрезъ четверть часа должна была прилечь отъ нездоровья. Мы не замѣтили, какъ прилетѣли въ Кронштадтъ. Миновавъ военный портъ, полюбовавшись прекраснымъ царскимъ пароходомъ Геркулесъ, мы, не выходя на берегъ, пристали къ пароходу Александра, долженствовавшему везти насъ въ Травемюнде. Въ большой каютѣ накрытъ былъ столъ человѣкъ на шестьдесятъ. Пріѣзжіе расположились группами; дипломація заняла особое отдѣленіе. Разстающіеся друзья съ веселіемъ, надеждою и любовью проводили между собою послѣднія минуты. Захлопали пробки, полилось шипучее; раздались тосты на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но все умолкло при тихихъ звукахъ гитары, и прелестный голосъ Гайцингера раздался въ глубокой тишинѣ. Онъ запѣлъ пѣснь прощанія, унынія и надежды; къ нему присоединились выразительные звуки одушевленнаго голоса жены его, и вскорѣ пѣснь тоскливаго недоумѣнія перешла въ радостные звуки свиданія, сбывшихся надеждъ и неразлучной любви. Вѣнскія народныя пѣсни смѣнили выраженіе чувствъ этой минуты. Сладостная гармонія пролила умиленіе и отраду въ

сердца слушателей. Всѣ встали съ мѣстъ, и единогласно пожелали счастливаго пути благороднымъ артистамъ; они отвѣчали искреннимъ выраженіемъ желанія своего и несомнѣнной надежды скоро возвратиться въ Петербургъ, гдѣ ихъ принимали съ такимъ уваженіемъ, любовью и радушіемъ. Музыка расположила всѣхъ ко взаимнымъ изліяніямъ; разговоръ сдѣлался шумнѣе и живѣе, и даже одинъ деревянный Англичанинъ, сидѣвшій подлѣ насъ, хотѣлъ что-то сказать. По окончаніи обѣда мы еще разъ обнялись съ остающимися друзьями, крѣпко, крѣпко; они перешли на пароходъ Ольгу, и понеслись обратно въ Петербургъ. Долго еще размахивали и мы и они шляпами и платками. Наконецъ они исчезли....

Мы осмотрѣлись. Пароходъ Александра стоялъ на якорѣ между Кронштадтомъ и Кроншлотомъ. Что бы, кажется, теперь же сняться съ якоря, да и въ путь! Нѣтъ! должно дожидаться петербургской почты. Это, какъ говорятъ Нѣмцы, значитъ убить однимъ камнемъ двухъ птицъ. Но камень этотъ попадаетъ въ одну птицу — въ бѣднаго путешественника. Къ вечеру прибылъ изъ Петербурга пароходъ Берда съ остальными спутниками нашими. На кораблѣ *шумъ, гамъ и стрекотанье разно,* какъ говоритъ одинъ нашъ поэтъ. Я пытался заснуть — не тутъ-то было. Почты нѣтъ. Пароходъ не движется. Въ четыре часа утра вышелъ я на палубу. Солнце уже высоко. Одна нѣжная чета прогуливается по палубѣ. Жена ѣдетъ на теплыя воды. Мужъ проводилъ ее до Кронштадта,

и ждетъ почтовой шлюпки, чтобъ съѣхать съ парохода. Въ пять часовъ, наконецъ, появилась вожделѣнная шлюпка, нагруженная чемоданами; ихъ приняли на бортъ; капитанъ выдалъ расписку; нѣжный супругъ, поцѣловавъ любезную жену, опустился въ шлюпку, и у насъ начали поднимать якорь.

Пароходъ вскорѣ пришелъ въ движеніе, и понесся въ синюю даль.... Многіе изъ нашихъ соотчичей, грамотные и даже писатели, ѣздили на пароходѣ, и никто не потрудился описать его — не въ техническомъ, а въ жизненномъ отношеніи. Всѣ думаютъ: кто не знаетъ парохода! стоитъ только сходить на Англійскую Набережную. Но Петербургъ не вся Россія. Что намъ кажется вседневнымъ, обыкновеннымъ, даже ничтожнымъ, то можетъ быть весьма любопытно и занимательно для иногороднаго. И такъ для почтенныхъ моихъ читателей, въ Торжкѣ, въ Сингилеѣ, въ Семипалатинскѣ и въ Зашиверскѣ, намѣренъ я заняться поверхностнымъ описаніемъ прекраснаго парохода Александра, на которомъ скоро, счастливо и чрезвычайно пріятно перенесся я въ Германію. Пароходъ этотъ есть длинное и довольно широкое судно; во второй половинѣ его находится паровая машина, приводящая въ движеніе по одному большому колесу по обѣимъ сторонамъ. Эти колеса, вертясь, гребутъ воду широкими своими лапами, и приводятъ судно въ движеніе, какъ будто веслами. На случай попутнаго вѣтра есть на пароходѣ и паруса. Отъ другихъ судовъ пароходъ съ перваго взгляда отличается высокою

желѣзною трубою, изъ которой безпрестанно клубится черный дымъ; этотъ дымъ, въ случаѣ безвѣтрія, стоитъ надъ поверхностью моря длинною полосою. Путь парохода направляется обыкновеннымъ рулемъ. Въ случаѣ надобности можно остановить ходъ его въ одну секунду. Все приложено, все придумано къ успѣшному и безостановочному дѣйствію. Опасности во сто кратъ менѣе, нежели на другомъ мореходномъ суднѣ. Нельзя сказать, чтобъ ея не было вовсе; прошлою осенью пропали безъ вѣсти три англійскіе парохода; но сколько въ то же время погибло кораблей парусныхъ! Палуба, ровная, чистая, просторная, служитъ гульбищемъ для пассажировъ. Въ задней части (въ кормѣ) парохода находится каюта для пассажировъ — продолговатая, просторная, свѣтлая комната, въ которой завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ. По сторонамъ ея расположены спальныя каморки; въ каждой помѣщаются по два человѣка. Кровати устроены одна надъ другою; если товарищъ вашъ не расположенъ къ морской болѣзни, то лучше спать на нижней. Съ перваго взгляда кровати кажутся короткими, но въ самомъ дѣлѣ онѣ довольно длинны, только узковаты; спишь въ струнку, какъ во фронтѣ. Впрочемъ, въ срединѣ лѣта, пассажировъ бываетъ немного, и почти каждый изъ нихъ имѣлъ особую каморку. Въ другомъ отдѣленіи, сообщающемся съ первымъ посредствомъ корридора, въ которомъ устроена лѣстница для всхода на палубу, находятся жилища дамъ, то есть, такія же каморки, сообщающіяся съ залою менѣе первой.

Сюда воспрещенъ входъ мужчинамъ безъ особеннаго позволенія. Далѣе расположены фамильныя отдѣленія на двѣ, на три, на четыре особы. Еще далѣе находятся вторыя мѣста, въ которыхъ жить тѣснѣе и непріятнѣе, нежели въ первыхъ. За то они значительно дешевле: этими мѣстами пользуются люди небогатые, ремесленники, и т. п., которые, бывало, на купеческихъ корабляхъ помѣщались еще хуже. Есть еще мѣста для слугъ, служанокъ, кучеровъ и т. п. Посреди палубы возвышается кухня, въ которой кушанье готовится дѣйствіемъ пара. У насъ былъ поваромъ сѣдой мулатъ, жившій нѣсколько лѣтъ на Островѣ Св. Елены.

Главная бесѣда, на пароходахъ, о вѣтрѣ и погодѣ, а главное занятіе ѣсть и пить. Люди самые умѣренные и постные дѣлаются на морѣ жадными гастрономами, и считаютъ часы и минуты отъ одного стола до другаго. Поутру, часовъ въ восемь, утоляютъ первый голодъ чашкою кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ. Въ девять часовъ подаютъ чай, т. е. чай, свѣжія яйца въ смятку, ветчину, солонину и т. п. Въ три часа обѣдъ, сытный и хорошій. Припасы свѣжіе; хлѣбъ пекутъ ежедневно. Иногда подаютъ знаменитую гамбургскую солонину. Въ девять часовъ вечера ужинъ, такой, что послѣ этого должно часа два погулять по палубѣ. Въ промежутки наслажденій столомъ пассажиры занимаются бесѣдою, чтеніемъ, картами. Писать трудно, да и читать не очень ловко: буквы прыгаютъ въ глазахъ; хотя и нѣтъ качки, но отъ движенія

машины пароходъ подергивается ежесекундно, какъ бы въ лихорадкѣ. — Мы наслаждались пріятнѣйшею погодою, и у насъ не было ни одного больнаго. И тѣ, которыхъ укачало было на проѣздѣ отъ Петербурга до Кронштадта, не чувствовали въ послѣдствіи ни малѣйшей дурноты. Пароходомъ управлялъ капитанъ Дицъ, человѣкъ въ своемъ дѣлѣ искусный, рачительный, неутомимый, притомъ пріятный въ обращеніи, привѣтливый и веселый. Общество пассажировъ на Александрѣ было, какъ я уже сказалъ, весьма разнообразное, но хорошее и мирное. Въ числѣ пассажировъ обращалъ на себя вниманіе докторъ Гиндеманъ, изъ Кронштадта, родомъ Нѣмецъ, долго служившій во флотѣ. Лѣтъ за восемь предъ симъ онъ лишился употребленія обѣихъ ногъ отъ простуды, и съ тѣхъ поръ разъѣзжаетъ въкреслахъ на колесцахъ, но сохранилъ веселость нрава, любитъ бесѣдовать съ добрыми людьми, и слушать и разсказывать. Недавно получилъ онъ письмо изъ Оснабрюка отъ своей племянницы: она увѣдомляла его, что выходитъ замужъ, и изъявляла сожалѣніе, что онъ не можетъ быть у ней на свадьбѣ. Вздоръ! закричалъ старикъ, взялъ мѣсто на пароходѣ, перебрался туда съ вѣрнымъ своимъ служителемъ, отставнымъ матросомъ, и теперь ѣдетъ въ Оснабрюкъ. Для сухопутнаго проѣзда онъ взялъ съ собою дрожки. «Ein sonderbares Cariol!» говорили матросы въ Травемюнде, выгружая русскій экипажъ. Благополучный нашъ переѣздъ еще украшенъ былъ талантами и любезностью Гайцингеровъ.

За обѣдомъ и за ужиномъ раздавались у насъ прекраснѣйшія аріи и дуэты. Госпожа Гайцингеръ, которую мы произвели въ Амалію Егоровну, иногда и представляла намъ комическія сцены: берлинскую торговку, которая, читая Шиллерову Дѣву Орлеанскую, торгуется съ извощикомъ и бранится съ сосѣдкою; старуху, которая, взявъ книгу вверхъ ногами, сердится на мелкую печать нынѣшняго времени, и т. д.

Въ обѣдъ перваго дня миновали мы островъ Гохландъ; на другой, въ 11 часовъ до полудня, обогнули Дагерортъ. На третій прошли Эландъ и Готландъ; на четвертый утромъ, миновавъ Борнгольмъ, который остался у насъ въ лѣвой рукѣ, подошли къ шведскому городку Истадту (собственно Mariestadt), и взяли тамошнюю почту. Картина прекрасная. На зеленомъ скатѣ волнистаго берега виднѣлись бѣленькіе домики съ красными крышами. Посреди ихъ возвышалась колокольня церкви. Вѣтряныя мельницы размахивали крыльями. Въ зрительныя трубы можно было различить крестьянъ, работавшихъ въ полѣ. Какъ пріятенъ видъ берега и послѣ кратковременнаго морскаго плаванія! — Отъ Истадта мы неслись почти прямо къ югу. Начало попахивать свѣжимъ сѣномъ.

Въ сумерки затеплилась прямо противъ насъ лампадка — это маякъ травемюндскій. Прибылъ лоцманъ, и повелъ пароходъ къ устью Травы. Нетерпѣніе возрастало съ каждою минутою. Наконецъ, когда смерклось совершенно, часовъ въ десять, мы подошли къ берегу и бросили якорь. Сдѣлалась

ужасная сумотоха. Начали выгружать вещи, пожитки, товары. Кто съѣхалъ на берегъ, кто остался ночевать на пароходѣ, кто пересѣлъ на другой меньшій, чтобъ ѣхать прямо въ Любекъ. Я стоялъ въ грустномъ раздумьѣ на палубѣ, и смотрѣлъ, какъ поднимали мои вещи изъ трюма. Подлѣ меня стояли двѣ молодыя дамы съ маленькою дѣвочкою, и толковали, какъ имъ ѣхать однѣмъ. Положеніе ихъ было въ самомъ дѣлѣ затруднительное. Въ это время подошелъ ко мнѣ Гайцингеръ, и повторилъ предложеніе свое занять порожнее мѣсто въ его коляскѣ, до Любека.— «Нѣтъ, благодарю, вамъ и безъ меня будетъ тѣсно,» отвѣчалъ я, и приблизился къ дамамъ. «Если вамъ не достаетъ только спутника и охранителя въ дорогѣ,» сказалъ я имъ: «то я предлагаю вамъ мои услуги. Мнѣ самому и грустно и страшно на этомъ чужомъ берегу. Позвольте мнѣ ѣхать съ вами. Мнѣ будетъ казаться, что я все еще въ кругу моего семейства.» Дамы эти (первая изъ нихъ, жена извѣстнаго медика въ Петербургѣ, съ своею воспитанницею; вторая, дѣвица, сестра другаго почтеннаго нашего доктора) знали меня уже по Петербургу, но не воображали, чтобъ человѣкъ, который написалъ граматику и бранится въ журналахъ, могъ быть услужливъ и учтивъ въ обращеніи съ дамами; онѣ изумились, но приняли мое предложеніе съ благодарностью.— Въ глубокомъ мракѣ, доискавшись ощупью нашихъ чемодановъ, перебрались мы на малый пароходъ, Германію, и поплыли вверхъ по Травѣ къ Любеку. Это странствіе,

продолжавшееся часа два, было скучнѣе, затруднительнѣе и даже опаснѣе четырехсуточнаго плаванія на Александрѣ. Въ Травѣ много отмелей и вбитыхъ въ рѣку свай, которыхъ должно было рачительно избѣгать. Заунывный, иногда опасливый голосъ штурмана ежеминутно прерывалъ единообразный плескъ струй, разсѣкаемыхъ колесами парохода. Наконецъ остановились. Пошли опять шарить во мракѣ; кое-какъ выбрали свои вещи, и нагрузили ими нѣсколько нумерованныхъ носильщиковъ. Къ счастью, явилась какая-то колымага; мы сѣли въ нее и велѣли ѣхать въ Hôtel du Nord. Въѣхали въ городъ. Все спало. Улицы узкія. Домы высокіе съ узорчатыми крышами. Все что-то старинное, дикое, готическое. Колымага въѣхала во дворъ. Крыльце освѣтилось огнями. Появился учтивый трактирщикъ съ прислужниками, и повелъ насъ вверхъ. Гайцингеры встрѣтили насъ съ радостными восклицаніями. Амалія Егоровна приняла дамъ, и повела въ нанятую для нихъ комнату, а я отправился въ свой нумеръ, и съ несказаннымъ удовольствіемъ кинулся на неподвижную кровать, на мягкую перину. Хорошо, хорошо на пароходѣ, а все лучше, когда полъ подъ вами не колеблется, кровать не бьетъ въ бока, и волна не шепчетъ изъ-за тонкой перегородки: здѣсь гибель и смерть!

II.

Любекъ.

Часа въ четыре проливной дождь, сопровождаемый сильнымъ громомъ, разбудилъ меня. Я протеръ было глаза, но зажмурилъ ихъ опять отъ блесковъ молніи, и мысленно благодарилъ Бога, что эта гроза случилась не за сутки предъ тѣмъ. Громъ утихъ, и я уснулъ снова. Вставъ часу въ осьмомъ, я подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на улицу. Погода была ясная и тихая. Гроза освѣжила воздухъ. Мнѣ представилась картина патріархальной Германіи во всей своей прелести. Я былъ перенесенъ, какъ бы дѣйствіемъ волшебнаго жезла, изъ нашего юнаго, великолѣпнаго, свѣтлаго Петербурга въ средину старинной Ганзы, живой донынѣ своими нравами, обычаями и повѣрьями. Точно будто я вошелъ въ Михайловскій Театръ, и поднялась завѣса въ нѣмецкомъ представленіи! Предо мною возвышался рядъ домовъ высокихъ, узкихъ, островерхихъ, съ разнообразными вычурными украшеніями и надписями о построеніи и возобновленіи ихъ въ XV и XVI вѣкѣ, но чистыхъ, миловидныхъ, уютныхъ. Вотъ растворяется широкая дверь въ нижнемъ жильѣ одного дома; выходитъ чистенькая, въ бѣломъ чепчикѣ, старушка, садится на скамейкѣ подлѣ воротъ, подъ густою липою, вынимаетъ изъ корзиночки чулокъ, и начинаетъ вязать, посматривая на прохожихъ, а ихъ было еще немного:

школьникъ съ книгами подъ мышкою, служанка съ плетеною на рукѣ корзинкою, водоносъ съ полными ведрами. Но вотъ является знакомка: обѣ почтенныя гражданки раскланиваются; старушка приглашаетъ новопріѣзжую занять мѣсто подлѣ нея; онѣ садятся другъ подлѣ друга, и быстрыя движенія губъ ихъ, едва поспѣвающія за движеніемъ чулочныхъ спичекъ, доказываютъ, что время у нихъ не проходитъ попусту. Улица оживляется болѣе и болѣе: отпираются домы, лавки; изо всѣхъ воротъ и дверей выходятъ служанки, и начинаютъ чистить и обмывать мостовую. И какія служаночки! опрятненькія, бѣленькія! Жаль, что не берутъ отсюда на наши театры статистокъ для нѣмыхъ ролей. Да то бѣда: тогда перестали бы смотрѣть на актрисъ! — Вообще любопытно слѣдить за измѣненіемъ народныхъ физіономій: здѣсь, въ Любекѣ, и между самымъ простымъ народомъ найдете лица, совершенно схожія съ тѣми, которыя за нѣсколько сотъ лѣтъ писаны Гольбейномъ и Кранахомъ. Устройство домовъ здѣсь совершенно отличное отъ нашего. Собственныхъ дворовъ въ Любекѣ невидать; за то, въ нижнемъ ярусѣ каждаго дома, выходитъ широкою дверью на улицу родъ сарая, или большихъ сѣней, такъ называемая Hausflur. Подлѣ этихъ сѣней, съ обѣихъ сторонъ, помѣщается кухня, прачечная. Въ самой Hausflur хозяинъ обыкновенно занимается своимъ ремесломъ, производятся многія домашнія работы, лежатъ громоздкія вещи и т. п. Опрятность и порядокъ тамъ удивительные. Въ задней части Hausflur

стеклянная дверь ведетъ обыкновенно въ небольшой садикъ.

Часу въ девятомъ пошелъ я къ нашему консулу, г. Шлецеру, сыну знаменитаго историка, и долго не могъ найти его дома, по непонятному для меня указанію трактирнаго коммиссіонера. Я рѣшился спросить, гдѣ онъ живетъ, и вошелъ въ первую Hausflur. Мнѣ отвѣчали учтиво: извольте пройти еще три дома, по лѣвой рукѣ. Сначала показалось мнѣ, что я зашелъ въ магазинъ шелковыхъ или галантерейныхъ товаровъ, но осмотрѣвшись, увидѣлъ, что стою въ лавкѣ мясника: части говядины, телятины, бараньи головы и т. п. висѣли на стѣнахъ, лежали по столамъ, какъ модные чепцы и бальныя платья въ магазинахъ мадамъ Сихлеръ или Ксавье!

Я вскорѣ нашелъ искомый мною домъ, по надписи: *Russisch-Kaiserliches Consulat*. Вхожу въ Hausflur — нѣтъ никого; далѣе, въ контору — ни души. Книги, бумаги, письма, деньги лежатъ на столахъ и конторкахъ. Воротясь въ Hausflur, я началъ кашлять и шаркать; появилась служанка, и объявила, что г. консулъ еще не пріѣзжалъ съ дачи, а молодой господинъ дома. Въ самомъ дѣлѣ, скоро пришелъ сынъ г. Шлецера, Несторъ, воспитывавшійся въ Россіи, и видавшій меня въ Петербургѣ, и привѣтствовалъ меня по-русски. — «Помилуйте,» сказалъ я ему: «у васъ всѣ двери стоятъ настежь. Какъ вы не боитесь воровъ?» Онъ успокоилъ меня замѣчаніемъ, что воровство у нихъ, въ Любекѣ, вещь почти вовсе неслы-

ханная, и что тамошняя полиція совершенно ограждаетъ мирныхъ жителей.—Вскорѣ пріѣхалъ г. Шлецеръ, отецъ, и принялъ меня очень ласково. Я бесѣдовалъ съ нимъ о многихъ предметахъ и случаяхъ, любопытныхъ для насъ обоихъ, и съ удовольствіемъ и благоговѣніемъ смотрѣлъ на прекрасный портретъ безсмертнаго отца его, съ русскою надписью: *Лѣта вѣчная помянухъ*. Г. Шлецеръ, замѣтивъ мое любопытство, обѣщалъ ко вторичному моему пріѣзду припасти гравированную съ него копію, мнѣ на память.

Послѣ этого визита оставалось мнѣ два часа времени. На обратномъ пути въ Hôtel du Nord, я осматривалъ нѣкоторыя улицы и площади города, любопытныя и почтенныя своею неподдѣльною стариною, пріятныя на взглядъ опрятностью. У ратуши, изукрашенной готическими вычурами среднихъ вѣковъ, стояли солдаты ганзеатическаго легіона — не тѣ старинныя карикатуры, которыми славились имперскіе города во время оно. Выправка ихъ, правда, не наша молодецкая, но онѣ бодры, поворотливы, и на распросы мои отвѣчали учтиво и умно. Мундиры ихъ покроемъ и цвѣтомъ похожи на наши армейскіе, только пуговицы на нихъ въ два ряда, какъ у Прусаковъ; кивера ниже нашихъ и сверху шире, какъ кучерскія шляпы. — Подлѣ ратуши находится биржа, а подъ нею *погребъ городоваго совѣта* (Rathskeller), необходимая принадлежность всякой германской ратуши: въ этомъ погребѣ хранилось, въ теченіе столѣтій, заповѣдное вино, и отпускалось только при большихъ

случаяхъ и для больныхъ. Въ нынѣшнія времена это просто погребъ, какъ и всякій другой.

«Что всего любопытнѣе въ Любекѣ?» спросилъ я у хозяина трактира. «Двѣ старинныя церкви,» отвѣчалъ онъ: «Св. Маріи и соборная. Совѣтую посмотрѣть ихъ, если вы хотите полюбоваться германскою стариною. Наемный слуга васъ проводитъ.» Я отправился сперва въ церковь Св. Маріи — зданіе старинное, огромное, величественное, превосходное произведеніе готической архитектуры. Своды выведены высокіе и острые; окна стрѣльчатыя. Деревянная рѣзная работа, позолота и живопись среднихъ временъ. Эта церковь, какъ и прочія, построена во время владычества католическаго исповѣданія, но въ ней нѣтъ слѣдовъ того пуританскаго фанатисма, съ которымъ католическіе храмы превращены въ протестантскіе въ Женевѣ и Лозаннѣ. Католическіе образа, изваянія, надписи сохранились въ цѣлости, и тщательно поддерживаются. Измѣнена только форма престола, и вынесены исповѣдныя, какъ излишнія при новыхъ обрядахъ. Такимъ образомъ, въ здѣшнихъ церквахъ уцѣлѣли многія достопамятности среднихъ вѣковъ, истребленныя въ другихъ странахъ протестантскихъ. Органы считаются въ числѣ самыхъ большихъ и лучшихъ во всей Германіи. Позади алтаря находятся астрономическіе часы, сооруженные въ 1405 году неизвѣстнымъ художникомъ, исправленные потомъ по системѣ Коперника, и въ 1809 снабженные столѣтнимъ календаремъ. Ровно въ полдень, съ послѣднимъ

ударомъ двѣнадцати часовъ, выходятъ изъ дверецъ надъ часами семь курфирстовъ бывшей Римской Имперіи, и самъ императоръ; онъ останавливается по срединѣ; курфирсты проходятъ мимо и кланяются ему; потомъ всѣ уходятъ въ противоположныя дверцы. Фигуры величиною въ поларшина. Механисмъ придуманъ очень замысловато. — Въ одномъ придѣлѣ находится прекрасная картина, представляющая входъ Спасителя въ Іерусалимъ, трудовъ молодаго любекскаго гражданина Овербека, живущаго теперь въ Римѣ. Онъ сынъ или племянникъ любекскаго сенатора Овербека, германскаго Беранже, автора многихъ прекрасныхъ пѣсенъ, сдѣлавшихся народными, какъ напримѣръ знаменитая: Freut euch des Lebens. — Въ особомъ отдѣлѣ, между широкими готическими столбами, помѣщается извѣстный танецъ мертвыхъ: смерть ведетъ на тотъ свѣтъ короля и папу, кардинала и воина, купца и невѣсту. Эта картина, состоящая изъ множества фигуръ, любопытна особенно потому, что даетъ точное понятіе о костюмахъ среднихъ вѣковъ. — Соборная церковь (Domkirche) уступаетъ древностью и огромностью предъидущей, но не менѣе любопытна, какъ архитектурою, такъ и многими памятниками сѣдой старины. На одной стѣнѣ ея изображенъ на бѣломъ грунтѣ олень, преслѣдуемый охотникомъ. Это знаменитѣйшая любекская легенда. Преданіе говоритъ, что Карлъ Великій, забавляясь охотою на мѣстѣ Любека, покрытомъ въ то время густымъ лѣсомъ, поймалъ прекраснаго оленя и, пожа-

левъ убить его, надѣлъ на него богатое ожерелье и пустилъ на волю. Лѣтъ чрезъ четыреста Генрихъ Левъ на этомъ самомъ мѣстѣ убилъ этого оленя, у котораго между рогами выросъ двойной золотой крестъ. Найденное на немъ драгоцѣнное ожерелье употреблено было на постройку церкви, а двойной крестъ внесенъ въ гербъ ея капитула. Надъ хоромъ изображенъ левъ, въ память Генриха. — По сторонамъ, между столбами, находятся гробницы любекскихъ епископовъ, патриціевъ и другихъ знаменитыхъ людей. Иконостасъ украшенъ удивительною рѣзьбою изъ дерева; каѳедра искусно изваяна изъ камня; бронзовая купѣль покрыта множествомъ обронныхъ изображеній, свидѣтельствующихъ объ успѣхахъ искусствъ въ средніе вѣки: я замѣтилъ въ нихъ *нѣкоторое* сходство съ новгородскими вратами. Но важнѣйшія художественныя произведенія въ этой церкви суть: прекраснѣйшее каменное изваяніе Пресвятой Дѣвы, трудовъ плѣнника, съ подписью 1509 года, и еще изображеніе Страстей Господнихъ, на трехъ картинахъ, въ двадцати трехъ группахъ. Эти картины отличаются въ числѣ лучшихъ произведеній германской школы, живостью изображеній, тщательностью отдѣлки и яркостью красокъ. Недостатки перспективы, соразмѣрности и строгой правильности рисунка исчезаютъ въ неотъемлемыхъ красотахъ этого мастерскаго произведенія. Полагаютъ, что эти картины написаны Гансомъ Гемлингомъ въ 1451 году.

Я долго стоялъ предъ ними и разглядывалъ ихъ

подробности, разнообразныя, мелкія, богатыя. Каждая травка отдѣлана, какъ на картинкахъ въ естественной исторіи. Вдругъ ударилъ колоколъ. Я вздрогнулъ и взглянулъ на огромные часы, на хорахъ. Стрѣлка показывала полдень. Скелетъ, изображающій время, билъ молотомъ часы. Въ срединѣ циферблата изображено въ солнцѣ лице человѣческое: глаза двигались въ ту и другую сторону, съ каждымъ движеніемъ маятника.

Пора ѣхать изъ Любека! Взглянувъ еще разъ съ любопытствомъ и сожалѣніемъ на эту громаду памятниковъ среднихъ временъ, и поблагодаривъ учтиваго и образованнаго кистера, который показывалъ и толковалъ мнѣ эти рѣдкости, вышелъ я изъ церкви на свѣжій воздухъ. На лугу играли миловидныя дѣти; торговцы и торговки проходили по улицѣ; на площадкѣ учился взводъ солдатъ. Мнѣ чудилось, когда я глядѣлъ на всѣ эти лица, что изображенія, видѣнныя мною въ церкви, сняты не за триста или четыреста лѣтъ предъ этимъ, а третьяго дня, вчера, сегодня, съ этихъ самыхъ лицъ, которыя теперь мнѣ встрѣчаются. — Любекъ заслуживаетъ вниманія сѣвернаго, русскаго путешественника и въ историческомъ отношеніи. Древнѣйшіе обитатели береговъ Травы и здѣшняго поморья были Славяне. Самое имя Любека не германское. Славянскій Князь Любый, въ началѣ девятаго вѣка, срубилъ городокъ при впаденіи рѣки Швартовы въ Траву, и назвалъ его *Любыкъ*. И теперь видны тамъ слѣды стариннаго городища. Въ

половинѣ XII вѣка графы голстинскіе завели по берегамъ Травы нѣмецкія колоніи; но дикіе, воинственные Славяне неоднократно ихъ опустошали. Генрихъ Левъ, Герцогъ Саксонскій и Баварскій, побѣдилъ Славянъ, покорилъ ихъ грады и веси, и принудилъ ихъ принять христіанство. Съ тѣхъ поръ германскій духъ водворился на берегахъ Балтики. Въ послѣдствіи Любекъ вошелъ въ мирныя торговыя сношенія съ Новымъ-городомъ. Донынѣ есть въ Любекѣ *Новгородская Контора* (Schlüsselbuden, № 196). — Я шелъ домой медленно, посматривая по обѣ стороны улицы на готическіе домы, въ которыхъ живали наши новгородскіе бородачи посреди древнихъ любскихъ гражданъ, красовавшихся въ черныхъ мантіяхъ, съ бѣлыми брыжами.....

Спутницы мои уже были готовы къ отъѣзду. Мы наняли до Гамбурга четвероместную, очень порядочную коляску, тройкою, за пять червонцевъ. Дорога эта составляетъ слишкомъ 60 верстъ — не дорого! Но за то, что за дорога! Она напомнила мнѣ путешествіе мое, въ 1833 году, отъ Москвы къ Троицкой Лаврѣ, куда я ѣздилъ съ сѣверо-американскимъ посланникомъ, г. Бухананомъ, и португальскимъ секретаремъ посольства, Г. Герреро. Наша русская дорога, по крайней мѣрѣ, вездѣ ровно плоха, а нѣмецкая дурна съ варіаціями. Выѣхавъ изъ Любека, мы катились версты двѣ по хорошему шоссе; но вдругъ бѣлый съ красными полосками шлагбаумъ возвѣстилъ намъ о вступленіи нашемъ въ датскія

владѣнія, и о томъ, что начинается искусъ. Съ насъ взяли пошлину за шоссе на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оно прекращается! Пошли толчки, пинки. Дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вымощена, а выложена по срединѣ крупнымъ булыжникомъ, который очень часто разступается подъ колесами и накрениваетъ экипажъ. Ѣдучи же краемъ, того и смотри, что опрокинешься въ канаву. Въ рѣдкія минуты ровной ѣзды по сыпучему песку, любовались мы сельскими усадьбами по дорогѣ. Опрятные домики, съ свѣтлыми окнами, окруженные садами, въ которыхъ цвѣтутъ пышныя розы, казались намъ не крестьянскими избами, а загородными домами зажиточныхъ гражданъ. Мы обѣдали въ Шёнебергѣ, довольно порядочно. Когда смерклось, въѣхали мы въ знаменитый *Вандсбекъ*, гдѣ жили и писали Штольбергъ, Клаудіусъ и другіе классическіе авторы золотаго вѣка германской литературы. Датское правительство искони покровительствовало наукамъ и словесности: оно награждало пенсіями великихъ писателей Германіи, давало имъ у себя пріютъ и пропитаніе. Было время, что званіе писателя служило паспортомъ въ богадѣльню. Обогащались книгопродавцы, наслаждалась публика, а поэтъ умиралъ съ голоду.

Версты черезъ двѣ, пошли загородные домики, составляющіе предмѣстье Гамбурга. Всѣ они въ одинъ, много въ два этажа. Изъ-за чистыхъ оконъ, уставленныхъ цвѣточными горшками, свѣтятся огни. Передъ домами тянутся рядомъ густыя липы. Какое-то выра-

женіе тишины, спокойствія и довольства выглядывало изъ каждаго окна. Тутъ опять пошло ровное шоссе, и мы отдохнули. — Самыя дурныя дороги въ сѣверной Германіи пролегаютъ по датскимъ владѣніямъ. Такъ, напримѣръ, изъ Берлина ѣдешь въ Гамбургъ, чрезъ Пруссію и мекленбургскія владѣнія, по прекраснѣйшему шоссе, но съ Бойценбурга начинается головоломная ѣзда чрезъ лауэнбургскую область, принадлежащую Даніи, и продолжается до начала гамбургской земли. Что этому причиною? Недостатокъ денегъ? Нѣтъ! Граждане Гамбурга и Любека берутся устроить на свои деньги хорошее сообщеніе между обоими городами, и прусское правительство давно домогается только согласія Даніи на продолженіе шоссе отъ Берлина до Гамбурга. Причиною этому — расчетъ. Жители пограничныхъ датскихъ областей боятся лишиться дохода за провозъ товаровъ чрезъ ихъ мѣстечки, когда ганзейскіе города будутъ имѣть, между собою и Пруссіею, легкое и удобное сообщеніе. Нечего сказать, великодушно! — Говорятъ, что какая-то англійская компанія берется построить на свой счетъ, между Гамбургомъ и Любекомъ, желѣзную дорогу, и возить товары и путешественниковъ на паровыхъ фурахъ. Хорошо, да что-то не вѣрится: слишкомъ хорошо!

Вотъ и городскія ворота Гамбурга! — «Куда прикажете ѣхать?» спрашиваетъ извощикъ. — «Куда! въ Hôtel de Russie.» Насъ привезли къ освященному яркими фонарями подъѣзду большаго дома, на людной

улицѣ. Нѣсколько прислужниковъ высыпало къ намъ на встрѣчу. Мы вошли въ гостиницу. Въ большой столовой залѣ нашли мы нѣсколько нашихъ спутниковъ и спутницъ съ парохода, и обрадовались имъ, какъ старымъ знакомымъ. Всѣ занимались однимъ — ужиномъ. Сытный гамбургскій столъ, извѣстный во всей Германіи, вознаграждалъ странниковъ за умѣренныя трапезы на дорогѣ. Въ антрактахъ раздавались возгласы на ужасную дорогу отъ Любека. Подлѣ госпожи Гайцингеръ сидѣлъ директоръ гамбургскаго театра, искусный актеръ и счастливый комическій писатель, Лебренъ. Узнавъ о ея пріѣздѣ, онъ, по окончаніи спектакля, явился къ ней съ просьбою сыграть раза два въ Гамбургѣ; но она рѣшительно отказалась, спѣша явиться къ сроку въ Карлсру. Лебренъ, по общему свидѣтельству, въ этотъ вечеръ прекрасно сыгралъ роль пьянаго.

Мнѣ отвели на ночь какое-то стойло. Въ эту гостиницу пріѣзжаетъ столько путешественниковъ, что хозяинъ нашелся принужденнымъ разгородить одну большую залу на нѣсколько отдѣленій. Тѣсно, неуютно, скучно. Но дѣлать нечего. Утро вечера мудренѣе!

III.

Гамбургъ.

Первый взглядъ на Любекъ возбуждаетъ въ путешественникѣ воспоминанія о почтенной старинѣ, а

картина Гамбурга, дѣятельнаго, шумнаго, обновленнаго, радуетъ настоящимъ. Выбравшись поутру изъ стойла, которое обращалось окномъ на тѣсную улицу, я вышелъ на главный подъѣздъ гостиницы, на знаменитомъ гамбургскомъ гульбищѣ, der Jungfernstieg (дѣвичья тропа). Какъ мило и привлекательно! Вокругъ большаго, четвероугольнаго водоема (съ перваго взгляда не видать, рѣка ли это или прудъ) тянутся ряды великолѣпныхъ зданій; по берегу идетъ усаженный липами бульваръ, кипящій народомъ. Нѣтъ! я ни за что не останусь въ моемъ стойлѣ. «Нѣтъ ли у васъ порожнихъ комнатъ на улицу?» спросилъ я у хозяйскаго сына. — «Есть, но ихъ бережемъ для генеральши N., которая пріѣдетъ сюда сегодня.» — «Ну, такъ ждите меня, когда я буду генераломъ!» сказалъ я трактирному аристократу, и пошелъ искать себѣ другаго пріюта. Онъ скоро нашелся. Въ концѣ гульбища, на самомъ углу, возвышается высокое зданіе съ надписью: *Hôtel du Belvedère*. Изъ него видъ простирается во всѣ стороны, и главный бульваръ видѣнъ во всю длину. Мнѣ отвели въ нижнемъ ярусѣ два отдѣленія; окошки ихъ выходили на лицевую сторону. Я поспѣшилъ воротиться за моими спутницами, которыхъ въ Hôtel de Russie отправили на чердакъ, не далеко отъ небеснаго свода. Онѣ тамъ горько скучали, и крайне обрадовались новому нашему жилищу. Переправа была исполнена въ полчаса. Между тѣмъ воротились мы въ Hôtel de Russie, чтобъ проститься съ своими пароходными спутниками. Мы

сѣли за роскошный завтракъ, въ ожиданіи той минуты, въ которую разъѣдемся во всѣ стороны, можетъ быть, на вѣки. Всѣ толковали о Россіи; всѣ иностранцы изъявляли искренню любовь къ нашему отечеству, и желали скорѣе къ намъ воротиться. «Es lebe Russland!» вскричалъ одинъ взявшись за бокалъ! — «Знаете ли вы,» спросилъ я ихъ, «въ какой день пьете за благо Россіи? Сегодня рожденіе нашего Государя!» — «Въ самомъ дѣлѣ!» закричали всѣ: «Es lebe der Kaiser von Russland! Ура!» — Тостъ этотъ произнесенъ былъ на чужой сторонѣ, большою компаніею, въ которой Русскихъ было только два человѣка, но съ такою же искренностью, съ такимъ же восторгомъ, какъ бы въ Москвѣ или Петербургѣ. Въ немъ участвовалъ мой старинный знакомецъ и пріятель, нашъ вице-консулъ въ Гамбургѣ, Ѳома Ефимовичъ Масъ, бывшій за двадцать пять лѣтъ предъ симъ моимъ ученикомъ въ Петровской Школѣ. Узнавъ о пріѣздѣ моемъ въ Гамбургъ, онъ тотчасъ меня отыскалъ, и сдѣлался съ тѣхъ поръ моимъ путеводителемъ. Отъ этого обстоятельства, думаю я, жизнь въ Гамбургѣ мнѣ такъ понравилась: и самый городъ, и жители его, и весь тамошній бытъ произвели во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. Я говорилъ съ Масомъ по-русски, могъ спросить у него обо всемъ, что мнѣ встрѣчалось; могъ, безъ обиняковъ, не боясь оскорбленія предразсудковъ народныхъ, говорить ему и мое мнѣніе.

Возвращаясь домой, я находилъ моихъ любез-

ныхъ спутницъ, бесѣдовалъ съ ними какъ съ родными, и менѣе нежели гдѣ нибудь чувствовалъ свое одиночество и удаленіе изъ отечества. Когда вы начинаете распрашивать путешественника о чужихъ краяхъ, всегда предварительно освѣдомляйтесь, въ какомъ онъ былъ расположеніи духа. Въ глазахъ человѣка есть такія же разноцвѣтныя стеклышки, какъ на театральныхъ закулисныхъ лампахъ: внутренній свѣтъ лампы все тотъ же, но цвѣтъ всѣхъ окружныхъ предметовъ перемѣняется отъ того, сквозь какое стекло проходитъ первый. Немногіе дни пребыванія моего въ Гамбургѣ провелъ я безъ малѣйшаго огорченія, въ кругу людей почтенныхъ и любезныхъ — отъ этого и Гамбургъ мнѣ понравился болѣе другихъ мѣстъ Германіи.

Распростившись съ добрыми Гайцингерами, и взявъ съ нихъ слово, что они при первой возможности опять посѣтятъ Петербургъ, я отправился съ Масомъ на гамбургскую биржу. Тутъ въ первый разъ представилось мнѣ движеніе богатаго торговаго нѣмецкаго города, кипящаго жизнію и дѣятельностью. Улицы кривыя и тѣсныя; домы высокіе, узкіе; нижніе ярусы состоятъ изъ лавокъ и магазиновъ. Народъ на улицахъ волнуется безпрерывно. Вотъ древняя ратуша, украшенная старинными статуями императоровъ римскихъ! Вотъ пресловутый Гамбургскій Банкъ! Въ подвалахъ его, омываемыхъ каналомъ, хранятся сокровища, золото и серебро въ полосахъ. Даву разграбилъ его, но королевское французское прави-

тельство уплатило большую часть. Остальная дополнена въ послѣдствіи благоразумнымъ управленіемъ. Вотъ извѣстный *Эймбекскій Домъ* (das Eimbecksche Haus), о которомъ безпрестанно читаешь въ гамбургскихъ газетахъ. Домъ этотъ, называемый и *высокимъ* (das hohe Haus), построенъ въ 1325 году для продажи въ немъ знаменитаго тогда эймбекскаго пива, а нынѣ заключаетъ въ себѣ разныя конторы: страховую, таможенную и лоттерейную, аукціонную камеру для публичной продажи недвижимыхъ имуществъ и кораблей, коммерческій судъ и коммисаріатъ. Подъ нимъ находится погребъ городоваго совѣта, учрежденный въ 1326 году. У входа грубая статуя Бахуса, а внутри древнія бочки (Mutterfässer) съ рейнскимъ и мозельскимъ виномъ 1620 года. Французы домогались прибрать къ рукамъ и устамъ это святилище (Heiligthum, какъ называютъ его здѣсь), но Гамбургцы уступили банкъ, а вина не выдали. Народъ со вкусомъ!

Вотъ и биржа! Небольшое пространство, ступенями двумя ниже улицы, обведенное старинною рѣшеткою. Надъ частью его надстроена, въ половинѣ XVI вѣка, биржевая зала, на четырнадцати двойныхъ колоннахъ, оклеенныхъ множествомъ объявленій и афишъ. Посреди площади возвышается на столбѣ черная доска: на ней большими бѣлыми буквами изображены имена злостныхъ банкротовъ. Тысячи людей, во фракахъ и сюртукахъ, большая часть съ сигарами во рту, всѣ въ шляпахъ, толпились на биржѣ и въ окрестныхъ

улицахъ. На биржевое время ставятъ въ этихъ улицахъ караулъ, прекращаютъ проѣздъ экипажей, и не позволяютъ никому проходить съ ношею. Гамбургскіе жители соглашаются, что помѣщеніе ихъ биржи тѣсно, неудобно, непріятно, и говорятъ, что со временемъ непремѣнно выстроятъ для нея другое, приличнѣйшее зданіе. Для замѣны этого недостатка, сооружена, въ 1804 г., такъ называемая биржевая палата (Börsenhalle), недалеко отъ биржи. Тамъ купцы находятъ, за небольшую въ годъ плату, всѣ удобства для отправленія дѣлъ своихъ. Главное удобство въ томъ, что они въ ней въ ненастное и холодное время охранены отъ дѣйствія враждебныхъ стихій. При входѣ въ палату, на черныхъ доскахъ, написаны мѣломъ извѣстія о времени полученія иностранныхъ почтъ. Нижній ярусъ служитъ залою собранія. Въ верхнемъ газетная комната, — огромная зала, уставленная столами. Надъ каждымъ столомъ надпись: газеты англійскія, французскія, голландскія, русскія.

Подлѣ залы редакція извѣстной коммерческой и политической гамбургской газеты: Liste der Börsenhalle, которая выходитъ по вечерамъ, и сообщаетъ своимъ подписчикамъ извѣстія 14 часами прежде другихъ газетъ. Сверхъ того, стоитъ посреди газетной комнаты черная доска, на которой всякъ можетъ написать о новомъ, полученномъ имъ извѣстіи. Господинъ Масъ познакомилъ меня тутъ же съ учредителемъ и хозяиномъ этой палаты, г. фонъ Гострупомъ, человѣкомъ образованнымъ, умнымъ и привѣтливымъ.

Въ его кабинетѣ нашелъ я разнообразное, пріятное общество иностранныхъ дипломатовъ, гамбургскихъ банкировъ, и тутъ же былъ приглашенъ на нѣсколько обѣдовъ. — Оставивъ Маса любоваться прейскурантами и наслаждаться курсомъ, я пошелъ бродить по городу, и вскорѣ увидѣлъ прелюбопытную картину — гамбургское погребеніе. Хоронили молодаго врача Симонсена, человѣка достойнаго и всѣми уважаемаго. Впереди ѣхалъ, въ двумѣстной каретѣ, запряженной двумя тучными лошадьми, церемоніймейстеръ въ черномъ одѣяніи. За нимъ везли гробъ на дрогахъ, запряженныхъ также парою лошадей, въ черныхъ попонахъ. Гробъ покрытъ чернымъ сукномъ, безъ херувимчиковъ и т. п. За дрогами шли шестнадцать человѣкъ, по два въ рядъ, въ черномъ платьѣ, въ короткихъ испанскихъ плащахъ, съ широкими вокругъ шеи брыжами, при шпагахъ, въ башмакахъ, въ бѣлонапудренныхъ круглыхъ парикахъ. Я сначала подумалъ, что это духовенство, но подошедъ поближе, и разглядѣвъ ихъ деревянныя, безтолковыя физіономіи, увѣрился, что это народъ рядовой. Потомъ объяснили мнѣ, что это верховые служители ратуши, гвардія сената, необходимая примѣсь всякаго чрезвычайнаго торжества. На погребеніяхъ ходятъ они, какъ я описалъ выше; гостей на свадьбы приглашаютъ они въ красномъ нарядѣ, обшитомъ галунами, расчесавъ волосы, съ парадною шляпою подъ мышкой, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ. Въ случаѣ выѣзда бургомистровъ на охоту и при другихъ экстренныхъ

происшествіяхъ являются они грозными брамарбасами, верхомъ, въ драгунскихъ колетахъ и каскахъ, съ саблями и ружьями. — Вслѣдъ за гробомъ ѣхали нѣсколько каретъ, но въ нихъ сидѣли одни мужчины: здѣсь женщины при погребеніяхъ не бываютъ. Что городъ, то норовъ. Я подумалъ при этомъ, какъ странны должны быть въ глазахъ иностранца наши петербургскіе обряды: факелы, при солнечномъ свѣтѣ; провожатые въ раздранныхъ, черныхъ порыжѣлыхъ мантіяхъ и круглыхъ шляпахъ съ широкими, *изузоренными*, какъ нынѣ говорятъ (и пишутъ!) полями; сквозь прорѣхи проглядываетъ смурый кафтанъ, или отслужившая 18 кампаній солдатская шинель; на козлахъ, въ черной же мантіи, пьяная, брадатая рожа, которая сегодня послѣ обѣда свезетъ васъ на Крестовскій Островъ. Одно у насъ лучше, и это важнѣе всѣхъ наружныхъ обрядовъ: это благоговѣйное уваженіе народа къ праху почившаго брата, къ какой бы религіи онъ ни принадлежалъ. Въ Гамбургѣ не замѣтилъ я ни малѣйшагȯ тому слѣда: прохожіе безчувственно глазѣли на поѣздъ.

Вечеромъ, въ угожденіе моимъ спутницамъ, отправился я съ ними въ театръ. Давали оперу Обера: Маскарадъ, или Смерть Густава III. Театръ просторенъ и хорошо выстроенъ. Декораціи прекрасныя — трудовъ искуснаго живописца Кокки, который былъ у насъ въ Петербургѣ прошлаго года, и написалъ нѣкоторыя декораціи Роберта. Музыкою я не могъ наслаждаться, слыша ее въ первый разъ. По мнѣ, му-

зыка тогда доставляетъ намъ удовольствіе, когда мы знаемъ ее почти наизусть. Въ первый же разъ она мнѣ кажется какимъ-то предисловіемъ къ чему-то. Да и пѣвцы были ординарные. Содержаніе оперы было бы непріятно и огорчительно для всякаго нравственнаго чувства, если бъ не было до крайности нелѣпо! Выставить на позорище одного изъ достойнѣйшихъ государей Европы, современника многихъ изъ насъ, какимъ-то приторнымъ селадономъ, который волочится за придворною дамою, назначаетъ ей свиданіе, и падаетъ отъ руки оскорбленнаго мужа. Гдѣ совѣсть? гдѣ приличіе! Да тутъ музыка сферъ отзовется въ душѣ скрипомъ немазаннаго колеса! Ужаснѣйшая духота въ залѣ, при несносномъ жарѣ, довершила мое мученье. Оно достигло высшей степени, когда я увидѣлъ балетъ гамбургскій. Толкучій рынокъ! — Нѣтъ! прости, гамбургскій театръ! впередъ не заманишь. Проводивъ домой моихъ дамъ, я пошелъ еще освѣжиться на вечернемъ воздухѣ, и изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное нелѣпымъ спектаклемъ. Слышу, на улицѣ, звуки музыки. Что это? Человѣкъ пожилой играетъ на скрипкѣ, дѣвушка миловидная на арфѣ. Они поютъ нѣмецкія народныя пѣсни; имъ вторитъ прекрасный альтъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Я съ удовольствіемъ ихъ слушалъ; простые безъискусственные звуки вытѣснили изъ памяти моей слышанное въ театрѣ. Когда они спѣли двѣ аріи, я далъ имъ бездѣлицу, и попросилъ пропѣть еще что нибудь. Но видно, что singen Sie noch etwas,

произнесено было: *зингенъ зи нохъ этвасъ.* Они по произношенію моему узнали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и запѣли (разумѣется нѣмецкими словами): «Вотъ мчится тройка удалая!» Я выслушалъ ихъ съ большимъ наслажденіемъ, и заплатилъ вчетверо. — Вообще хотите ли знать, по какимъ примѣтамъ узнаютъ насъ въ Германіи? — Во-первыхъ, не скроется наше произношеніе. Какъ ни старайся выговаривать: *майнъ, дайнъ,* а русскій *ъръ* непремѣнно измѣнитъ. Во-вторыхъ, узнаютъ насъ по запаху. Вы не вѣрите! По запаху русской кожи на нашихъ сапогахъ. Вотъ что значитъ — Русью пахнетъ! — Въ-третьихъ, по нашей манерѣ пить вино. Нѣмецъ понемногу прихлебываетъ изъ рюмки, и старается продлить удовольствіе. Французъ процѣживаетъ вино сквозь зубы, чтобъ насладиться букетомъ; у насъ, въ Россіи, опоражниваютъ стаканъ залпомъ. Когда я сегодня, отъ всеусердія, попашему хватилъ бокалъ шампанскаго за любезный намъ тостъ, Масъ съ восторгомъ бросился ко мнѣ на шею, и воскликнулъ: Россія не измѣнилась!

IV.

Гамбургъ.

Во всѣхъ географіяхъ печатаютъ, что вольный ганзейскій городъ Гамбургъ лежитъ на берегу Эльбы;

но вы можете прожить въ Гамбургѣ нѣсколько дней, недѣль и мѣсяцевъ, побывать во многихъ людныхъ частяхъ его, осмотрѣть разныя зданія и любопытныя мѣста — и не видать Эльбы. Гамбургъ прислоняется къ этой рѣкѣ западною своею частью, гдѣ находятся пристани, пакгаузы, амбары, жилища кораблехозяевъ и тому подобныя отдѣленія большаго торговаго города, обращающія на себя вниманіе статистика, негоціанта, а не досужаго путешественника, ищущаго гульбищъ, зрѣлищъ, хорошихъ зданій, всенародныхъ монументовъ. Западная часть Гамбурга застроена высокими, старинными, некрасивыми домами, лежащими на самомъ краю Эльбы (Vorsätze): тамъ увидите однихъ матросовъ, дрягилей, поденщиковъ и т. п. Гамбургскіе жители смѣются надъ великимъ германскимъ поэтомъ Шиллеромъ, который, въ одной изъ своихъ трагедій (Коварство и любовь), заставляетъ героиню прогуливаться въ Гамбургѣ по берегу Эльбы! Жители внутреннихъ странъ Германіи спѣшатъ въ Гамбургѣ въ гавань, чтобъ насладиться картиною приморскаго порта, и не могутъ нахвалиться этимъ оригинальнымъ зрѣлищемъ. Для меня, всегдашняго жителя петербургскаго, эта картина была вовсе неоригинальна. То же, что у насъ на биржѣ и въ Кронштадтѣ. Эльба раздѣляется здѣсь на многіе рукава, образующіе нѣсколько низменныхъ островковъ, покрытыхъ тучною зеленью. По ту сторону рѣки лежатъ обширные огороды и сады, въ которыхъ разводятъ овощи и зелень для потребленія города. Торговки, въ большихъ лод-

кахъ, безпрестанно переправляются чрезъ рѣку. Подлѣ берега цѣлый лѣсъ мачтъ корабельныхъ. Нѣсколько пароходовъ стоятъ на якорѣ. Сегодня или завтра отправятся они въ Лондонъ, Амстердамъ или Гавръ; въ нѣсколько часовъ перенесутъ васъ за тридевять земель. Любо! Были бы деньги да время!

Лучше поведу васъ въ восточную часть, свѣтскую, шумную, разнообразную. Гамбургъ лежитъ между между двумя рѣками, широкою Эльбою и небольшимъ Альстеромъ, приближающимся къ нему съ восточной стороны. Эта послѣдняя рѣка, до вступленія въ городъ, расширяется большимъ водоемомъ и, наполнивъ водою своею городскіе рвы, сообщается съ Эльбою посредствомъ каналовъ, снабженныхъ шлюзами для удержанія напора эльбской воды при морскомъ приливѣ. Изъ Эльбы проведены въ городъ еще многіе другіе каналы, называемые Fleeten: они проходятъ вплоть у самыхъ домовъ, съ задней ихъ стороны, и служатъ для подвоза товаровъ къ самымъ амбарамъ, а въ случаѣ пожара даютъ возможность имѣть вездѣ достаточное количество воды. Во время отлива, эти каналы мелѣютъ до самаго дна, но это не причиняетъ ни малѣйшаго вреда здоровью и чистотѣ воздуха. Испаренія со дна не имѣютъ времени подняться до наступленія новаго прилива, который опять наполняетъ каналы. Сверхъ того весь городъ обведенъ широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою, и валомъ, который въ прежнія времена составлялъ часть укрѣпленій, а нынѣ превращенъ въ прекраснѣйшее гульбище.

Бассейнъ Альстера раздѣляется городскимъ валомъ на двѣ части, *внѣшнюю* и *внутреннюю* (Aussen-Alster и Binnen-Alster). Первая находится за чертою города, а послѣдняя въ самомъ городѣ: онѣ сообщаются между собою широкимъ каналомъ. Внѣшній Альстеръ окруженъ красивыми сельскими видами и загородными домами. Внутренній лежитъ посреди прекраснѣйшей части города, составляя довольно правильный квадратъ. Одна сторона его застроена, подлѣ самаго берега, высокими домами старинной архитектуры. По другой тянется, упомянутое уже мною, прекрасное гульбище Jungfernstieg. Это широкій бульваръ, усаженный густыми липами, между линіею большихъ, благообразныхъ домовъ и берегомъ чистаго водоема. По третьей сторонѣ идетъ такой же бульваръ, но деревья его меньше; домы по линіи новѣе: это новый Jungfernstieg, построенный въ послѣднія десять лѣтъ. Онъ идетъ не прямо, но въ послѣдней трети, по длинѣ своей, сворачиваетъ чувствительно влѣво. Эта *кривизна* есть свидѣтельство нѣмецкой *прямоты*. Для постройки новаго бульвара надлежало скупить и сломать всѣ бывшія тамъ строенія. Домохозяева уступили ихъ городу, который платилъ за нихъ въ тридорога. Только одинъ владѣлецъ дома, на самомъ углу Альстера, кажется, столяръ, заломилъ такую ужасную цѣну, что не было возможности пріобрѣсть его домъ. Онъ надѣялся принудить къ увеличенію платы вдесятеро. Сенатъ, истощивъ всѣ средства убѣжденія, рѣшился оставить этотъ домъ, и провести

линію домовъ далѣе влѣво. Ветхій домъ столяра остался на своемъ мѣстѣ, какъ памятникъ уваженія къ правамъ частнымъ, и монументъ глупости его хозяина, которому теперь не даютъ и половины дѣйствительной цѣны его дома. По моему мнѣнію, не худо было бы принять повсюду законъ, существующій во Франціи и у насъ, въ Россіи, по которому правительство, для достиженія общеполезной цѣли, имѣетъ право брать частное имущество, вознаградивъ владѣльца достаточнымъ и безобиднымъ образомъ. Обыкновенными причинами отказовъ со стороны владѣльцевъ бываютъ или низкое корыстолюбіе, или глупое упрямство. Такимъ образомъ въ Берлинѣ испорчена новая готическая Фридрихъ-Вердерская Церковь, мастерское произведеніе Шинкеля. Владѣльцы лежащихъ подлѣ этой церкви ветхихъ и безобразныхъ домовъ не согласились продать ихъ, и архитекторъ принужденъ былъ построить зданіе гораздо уже противъ надлежащаго. Отъ этого нарушены въ церкви всѣ правила акустики, и при богослуженіи вовсе не слышно голоса пастора. — Но пора воротиться на Jungfernstieg. Четвертую сторону Альстера составляетъ городской валъ, покрытый зеленью, деревьями и милліонами розъ. Посреди его вѣтряная мельница; влѣво прекрасный мостъ, перегибающійся чрезъ каналъ, которымъ внутренняя часть водоема сообщается съ внѣшнею. Картина несравненная! Здѣсь видите вы и остатки германской древности, и памятники великолѣпія временъ новыхъ, и слѣды грозныхъ валовъ, и прекрас-

ныя гульбища мирныхъ гражданъ, и движеніе многолюднаго, шумнаго, пыльнаго города, и картину сельской природы и трудовъ земледѣльческихъ! Кто бывалъ въ Гамбургѣ, тотъ со мною согласится.

Бульваръ съ утра до ночи покрытъ народомъ. Одни прогуливаются, другіе спѣшатъ по дѣламъ. Отличительная черта Гамбурга есть та, что здѣсь конечно девять десятыхъ взрослыхъ мужчинъ курятъ сигарки, которыхъ, какъ сказываютъ, потребляютъ въ день по сту тысячъ штукъ. Многіе не оставляютъ ихъ и на улицѣ. Отъ этого безпрестанно носится на бульварѣ легкое облако табачнаго дыма. Между бульваромъ и берегомъ построены два павиліона, въ которыхъ можно читать газеты, ѣсть мороженое, пить кофе и т. п., при звукахъ музыки. Третій такой же павиліонъ выстроенъ на углу новаго Jungfernstieg. Эти павиліоны были позорищемъ дракъ между молодыми гражданами гамбургскими и Жидами. Посреди Альстера, на плоту, устроена прекрасная купальня, въ которой можно имѣть ванну изъ какой воды угодно: теплой, холодной, желѣзной, морской, и т. п. Эта купальня освободила меня отъ необходимости ѣхать въ Куксгавенъ: здѣсь купался я въ водѣ соленаго Нѣмецкаго Моря, полученной изъ первыхъ рукъ. — Еще особенность Альстера: по поверхности его плаваютъ лебеди цѣлыми стаями. Лѣтъ за сто предъ симъ, какая-то птицелюбивая дѣва отказала городу значительную сумму на содержаніе лебедей на водахъ Альстера изъ ея процентовъ. Это завѣщаніе свято испол-

вяется. — По берегу Альстера, на сторонѣ стараго Jungfernstieg, находятся лучшія гостинницы города: Бельведеръ, Кронпринца, Hôtel de Russie, Старый городъ Лондонъ, Римскаго Императора и т. д. — Вечеромъ, при шумѣ гуляющаго по берегу народа, катаются по Альстеру въ лодкахъ любители музыки инструментальной и пѣнія. Прелестная гармонія несется съ тихихъ водъ его. Я провелъ тамъ нѣсколько пріятнѣйшихъ вечеровъ, въ бесѣдѣ съ умными и любезными людьми. — Сначала думалъ я, что прекрасные экипажи, стоящіе на углу бульвара, принадлежатъ зажиточнымъ гражданамъ: на дверцахъ надписаны были общія армейскія нѣмецкія фамиліи: Schlüter, Meyer, Müller. Я полагалъ, что въ которомъ нибудь изъ близлежащихъ домовъ свадьба или пиршество; но вообразите мое удивленіе, когда я узналъ, что эти экипажи извощичьи, и что на нихъ надписаны прозвища самихъ господъ кучеровъ! Экипажи эти, называемые здѣсь *дрожками*, суть легонькія колясочки, въ которыхъ могутъ помѣститься четверо сѣдоковъ; онѣ запряжены въ одну или въ двѣ лошади; кони рослы, сильны и красивы; кучера одѣты опрятно и очень учтивы. На всѣ поѣздки такса: плата *за одинъ конецъ* въ городѣ восемь шиллинговъ (около 65 копѣекъ мѣдью); за часъ, одна марка (130 коп.), за полчаса 10 шиллинговъ (восемь гривенъ) и т. д.

Болѣе всего поразительно и пріятно для пріѣзжаго въ Гамбургъ — общее довольство. Одинъ путешественникъ замѣтилъ, что на лицѣ каждаго Гамбургца

написано: я *сытъ*. Простой народъ дѣятеленъ, веселъ и вѣжливъ. ***Черни*** нѣтъ *). Нищихъ не встрѣтите. Въ Гамбургѣ существуетъ старинный законъ, по которому всякой, кто подастъ на улицѣ нищему милостыню, повиненъ, по объявленіи о томъ нищаго, заплатить штрафу пять талеровъ, изъ которыхъ половину получаетъ доносчикъ.

Въ Гамбургѣ дешевы всѣ вещи, всѣ потребности жизни: дорога только работа рукъ человѣческихъ. «Мы охотно платимъ вдвое нашимъ ремесленникамъ,» сказалъ мнѣ одинъ богатый купецъ: «и радуемся ихъ довольству». Въ самомъ дѣлѣ, тамошніе мастеровые живутъ припѣваючи. Предмѣстья Гамбурга состоятъ изъ непрерывнаго ряда невысокихъ домовъ, выкрашенныхъ подъ кирпичъ, необыкновенно опрятныхъ и уютныхъ. Изъ-за свѣтлыхъ стеколъ въ окнѣ видны товары или произведенія жильца: сапоги, жестяныя

---

*) Подъ именемъ *черни* (canaille) разумѣю я тѣхъ бездомныхъ, праздношатающихся людей, которые составляютъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ населеніе цѣлыхъ частей города; которые, вставъ поутру съ соломяннаго ложа, не знаютъ, чѣмъ проживутъ день, и потому готовы на всякое преступленіе для утоленія голода и жажды. Въ этомъ смыслѣ и у насъ, въ благословенной Россіи, нѣтъ черни. Всякой человѣкъ, котораго вы встрѣтите въ Москвѣ и въ Петербургѣ, принадлежитъ къ какому нибудь признанному закономъ сословію, и отправляетъ какое нибудь ремесло. Негодяи составляютъ у насъ исключеніе, а во Франціи они — ***самодержавный народъ.***

вещи, оловянная посуда и проч. У другаго окна сидитъ хозяйка въ чистомъ платьѣ, въ бѣленькомъ чепчикѣ; вокругъ нея играютъ миловидныя, здоровыя дѣти; на окнѣ пышныя розы; въ клѣткѣ канарейки. Черная работа производится въ надворьѣ. Улицы хорошо вымощены, ежедневно выметены. Прогуливаясь по Предмѣстью Святаго Георгія, я воображалъ себя перенесеннымъ въ городъ, построенный на основаніи геснеровыхъ идиллій. Другое гамбургское предмѣстье ***Гамбургская Гора*** (Hamburger Berg)) нынѣ названное Предмѣстьемъ Св. Павла, лежащее между собственнымъ Гамбургомъ и датскимъ городомъ Альтоною, имѣетъ особенный свой характеръ. Тамъ находятся игрища, трактиры и вольные домы для матросовъ гамбургскаго купеческаго флота, которые, въ ошумленіи отъ даровъ Бахуса, и въ наслажденіяхъ, посвященныхъ другимъ божествамъ языческимъ, забываютъ горе, опасности и заботы морской жизни.

Въ числѣ гамбургскихъ торговокъ и разнощицъ отличаются крестьянки изъ ***Фирландена*** (Vierlanden, четыре землицы), Vierländerinnen. Онѣ ходятъ въ короткихъ юпкахъ, и на головѣ имѣютъ родъ корзины, плоской сверху, на которую могутъ ставить что угодно, для разноски по улицамъ. Округъ Фирланденскій былъ встарину населенъ колонистами голландскими, которые въ теченіе времени забыли свой языкъ, но сохранили національную одежду. Въ числѣ этихъ торговокъ есть истинныя красавицы. Одна

такая заморская куколка стояла обыкновенно на дорогѣ къ Биржѣ, и предлагала на продажу цвѣты. Какъ не купить! Въ Гамбургѣ видишь иногда издали, что у прохожаго что-то краснѣется въ петлицѣ. Не орденъ ли? Нѣтъ! подойдя ближе, увидишь, что это роза или гвоздика. — Я пріѣхалъ нынѣ въ Германію въ самое *цвѣтущее* время. Всѣ сады, бульвары, окна, палисадники красовались пышными цвѣтами. Гамбургскія розы славятся на всемъ Сѣверѣ, и развозятся далеко. Лучшія розы у насъ, въ Петербургѣ, получаются оттуда; но у насъ онѣ остаются кустиками, а тамъ выращаются стройными деревцами.

V.

Гамбургъ.

Правленіе въ Гамбургѣ чисто аристократическое. Исполнительная, судебная и полицейская власть находится въ рукахъ сената, состоящаго изъ четырехъ бургомистровъ и двадцати четырехъ сенаторовъ. Три бургомистра и одиннадцать сенаторовъ должны быть юристами; остальные — купцы. Въ важныхъ случаяхъ, при введеніи новыхъ законовъ, при преобразованіи старыхъ, сенатъ сзываетъ гражданъ, составляющихъ нѣсколько сословій: старшинъ (Oberalten),

шестидесяти и ста осьмидесяти адъюнктовъ, раздѣляющихся по пяти приходамъ города. Однажды только случилось, что гражданскія сословія не согласились съ мнѣніемъ сената: назначенъ былъ особый комитетъ, и онъ рѣшилъ въ пользу послѣдняго. Вообще дѣла общественныя идутъ въ Гамбургѣ тихо, благочинно, къ общему удовольствію. Участіе народа въ правленіи ничтожно. Онъ даже не имѣетъ голоса въ выборѣ сенаторовъ: по смерти одного изъ нихъ, остальные сами выбираютъ ему преемника. Въ Гамбургѣ увѣрился я еще болѣе, нежели прежде, что правленіе всякаго народа, всякой земли должно составиться мало по малу, теченіемъ времени, требованіями мѣстныхъ обстоятельствъ и народнаго характера. Гамбургъ благоденствуетъ подъ этимъ правленіемъ, существующимъ нѣсколько сотъ лѣтъ, составившимся на дѣлѣ, а не на бумагѣ, и благоденствуетъ особенно потому, что обитатели его суть Нѣмцы, народъ разсудительный, кроткій, довольный малымъ, совѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей, безмолвно повинующійся законамъ. Дайте это правленіе Французамъ, — увидите, какая выйдетъ сумотоха! Гамбургская Республика есть лучшее свидѣтельство того, что простому народу не должно давать не только воли, но и голоса въ дѣлахъ общественныхъ. Въ 1830 году, когда вся Европа почувствовала сотрясеніе отъ знаменитыхъ дней іюльскихъ, которые въ самой Франціи отнесены теперь въ отдѣленіе древней исторіи, жители гамбургскаго Предмѣстья Св. Геор-

гія, увлеченные примѣромъ Бельгіи, Саксоніи, Гессена и пр., и подстрекаемые иностранными эмиссарами, вздумали толковать о деспотисмѣ сената, и требовать у него сравненія въ правахъ съ обывателями стараго города. Сенатъ выгналъ присланныхъ къ нему депутатовъ, приказалъ вывести войско (2,000 чел., подъ командою храбраго русскаго полковника Стефани), зарядить пушки, и объявилъ, чтобъ жители предмѣстья безусловно и въ тотъ же часъ покорились. Нечего было дѣлать! Демагоги умолкли. Войска воротились въ казармы. Прошелъ годъ въ тишинѣ и повиновеніи. Тогда сенатъ самъ предложилъ предмѣстью прислать депутатовъ съ представленіями о желаніяхъ его обывателей, выслушалъ ихъ, и согласился на *покорныя просьбы*. — Нѣмцамъ свойственна, въ высшей противу другихъ народовъ степени, изящная гражданская добродѣтель: *чувство исполненія своихъ обязанностей* (Pflichtgefühl). Нигдѣ, я думаю, нельзя найти такихъ исправныхъ, трудолюбивыхъ и совѣстныхъ должностныхъ людей и вообще гражданъ, какъ въ Германіи. Взятки у нихъ вещь неслыханная. Бываютъ ошибки, случается пристрастіе, происходятъ злоупотребленія, но это исключенія изъ правила. Я слышалъ въ Гамбургѣ единогласную хвалу безкорыстію, честности и безпристрастію тамошнихъ судей и чиновниковъ. То же можно сказать и о другихъ земляхъ германскихъ, преимущественно о Пруссіи.

Особеннаго вниманія достойны въ Гамбургѣ за-

веденія общеполезныя, человѣколюбивыя и богоугодныя.

Пожарныя учрежденія Гамбургскія славятся повсюду. Городъ содержитъ слишкомъ тридцать пожарныхъ трубъ, поднимающихъ воду саженъ на пятнадцать широкою струею. Сверхъ того, есть трубы резервныя, ручныя и т. д. Изъ 750 пожарныхъ служителей, шестьдесятъ человѣкъ зимою всю ночь ходятъ по городу, и смотрятъ, нѣтъ ли гдѣ надобности въ ихъ пособіи. И лѣтомъ, въ жаркое время и при полой водѣ, они отправляютъ эту должность. Сверхъ того, есть въ Гамбургѣ особое сословіе *спасителей* (Menschenretter), которые пробираются въ захваченные пламенемъ домы, и стараются спасать людей, не успѣвшихъ выбраться. Они проводятъ ночи въ разныхъ городскихъ караульняхъ. Эти люди избираются изъ числа самыхъ сильныхъ и отважныхъ кандидатовъ, и отличаются черною одеждою съ бѣлыми снурками. — Пожарныя учрежденія состоятъ въ вѣдѣніи комитета, составленнаго изъ семерыхъ сенаторовъ и пятерыхъ гражданъ. Двое изъ послѣднихъ должны лично находиться при всякомъ пожарѣ *).

Не менѣе знамениты гамбургскія учрежденія *въ пользу бѣдныхъ*. Городъ обязанъ ими благороднымъ своимъ гражданамъ: Бюшу, Гюнтеру, Сивекингу и

*) Это было написано въ 1835 году. Въ 1842 ужасный пожаръ, не имѣвшій подобнаго нигдѣ въ мирное время, доказалъ всю ничтожность искусства и силъ человѣческихъ противъ дѣйствія разрушительныхъ стихій.

фонъ-Фогту. Попеченіе о бѣдныхъ возложено на два комитета, въ которыхъ засѣдаютъ сенаторы, старшины и попечители о бѣдныхъ. Весь городъ раздѣленъ, въ этомъ отношеніи, на пять частей, и каждая на двѣнадцать отдѣловъ. Попечители обязаны узнавать бѣдныхъ, живущихъ въ порученномъ имъ отдѣлѣ: каково состояніе ихъ здоровья, могутъ ли они работать, отъ чего впали въ нищету, и какимъ образомъ можно было бы помочь имъ. Сверхъ того освѣдомляются они о нравственности и поведеніи убогаго, о числѣ его дѣтей и пр. Комитетъ, разсмотрѣвъ донесеніе попечителей, опредѣляетъ средства въ пособіе бѣдному: одному даетъ квартиру, другаго отправляетъ въ цехъ, для доставленія ему работы; больнаго препровождаютъ въ госпиталь, увѣчнаго въ богадѣльню. Лѣнивцевъ и негодяевъ отсылаютъ въ рабочій домъ.

Граждане Гамбурга, не безъ основанія, хвалятся своею *градскою больницею*. Она помѣщается въ великолѣпномъ домѣ, похожемъ на дворецъ, въ предмѣстьи Св. Георгія, и открыта на пользу общую въ Октябрѣ 1823 года. Больные, раздѣленные по возрастамъ, полу и свойству болѣзни, помѣщаются въ просторныхъ залахъ, соединяющихся между собою широкими галереями. Чистотою, порядкомъ, благоустройствомъ, эта больница не уступаетъ и нашимъ петербургскимъ госпиталямъ, которые могутъ служить образцами. Въ этой больницѣ принимается всякій больной, какого бы происхожденія, званія, вѣро-

исповѣданія онъ ни былъ, и получаетъ содержаніе и пользованіе безденежно. Люди достаточные, особенно холостые, нанимаютъ себѣ отдѣльныя въ больницѣ комнаты, и пользуются тамъ лучше, нежели дома. Больница эта устроена на 1500 кроватей. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ (съ 1823 по 1834), поступило въ больницу 43,467 чел.; изъ нихъ вылечено 35,882; умерло 6208; оставалось 1-го Января 1835 года 1377 человѣкъ. Больница содержится на счетъ правительства, но частныя приношенія и вклады также очень значительны. Накопившійся въ 11 лѣтъ капиталъ ея составляетъ болѣе милліона рублей на наши ассигнаціи. Скрѣпивъ сердце, обошелъ я по этимъ жилищамъ страданія и бѣдствій, заглядывалъ въ больничныя комнаты, удивлялся чистотѣ, порядку въ домѣ, попечительности надзирателей и врачей, но радъ, радъ былъ, когда выбрался на воздухъ. «Не угодно ли посмотрѣть отдѣленія сумасшедшихъ?» спросилъ у меня вожатый. «Нѣтъ! нѣтъ!» отвѣчалъ я: «я увѣренъ, что тамъ такъ же хорошо и исправно, какъ и въ другихъ частяхъ.» Я вышелъ на улицу, очутился подъ липами миловиднаго предмѣстья, но долго не могъ дышать свободно.

Въ Гамбургѣ есть и другія больницы для мужескаго и женскаго пола, содержимыя пособіемъ частныхъ людей, и между прочимъ масонскими ложами, которымъ умершій въ 1814 году гросмейстеръ ихъ, знаменитый артистъ Шредеръ, умѣлъ дать самое благотворительное направленіе.

Въ пользу престарѣлыхъ особъ женскаго пола есть здѣсь нѣсколько богадѣленъ, преобразованныхъ изъ бывшихъ католическихъ монастырей. Въ нихъ бѣдныя вдовы и дѣвицы, за единовременный вкладъ небольшаго капитала, получаютъ на всю жизнь пріютъ, содержаніе и еще нѣкоторый денежный доходъ. Гражданинъ гамбургскій, Гартвигъ Гессе, завелъ, на свой счетъ, особый вдовій домъ, единственный въ своемъ родѣ. Онъ построилъ въ Предмѣстьѣ Св. Георгія двухэтажный домъ, и доходы съ найма его опредѣлилъ на содержаніе богоугоднаго заведенія. Позади этого дома построены въ два ряда двѣнадцать уютныхъ домиковъ, состоящихъ изъ чистой комнаты, спальни, каморки, кухни, погреба и чулана. При каждомъ дворикъ и прачечная, садикъ и лужекъ. Сверхъ того, есть общій садъ съ аллеями, бесѣдками, дерновыми скамьями. Благодѣтельный Гессе, радуясь плодами своихъ трудовъ, строитъ нынѣ еще двѣнадцать такихъ же домиковъ и шесть большихъ домовъ, для отдачи въ наемъ въ пользу заведенія. Въ каждомъ изъ маленькихъ домиковъ живетъ бѣдная, хорошаго поведенія вдова, на всей свободѣ, какъ въ своей собственности, и получаетъ все нужное — не только на безбѣдное пропитаніе, но и на нѣкоторыя прихоти. Почтенныя, опрятно одѣтыя старушки сходятся въ саду, вяжутъ чулки, толкуютъ о былыхъ временахъ, о несбывшихся надеждахъ, и, благословляя друга человѣчества, за чашкою кофе ждутъ тихой смерти.

Кто имѣетъ право на пособіе ближняго? Неимущіе,

престарѣлые, больные, и—малолѣтные. Для призрѣнія послѣднихъ есть въ Гамбургѣ образцовое заведеніе — сиротскій домъ. Онъ помѣщается въ просторномъ зданіи, на Адмиралтейской Улицѣ. Въ немъ получаютъ полное содержаніе и воспитаніе слишкомъ шестьсотъ сиротъ обоего пола, отъ семи до двѣнадцати лѣтъ, и потомъ отдаются въ обученіе ремесламъ, или опредѣляются, по своимъ способностямъ, въ высшія учебныя заведенія. Сверхъ того, сиротскій домъ содержитъ около пятисотъ дѣтей моложе семи лѣтъ, въ частныхъ домахъ, на своемъ иждивеніи. Первыя особы въ городѣ, богатые банкиры и негоціянты и ихъ жены, принимаютъ на себя надзоръ надъ этимъ заведеніемъ, и способствуютъ достиженію благой, предначертанной ему цѣли. Мнѣ удалось быть свидѣтелемъ празднества сиротскаго дома, которое бываетъ ежегодно 8-го Іюля, и есть истинно народный праздникъ. Съ шести часовъ утра до четырехъ по полудни, всѣ сироты обходятъ городъ съ одного конца до другаго, для сбора подаяній. Впереди идетъ попечитель ихъ (Waisenvater), за нимъ отличнѣйшій поведеніемъ и прилежаніемъ воспитанникъ, называемый *капитаномъ*, съ вѣнкомъ на головѣ, съ зеленою чрезъ плечо лентою; позади его нѣсколько другихъ отличныхъ воспитанниковъ, съ зелеными аксельбантами, а за ними остальные, сперва мальчики, потомъ дѣвочки, по-двое въ рядъ; всѣ они поютъ духовную пѣснь; по обѣимъ ихъ сторонамъ идутъ солдаты, для огражденія малютокъ. Назначенные къ вы-

пуску мальчики, въ вѣнкахъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, имѣютъ въ рукахъ палки съ кошелькомъ на концѣ, и сбираютъ приношенія. Деньги сыплются изъ всѣхъ оконъ. Особенно жалостливы женщины. Рѣдкая подаетъ милостыню безъ слезъ, безъ умильнаго взгляда на бѣдныхъ сиротъ. Деньги, поступающія въ кошелекъ, идутъ въ общую кассу; данныя же въ руку воспитаннику, принадлежатъ ему лично. Ходъ этотъ оканчивается у городскихъ Каменныхъ Воротъ (Steinthor). Тамъ, на обширномъ лугу, накрыты столы; сироты садятся за сытный лакомый обѣдъ, и потомъ предаются играмъ дѣтскихъ лѣтъ. Почти всѣ жители въ этотъ день выходятъ за городъ, и наслаждаются прекраснѣйшею картиною. Первыя дамы гамбургскія угощаютъ сиротъ. Въ нынѣшній разъ былъ здѣсь Принцъ Карлъ Прусскій, съ супругою своею, дочерью Великой Княгини Маріи Павловны. Августѣйшія особы приняли искреннее участіе въ этомъ благородномъ празднествѣ: оно было имъ по сердцу.

Упомяну еще о нѣкоторыхъ гамбургскихъ заведеніяхъ въ пользу малолѣтныхъ. Съ 1830 года заведены здѣсь *младенческія школы* (Warteschulen), для призрѣнія малолѣтныхъ дѣтей, оставляемыхъ дома родителями, отправляющимися на работу. Такія дѣти дотолѣ обыкновенно предоставляемы были на собственный произволъ, нерѣдко подвергались увѣчью, и почти всегда развращались нравственно, бѣгали по улицамъ, просили милостыню, навыкали къ тунеяд-

ству и ко всѣмъ порокамъ. Въ это заведеніе принимаютъ дѣтей, которыя только что начнутъ говорить и бѣгать; они остаются тамъ до семилѣтняго возраста. Родители приводятъ и приносятъ ихъ въ школу въ восемь часовъ утра, и берутъ домой послѣ семи часовъ вечера. Хлѣбъ на завтракъ и полдникъ приносятъ они съ собою, а за обѣдъ, горячій и здоровый, родители платятъ въ недѣлю по четыре шиллинга (32 копѣйки мѣдью). Дѣти, въ продолженіе цѣлаго дня, находятся подъ надзоромъ смотрительницы, занимаются свойственными ихъ лѣтамъ играми и тѣлесными упражненіями, и слушаютъ изустныя наставленія, преподаваемыя имъ понятнымъ ихъ возрасту языкомъ. Главная цѣль—пріучить дѣтей къ благонравію, опрятности, порядку, дружелюбію и повиновенію, — вполнѣ достигается. Школы эти расположены въ частяхъ города, обитаемыхъ бѣдными и рабочими людьми. При каждой есть садъ. Въ школахъ дежурятъ богатѣйшія дамы. — Противоположность съ этимъ предупредительнымъ заведеніемъ составляетъ такъ называемый *дикій домъ* (das rauhe Haus), или заведеніе для исправленія дѣтей развращенныхъ и одичалыхъ. Онъ устроенъ въ селеніи Горнъ, верстахъ въ трехъ отъ города. Это не школа и не смирительный домъ, а свободный, отеческій пріютъ для дѣтей, испорченныхъ нравственно или подвергающихся этой опасности отъ дурнаго примѣра въ домѣ. Заведеніе это принимаетъ дѣтей отъ родителей или родственниковъ, по контракту. Достаточные платятъ по сту ма-

рокъ въ годъ (восемь марокъ составляютъ голландскій червонецъ) за содержаніе каждаго ребенка; неимущіе содержатся на счетъ добровольныхъ подаяній. Дѣти получаютъ содержаніе не роскошное, но достаточное, и воспитываются, какъ того требуетъ бѣдное ихъ состояніе. Никто изъ воспитанниковъ не знаетъ о прежнемъ состояніи и поведеніи его товарищей. Это извѣстно одному надзирателю, который, принимая воспитанника, обѣщаетъ предать забвенію все прошлое. Мальчики раздѣлены на небольшіе семейные круги, живутъ, ѣдятъ и спятъ подъ смотрѣніемъ надзирательскаго помощника, сами исправляютъ всѣ домашнія работы и самыя грубыя, и сверхъ того, трудами своими пріобрѣтаютъ капиталъ на случай выпуска. Предполагается въ этомъ заведеніи учредить всякія мастерства, для упражненія воспитанниковъ по ихъ способностямъ. Они сами воздѣлываютъ огородъ, сами построили домъ, въ которомъ живутъ. Семейные круги сходятся только при общей работѣ, при урокахъ (по два и по три часа въ день), и при службѣ Божіей.

Я не имѣлъ времени посѣтить здѣшнія учебныя заведенія. Они состоятъ изъ академической гимназіи, учрежденной въ 1612 и преобразованной въ 1833 году, Училища Св. Іоанна (Johanneum), пяти приходскихъ школъ и еще нѣкоторыхъ другихъ. Ученые говорятъ, что эти заведенія находятся въ цвѣтущемъ положеніи, а купцы и граждане жалуются, что дѣтей

учатъ совсѣмъ не тому, что имъ знать нужно. Латинскій и греческій языки, говорятъ они, вовсе для насъ излишніе, поглощаютъ большую часть времени въ нашихъ высшихъ училищахъ, и воспитанники, выпущенные изъ школы по окончаніи наукъ, должны забывать выученное съ напряженіемъ всѣхъ силъ, въ теченіе лучшихъ лѣтъ жизни, чтобъ узнать предметы, необходимые въ ихъ гражданскомъ быту. Ученые, напротивъ того, утверждаютъ, что не всѣ ихъ ученики будутъ купцами и фабрикантами, что часть ихъ назначается въ юристы, медики и духовное званіе, гдѣ древніе языки необходимо нужны. Удивительно ли, что у насъ, въ Россіи, спорятъ въ публикѣ объ этомъ предметѣ, когда и въ просвѣщенной вѣками Германіи не могутъ въ томъ согласиться! Разномысліе въ этомъ случаѣ происходитъ, какъ мнѣ кажется, отъ двоякости цѣли всякой гимназіи: она есть, въ одно и то же время, и приготовительное учебное заведеніе для студентовъ университетскихъ, и окончательное училище для людей неученаго сословія. Достойно замѣчанія, что задача о сочетаніи этихъ двухъ требованій, безъ вреда тому или другому, рѣшена у насъ, въ С. Петербургѣ, знаменитымъ педагогомъ И. И. Вейссе. Вступивъ (1788) въ управленіе здѣшнимъ главнымъ нѣмецкимъ училищемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Петровской Школы, нашелъ онъ въ ней обыкновенную латинскую богадѣльню, въ которой и ученики и учители бились надъ *mensa* и *amo*, въ латыни не успѣвали, а между тѣмъ теряли изъ виду

ученіе нужнѣйшаго. Вейссе приступилъ сначала къ рѣшенію вопроса: которые предметы необходимы для изученія всякому петербургскому гражданину, какого бы званія и сословія онъ ни былъ? — Отвѣтъ былъ: Законъ Божій, языки русскій, нѣмецкій, французскій; логика, ариѳметика, геометрія, исторія, географія, естественная исторія, физика и рисованіе. Эти предметы ученія названы были *общими*. Въ трехъ низшихъ изъ семи классовъ училища, дѣти обучались начальнымъ основаніямъ исчисленныхъ здѣсь языковъ, наукъ и искусствъ, во всѣ учебные часы. Съ четвертаго же класса посвящаемы были на эти общіе предметы только двадцать шесть часовъ въ недѣлю, а въ остальное время ученики, по способностямъ своимъ, желаніямъ и будущему назначенію, обучались въ *частныхъ* классахъ: назначавшійся въ ученые ходилъ въ классъ латинскаго и греческаго языковъ; кандидатъ въ купеческое званіе пользовался уроками въ коммерческой ариѳметикѣ, бухгалтеріи и англійскомъ языкѣ; готовившійся въ военную службу учился высшей математикѣ, черченію и (въ особенности дворяне лифляндскіе и эстляндскіе) русскому языку. Въ началѣ, при введеніи этого образованія, разумѣется, не обошлось безъ воплей и жалобъ, но почтенный Вейссе зналъ что дѣлаетъ, мужественно вытерпѣлъ всѣ натиски фаланги латинскихъ и греческихъ ратоборцевъ, и блистательнѣйшій успѣхъ увѣнчалъ его благонамѣренные труды. Въ тридцать лѣтъ его управленія Петровскою Школою, она дала отечеству от-

личныхъ людей по всѣмъ частямъ *). Одною изъ глав-

---

*) Назову нѣкоторыхъ, учившихся въ этой школѣ во время моего тамъ служенія (1809—1813): генералъ-адъютантъ баронъ Деллингсгаузенъ; генералъ-маіоры: Варенцовъ, Вельо, Вилламовъ, Ризенкампфъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Родофиникинъ; статскіе совѣтники: Поггенполь, Пестель, Шульцъ; полковники: Завальевскій, Борщовъ, Лапской, Тиманъ, Гонзаго, Яковлевы, умершій генеральный консулъ въ Персіи, Амбургеръ; датскій консулъ Клейнъ (товарищъ Барона Штиглица), русскій вице-консулъ въ Гамбургѣ, Масъ; доктора медицины Персонъ, Адлунгъ, и многіе другіе воинскіе и гражданскіе чиновники, купцы, артисты (г. Моръ), фабриканты, мастеровые (г. Шиллеръ), каждый по своей части человѣкъ достойный и отечеству полезный. Въ этой же школѣ образовались нынѣшній ея директоръ, академикъ, статскій совѣтникъ Коллинсъ, директоръ Училища Правовѣдѣнія, статскій совѣтникъ Пошманъ; инспекторы классовъ Гатчинскаго Воспитательнаго Дома, Гугель; Аннинской Школы, Эрихсенъ. — Почтенный преобразователь училища, И. И. Вейссе, въ преклонныхъ лѣтахъ, наслаждается плодами благородныхъ трудовъ своихъ. За два года предъ этимъ, въ тотъ самый день, когда ему исполнилось восемьдесятъ лѣтъ, нѣкоторые бывшіе ученики его дали въ честь его праздникъ, и поднесли ему выбитую на этотъ случай золотую медаль. При испрошеніи г. министромъ финансовъ Высочайшаго соизволенія на вычеканеніе этой медали на здѣшнемъ Монетномъ Дворѣ, Государь Императоръ, узнавъ о предметѣ и цѣли ея, благоволилъ Всемилостивѣйше наградить достойнаго старца орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. — И. И. Вейссе оставилъ службу въ 1818 году, но до сихъ поръ принимаетъ самое ревностное участіе въ любезномъ своемъ заведеніи.



ныхъ причинъ этого успѣха было то, что всякъ учился только тѣмъ наукамъ и искусствамъ, которыя ему нужны, не терялъ времени на безполезное, не развлекался вещами посторонними, а свой предметъ изучалъ вполнѣ и основательно. Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе древнихъ языковъ, положившее основу нынѣшнему европейскому просвѣщенію, приноситъ великую пользу въ разныхъ отношеніяхъ, но эта польза становится ощутительною только тогда, когда человѣкъ знаетъ древніе языки основательно, въ совершенствѣ, почти какъ свой природный; хватать же *вершки* не ведетъ ни къ чему, и, по мнѣ, во сто разъ полезнѣе хорошо знать по-чухонски или по-зырянски, нежели, потерявъ нѣсколько лѣтъ въ латинскихъ классахъ, не умѣть прочитать классическаго автора безъ запинки *). Латинскій языкъ важенъ въ западной Европѣ тѣмъ, что на немъ совершается, въ большей ея части, служба Божія; Римляне играли важную роль въ первоначальной исторіи тѣхъ странъ; ихъ законодательство основано большею частію на римскомъ правѣ, и почти всѣ языки Европы, кромѣ германскихъ и славянскихъ, происходятъ отъ латинскаго, смѣшаннаго съ нарѣчіемъ природныхъ жителей тѣхъ странъ. Латинская грамматика нужна Италіянцамъ, Французамъ, Испанцамъ, Англичанамъ, какъ перво-

*) Въ Первой Санктпетербургской Гимназіи освобождены отъ изученія латинскаго языка воспитанники, назначаемые въ военную службу.

образъ ихъ собственной. Но мнѣ кажется, что *исключительное* изученіе и приложеніе грамматики латинской къ языкамъ самостоятельнымъ вредитъ симъ послѣднимъ. Тяжелая, растянутая, темная конструкція книжнаго нѣмецкаго языка отчасти обязана существованіемъ вліянію латинскаго синтаксиса. Возьмите русскія писанія до XVII вѣка, и сравните ихъ съ сочиненіями конца XVII и начала XVIII, когда Латынь, прорвавшись изъ Польши сквозь Кіевскую Академію, наводнила русскій языкъ. Сравните прекрасный естественный, *русскій слогъ* рѣчи митрополита Гермогена (открытой г. Строевымъ) съ тяжелымъ, надутымъ, *не-русскимъ штилемъ* Ѳеофана. Сколько трудовъ нужно было, чтобъ искоренить это навожденіе! Мы и понынѣ писали бы, какъ Ѳеофанъ и Тредьяковскій, если бъ Ломоносовъ сталъ учиться по-латыни съ осьмаго, а не съ осьмнадцатаго года своей жизни, и если бъ Карамзинъ былъ воспитанъ въ семинаріи.

......Куда занесло меня! Изъ Гамбурга въ семинарію! Но, говорятъ, что *крайности касаются*. И такъ сверну опять въ Гамбургъ! Право, тамошнимъ молодымъ людямъ было бы гораздо полезнѣе учиться языкамъ шведскому и русскому, нежели латинскому; изъ послѣдняго нужно имъ знать только нѣкоторыя магическія слова: *brutto, netto, ditto, pro cent, cassa, circa, ultimo!*

VI.

Гамбургъ.

Скажу нѣсколько словъ о гульбищахъ и окрестностяхъ Гамбурга: они прелестны и разнообразны.

Можно прокатиться въ лодкѣ по внѣшнему Альстеру, и полюбоваться прекрасными видами, представляющимися со всѣхъ сторонъ. Не говорю, *сельскими* видами: здѣсь, какъ и въ другихъ ближайшихъ окрестностяхъ Гамбурга, преимуществуютъ загородные домы гамбургскихъ патриціевъ, банкировъ, негоціантовъ; вездѣ можно найти чистыя и обильныя земными благами гостиницы. Ежедневно, особенно въ праздники, большія фуры, наполненныя хорошо одѣтыми людьми, изо всѣхъ воротъ города выѣзжаютъ въ поле.—Со стороны Альстера, болѣе всѣхъ мѣстъ посѣщаютъ деревню *Эмсбюттель*, наполненную загородными домами, садами и парками; здѣсь можно нанять, за нѣбольшую плату, очень хорошенькій лѣтній домикъ. Въ Эмсбюттелѣ славится гостиница *прекрасной Маріаны*, съ которой, какъ гласитъ преданіе, списана Мирандолина. Она дочь Француза (Ruault), который содержалъ эту гостиницу и передалъ ей по наслѣдству. Я завтракалъ у Маріаны очень вкусно; нашелъ въ ней женщину уже не молодую, но миловидную и умную, привыкшую отвѣчать на *стереотипные* распросы любопытныхъ странниковъ. Она разсказывала мнѣ похожденія свои во время осады

Гамбурга русскими войсками. Отецъ ея былъ подозрѣваемъ въ сообщеніи Французамъ извѣстій о состояніи осаднаго корпуса, и по этой причинѣ изгнанъ казаками изъ своего жилища. Маріана, которой тогда было отъ роду лѣтъ четырнадцать, приглянулась какому-то Башкиру, и онъ хотѣлъ увезти ее съ собою въ степь, какъ честную въ бою добычу; но ее спрятали (подъ колоколомъ, говоритъ она), и, такимъ образомъ, она освободилась отъ чести быть новою Роксоланою. Она извѣстна въ Гамбургѣ хорошимъ устройствомъ ея гостиницы и непорочностью своихъ нравовъ. Всякой иностранецъ долженъ ее видѣть. Не побывать у Маріаны, живши въ Гамбургѣ, то же, что быть въ Москвѣ и не видать большаго колокола.— На возвратномъ пути въ городъ, извощикъ мой остановился у одного домика, и сказалъ: «У насъ, сударь, въ Гамбургѣ такой обычай, что кто кушалъ у Маріаны, тотъ долженъ пить кофе у прекрасной Элизы.» — «Разумѣется!» отвѣчалъ я: «живучи въ государствѣ, хотя бы оно было тѣснѣе иной ученой головы, мы должны повиноваться его законамъ.» Меня встрѣтила живая, острая, словоохотная мамзель, и сварила мнѣ чашку превкуснаго кофе. Эта не далась бы въ руки Башкирамъ. Она распрашивала меня о многихъ нашихъ землякахъ, которые пользовались ея гостепріимствомъ, и какъ я всѣхъ именъ ихъ не упомню, то и считаю обязанностію напечатать о томъ, для общаго свѣдѣнія, въ Пчелѣ, и прибавить, что прекрасная Элиза очень помнитъ ихъ ласки,

и проситъ жаловать къ ней и впредь. Вышедши на крыльце, чтобъ сѣсть въ коляску, я спросилъ у Элизы, чей этотъ прекрасный садъ на противоположномъ углу перекрестка. — «Это, сударь, не садъ,» отвѣчала она, понизивъ голосъ: «это кладбище». — Я заѣхалъ туда. Кладбище разгорожено на отдѣленія, по приходамъ города. При въѣздѣ находятся домы для помѣщенія въ нихъ мертвыхъ тѣлъ до погребенія. Это дѣлается для предупрежденія ужасныхъ случаевъ погребенія мнимо-умершихъ. Кладбища усажены тѣнистыми аллеями, густыми кустами, покрыты милліонами цвѣтовъ. Дорожки усыпаны пескомъ. На многихъ памятникахъ висятъ свѣжіе вѣнки. Въ особомъ отдѣленіи погребены воины Ганзеатическаго Легіона, падшіе въ войнѣ за свободу Германіи. Я смотрѣлъ на памятники издали, и боялся читать надписи, чтобы какою нибудь карикатурною эпитафіею не разстроить въ себѣ впечатлѣнія, произведеннаго красотою и святостью мѣста. Нѣтъ ничего досаднѣе и оскорбительнѣе для меня, какъ несообразная съ предметомъ и наружнымъ великолѣпіемъ и изяществомъ надгробная надпись. Самыя нестерпимыя тѣ, въ которыхъ *живые* ставятъ себѣ монументы на счетъ умершихъ. *Соорудилъ сей памятникъ* такой-то *неутѣшный*.... Извините, не соорудилъ, а заплатилъ за него.

Другая деревня, не менѣе знаменитая, есть *Эппендорфъ*, въ которой построено также много загородныхъ домовъ. Тамъ провелъ я пріятнѣйшій день въ любезномъ семействѣ г. ф. Г. Онъ заѣхалъ за мною

въ городѣ, остановился у пансіона, взялъ оттуда младшаго своего сына (это было въ субботу), и повезъ насъ въ Эппендорфъ по прекраснымъ липовымъ аллеямъ, окружающимъ Гамбургъ, и идущимъ отъ него лучами во всѣ стороны. Всѣ деревья этихъ аллей были вырублены маршаломъ Даву во время осады города; съ тѣхъ поръ посажены вновь и опять даютъ отрадную тѣнь, очищаютъ воздухъ, прельщаютъ глаза. Вдоль ихъ тянутся загородные домы. Только два дома (по выѣздѣ изъ Dammthor, по лѣвой рукѣ) лежатъ въ значительномъ отдаленіи отъ дороги: ихъ построили какіе-то Англичане. Достойна вниманія черта Англичанъ, гдѣ бъ они ни были, устраняться отъ прочихъ, такъ сказать, *островиться*. Дорогою ф. Г. говорилъ мнѣ о домашнемъ своемъ счастіи, о своихъ дѣтяхъ, о женѣ. Вотъ мое жилище! сказалъ онъ мнѣ, указывая на просторный, изящно выстроенный домъ посреди сада. Между тѣмъ, онъ чего-то искалъ и тревожился. Я спросилъ его о причинѣ этого безпокойства. — «Не знаю, что сдѣлалось съ моею женою, отвѣчалъ онъ: вотъ тридцать девять лѣтъ, что она каждый день выходитъ ко мнѣ на встрѣчу, а теперь ея не видать.» Коляска остановилась у крыльца. Вышелъ слуга, чтобъ отворить дверцы. «Что барыня?» спросилъ торопливо г. ф. Г. — «Не очень здорова, отвѣчалъ слуга: осталась въ своей комнатѣ.» Вдругъ высыпали дѣти, и бросились обнимать отца. Старшая дочь успокоила его на счетъ здоровья матери, но отецъ побѣжалъ къ ней, какъ влюбленный женихъ. —

Послѣ этого я вдвое жалѣлъ, что не узналъ лично госпожи фонъ Г. По ея милымъ дѣтямъ заключаю, что она должна быть женщина прекрасная — во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Эппендорфѣ находится заведеніе для изготовленія и употребленія искусственныхъ минеральныхъ водъ. Оно не такъ просторно и великолѣпно, какъ наше, петербургское, но расположено очень удобно и въ пріятномъ мѣстѣ. Въ общихъ комнатахъ есть биліардъ, шахматы, шашки, карточные столы; въ саду кегли. Въ верхнемъ ярусѣ небольшія отдѣльныя комнаты, отдаваемыя внаймы пользующимся водами. — Я нашелъ тамъ многочисленное собраніе — почти всѣхъ гамбургскихъ врачей: они въ этотъ день съѣхались въ Эппендорфѣ, и обѣдали всѣ вмѣстѣ. Я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ: болѣе прочихъ былъ для меня интересенъ докторъ Александръ Симонъ, заклятый врагъ гомеопатіи и передовой наѣздникъ въ атакахъ на Ганеманна, человѣкъ небольшаго роста, живой, пылкій, острый. Когда смерклось, раздались въ саду звуки согласныхъ голосовъ. Одно изъ гамбургскихъ обществъ пѣнія (Singverein) устроило вокальный концертъ. — Вообще замѣтилъ я, что послѣ купцовъ и банкировъ, лучше и богаче всѣхъ живутъ въ Гамбургѣ адвокаты и врачи, разумѣется, умные и искусные. Гдѣ много сношеній торговыхъ и дѣловыхъ, тамъ много возникаетъ споровъ и процесовъ. Сверхъ того, адвокаты, отличившіеся талантами, познаніями и характеромъ, получаютъ лучшія мѣста въ правительствѣ. — Врачи же живутъ

преимущественно при помощи гамбургскаго обжорства. Тотъ не есть истинный сынъ древней *Гаммоніи*, кто раза два въ недѣлю не испортитъ себѣ желудка! Samiel, hilf!

Отличнѣйшіе гамбургскіе загородные домы и сады лежатъ къ сѣверу отъ Гамбурга, по берегу Эльбы. Я ѣздилъ туда съ своими спутницами, и не жалѣлъ о цѣломъ утрѣ, которое изъ немногихъ употребилъ на это. Сперва выѣхали мы въ предмѣстье *Гамбургеръ-Бергъ*, о которомъ я уже говорилъ: на широкой площади тянутся, съ одной стороны, балаганы съ комедіями, китайскими тѣнями, рѣдкими животными, какъ у насъ на качеляхъ, съ другой трактиры и тому подобныя заведенія. Вплоть подлѣ предмѣстія лежитъ датскій городъ *Альтона*, отдѣляемый отъ Гамбурга стѣною, и сообщающійся широкими воротами, съ надписью: *Запрещается просить подаянія подъ опасеніемъ наказанія*. Городъ Альтона получилъ названіе свое отъ нижне-германскаго произношенія словъ all, zu, nah, *слишкомъ близокъ*. Въ немъ видны, также какъ и въ Гамбургѣ, нѣмецкая чистота, нѣмецкая аккуратность, но нѣтъ той живости, того движенія. Замѣчательно множество лоттерейныхъ конторъ. Въ Гамбургѣ одна большая лоттерея, въ которой билетъ стоитъ рублей двѣсти, а здѣсь множество мелкихъ конторъ, въ которыхъ продаются билеты дешевые, да и тѣ дѣлятся на половины и на четверти. Эти лоттереи очень вредны тѣмъ, что побуждаютъ бѣдныхъ людей, особенно слугъ и служанокъ, къ

кражѣ и обманамъ. Есть люди, которые все свое имѣніе проигрываютъ на лоттерейныхъ билетахъ. — Когда мы проѣхали городъ, кучеръ нашъ остановился у ограды церковной, и сказалъ: «Вотъ Оттенсенъ!» — «Оттенсенъ!» повторили мы всѣ въ полголоса. Это сельское кладбище, на которомъ покоится прахъ Клопштока. Посреди ограды возвышается небольшая церковь простой архитектуры, выкрашенная подъ кирпичъ, какъ большая часть неважныхъ зданій въ Гамбургѣ и Альтонѣ. Предъ нею, насупротивъ самаго входа, подъ высокою густою липою, видны два надгробные камня, поставленные стоймя. Сѣдовласый сторожъ отперъ калитку, и мы вошли въ ограду. Подъ камнемъ, съ лѣвой стороны, лежитъ первая супруга Клопштока, Маргарита, прославленная имъ подъ именемъ ***Меты:*** она скончалась въ первыхъ родахъ. Надгробіе сочинено имъ самимъ. Оно начинается словами: «Saat, von Gott gesäet, am Tage der Garben zu reifen,» т. е.: «***Сѣмя, посѣянное Богомъ, да созрѣетъ въ день жатвы.***» Я слѣдилъ за каждою буквою надписи, на которой не рѣдко останавливались полные слезъ глаза великаго пѣвца. По правую руку погребенъ самъ Клопштокъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, вторая супруга его, съ которою онъ сочетался уже въ старости. На памятникахъ Клопштока и Меты висѣли свѣжіе цвѣточные вѣнки, которыми украшены они были въ день его рожденія (2-го Іюля). Жители Гамбурга и Альтоны свято чтутъ память великаго соотечественника. Надъ домомъ его въ Гам-

бургѣ, въ Королевской Улицѣ, надпись на мраморной доскѣ: «Die Unsterblichkeit ist ein grosser Gedanke» и пр. т. е. «Безсмертіе есть великая мысль.» Клопштокъ жилъ въ этомъ домѣ тридцать лѣтъ, съ 1771 года по день своей кончины.

Мы покатились далѣе. Пошелъ рядъ загородныхъ домовъ и парковъ, одинъ другаго красивѣе и великолѣпнѣе. Ренвилевъ садъ, Флоттбекъ, Нienштедтенъ и проч. лежатъ у самой Эльбы; аллеи, рощи, поляны спускаются по крутому берегу, до воды. Сверху видъ прелестнѣйшій. Величавая Эльба катитъ струи свои между зелеными, цвѣтущими берегами; сотни разныхъ судовъ летятъ подъ распущенными парусами. Куксгавенскій пароходъ, какъ истый гамбургскій гражданинъ, куря трубку, смѣется ихъ усиліямъ, и оставляетъ ихъ за собою. Мы остановились у воротъ одного сада (г. Баура въ Докенгуденѣ), и хотѣли выйти. Къ коляскѣ подошелъ сторожъ, и объявилъ, что сегодня входу нѣтъ. Гулянье-де бываетъ здѣсь по средамъ, а сегодня четвертокъ. — «Мы иностранцы, путешественники....» возразилъ я. — «Да хотя бы самъ Король Датскій сегодня сюда пріѣхалъ, мы бы его не впустили!» отвѣчалъ онъ въ сердцахъ. Нечего дѣлать, поѣхали далѣе. — «Король Датскій, Король Датскій!» повторялъ я въ умѣ: «да почему же именно Король Датскій?» спросилъ я наконецъ у г-жи Г. — «Какъ почему: вѣдь мы здѣсь въ Даніи!»

Странно нашему брату кажется ѣздить по этимъ чрезполоснымъ владѣніямъ! Привыкши къ нашему

русскому раздолью, никакъ не можешь вмѣстить въ голову мысль, что, напримѣръ, на этомъ концѣ аллеи царствуетъ Фридрихъ VI, а на другой — господинъ бюргермейстеръ Абендротъ.

Цѣлью путешествія нашего, ограниченнаго немногими часами, была рыбацкая и лоцманская деревня *Бланкенезе*, лежащая за высокимъ курганомъ, на берегу Эльбы. Жители этой деревни, искусные мореходцы, отличаются суровостью и грубостью своихъ нравовъ. Намъ не хотѣлось испытать на себѣ этихъ похвальныхъ качествъ, и мы, не входя въ деревню, рѣшились найти иное мѣсто, откуда можно было бы лучше всего насладиться тамошнимъ мѣстоположеніемъ. М. К. З., одна изъ спутницъ моихъ, объявила намъ, что знакомецъ ея, докторъ Альберсъ, живетъ лѣтомъ въ этой сторонѣ, и мы пошли его отыскивать. Входимъ въ прекрасный садъ, приближаемся къ большому, великолѣпному дому съ бельведеромъ. Изъ дверей выходитъ миловидная дама среднихъ лѣтъ, и спрашиваетъ кого намъ угодно. Госпожа З. объявила ей причину нескромнаго нашего визита въ чужомъ саду. «Доктора Альберса здѣсь сегодня нѣтъ,» сказала дама: «онъ выѣзжаетъ за городъ только по воскресеньямъ; но родители мои примутъ васъ съ удовольствіемъ, и вы съ нашего бельведера увидите несравненную панораму. Пожалуйте, войдите!» Мы пошли за нею въ домъ. Насъ встрѣтилъ сначала ея отецъ, добрый старичекъ лѣтъ семидесяти, и узнавъ о причинѣ нашего прихода, повторилъ сказанное до-

черью. Потомъ явилась и мать, совѣстно сказать, старушка — женщина премилая на взглядъ, привѣтливая, одѣтая и зашнурованная, какъ бы для того, чтобъ ѣхать на балъ, — и довершила радушіе пріема. Дочь ея, молодая вдова, какъ мы послѣ узнали, мать прекрасныхъ юношей, повела насъ по саду: показывала лучшія мѣста, прелестные виды, всѣ сельскія заведенія, и удивила насъ замѣчаніемъ, что здѣсь недавно была совершенная пустыня, и что отецъ и мать ея сами устроили себѣ этотъ усладительный пріютъ. Набродившись досыта, мы воротились въ домъ, чтобъ поблагодарить почтенныхъ хозяевъ. Они увѣряли насъ, что съ удовольствіемъ приняли у себя странниковъ, и повели въ столовую, гдѣ ожидалъ насъ полновѣсный гамбургскій завтракъ. Старикъ разговорился объ осадѣ Гамбурга, въ 1813 и 1814 годахъ, говорилъ мнѣ съ удовольствіемъ о многихъ нашихъ генералахъ и офицерахъ, особенно о генералѣ Баронѣ Левенштернѣ, который долго стоялъ съ своимъ отрядомъ въ Бланкенезе, и снискалъ тамъ общую любовь и уваженіе. Прощаясь, мы записали имена свои въ альбомахъ другъ у друга: почтеннаго гостепріимца нашего звали г. Клюндеръ: онъ гамбургскій купецъ.

Пріятно встрѣтиться на чужбинѣ съ добрыми людьми: мы не могли дорогою наговориться объ этомъ почтенномъ семействѣ. Г-жа Г. плакала отъ умиленія. «Эти прекрасные виды!» повторила она: «и эти добрые люди! Согласитесь, что и въ Германіи можно

жить!» — «Не спорю,» отвѣчалъ я, заглядываясь вправо. «Да что вы туда смотрите?» спросила госпожа Г. съ нетерпѣніемъ молодой дамы, которая не привыкла, чтобъ съ нея часто сводили глаза. Мы въ это время поднимались на высоту. Эльба видна была на большое пространство.

«Смотрю,» отвѣчалъ я, «и не могу различить; — видите ли этотъ корабль?» — «Вижу, а что?» — «Посмотрите на флагъ — бѣлая полоса, синяя, красная! Это русскій корабль!» — «Русскій корабль!» закричали обѣ: «русскій корабль! Неужто? Въ самомъ дѣлѣ! Ахъ! русскій корабль! Das liebe, liebe Russland!»

Послѣдній вечеръ пребыванія моего въ Гамбургѣ провелъ я въ лѣтнемъ загородномъ театрѣ. Въ публичномъ саду, называемомъ Тиволи, за каменными воротами, устроенъ, на покатой равнинѣ, просторный партеръ; по сторонамъ возвышаются галереи. Предъ партеромъ сцена, крытая сверху, не такъ какъ въ Москвѣ, въ Нескучномъ, гдѣ верхнія декораціи созданы днемъ ранѣе Земнаго Шара. Отъ этого голоса актеровъ не теряются: на крытомъ театрѣ они гораздо слышнѣе. За входъ платятъ по восьми шиллинговъ, гривенъ шесть; заплатите еще четыре шиллинга, и вы имѣете мѣсто на галереѣ. Я воспользовался этимъ правомъ, и препріятно провелъ вечеръ. Играли *Мнимую Каталани* довольно хорошо: лучше всѣхъ былъ актеръ Гёдеманъ, представлявшій главное лице. Но для меня всего любопытнѣе и забавнѣе

былъ партеръ, составленный изъ зрителей и зрительницъ средняго сословія. Аристократія гамбургская не ѣздитъ въ загородные спектакли: гораздо благоприличнѣе задыхаться отъ жару въ своемъ городскомъ театрѣ, нежели смѣяться на этомъ народномъ игрищѣ. Вообразите, что предъ каждою дамою въ партерѣ стоитъ столикъ, и на немъ чай, кофе и т. п. Зрительница вяжетъ чулокъ, глядитъ на сцену, и по временамъ прихлебываетъ горячаго! Забавно! Передо мною сидѣли на галереѣ двѣ хорошенькія дѣвицы, въ полутраурѣ. «Что жъ вы не вяжете чулка?» спросилъ я. «Слишкомъ жарко-съ,» отвѣчала одна, съ запинкою, какъ будто совѣстясь, что теряетъ время.

Спектакль кончился въ половинѣ девятаго часа, и зрители, числомъ тысячи полторы человѣкъ, вышли изъ саду всѣ чрезъ одну неширокую дверь, не тѣснясь, не толкаясь, не безпокоя другъ друга — чинно и благопристойно. Всѣ они явились въ театръ пѣшкомъ, и группами спѣшили въ городъ. Точно спѣшили. Въ Гамбургѣ существуетъ, съ незапамятныхъ временъ, обыкновеніе запирать въ извѣстное время всѣ городскія ворота. Лѣтомъ притворяютъ ихъ ровно въ девять часовъ, и въ десятомъ часу берутъ съ каждаго прохожаго или проѣзжаго небольшую плату; въ одиннадцатомъ часу вдвое; въ двѣнадцатомъ вчетверо, а въ полночь запираютъ ворота наглухо, и хотя бъ пріѣхалъ самъ президентъ Германскаго Сейма, Графъ Мюнхъ-Беллинсгаузенъ, ему пришлось бы ждать разсвѣта. Для пріѣзжаго и непривыкшаго это очень за-

труднительно и непріятно. Я говорилъ объ этомъ съ однимъ гамбургскимъ патріотомъ, и онъ сказалъ мнѣ: «Рѣдко случается, чтобъ кто нибудь проводилъ ночь за городомъ по какимъ либо дѣламъ. Обыкновенно ѣздятъ гулять. Угодно гулять ночью, извольте платить. И въ городѣ есть гульбища: начто ѣздить за заставу?» На это отвѣчать нечего, тѣмъ болѣе, что этотъ сборъ употребляется на благотворительныя заведенія, но что скучно, то скучно! — Любители загородныхъ прогулокъ, поспѣшая воротиться въ городъ до урочнаго часа, стараются однако воспользоваться каждою секундою. Подойдетъ къ заставѣ, и спроситъ: «Сколько осталось до девяти часовъ?»—«Три минуты съ небольшимъ,» отвѣчаетъ сторожъ.—«Такъ можно еще погулять,» говоритъ онъ, и прохаживается за городомъ. Но лишь только раздастся звонокъ, толпа бросается въ ворота, и тогда бываетъ въ нихъ обыкновенно пребольшая давка. Отчаянные гуляки хвастаютъ тѣмъ, что умышленно возвращаются домой поздно, и платятъ вчетверо за пропускъ. Великодушно!

VII.

Гамбургъ.

Не пора ли кончить разглагольствія мои о Гамбургѣ! Я говорилъ о мѣстоположеніи города, о его образѣ правленія, о благотворительныхъ его заведеніяхъ, о

гульбищахъ, о забавахъ. Кажется, довольно. Долгъ требуетъ еще упомянуть съ благодарностью о тѣхъ почтенныхъ людяхъ, которые оказали страннику дружескій привѣтъ, и ласково приняли бездомнаго въ своихъ семействахъ.

Нашего министра-резидента, г-на Струве, не было въ Гамбургѣ во время моего тамъ пребыванія: онъ путешествовалъ по Англіи и Франціи. Я крайне жалѣю о томъ, что не познакомился съ нимъ. Онъ пользуется въ Гамбургѣ общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ умный, образованный, ученый, притомъ добрый, благородный и привѣтливый. Между тѣмъ нашелъ я ласковый пріемъ у исправляющаго на время его отсутствія должность министра-резидента, генеральнаго консула нашего, г. Бахерахта, женатаго на дочери г. Струве. Въ ихъ гостепріимномъ домѣ, въ ихъ дружелюбномъ, образованномъ кругу провелъ я нѣсколько истинно пріятныхъ часовъ, и познакомился со многими интересными людьми; съ ними былъ на гамбургскомъ вечерѣ, у одной почтенной дамы, и видѣлъ обычаи тамошнихъ гостиныхъ; съ ними разъѣзжалъ по любопытнымъ мѣстамъ города; у нихъ провелъ вечеръ наканунѣ моего отъѣзда.

Я говорилъ уже о добромъ и любезномъ Масѣ, который познакомилъ меня съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ лицъ города, съ бургомистрами, сенаторами, синдиками и пр. Я обѣдалъ у двоихъ изъ этихъ господъ, въ избранномъ, пріятномъ кругу. Меня заставляли говорить о Россіи, спрашивали о нашемъ

Государѣ, о его частной жизни, о его семействѣ. Я говорилъ такъ, какъ сталъ бы говорить каждый изъ пятидесяти милліоновъ его подданныхъ. Правители Гамбургской Республики слушали мои разсказы съ вниманіемъ и умиленіемъ. Я старался какъ можно яснѣе, правдивѣе, точнѣе представить имъ Россію и ея правительство, уничтожить странные предразсудки, разглашенные глупцами и недоброжелателями. Не правду говорятъ, будто Россія не имѣетъ друзей въ чужихъ краяхъ, будто на нее глядятъ со злобою и завистью. Это можетъ быть справедливо въ отношеніи къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ: люди, которымъ хотѣлось бы помутить Германію, и воспользоваться безпорядками, разумѣется, съ досадою смотрятъ на колоссальную Россію, которая не потерпитъ нарушенія правъ и спокойствія ея союзниковъ; сердятся, но только для виду, негодные бумагомаратели, которые (по большей части, съ голоду) лаютъ на нее, *какъ моська на слона;* но всѣ люди порядочные, благоразумные, образованные, уважаютъ и Россію и Государя ея, будучи увѣрены, что не Россія страшна Европѣ. Къ сожалѣнію, въ Германіи и вообще въ чужихъ краяхъ мало знаютъ наше отечество. Пишутъ объ насъ иностранцы, не понимающіе языка русскаго, ни свойствъ, ни потребностей земли русской. Неоднократно случалось мнѣ жарко спорить съ Нѣмцами, которые, замѣняя русскій аршинъ своимъ локтемъ, называютъ неумѣстнымъ и несправедливымъ именно то, что полезно, выгодно и необходимо нашей

исполинской Россіи. Жаль, что за границей не издають о Россіи журнала на нѣмецкомъ, или еще лучше, на французскомъ языкѣ, въ которомъ люди, понимающіе Россію и въ то же время образованные по-заморскому, знакомили бы западную Европу съ нашими законами, нравами, правленіемъ и событіями общими и частными, говоря о Россіи сущую правду. Такой журналъ издавали лѣтъ тридцать тому назадъ гг. Шторхъ *) и Энгельгардъ подъ заглавіемъ: *Россія въ царствованіе Александра I* (Russland unter Alexander dem Ersten). Ученые журналы, какъ напримѣръ Дерптскія Лѣтописи, полезны и хороши, но они односторонни и не довольно національны. — Пока этого нѣтъ, всякій честный русскій гражданинъ, занесенный на чужбину, обязанъ всячески вразумлять иностранцевъ на счетъ нашего отечества. Ахъ! только это вразумленіе происходитъ, какъ выражаются подьячіе, *на нѣмецкомъ діалектѣ,* и у меня послѣ каждаго монолога о Россіи вскакивали прыщики на концѣ языка. Часто говаривали мнѣ друзья и пріятели, что *языкъ мой врагъ мой:* за то и досталось ему теперь въ Германіи!

Въ числѣ особъ, видѣнныхъ мною въ Гамбургѣ, съ удовольствіемъ называю Раупаха. Въ Гамбургѣ выходитъ каждое утро листокъ дневныхъ извѣстій, съ именами особъ, пріѣхавшихъ наканунѣ, и съ по-

*) Когда я писалъ эти строки, почтенный Шторхъ былъ еще живъ.

казаніемъ, гдѣ онѣ остановились. Увидѣвъ въ этомъ спискѣ имя Раупаха, я немедленно его отыскалъ. Мы не видались лѣтъ тринадцать. Онъ очень постарѣлъ на видъ, посѣдѣлъ, изсохъ, но духомъ бодръ, и глаза его все еще такъ же свѣтлы и выразительны, какъ прежде. Потолковавъ съ нимъ о *былыхъ* дѣлахъ и вещахъ, о настоящемъ и будущемъ, я *принудилъ себя* оставить его пріятную бесѣду. При входѣ моемъ въ комнату, онъ всталъ изъ-за письменнаго стола, а я, по горькому опыту, знаю, что утренній гость хуже Татарина. Раупахъ считается нынѣ между лучшими и плодовитѣйшими драматическими писателями Германіи. Его драмы и комедіи съ успѣхомъ представляются на всѣхъ театрахъ; но критики нѣмецкіе, не безъ основанія, жалуются, что поспѣшность работы выказывается у него и въ выборѣ сюжетовъ, и въ исполненіи. Онъ прочитаетъ страничку въ Раумеровой Исторіи Гогенштауфеновъ, — и планъ трагедіи готовъ. Но въ числѣ ихъ есть прекрасныя, и во всѣхъ видны воображеніе, умъ, талантъ и искусство владѣть языкомъ. Раупахъ обыкновенно живетъ въ Берлинѣ, и теперь проѣзжалъ чрезъ Гамбургъ въ морскія купальни.

Эта была моя единственная литературная бесѣда въ Гамбургѣ. Вообще осуждаютъ Нѣмцевъ за ихъ педантство, за то, что они предпочитаютъ ученость жизни, а книги натурѣ, но этого нельзя сказать о Гамбургцахъ. Если есть здѣсь литература, то одна практическая; для умозрительныхъ же и ученыхъ

разысканій приморскій воздухъ здѣшній слишкомъ рѣдокъ: это какъ бы вершина горы, до которой не поднимается мгла ученыхъ тучъ и тумановъ. По этой причинѣ, я думаю, нѣкоторые нѣмецкіе поэты и артисты избрали Гамбургъ преимущественно мѣстомъ своего жительства. Я говорилъ уже о Клопштокѣ. И Гагедорнъ жилъ и умеръ въ прекрасной деревнѣ Гарвстегуде, близъ Эппендорфа. Любимое мѣсто отдохновенія его было подъ густою липою, на берегу Альстера. Эта липа, чрезъ нѣсколько времени послѣ его смерти, была раздроблена грозою. Объ ней разсказываютъ презабавный анекдотъ. Гагедорнъ былъ очень близорукъ, и нѣсколько лѣтъ думалъ, что это дерево не липа, а дубъ, и воспѣлъ его, подъ именемъ дуба, въ одной своей одѣ. Друзья поэта, увидѣвъ ошибку, жестоко надъ нимъ смѣялись. Гагедорнъ очень горевалъ объ этомъ промахѣ, и во второмъ изданіи книги своей напечаталъ Linde, вмѣсто Eiche.— Изъ живущихъ въ Гамбургѣ артистовъ первое мѣсто занимаетъ Бернгардъ Ромбергъ. Я видѣлся съ нимъ нѣсколько разъ, бесѣдовалъ о Петербургѣ, о нашихъ тамошнихъ знакомыхъ, и болѣе всего о незабвенномъ другѣ нашемъ, М. Я. фонъ-Фокѣ. Старику очень хочется еще побывать у насъ, въ Петербургѣ, но вѣрная Бавкида не отпускаетъ его отъ своего пепелища.

Я былъ нынѣ въ Гамбургѣ двукратно, и въ промежутокъ этого времени съѣздилъ въ Берлинъ. Ничто въ Германіи, особенно въ Пруссіи, не исправилось такъ чувствительно въ послѣднее время, какъ почтовыя учрежденія. Этимъ публика всей Европы обязана почтенному нынѣшнему прусскому генералъ-директору почтъ, г. фонъ-Наглеру. Изъ Гамбурга ходятъ въ Берлинъ и обратно четыре раза въ недѣлю покойные дилижансы, совершая этотъ путь въ 36 часовъ. Въ случаѣ излишка пассажировъ, ходятъ при главномъ дилижансѣ вспомогательные (Beiwagen), но эти не такъ удобны, потому, что на каждой станціи мѣняются повозки, т. е. ѣдешь на перекладныхъ. Въ дилижансѣ лучшія мѣста №№ 5 и 6, въ переднемъ кабріолетѣ, и, для полученія ихъ, должно записываться заблаговременно. Во-первыхъ, тамъ имѣешь только одного товарища (третье мѣсто занимаетъ кондукторъ); во-вторыхъ, пользуешься видомъ прямо предъ собою. Точность, съ какою ходятъ эти дилижансы, достойна удивленія и подражанія. Въ восемь часовъ вечера они отходятъ изъ Гамбурга. Пассажиры должны прислать свои вещи за часъ, а сами явиться за четверть часа. Съ ударомъ осьми часовъ дилижансъ выѣзжаетъ изъ воротъ дома почтовой конторы въ улицѣ die grosse Bleiche, а на третій день, ровно въ восемь часовъ утра, не позже, но и отнюдь не раньше, въѣзжаетъ въ ворота почтоваго дома, въ Королевской Улицѣ, въ Берлинѣ. По причинѣ этой необыкновенной точности, не удивитесь, слыша

въ Берлинѣ на почтѣ: «Гамбургскій дилижансъ прійдетъ чрезъ семь минутъ.»

Я отправился изъ Гамбурга въ большой и пріятной компаніи. Кромѣ двухъ всегдашнихъ моихъ спутницъ, были съ нами еще двѣ дамы изъ Петербурга, д. ст. совѣтн. Ц., молодой Ш., сынъ знаменитаго петербургскаго химика, путешествующій по Европѣ на иждивеніи Министерства Финансовъ, для узнанія новыхъ открытій и приспособленій въ технической химіи; нашъ же подполковникъ Сл., ѣздившій въ Парижъ за тѣломъ своего брата, Ю. В. Сл., о смерти котораго было писано въ нашихъ журналахъ; два молодые путешественника изъ Парижа, человѣка три Англичанъ, и еще нѣсколько пассажировъ незначительныхъ. Вся компанія занимала дилижансъ и три Beiwagen. Дорога была въ этомъ обществѣ препріятная. По причинѣ частаго прилива и отлива пріѣзжихъ, мы на каждой станціи имѣли новыхъ спутниковъ. Сначала побаивались мы Французовъ, думая найти въ нихъ героевъ юной Франціи; но къ счастью обманулись: это были люди образованные, скромные, благородные, и притомъ веселые, добродушные, что называется de bons enfans. Мы тотчасъ познакомились, и продолжали знакомство это въ Берлинѣ. И Англичане обманули насъ, но въ другомъ отношеніи. Я искренне уважаю Англичанъ, и охотно соглашаюсь въ преимуществѣ ихъ предъ многими другими Европейцами; но это преимущество не простирается на британскихъ *туристовъ*, которые, окончивъ курсъ наукъ въ ка-

кой нибудь провинціяльной школѣ, пробѣгають, разиня ротъ, Европу и Египетъ, и, возвратившись домой, говорятъ, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ничего путнаго. Съ нами ѣхалъ такой патентованный болванъ, молодой человѣкъ, довольно пріятной наружности, но величайшій невѣжа, грубіянъ и гордецъ. Онъ никого не удостоилъ словомъ, и когда, въ крайнихъ случаяхъ, съ нимъ начинали говорить по-англійски, онъ отвѣчалъ сквозь зубы ломаными нѣмецкими словами. Сидѣлъ онъ въ углу дилижанса, занимая, по ширинѣ, полтора мѣста, на счетъ сосѣда своего, учтиваго Француза; развалясь въ самомъ неблагопристойномъ положеніи, грызъ ногти, и дерзко поглядывалъ на дамъ. Мы бесѣдовали съ Французами и другими спутниками, разсказывали анекдоты, шутили. Онъ представлялся, будто ничего не понимаетъ и не слышитъ. При самыхъ забавныхъ разсказахъ, когда всѣ помирали со смѣху, у него появлялись на устахъ невольныя судороги, показывавшія, что онъ понимаетъ по-французски, но онъ въ ту же секунду опять приводилъ губы въ форменную позицію. Такимъ сфинксомъ провелъ онъ тридцать шесть часовъ; проведетъ и всю жизнь свою, развѣ что его разорветъ въ парламентѣ или послѣ пьянаго радикальнаго обѣда.

Дорога отъ Гамбурга до Бойценбурга (двѣ станціи) идетъ по датскимъ владѣніямъ, слѣдственно не мощена, изрыта, дурна и даже опасна; но при въѣздѣ въ мекленбургскіе предѣлы, начинается шоссе, очень хорошее, только, кажется, не довольно широкое.

Въ мекленбургскихъ предѣлахъ проѣзжали мы чрезъ Лудвигслустъ; уѣздный городъ Великаго Герцогства Мекленбургъ-Шверинскаго. Онъ состоитъ изъ небольшихъ кирпичныхъ домовъ; по улицамъ тянутся густыя липовыя аллеи; отъ этого видъ города мраченъ и угрюмъ. На улицахъ тихо; народу мало. Все порядочно, обстоитъ благополучно и новаго не бываетъ. По мѣрѣ удаленія отъ приморскихъ странъ, земля становится скуднѣе и печальнѣе, и въ Бранденбургіи превращается въ песчаную равнину, для обработанія которой потребны были сотни лѣтъ и нѣмецкое постоянство. При Варновѣ въѣхали мы въ прусскія владѣнія. «Здѣсь пограничная таможня,» сказалъ кондукторъ: «извольте предъявить свои пожитки.» Мы выбрались изъ дилижансовъ со всѣмъ своимъ скарбомъ. Досмотръ производился тихо, учтиво и благородно. «Которыя ваши вещи?» спросилъ у меня одинъ чиновникъ, заглянувъ въ мой паспортъ. «Вотъ этотъ чемоданъ, шкатулка и мѣшокъ,» отвѣчалъ я: «и вотъ къ нимъ ключи.» — «Потрудитесь отомкнуть сами,» сказалъ онъ. Я исполнилъ его требованіе. Онъ приподнялъ крышку чемодана, посмотрѣлъ сверху, и закрылъ. Тѣмъ досмотръ и кончился. «Нѣтъ ли у васъ какой либо контрабанды?» спросилъ онъ у одной пассажирки. Почтенная дама, воспитанная на Васильевскомъ Острову, въ страхѣ Божіемъ, отвѣчала: «Есть.» — «А что такое?» — «Чай.» — «Да вѣроятно не много,» возразилъ чиновникъ, не желая вводить ее въ убытокъ: «фунтъ

или полтора?» — «Нѣтъ-съ,» отвѣчала она: «четыре фунта.» — «Ахъ, сударыня!» сказалъ чиновникъ, досадуя на ея откровенность: «извольте заплатить двѣнадцать грошей.» Только одинъ какой-то упрямецъ изъ нашихъ пассажировъ не соглашался отпереть сундука. Инспекторъ разсердился и хотѣлъ принудить его къ тому, но мы его угомонили, приписавъ отказъ спутника нашего незнанію нѣмецкаго языка.— По окончаніи досмотра, между тѣмъ, какъ укладывали вещи обратно въ повозки, я разговорился съ инспекторомъ, и шутя сказалъ ему: «Вы не довольно хорошо досмотрѣли наши вещи. Я не знаю прусскаго тарифа, и можетъ быть, везу контрабанду.» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Мы, сударь, разбираемъ людей, и конечно какого нибудь Жида не досмотримъ слегка; но у насъ есть предписаніе начальства — лучше пропустить неумышленной контрабанды на двѣсти талеровъ, нежели оскорбить благороднаго человѣка обиднымъ подозрѣніемъ.»

Мы проѣхали чрезъ одинъ порядочный городокъ, Перлебергъ, по извилистымъ, узкимъ улицамъ. На рыночной площади замѣтилъ я здѣсь старинную каменную колоссальную статую рыцаря съ мечемъ, покрытую плесенью и мохомъ. На вопросъ мой что это за памятникъ, мнѣ отвѣчали: «Это Роландова статуя,» и объявили, что такія же изваянія попадаются во многихъ старинныхъ нѣмецкихъ городахъ, на Везерѣ, Эльбѣ и Саалѣ. Вообще находятся онѣ въ двадцати восьми мѣстахъ. По народному преданію,

онѣ сооружены Карломъ Великимъ, въ память храбраго современника его, рыцаря Роланда, убитаго Сарацинами при Ронсевалѣ и воспѣтаго Аріостомъ. Но, по вѣроятному мнѣнію другихъ, онѣ воздвигнуты для показанія того, что городъ пользуется верховною судебною властью, какъ бы въ присутствіи самого императора. Точное имя ихъ было Ругеландъ, т. е. судебный округъ. Не доказано, чтобъ онѣ были поставлены Карломъ Великимъ: вѣроятно, онѣ сооружены гораздо позже. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, передъ этими статуями ежегодно давали всенародныя празднества, творили судъ и исполняли смертные приговоры. Вообще, въ Германіи, на каждомъ шагу найдете что нибудь достойное вниманія въ историческомъ отношеніи. Врядъ ли есть въ Европѣ страна, которая такъ часто подвергалась опустошительнымъ нашествіямъ и войнамъ, и при всемъ томъ, нигдѣ не сохранилось столько памятниковъ сѣдой старины.

Въ послѣдній разъ перемѣнили мы лошадей въ *нравоучительномъ* Шпандау, и, какъ сказано, въ исходѣ осьмаго въѣхали въ Берлинъ чрезъ великолѣпныя Бранденбургскія Ворота, проѣхали знакомую мнѣ улицу *Подъ Липами*, мимо королевскаго дворца, и остановились у почтоваго дома. Я отправился въ Hôtel de Russie, и занялъ тамъ прекрасную чистую комнату, № 29. Въ послѣдствіи, къ сожалѣнію, я не имѣлъ причинъ быть довольнымъ этою квартирою.

VIII.

Берлинъ.

Я былъ въ Берлинѣ за осьмнадцать лѣтъ предъ симъ, на обратномъ пути своемъ изъ Франціи въ Россію. Тогда провелъ я въ этомъ любопытномъ городѣ только три дня, изъ которыхъ два дня былъ боленъ и не выходилъ со двора. Помню только липовую аллею, Бранденбургскія Ворота, королевскій дворецъ, статую Курфирста на мосту, Hôtel de St. Pétersbourg. Нынѣ прожилъ я здѣсь девять дней, съ большимъ удовольствіемъ, но этимъ удовольствіемъ насладился я на счетъ удовлетворенія моему любопытству, и вотъ какъ это случилось. Я говорилъ уже, что пріѣхалъ въ Берлинъ съ нѣсколькими земляками. Первый выходъ мой былъ въ русское посольство. Посла нашего, А. И. Рибопіера, не было тогда въ Берлинѣ: онъ пріѣхалъ въ С. Петербургъ въ самое время моего отъѣзда; но за то нашелъ я въ посольской канцеляріи стараго, искренняго пріятеля, Барона П. Л. Ш., который остановился въ Берлинѣ проѣздомъ на теплыя воды. Такимъ образомъ составился между нами отечественный кружокъ: мы обѣдали въ общей компаніи, проводили вмѣстѣ цѣлые вечера, также ѣздили за городъ и, бесѣдуя между собою по-русски, иногда вовсе забывали, что живемъ на чужбинѣ. Кругъ нашъ разстроился мало по малу: друзья одинъ за другимъ разъѣхались, и я остался

одинъ: давай, думаю, пользоваться Берлиномъ, а тутъ и ударилъ часъ отъѣзда. Впрочемъ я и ѣздилъ не для географіи и статистики, а для отдохновенія, для освѣженія души и тѣла, которыя превратились было въ корректурную машину.

Описывать ли Берлинъ? Сколько читателей моихъ были въ немъ долѣе моего, знаютъ его подробнѣе и лучше! Сообщу нѣсколько легкихъ очерковъ тамошняго житья-бытья.

Прежде всего должно сказать, что Берлинъ городъ прекрасный, даже въ глазахъ пріѣзжаго изъ Петербурга. Онъ довольно обширенъ и раздѣленъ рѣкою Шпре на старый и новый городъ. Въ послѣднемъ первенствуетъ часть его, простирающаяся отъ королевскаго дворца до пересѣченія липовой аллеи Фридриховою Улицею; къ югу эта часть простирается до Жандармской Площади, гдѣ стоитъ драматическій театръ (Schauspielhaus). Въ этомъ объемѣ заключается большая часть достопамятнѣйшихъ и важнѣйшихъ зданій, какъ-то: королевскій дворецъ, каѳедральная церковь, музей, арсеналъ, университетъ, оперный домъ, публичная библіотека, академіи наукъ и художествъ, католическая церковь, монетный дворъ, драматическій театръ, всенародные монументы, и пр. Эта часть Берлина въ послѣднее время украшена многими прекрасными зданіями. Прежде сего, насупротивъ дворца была небольшая, обсаженная липами площадка, называвшаяся Lustgarten. На ней стояла мраморная статуя фельдмаршала Князя Дес-

саускаго. Нынѣ эта статуя перенесена на Вильгельмову Площадь, гдѣ стоятъ изображенія другихъ Фридриховыхъ героевъ, а Lustgarten украшенъ великолѣпнымъ зданіемъ музея. Предъ портикомъ музея стоитъ огромная гранитная ваза и бьетъ прекрасный фонтанъ; площадь усажена тополями. Далѣе, по сторонамъ новой гауптвахты, построенной съ большимъ вкусомъ, стоятъ мраморныя статуи генераловъ Бюлова и Шарнгорста, а насупротивъ нихъ, между домомъ Короля и зданіемъ оперы, колоссальная бронзовая статуя Блюхера. Сказавъ: *домомъ* Короля, я не ошибся. Нынѣшній Король живетъ не въ большомъ дворцѣ, а въ томъ домѣ, который онъ занималъ, бывъ еще Наслѣднымъ Принцемъ, гдѣ провелъ сладчайшіе для сердца его дни, въ кругу своего семейства. Квартира моя находилась въ двухъ шагахъ оттуда; я не могъ ни разу пройти мимо этого царскаго жилища, не остановясь предъ нимъ. Благородная простота, величественное спокойствіе составляютъ характеръ этого пріюта истиннаго величія и примѣрной добродѣтели. Изъ этихъ укромныхъ покоевъ, думалъ я съ умиленіемъ, истекаетъ спокойствіе, довольство, благоденствіе милліоновъ добрыхъ подданныхъ; тамъ предуготовляется счастіе и нерожденныхъ еще поколѣній; будущее есть необходимое послѣдствіе настоящаго.

Къ числу новыхъ произведеній архитектуры въ Берлинѣ должно причислить Фридрихъ-Вердерскую Церковь и строящуюся еще Академію Архитектуры (Bauacademie). Я говорилъ выше о необхо-

димости, въ которой нашелся архитекторъ построить зданіе церкви гораздо уже, нежели предполагалось; но и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ она составляетъ прекраснѣйшее произведеніе готической архитектуры. Зданіе имѣетъ видъ продолговатаго четвероугольника, оканчивающагося на восточной сторонѣ полудекагономъ. Надъ главнымъ входомъ возвышаются двѣ высокія башни съ плоскимъ верхомъ. Двери и окна стрѣльчатыя. Снаружи зданіе не оштукатурено; украшенія же сдѣланы изъ жженой глины. Эффектъ этого оригинальный и изящный. Церковь построена знаменитымъ Шинкелемъ. Лѣпная работа произведена Фейльнеромъ, по моделямъ Тика и Шадова. Архитектурная Академія еще не кончена. Она будетъ также неоштукатурена, съ лѣпными глиняными украшеніями. И ее строитъ Шинкель. Этотъ художникъ пріобрѣлъ справедливую славу своими прекрасными произведеніями, но — позвольте незнатоку *свое сужденіе имѣть!* — мнѣ не нравятся *квадратныя окна*. По моему взгляду, окну всего приличнѣе форма соразмѣрнаго параллелограмма, какъ бывало донынѣ. Еще менѣе пріятна глазу противоположная крайность: окна шириною въ одно стекло, вышиною въ шесть, отдѣляемыя одно отъ другаго узкими простѣнками. Такія окна устроены въ зданіи драматическаго театра; воля ваша, некрасиво! — Изъ новыхъ частныхъ зданій отличается домъ Графа Редерна, неподалеку отъ Бранденбургскихъ Воротъ. Вообще зданія въ западной, или новой части Берлина, пересѣкаемой широкими,

прямыми улицами, велики и изящны. Особенно нравится мнѣ ихъ наружная штукатурка, гладкая, какъ бы полированная.

Широкая липовая аллея составляетъ не послѣднее украшеніе города, но чувствителенъ недостатокъ въ большой судоходной рѣкѣ. Шпре есть нѣчто въ родѣ нашей Фонтанки, а знаменитый Длинный Мостъ (die lange Brücke) скорѣе можетъ назваться *короткимъ*. Между тѣмъ, въ чистой здоровой водѣ нѣтъ недостатка. Въ каждомъ домѣ есть колодезь, и сверхъ того по улицамъ размѣщено ихъ около шести сотъ. Всего въ Берлинѣ до шести тысячъ колодезей.

Когда подумаешь, что этотъ прекрасный, цвѣтущій городъ возникъ въ песчаной пустынѣ, далеко отъ большихъ рѣкъ, — нельзя не подивиться силѣ человѣческаго ума и твердой воли! Провидѣніе даровало Пруссіи рядъ монарховъ, которые, своими подвигами и трудами, вознесли ее на нынѣшнюю степень могущества, славы и благоденствія. Великій Курфирстъ, блистательный Фридрихъ I, бережливый и попечительный Фридрихъ Вильгельмъ I, безсмертный Фридрихъ II, и нынѣ царствующій Король, твердый въ бѣдствіяхъ, кроткій и благодушный въ счастіи, составили изъ разнородныхъ, противоборствующихъ между собою стихій, одно цѣлое — могущественную, твердую и счастливую монархію, стоящую въ первомъ ряду державъ Европы. Столица же всегда есть *сокращеніе* государства, *глаза* его, *мозгъ*, и вотъ почему Берлинъ такъ великолѣпенъ, красивъ, пріятенъ

и разнообразенъ. Между тѣмъ, какъ въ западной его части вращается міръ правительства, наукъ и искусствъ, восточная (старый городъ), уступающая первой въ правильности, изяществѣ и *модности*, кипитъ торговлею и промыслами. Это нашъ Васильевскій Островъ, Третья Адмиралтейская часть и Владимірская Сторона. Но вообще, если бъ мнѣ должно было выразить характеръ Берлина, я назвалъ бы его городомъ *военно-ученымъ*. И дѣйствительно, въ блистательной его части, учрежденія воинскія и ученыя идутъ рядомъ. Университетъ и арсеналъ, академія наукъ и артиллерійское училище, королевская библіотека и монументъ Блюхера, смѣняются между собою. На улицахъ, кромѣ общей обыкновенной массы народа, офицеры и студенты отличаются предъ всѣми. Впрочемъ, подъ названіемъ студентовъ не воображайте себѣ неряхъ и буяновъ: берлинскіе питомцы музъ благовидны и благонравны.

IX.

Довольно нѣсколькихъ дней для того, чтобъ пріобрѣсть наглядное понятіе о какомъ либо городѣ, чтобъ схватить отличительныя черты внѣшняго его характера, чтобъ замѣтить нѣкоторыя странности на улицахъ; — но можно ли въ это короткое время пріобрѣсть основательныя понятія о характерѣ его жи-

телей, объ умственномъ ихъ образованіи, о нравственности, и пр.? Отнюдь нѣтъ, и по этой причинѣ прошу я извиненія у читателей въ краткости и отрывчивости моихъ замѣтокъ о Берлинѣ. Если бъ я хотѣлъ списывать другихъ путешественниковъ, то могъ бы наполнить цѣлые томы, а мнѣ хочется пересказать только то, что я самъ видѣлъ и слышалъ.

Болѣе всего поражаетъ странника въ Пруссіи общее благоустройство: во всемъ видишь порядокъ, стройное дѣйствіе всѣхъ пружинъ правленія, безпристрастное правосудіе, кроткую снисходительность къ слабостямъ людскимъ, и строгое преслѣдованіе порока и преступленій. Это происходитъ отъ личныхъ достоинствъ Короля, отъ твердости государственныхъ постановленій и сообразности ихъ съ цѣлію государства, и отъ распространенія образованности, на которой основана общая нравственность. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ выше, и врожденное Нѣмцамъ праводушіе въ исполненіи обязанностей во многомъ способствуетъ успѣшному достиженію намѣреній благолюбиваго правительства. Въ Пруссіи всякъ можетъ удостовѣриться, что такъ называемыя репрезентативныя, или представительныя формы отнюдь не составляютъ необходимости благоустроеннаго и счастливаго государства. Здѣсь нѣтъ парламентовъ и палатъ, въ которыхъ, по прихоти несмысленной, а иногда и подкупленной толпы, выбирающей своихъ представителей, министры королевскіе обременяются упреками и оскорбленіями; здѣсь нѣтъ журналовъ, въ которыхъ

буйные, злонамѣренные, а чаще всего сребролюбивые писаки, своею нескромностью, дерзостью, лживостью, на каждомъ шагу останавливаютъ дѣйствія верховной власти, и самыя благія ея намѣренія представляютъ въ видѣ превратномъ и ненавистномъ. Здѣсь Государь окруженъ избранными имъ, благонамѣренными, просвѣщенными, добродѣтельными сановниками, которые добросовѣстно исполняютъ велѣнія высшей воли посредствомъ чиновниковъ образованныхъ и честныхъ; здѣсь не возбраняется никому говорить что ему угодно; но коль скоро это позволеніе употребляется во зло, правительство ставитъ ему предѣлы. Сравните спокойное дѣйствіе государственнаго организма въ Пруссіи, благое вліяніе ея на сосѣдственныя державы, съ скрипомъ, визгомъ и трескомъ представительной паровой машины Французской, которая жаромъ и кипяткомъ обдаетъ и чужихъ и своихъ!

Важнѣйшимъ государственнымъ подвигомъ Пруссіи было составленіе Германскаго Таможеннаго Союза (Deutscher Zollverband). Это дѣло приноситъ величайшую честь мудрости, прозорливости и благоразумію прусскаго правительства, и какъ объ немъ у насъ, въ Россіи, не распространено точныхъ понятій, то я считаю нелишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Главнѣйшею причиною бѣдствій, недостатковъ и жалобъ Германіи, было раздробленіе ея на тридцать восемь отдѣльныхъ, большихъ и малыхъ государствъ,

имѣющихъ различный образъ правленія, различные законы и постановленія, различныя выгоды и мнѣнія. Неоднократно случалось, что Нѣмцы сражались противъ Нѣмцевъ, взаимно вредили другъ другу, помогали внѣшнимъ врагамъ противъ внутреннихъ друзей. Это противоборство стихій Германіи доведено было до высшей степени преобладаніемъ Франціи, притѣсненіями Наполеона и учрежденіемъ Рейнскаго Союза, но въ этомъ случаѣ избытокъ зла повелъ къ добру. Германскія правительства и германскіе народы увидѣли причину своихъ бѣдствій, крывшуюся въ разногласіи и противоборствѣ составныхъ частей Германіи: заключили общій твердый союзъ, и освободились отъ чужеземнаго ига. Между тѣмъ этотъ союзъ существовалъ только для внѣшней обороны, и по возстановленіи общаго мира, прежніе недостатки германскаго раздробленія сдѣлались явственнѣе и чувствительнѣе. Всѣ великіе государи разныхъ странъ Германіи, Фридрихъ Великій, Іосифъ II и другіе, чувствовали необходимость единства имперіи, для поддержанія ея благоденствія, но не находили средствъ къ достиженію этой цѣли. Нельзя было произвести единства Германіи безъ нарушенія правъ частныхъ владѣльцевъ, безъ потрясенія основаній, на которыхъ она существуетъ издавна. Самое большое неудобство къ преуспѣянію Германіи въ промышлености, искусствахъ и торговлѣ заключалось въ томъ, что она покрыта была сѣтью таможенныхъ линій, которыми правительства отдѣльныхъ ея частей окру-

жили себя отвсюду. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было проѣхать ста верстъ, не заплативъ нѣсколько разъ пошлины, которой свойство и цѣнность измѣнялись на каждой границѣ. Промышленость, фабрики, искусства, торговля не могли подняться. Германія уподоблялась тѣлу, окованному во всѣхъ частяхъ своихъ, въ которомъ кровь и жизненные соки не могли имѣть свободнаго обращенія, которое, въ изнеможеніи силъ, томилось и изнывало. Отъ этого наружнаго зла происходило другое, нравственное. Между отдѣльными государствами Германіи возникли взаимное недоброжелательство, зависть, мстительность. Саксонцы ненавидѣли Прусаковъ, Баденцы Виртембергцевъ, Баварцы Австрійцевъ. Главнѣйшею тому причиною было раздѣленіе и противоборство интересовъ промышленыхъ и коммерческихъ. Государства большія, сильныя и богатыя возбуждали зависть малыхъ, и эти послѣднія охотно приставали къ сторонѣ враговъ Германіи. Было время, что одно имя *Прусакъ* приводило въ трепетъ и злобу всякаго инаго Нѣмца, а виною этому была строгая запретительная система, которою Фридрихъ II отдѣлилъ свои владѣнія отъ прочихъ германскихъ земель. Слѣдствіемъ этого были, какъ сказано, неудачи, потери и бѣдствія Германіи въ войнахъ съ Французскою Республикою и Наполеономъ.

Эти обстоятельства обратили на себя вниманіе Прусскаго Правительства. Бывъ издавна убѣждено въ необходимости единства разныхъ владѣній герман-

скихъ, для обезпеченія ихъ благосостоянія и неприкосновенности извнѣ, оно, наконецъ, нашло вѣрнѣйшее къ тому средство въ разрушеніи преградъ, раздѣлявшихъ досужество, промышленость и торговлю ихъ, въ составленіи общаго Германскаго Союза, основаннаго на выгодахъ всѣхъ его правительствъ и подданныхъ. Благодѣтельный этотъ планъ былъ приведенъ въ дѣйство исподоволь, съ мудрою осторожностію, съ уваженіемъ къ правамъ сосѣдей. Опыты заключенія торговыхъ союзовъ между второстепенными германскими государствами (Баваріею, Виртембергомъ, Баденомъ и пр.), сдѣланные за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, по просьбѣ тамошняго купечества, не имѣли большаго успѣха, по малосильности этихъ владѣній, по неимѣнію въ нихъ судоходныхъ рѣкъ, исключительно имъ принадлежащихъ. Пруссія, лучше всякой другой державы германской, могла этого достигнуть. Первый трактатъ, въ этомъ отношеніи заключенъ былъ съ Великимъ Герцогствомъ Гессенскимъ, 14 Февраля 1828. Въ 1829 приступили къ нему два Герцогства Саксонскія. Важнѣйшимъ же актомъ въ этомъ дѣлѣ было заключеніе трактата Пруссіи съ Баваріею и Виртембергомъ (27-го Мая 1829). Ихъ примѣру послѣдовало Курфиршество Гессенское (25-го Августа 1831), наконецъ и Королевство Саксонское (1-го Января 1832). Въ нынѣшнемъ году приступили къ союзу Великое Герцогство Баденское и Герцогство Нассауское. Приступленіе сихъ послѣднихъ замедлено было тѣмъ, что въ нихъ

надлежало вразумить премудрость земскихъ чиновъ о пользѣ заключенія этого союза. Съ городомъ Франкфуртомъ идутъ переговоры. Нынѣ Германскій Таможенный Союзъ заключаетъ въ себѣ всѣ владѣнія Германіи, кромѣ австрійскихъ, Ганновера, Брауншвейга, мекленбургскихъ владѣній и ганзейскихъ городовъ. Австрія, обладая многими землями внѣ Германіи, и слѣдственно имѣя свои собственныя коммерческія отношенія, не могла вступить въ этотъ союзъ. Въ Ганноверѣ и Брауншвейгѣ преобладаютъ выгоды Англіи; мекленбургскія владѣнія лежатъ внѣ таможенной линіи, а Ганзейцы руководствуются своими коммерческими расчетами: имъ выгоднѣе привозить заморскій товаръ за малую пошлину, и потомъ продавать въ Германіи.

1-го Января 1834 года Германскій Таможенный Союзъ заключалъ въ объемѣ своемъ 10,000 квадр. географ. миль и около 22.000,000 жителей. Вмѣсто прежнихъ таможенныхъ линій, простиравшихся на 2930 миль, должно нынѣ охранять только 690. Вмѣсто прежнихъ 60 мил. гульденовъ издержекъ на содержаніе таможенъ, требуется теперь не болѣе двухъ милліоновъ. Во всѣхъ государствахъ этого союза существуетъ общій тарифъ, по которому пошлина собирается только на границѣ Германіи, а потомъ товаръ пользуется безпрепятственнымъ пропускомъ по всѣмъ землямъ, составляющимъ союзъ. Всѣ собственныя произведенія земель союза развозятся во всемъ его пространствѣ безпошлинно. Пруссія приняла на себя

взиманіе пошлины по всей внѣшней границѣ союза. Таможенный доходъ, по истеченіи года, раздѣляется между правительствами союза, по числу душъ въ каждомъ владѣніи. Трактаты о семъ между союзными владѣніями заключены на восемь лѣтъ.

Благодѣтельныя послѣдствія сего мудраго плана уже оказываются во всемъ своемъ блескѣ. Важнѣйшія жизненныя потребности упали въ цѣнѣ, и между тѣмъ произведеніямъ небольшихъ государствъ открылся обширный рынокъ. Фабрики, мануфактуры, промыслы всякаго рода оживились. Въ первое время существованія сего союза болѣе всѣхъ прочихъ земель потерпитъ сама Пруссія. Мнѣ сказывали, что она нынѣ теряетъ, отъ упраздненія таможенныхъ сборовъ на границахъ германскихъ, около двухъ милліоновъ талеровъ; сверхъ того правительство издерживаетъ значительныя суммы на поддержаніе прусскихъ фабрикъ, пострадавшихъ отъ привоза дешевыхъ издѣлій саксонскихъ. Но эти потери и пожертвованія будутъ вознаграждены вскорѣ и съ лихвою. Промышленость обратится на предметы выгоднѣйшіе, а государственный доходъ пополнится другими сборами, по увеличенію торговыхъ и мануфактурныхъ сношеній во внутренности. Между тѣмъ мало по малу исчезнутъ недовѣрчивость, недоброжелательство, зависть между разными германскими землями: онѣ привыкнутъ почитать Пруссію своею защитницею и краеугольнымъ камнемъ въ зданіи Нѣмецкой Имперіи. Исчезнетъ и память о междоусобіяхъ, еще недавно

обогрявшихъ поля доблестной, честной, трудолюбивой Германіи. А если бъ со временемъ и случилось, чтобъ которое либо изъ нѣмецкихъ владѣній, особенно лежащихъ близъ предѣловъ Франціи, вздумало, какъ бывало встарину, искать союза съ давнишними врагами Германіи, и вредить общему благу, Пруссія, имѣя въ рукахъ важнѣйшую часть его доходовъ, могла бы образумить его и парализировать всѣ враждебныя дѣйствія.

И это великое дѣло произведено Пруссіею безъ шуму, безъ разглагольствій, силою опытности, истины и правды. Вотще умники и крикуны, въ собраніяхъ земскихъ чиновъ, нѣкоторыхъ нѣмецкихъ державъ старались заглушить голосъ мудрости и благонамѣренности. Общее, единодушное одобреніе всей націи германской было наградою за благой подвигъ мудраго Фридриха Вильгельма III.

X.

Берлинъ.

Выше назвалъ я Берлинъ городомъ *военно-ученымъ*. По сей причинѣ, читатели мои могутъ требовать у меня описанія его преимущественно въ двухъ отношеніяхъ — въ военномъ и въ ученомъ. Но что я могу сказать въ первомъ отношеніи — профанъ по

военной части и дѣйствительной и приготовительной! Если бъ я былъ журналистъ парижскій, то конечно имѣлъ бы нѣкоторую опытность въ наступательномъ и оборонительномъ дѣйствіи пистолетами и шпагами, но, къ счастію, у насъ тактика журналистовъ ограничивается бранью другаго рода. Я смѣю судить о *военныхъ* и о *военной службѣ* только по наружности, и, въ этомъ отношеніи, не могу скрыть особаго и не очень пріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго во мнѣ прусскими солдатами: они слишкомъ молоды. Я не видалъ въ Берлинѣ тѣхъ старыхъ гренадеръ, которые составляютъ силу и славу арміи, тѣхъ угрюмыхъ ворчуновъ (grognards), которые выносятъ на плечахъ судьбу сраженій. Попадавшіеся мнѣ солдаты были все ребята молодые, плохо выправленные, и, какъ кажется, скучающіе своимъ ремесломъ; мнѣ казалось, что у каждаго написано было на лицѣ: «какъ бы скорѣе кончить годы, да махнуть обратно къ маменькѣ, на вассерсупъ!» Не думаю, чтобъ съ этими новобранцами можно было одерживать побѣды. Впрочемъ, кажется, что, при нынѣшнемъ состояніи Европы, дѣло до того не дойдетъ, а въ караулъ можно ходить и безъ усовъ *). — Офицеры прусскіе, съ которыми

*) Извѣстный военный писатель Графъ Бисмаркъ (виртембергскій генералъ и посланникъ при Берлинскомъ Дворѣ) до того отвыкъ отъ старыхъ солдатъ, что не могъ удержать радостныхъ слезъ, взглянувъ въ Петербургѣ на нашихъ усачей, кавалергардовъ и конногвардейцевъ.

мнѣ случилось видѣться, люди учтивые, благовоспитанные. Я имѣлъ порученіе къ одному капитану гвардейскаго нёфшательскаго баталіона, и пришелъ къ нему не во-время, — когда онъ стригся. Капитанъ, принявъ меня очень учтиво, посадилъ меня и сталъ разговаривать. Между тѣмъ парикмахеръ стоялъ съ ножницами въ рукахъ, и *съ почтеньемъ ждалъ конца.* Разговоръ позатянулся, и капитану стало совѣстно, что парикмахеръ дожидается стоя: онъ взглянулъ на меня съ улыбкою, въ которой изображалось извиненіе, и потомъ, оборотясь къ парикмахеру, сказалъ ему очень учтиво: «Садитесь, пожалуйте!» Разумѣется, что парикмахеръ поблагодарилъ за это приглашеніе и не воспользовался имъ, но мнѣ пріятно было видѣть такое уваженіе къ *человѣку.*

Эта черта въ Пруссіи значительнѣе, нежели гдѣ нибудь: она показываетъ совершенное перерожденіе духа прусской арміи. Семилѣтняя Война, безпримѣрная въ лѣтописяхъ военныхъ, вознесла на высочайшую степень славу прусскаго оружія, и породила въ Пруссакахъ справедливое чувство своего достоинства. Наступили годы мира и тишины; герои вымерли, а преемники наслѣдовали только ихъ гордость, которая, не будучи подкрѣпляема собственными дѣлами, превратилась въ надменность, хвастовство и дерзость. Эти пороки расторгли всѣ связи между воинами и гражданами Пруссіи. Воины презирали гражданъ; граждане ихъ ненавидѣли. Трудно повѣрить, что въ 1806 году жители Пруссіи радовались несчастіямъ

прусской арміи и рукоплескали Французамъ! Притомъ должно еще замѣтить, что нижніе чины прусскіе тогда состояли большею частію изъ навербованныхъ рекрутъ, бѣглецовъ, негодяевъ, а въ офицеры принимались только природные дворяне. Несчастія, постигшія Пруссію, открыли глаза правительству и народу. Армія была преобразована, и составлена изъ элементовъ національныхъ. Учрежденіемъ ландверовъ открытъ былъ входъ къ нее гражданамъ всѣхъ сословій, и чрезъ семь лѣтъ прусская армія, совершенно перерожденная, пріобрѣла безсмертную славу.

Берлинъ *ученый* представляетъ любопытному наблюдателю обширное поле, но его можно разсмотрѣть и описать не въ *девять* дней изъ двадцати осьми, удѣленныхъ мнѣ на путешествіе. Я, признаюсь, съ искреннимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Берлинскій Университетъ, вступилъ въ аудиторію съ невольнымъ трепетомъ уваженія къ корифеямъ наукъ германскихъ, къ тѣмъ великимъ людямъ, которые преобразовали, усилили, развили умственныя способности человѣчества, обогатили его драгоцѣнными опытами, великими наблюденіями и важными выводами. И теперь, сидя въ уединенной кельѣ трактира Hôtel de Russie, слыша изрѣдка звуки нѣмецкаго языка, несущіеся ко мнѣ съ улицы, я съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ воображаю, что нахожусь тамъ, гдѣ жили и дѣйствовали великіе мужи, мудрецы вѣковъ. Счастливы тѣ, которые пользовались ихъ уроками, живымъ изліяніемъ ихъ мыслей и чувствованій! Я съ горестью

имъ завидую. Мнѣ скажутъ: у тебя есть книги. Книги — мертвыя буквы, угашающія духъ! Воображаю себя студентомъ, лѣтъ двадцати; переношусь на скамью въ аудиторіи Окена, Шеллинга, Гегеля, Геерена, Савиньи, — и потомъ вспоминаю, какъ провелъ свою молодость, съ какимъ трудомъ урывками почерпнулъ немногое изъ мутнаго канала, которымъ протекала къ намъ тогда *живая вода науки!* Молодые люди! питайте въ себѣ священный огонь любви къ безкорыстному служенію наукамъ! Пользуйтесь временемъ и случаемъ! Прійдетъ черствая зрѣлость: вы увидите что̀ потеряли для всей жизни, и съ унылымъ сердцемъ будете смотрѣть на пройденный вами путь прозы и вседневности. Науки — вѣчные небесные лучи, проникающіе въ темную и временную храмину, гдѣ заключена душа безсмертная! Искусства — мгновенные порывы этой души къ неземному идеалу! вы даете человѣку истинное его достоинство, возносите его надъ тлѣніемъ и чувственностью въ міръ лучшій, посредничествующій между міромъ здѣшнимъ и тѣмъ немерцающимъ свѣтомъ, къ которому душа наша стремится за предѣлы гроба!

Кратковременность пребыванія моего въ Берлинѣ не позволила мнѣ познакомиться и побесѣдовать со *многими* учеными людьми. Съ Боппомъ мы помѣнялись визитными карточками. Баронъ Ш. познакомилъ меня съ знаменитымъ географомъ Карломъ Риттеромъ, человѣкомъ кроткимъ, скромнымъ, пріятнымъ въ обращеніи. Я былъ у него на лекціи, и слушалъ обозрѣ-

ніе водяныхъ сообщеній Европейской Россіи. Это было для меня вовсе не ново, но любопытно то, что Риттеръ ни разу не ошибся ни въ одномъ русскомъ словѣ, впрочемъ жалуясь на недостаточность пособій къ основательному познанію Россіи. Студенты, наполнявшіе залу, слушали его съ величайшимъ вниманіемъ, и рачительно записывали его слова. — Я желалъ посѣтить и другія лекціи, особенно Савиньи и Ганса, но во-первыхъ не могъ удосужиться отъ визитовъ, во-вторыхъ боялся жару и духоты въ залѣ. Въ Берлинѣ господствуетъ странный обычай: давать отдохновеніе студентамъ не въ каникулы, когда жаръ прекращаетъ всякую возможность заниматься чѣмъ бы то ни было, а съ половины августа. Это обыкновеніе вѣроятно получило начало въ южныхъ странахъ, гдѣ молодыхъ людей отпускали къ родителямъ на время собиранія винограда. Не худо было бы отмѣнить его въ Берлинѣ, гдѣ, въ песчаныхъ окрестностяхъ, едва ли родится брусника.

Самую пріятную бесѣду въ Берлинѣ нашелъ я въ обществѣ профессора Эрмана, извѣстнаго путешествіемъ своимъ по Сибири. Я познакомился съ нимъ и спутникомъ его, норвежскимъ профессоромъ Ганстееномъ, въ 1828 году, въ Петербургѣ, за обѣдомъ у шведскаго посланника Барона Пальмшерны. Эрманъ въ подробности распрашивалъ меня о Россіи, о русскомъ языкѣ, о средствахъ ему выучиться, и т. п. Я отвѣчалъ, какъ могъ, и увѣрялъ его, что въ самой Россіи, въ обращеніи съ Русскими, онъ нечувстви-

тельно узнаетъ и землю нашу и языкъ. Года черезъ два послѣ того входитъ въ мой кабинетъ молодой человѣкъ, котораго я, помнится, гдѣ-то видалъ, и спрашиваетъ по-русски: «Вы не помните меня, Н. И.? — Я Эрманъ, тотъ дикій нѣмецкій профессоръ, съ которымъ вы обѣдали у Барона Пальмшерны.» — «Вы Эрманъ?» воскликнулъ я съ удивленіемъ; «да у кого выучились вы русскому языку?» — «У русскихъ мужичковъ!» отвѣчалъ онъ простодушно и замысловато. Эрманъ не удовольствовался изученіемъ нашего языка: онъ въ точности изучилъ Россію и Русскихъ, узналъ и полюбилъ ихъ. Путешествіе его, любопытное во многихъ отношеніяхъ, было жестоко раскритиковано нѣкоторыми россійскими Нѣмцами. «За что это такъ на васъ нападаютъ?» спросилъ я у него. «Какъ за что? Я пристыдилъ этихъ господъ, что они, живя въ Россіи лѣтъ двадцать, тридцать, не знаютъ русскаго языка, не понимаютъ русскаго народа, и все воображаютъ, что сидятъ въ тѣсномъ своемъ кабинетѣ, въ Галлѣ или въ Іенѣ. Ваша Россія — цѣлый міръ! Стоитъ труда пристально разсмотрѣть и изучить ее!» Вслѣдъ за этимъ Эрманъ началъ читать наизусть стихи Державина, Жуковскаго, Пушкина, радуясь, что встрѣтилъ *русское ухо*. Онъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе, пригласивъ меня въ день моего отъѣзда, на обѣдъ, съ тестемъ его, знаменитымъ астрономомъ кенигсбергскимъ Бесселемъ, извѣстнымъ своими трудами химикомъ Мичерлихомъ и еще двумя или тремя пріятелями. Я провелъ съ ними время

очень пріятно, и тутъ нашелъ еще одного полу-земляка. Разговаривая съ Мичерлихомъ по-нѣмецки, я замѣтилъ въ его произношеніи что-то не-нѣмецкое, что-то похожее на тотъ языкъ, которымъ говорятъ по-нѣмецки Шведы. На вопросъ мой, откуда онъ родомъ, Мичерлихъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ родился подданнымъ Россійскаго Императора, именно въ Графствѣ Еверъ, доставшемся Императрицѣ Екатеринѣ II по прекращеніи линіи Ангальтъ-Цербстской, и уступленномъ въ 1816 г. Императоромъ Александромъ Герцогу Ольденбургскому. — Сказываютъ, эта землица благоденствовала подъ верховнымъ владычествомъ Русскаго Императора. Честные Нѣмцы строго исполняли свои обязанности, хотя жили безъ всякаго надзора и контроля: придворные служители исправно дежурили; во дворцѣ каждый вечеръ перестилали постель Государя; каждое утро наливали свѣжія чернила въ чернилицу его кабинета. — Кстати о слѣдахъ Русскихъ въ чужихъ краяхъ. Мы обѣдали съ Эрманомъ въ гостиницѣ придворнаго трактирщика, знаменитаго въ Берлинѣ *Ягора*. И кто былъ этотъ Ягоръ? Егоръ, бѣглый поваръ русскаго посланника Барона К***, родомъ Латышъ. Оставивъ своего господина, онъ пошелъ въ услуженіе къ одному берлинскому трактирщику, женился на его дочери, наслѣдовалъ заведеніе, и прославилъ свое имя. Впрочемъ, долгъ справедливости побуждаетъ меня сказать, въ наставленіе русскимъ путешественникамъ, что лучшая ресто-

рація въ Берлинѣ не у Ягора, а въ Café Royal, Подъ Липами, № 44.

Я имѣлъ случай познакомиться въ Берлинѣ и съ нѣкоторыми литераторами, къ сожалѣнію, не со многими и на слишкомъ короткое время. При выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, одна бывшая артистка берлинской сцены просила меня отдать въ Берлинѣ два письма. Одно изъ нихъ было на имя извѣстнаго литератора Реллыптаба. Я съ удовольствіемъ на это согласился, и вскорѣ, по пріѣздѣ въ Берлинъ, отыскалъ г. Реллыптаба. Онъ принялъ меня очень ласково, и пригласилъ на вечеръ. Г. Р. человѣкъ умный, образованный, съ необыкновеннымъ талантомъ, пишетъ въ повѣствовательномъ родѣ, и знатокъ въ музыкѣ. Онъ издаетъ музыкальный журналъ Isis, еженедѣльную литературную газету: *Берлинъ и Аѳины*, и сверхъ того участвуетъ въ изданіи Фоссовой политической газеты, составляя въ ней извѣстія заграничныя. Въ досужее время пишетъ онъ романы и повѣсти. Онъ теперь въ жестокой войнѣ съ знаменитымъ капельмейстеромъ Спонтини, который жестоко надоѣлъ всему берлинскому музыкальному міру. Реллыптабъ помѣстилъ въ одной лейпцигской газетѣ критическую статью, въ которой, говоря о подписи подъ новымъ твореніемъ Спонтини, спрашиваетъ: что значитъ *Sp.?* Спонтини или Spitzbube (мошенникъ)? Спонтини, вмѣсто отвѣта, подалъ на него жалобу въ уголовный судъ, и Реллыптабъ, въ то время, какъ я съ нимъ видѣлся, готовился просидѣть шесть мѣся-

цевъ въ тюрьмѣ (Hausvogtei). — «Что жъ?» говорилъ мнѣ одинъ Берлинецъ: «для литератора это не наказаніе, а наслажденіе. Тюрьма помѣщается въ прекрасномъ домѣ. Комнаты въ ней теплыя, просторныя, свѣтлыя; книгъ можетъ онъ взять, сколько хочетъ, писать можетъ, что угодно. Сверхъ того ему обѣщано, что молоденькая, миловидная и образованная его жена, въ которую онъ влюбленъ смертельно, получитъ позволеніе провести съ нимъ все это время. Вообразите, онъ освободится отъ скучныхъ визитовъ, отъ необходимости отдавать ихъ.» — «Правда!» отвѣчалъ я, повертывая въ рукѣ визитную карточку Релльштаба, съ загнутымъ угломъ: «но если бъ это было такое наслажденіе, то не для чего было бы ждать судебнаго приговора.»

Я провелъ у Релльштаба пріятный вечеръ, и познакомился съ другимъ литераторомъ, г. Герингомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Вилибальда Алексиса. Онъ отличается въ ряду нѣмецкихъ романистовъ, и нынѣ занимается редакціею литературной газеты: der Freymüthige. Герингъ прославился своимъ романомъ Валадморъ, который нѣсколько времени слылъ твореніемъ Вальтеръ-Скотта. Мнѣ понравился онъ какимъ-то пріятнымъ добродушіемъ, какою-то благородною откровенностію, которая съ перваго взгляда внушаетъ къ нему уваженіе и довѣренность. Либеральные критики издѣваются надъ его прусскимъ патріотисмомъ, а я искренно его за то уважаю. Вообще можно сказать, что берлинскіе ученые и литераторы очень

учтивы и предупредительны. Въ нихъ вовсе нѣтъ той дурацкой спѣси (morgue), которую я замѣчалъ въ нѣкоторыхъ литераторахъ французскихъ. Г. Герингъ пригласилъ меня на другой день (увы! это былъ день моего отъѣзда) въ засѣданіе литературнаго берлинскаго общества. Въ условленное время, въ шесть часовъ послѣ обѣда, г. Герингъ зашелъ за мною, и повелъ въ Café National, Подъ Липами. Тамъ, каждый понедѣльникъ, собираются берлинскіе литераторы и любители словесности, читаютъ другъ другу новыя свои произведенія, сообщаютъ свои замѣчанія и сужденія о новыхъ книгахъ, и т. п. Въ хорошую погоду все собраніе идетъ въ паркъ (Thiergarten), и продолжаетъ литературную бесѣду на прогулкѣ. Въ этотъ разъ они были опечалены извѣстіемъ объ опасной болѣзни сочлена своего, Шамиссо, который занемогъ въ небольшомъ городкѣ, недалеко отъ Берлина. Я нашелъ тутъ нѣсколько умныхъ и любезныхъ людей, изъ которыхъ назову Штрекфуса, переводчика Тасса и Аріоста, и извѣстнаго географа Цейне, директора института слѣпыхъ. Герингъ отрекомендовалъ меня, и члены, разумѣется, стали распрашивать о моихъ произведеніяхъ. Назвавъ имъ заглавія книгъ, мною изданныхъ, я просилъ ихъ, ради Бога, не судить о насъ, русскихъ писателяхъ, по тяжелымъ, деревяннымъ переводамъ нашихъ сочиненій, издаваемымъ на нѣмецкомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, моя Поѣздка въ Германію исковеркана какимъ-то псевдонимомъ Гейротомъ, безъ

всякаго милосердія. Нашъ Булгаринъ, сказалъ я имъ, однажды такъ разсердился на одного изъ своихъ переводчиковъ, что хотѣлъ было поколотить его. «Хорошо же,» замѣтилъ смѣясь Штрекфусъ: «что Аріоста и Тасса нѣтъ уже на свѣтѣ, а то досталось бы мнѣ отъ нихъ!» Цейне, какъ географъ, сталъ распрашивать меня о Россіи. Это мой конекъ: гдѣ только можно пояснить мнѣнія иностранцевъ о нашемъ отечествѣ, тамъ я забываю, что говорю не по-русски, и нѣмецкія фразы очень свободно ложатся у меня подъ языкъ. Я такъ заговорился, что Герингъ долженъ былъ напомнить мнѣ о наступленіи времени нашего отъѣзда. Уже было восемь часовъ, а гамбургскій дилижансъ отправляется въ девять. Я простился съ добрыми, почтенными людьми, которые приняли меня такъ ласково и радушно. Они отправились въ паркъ, а я домой, и оттуда на почту, гдѣ уже прошелъ срокъ, назначенный для пріема пассажирскихъ вещей. Одно мнѣ спасеніе было въ русскомъ паспортѣ, а то бы я за пріятную бесѣду потерялъ свое мѣсто въ дилижансѣ.

Я видѣлъ въ Берлинѣ еще одного литератора, пріобрѣтшаго потомъ незавидную себѣ славу. Одинъ почтенный человѣкъ, въ Петербургѣ, обѣщалъ дать мнѣ письма къ берлинскимъ литераторамъ, и дѣйствительно прислалъ въ день моего отъѣзда одно, подъ адресомъ: ***Herrn Dr. Mundt,*** Schönhäuserstrasse, № 11. Это письмо, вмѣстѣ съ другими, лежало, на другой день послѣ моего пріѣзда, на письменномъ

моемъ столикѣ. Г. Ш., увидѣвъ его невзначай, сказалъ мнѣ: «Вы найдете въ Мундтѣ одного изъ представителей Юной Германіи.» Это возбудило мое любопытство. Я поспѣшилъ съ письмомъ къ г. Мундту, и нашелъ въ немъ молодаго человѣка пріятной наружности, учтиваго, скромнаго, почти застѣнчиваго. А я думалъ было встрѣтить какого нибудь брамарбаса! Онъ обошелся со мною очень вѣжливо, и на вопросъ, чѣмъ онъ теперь занимается, отвѣчалъ, что пишетъ біографію несчастной Шарлоты Шт., которая, за полгода до того, въ какомъ-то странномъ изступленіи, лишила себя жизни кинжаломъ. Миніятюрный портретъ ея висѣлъ надъ софою. Мужъ этой несчастной мечтательницы, другъ Мундта, убѣдилъ его написать біографію молодой женщины, которая, своими дарованіями, умомъ и образованностью, достойна была лучшей участи, и тѣмъ избавить ея память отъ нареканій клеветы и злорадства. Г. Мундтъ занимался этимъ дѣломъ усердно и добросовѣстно. Вообще мнѣ казалось, что онъ человѣкъ съ умомъ, познаніями и душею, но огорченъ препятствіями въ жизни, и питаетъ ненависть къ людямъ. Въ бесѣдѣ его было какое-то безпокойство, какая-то нетерпѣливость. Въ послѣдствіи нашелъ я его имя въ спискѣ тѣхъ полоумныхъ молодыхъ писателей нѣмецкихъ, которые, въ пылу разгоряченнаго воображенія, задумали составить союзъ Юной Германіи по примѣру пресловутой Юной Франціи, написали нѣсколько вздорныхъ книжонокъ, но были усмирены мѣрами, принятыми на Германскомъ Сеймѣ. Кроткое

прусское правительство, сожалѣя о нѣкоторыхъ своихъ подданныхъ, вовлеченныхъ въ это общество обманомъ и коварствомъ, образумило ихъ отеческою снисходительностью, и обратило на путь полезныхъ гражданъ. Сказываютъ, что молодые люди охотно воспользовались указаніями благоразумія и кротости, и оставили стезю, которая могла ихъ вести только къ несчастію и безславію. Въ числѣ ихъ былъ и г. Мундтъ, какъ я читалъ потомъ въ газетахъ. Эта Юная Германія, надѣлавшая много шуму въ журналахъ, въ самомъ дѣлѣ не стоила большаго вниманія. Главными представителями ея были Бёрне и Гейне. Бёрне, родомъ Еврей, человѣкъ съ отличными дарованіями и быстрымъ умомъ, выросъ подъ гнетомъ жестокаго, унизительнаго ига, которымъ были обременены его соплеменники въ Германіи. Онъ крестился, но это не освободило его отъ нареканій: вездѣ встрѣчались ему непреодолимыя препятствія, горькія униженія, смертельныя обиды. Единовѣрцы его ищутъ спасенія и отрады въ пріобрѣтеніи богатства, и потомъ съ самодовольнымъ презрѣніемъ смотрятъ, какъ нынѣ пресмыкаются у ногъ ихъ тѣ самые, которые прежде того ихъ обижали. Бёрне не умѣлъ или не хотѣлъ употребить этого средства. Въ душѣ его затаилась глубокая ненависть къ людямъ. Она излилась въ смѣлыхъ и дерзкихъ сочиненіяхъ. Его стали преслѣдовать; онъ удалился въ Парижъ, и живетъ тамъ — больной, глухой, оставленный всѣми — даже прежними своими друзьями и сотоварищами. — Гейне, племянникъ богатѣйшаго

гамбургскаго банкира, обратилъ на себя вниманіе германской публики своими остроумными юмористическими сочиненіями и прекрасными стихами. Отрывки изъ его Reisebilder, были напечатаны въ Сѣверной Пчелѣ (1832 г.), а Флорентинскія Ночи въ Московскомъ Наблюдателѣ. Успѣхъ блистательный и, можетъ быть, неожиданный избаловалъ молодаго человѣка. Онъ сталъ писать смѣлѣе и смѣлѣе, особенно послѣ іюльской революціи, отъ которой Нѣмцы ждали себѣ не вѣсь чего. За нимъ начали присматривать; онъ улизнулъ въ Парижъ, думая найти себѣ тамъ пріютъ и раздолье. Но между тѣмъ мода демагогіи прошла во Франціи. Гейне не нашелъ во французскихъ литераторахъ отзыва на свои возгласы; его увѣрили, что разглагольствія о правахъ народа, о равенствѣ и свободѣ принадлежатъ уже къ древней исторіи, что хорошій тонъ парижскаго общества предписываетъ хвалить благоустройство и повиновеніе, вспоминать съ сожалѣніемъ о временахъ старшихъ Бурбоновъ, и посылать вслѣдъ за удалившеюся королевскою фамиліею искренніе вздохи. Гейне образумился, и повернулъ направо кругомъ, взбилъ себѣ тупей, раздушился, надѣлъ лощеныя перчатки, взялъ въ руки тросточку съ золотымъ набалдашникомъ, и явился въ гостиныхъ. Съ тѣхъ поръ онъ работаетъ для французскихъ первоклассныхъ журналовъ: переводы его статей печатаются въ Revue des deux Mondes, а подлинники въ Morgenblatt. Роль писателя-демагога крайне ему надоѣла. Недавно писалъ онъ къ одному прія-

телю своему, служащему медикомъ въ Россіи: «Ты счастливъ въ службѣ царской. Я обрекъ себя на служеніе самому неблагодарному монарху — народу, и сто разъ въ этомъ раскаивался.» Съ Бёрне онъ совершенно разошелся. Однажды, когда у Гейне сидѣли нѣсколько Французовъ свѣтскихъ, опрятныхъ, нарядныхъ, ввалился къ нему въ комнату неуклюжій Бёрне, съ атмосферою кнастеру и чесноку, растрепанный и немытый, и съ перваго слова, самымъ дружескимъ тономъ, потребовалъ пива и трубки. Молодые Парижане расхохотались, а Гейне приведенъ былъ въ величайшее смущеніе. Потомъ выговаривалъ онъ земляку своему его неопрятность, невѣжливость и неумѣнье жить въ свѣтѣ. Бёрне разсердился, назвалъ его ренегатомъ и разбранилъ въ газетахъ.

Между тѣмъ какъ эти корифеи юной словесности слагали съ себя оружіе, и отрекались отъ дальнѣйшей службы — каждый по своей причинѣ, — подражатели и послѣдователи ихъ продолжали пѣть прежнюю пѣсню. Это были Винбаргъ, Генрихъ Лаубе и Гуцковъ. Самый гнусный изъ нихъ послѣдній. Сначала былъ онъ сотрудникомъ Менцеля въ изданіи литературнаго листка въ Morgenblatt, а потомъ сталъ писать на свою руку. Прошлаго года умеръ въ Берлинѣ профессоръ богословія и пасторъ Шлейермахеръ, просвѣщенный и благочестивый пастырь, краснорѣчивый ораторъ. Весь Берлинъ сожалѣлъ о его потерѣ, искреннія слезы орошали его могилу. Среди этого справедливаго сѣтованія вдругъ появляется въ печати сочиненіе

Шлейермахера: *Письма о Шлегелевой Луциндѣ.* Надобно знать, что Фридрихъ Шлегель, лѣтъ за тридцать слишкомъ, написалъ романъ Луцинда, въ которомъ не очень строго соблюдены были правила благопристойности. Старики, разумѣется, негодовали на эту смѣлость; молодые люди ею восхищались. Шлейермахеръ, бывшій въ то время, кажется, студентомъ, написалъ нѣсколько журнальныхъ статей въ защиту Луцинды. Гуцковъ выкопалъ эти забытыя статьи, и напечаталъ съ предисловіемъ, въ которомъ обругалъ всѣхъ берлинскихъ пасторовъ, и наконецъ явно признался, что самъ онъ атеистъ. Противъ него возсталъ Менцель и обнаружилъ всю низость этого поступка, всю гнусность излагаемыхъ Гуцковомъ правилъ. Этотъ не унялся, и напечаталъ еще нечестивый романъ *Валли,* который, сказываютъ, цинисмомъ и презрѣніемъ ко всему святому, превосходитъ все прочее. Терпѣніе правительства лопнуло. Гуцкова предали суду въ Баденскомъ Великомъ Герцогствѣ, и приговорили къ трехмѣсячному аресту! Онъ высидитъ урочное время, а потомъ опять начнетъ свои подвиги. Кажется, на это должно бъ было употребить средства дѣйствительнѣйшія. Впрочемъ излишекъ зла, какъ обыкновенно, повредилъ самому злу. Многіе друзья и приверженцы новой школы, увидѣвъ, къ чему она ведетъ, наконецъ, какъ мы сказали, ужаснулись и отреклись отъ нея. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что эти уродливыя исчадія безумныхъ вралей умрутъ своею смертію, и литература вновь обратится на свою благо-

родную стезю. Объ этомъ господствуетъ въ Германіи одинъ голосъ. Это сдѣлается тѣмъ легче, что сіи жалкія произведенія суть творенія отнюдь не германскія, а только отголосокъ революціонной школы французской. Къ счастью, политическія мнѣнія Германіи, взволнованныя іюльскою революціею, примѣтно успокоились. Нѣмцы увидѣли на опытѣ, что насильственныя перемѣны въ правленіи не ведутъ ни къ чему хорошему; что репрезентативный образъ правленія не служитъ порукою въ счастіи народовъ, и что всякій быстрый переходъ сопряженъ съ потерями, бѣдствіями и страданіями. При тщательномъ наблюденіи образа мыслей въ Германіи, дѣйствія, производимаго треволненіями Франціи и Испаніи, и кротости, прāводушія и благоразумія большей части Нѣмцевъ, я увѣрился, что спокойствіе въ Германіи будетъ укрѣпляться со дня на день, и вскорѣ возобновится то счастливое время, въ которое возникла нѣмецкая литература. Этотъ періодъ продолжался отъ конца Семилѣтней Войны до начала французской революціи. Науки и словесность процвѣтали въ Германіи подъ кровомъ мира и тишины. Веймаръ, гдѣ жили Гёте, Гердеръ, Виландъ, Шиллеръ, прозванъ былъ Нѣмецкими Аѳинами. Берлинъ сдѣлался средоточіемъ умственнаго движенія Германіи. Волненія французской революціи и послѣдовавшія за тѣмъ войны все всколебали, разрушили, ниспровергли. Съ тѣхъ поръ нѣмецкая литература не можетъ устояться. Но еще нѣсколько опытовъ разочарованія въ несбыточныхъ мечта-

ніяхъ, — политика лишится правъ своихъ на умы, и все пріидетъ въ свой порядокъ. Дай Богъ!

Впрочемъ и въ нынѣшней нѣмецкой литературѣ появляются произведенія превосходныя и заслуживающія уваженіе. Болѣе всего обработывается теперь, сколько я могъ замѣтить, поле поэзіи лирической, или лучше сказать, пѣсенной. Лирическія стихотворенія Уланда, Шваба, Рюкерта, Шамиссо, Грина, Бехштейна, Зедлица, не говоря уже о прекрасныхъ мелкихъ піесахъ Гейне, могутъ стать на ряду съ лучшими произведеніями всѣхъ народовъ. Въ Петербургѣ, рѣдко бывая въ обществахъ нѣмецкихъ, я не могъ познакомиться съ этою частью литературы, поддерживаемой болѣе всего общественною жизнію и прекраснымъ поломъ; но здѣсь, въ сердцѣ Германіи, узналъ много прелестныхъ мелкихъ стихотвореній, которыя отнюдь не уступаютъ знаменитымъ произведеніямъ Беранже. Особенно хороши въ нихъ картины семейной жизни. Нѣмцы несносны мнѣ только, когда они хотятъ садиться въ чужія сани — умничать и остриться: это должны они предоставить Французамъ. Съ наслажденіемъ читая германскихъ поэтовъ въ ихъ изліяніяхъ душевныхъ, я не въ состояніи постигнуть ихъ юмористовъ, не могу понять что они находятъ въ своемъ Жанъ-Полѣ, Тюммелѣ и другихъ пресловутыхъ острякахъ германскихъ: натянуто, тяжело, темно, скучно. Всякому свое. Es lebe die deutsche Gemüthlichkeit, и vive l'esprit français!

Мнѣ кажется, что въ Германіи много препятствуетъ

возвышенію литературы на приличную ей степень — неомѣрное размноженіе числа пишущихъ: въ тысячахъ нѣмецкихъ писателей, геніи не могутъ считаться десятками, а люди съ талантомъ сотнями. Большинство состоитъ изъ цеховыхъ поставщиковъ, пишущихъ насущнаго хлѣба ради, передѣлывающихъ старыя вещи на новый ладъ, ухищряющихся, какъ бы изъ девяноста девяти черствыхъ книгъ составить сотую свѣжую. Эти несчастные писаки, большею частію, состоятъ на жалованьѣ книгопродавцевъ, и пишутъ не то, что знаютъ и чувствуютъ, къ чему влечетъ ихъ врожденная склонность и собственное занятіе — а то, что закажетъ благоразумный фабрикантъ. «Благоволите-де къ Пасхальной Ярмаркѣ (Ostermesse) написать *Руководство къ винодѣлію*, въ одномъ томѣ, въ осьмушку, листовъ въ двадцать, съ тремя картинками, не болѣе!» гласитъ приказаніе: и голодный скрибентъ, который отъ роду не пивалъ вина, довольствуясь ужасною бурдою (ее въ Берлинѣ величаютъ Weisslagerbier), который никогда не видалъ винограду на стеблѣ—пишетъ требуемое! Отъ этого, когда я въ концѣ объявленій читаю: Herr N. N. (книгопродавецъ) gedenkt einen mässigen Octavband zu liefern, меня всегда морозъ по кожѣ подираетъ! Германскіе книгопродавцы составляютъ особое, достойное вниманія и уваженія сословіе: въ числѣ ихъ есть люди весьма образованные, ученые, ревнители просвѣщенія; таковы были или суть: Котта, Брокгаузъ, Бартъ, Ганъ, Реймеръ, Пертесъ, и многіе другіе. Механисмъ

книжной торговли доведенъ въ Германіи до высшей степени совершенства. Въ Гамбургѣ простоялъ я битый часъ въ лавкѣ Пертеса и Бессера, любуясь на одного прикащика, который разбиралъ кипы новыхъ книгъ, привезенныхъ изъ Лейпцига, въ листахъ: по упаковкѣ, или по веревочкамъ, онъ угадывалъ, отъ какого книгопродавца онѣ присланы, мигомъ схватывалъ фактуру (роспись съ обозначеніемъ цѣнъ), и ставилъ карандашемъ на каждомъ экземплярѣ цѣну его шифрами, разговаривая между тѣмъ со мною, и давая оцѣнку, очень справедливую, и издателямъ и авторамъ. Дѣло мастера боится! Но, какъ въ семьѣ не безъ урода, такъ и въ числѣ нѣмецкихъ книгопродавцевъ есть корыстолюбцы и негодяи.* Не говорю уже о тѣхъ, которые перепечатываютъ чужія сочиненія: они давно заклеймены печатью общаго отверженія. Есть изъ нихъ такіе, которые плутуютъ, не подвергаясь взысканію по словамъ и существу законовъ. Напримѣръ, затѣявъ большія изданія, въ нѣсколько томовъ, долженствующія продолжаться извѣстное число лѣтъ, они начинаютъ ихъ при помощи лицъ, пріобрѣтшихъ общую довѣренность и знаменитость въ Германіи, и по напечатаніи двухъ или трехъ томовъ, принимаются оскорблять авторовъ разными придирками, грубостями, нелѣпыми требованіями. Писатели народъ рьяный и нетерпѣливый. Надѣясь на цѣну и важность своего имени, редакторъ или сотрудникъ подобнаго творенія отказывается отъ участія въ изданіи, а этого книгопродавцу и надобно. При

извѣстности первоначальнаго редактора и его сотрудниковъ, собрано значительное число подписчиковъ, заведены важныя и необходимыя связи, устранены препятствія и затрудненія, сопряженныя съ началомъ всякаго большаго труда. Книгопродавецъ нанимаетъ какого нибудь поденщика, беретъ въ помощники ему разстриженныхъ пасторовъ, бѣглыхъ жидовъ, изгнанныхъ студентовъ, и продолжаетъ начатое. Пойдетъ— хорошо, не пойдетъ — издатель-книгопродавецъ удаляется отъ изданія (zieht sich zurück), то есть, объявляетъ себя банкрутомъ, и дѣло или совершенно останавливается, или продолжается другими спекулянтами. Теряетъ одна публика. Такъ, я не могу смотрѣть безъ горестнаго чувства на недоконченное изданіе Общей Нѣмецкой Энциклопедіи: оно начато, въ 1819 году, Эршемъ и Груберомъ, и теперь продолжается Богъ знаетъ кѣмъ, и врядъ ли кончится въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Я слышалъ однако, что за эту книгу взялся знаменитый Брокгаузъ: авось-либо воскреснетъ.

Впрочемъ, гдѣ зло, тамъ и лекарство. Въ Лейпцигѣ издается книгопродавческая газета, въ которой раскрываются всѣ штуки и продѣлки книжныхъ торгашей. Нерѣдко видишь въ ней презабавныя объявленія, какъ, напримѣръ, слѣдующее: «Г. книгопродавецъ N. въ N. N. (имена всѣ выписаны) взялъ у меня книгъ на 500 талеровъ, и не заплатилъ ни гроша въ теченіе пяти лѣтъ. О чемъ, къ должному свѣдѣнію, симъ объявляется. Книгопродавецъ ***». — Или вотъ

еще какія: «Сочинительница *Переписки Гёте съ ребенкомъ,* изволитъ разглашать, что я взялъ съ нея лишніе проценты за продажу этой книги. Не желая имѣть дѣла съ людьми несправедливыми и съ безтолковыми бабами, объявляю, что отнынѣ не стану ни печатать, ни продавать ея сочиненій. Книгопродавецъ N.»

Что, если бъ у насъ издавалась такая газета? Матеріяловъ нашлось бы довольно.

XI.

Берлинъ.

Во все время пребыванія моего въ Берлинѣ погода стояла прекрасная. Только 2-го Іюля было пасмурно, сыро, что-то по-нашему, по-петербургскому, и этотъ день я, какъ на зло, назначилъ по расписанію, на поѣздку въ Потсдамъ. Отъ того всѣ предметы, на этой прогулкѣ, казались мнѣ подернутыми какою-то сѣрою тѣнью. Насъ поѣхало трое, А. А. Ш., подполковникъ Сл. и я. Дорога въ Потсдамъ пролегаетъ по песчанымъ полямъ и угрюмымъ рощамъ. При выѣздѣ изъ города, по лѣвой рукѣ, на самой возвышенной точкѣ окрестностей Берлина, такъ называемой Крестовой Горѣ, возвышается памятникъ освобожденія Пруссіи отъ Наполеонова ига, въ 1813 и 1814 го-

дахъ. Памятникъ этотъ состоитъ изъ готической башни, вылитой изъ чугуна, по рисункамъ Шинкеля. Въ срединѣ башни находятся аллегорическія изваянія въ двѣнадцати нишахъ, надъ которыми начертаны наименованія двѣнадцати побѣдъ, одержанныхъ союзниками. На главномъ фронтонѣ монумента надпись: *Король народу, жертвовавшему, по его воззванію, достояніемъ и кровію для отечества; падшимъ въ память, живымъ въ признательность, грядущимъ вѣкамъ въ соревнованіе.* — Съ этого возвышенія представляется страннику прекрасный видъ: въ ясную погоду, говорятъ, видны оттуда двѣнадцать городовъ и болѣе пятидесяти деревень.

На половинѣ дороги въ Потсдамъ, лежитъ на рѣкѣ Гавелѣ небольшой островъ, называемый *Павлиньимъ* (Pfaueninsel), длиною въ 2000, шириною въ 500 шаговъ. Въ концѣ XVII столѣтія жилъ тутъ знаменитый алхимикъ Кункель фонъ-Левенштернъ, и варилъ золото въ своей лабораторіи. Потомъ этотъ островъ отошелъ въ казенное вѣдомство, и съ 1794 по 1797 годъ превращенъ въ прекраснѣшій садъ. Мы переѣхали туда, вмѣстѣ съ другими посѣтителями, на лодкѣ и нагулялись досыта. Королевскій домъ выстроенъ въ видѣ римской виллы, разрушающейся отъ ветхости — оригинально и прекрасно! Особенно любовались мы прекрасною оранжереею, въ которой собраны самыя рѣдкія растенія. Удовольствіе наше усугубилось еще тѣмъ, что въ числѣ посѣтителей случился здѣсь инспекторъ Королевскаго Ботаническаго

Сада, г. Отто: онъ указывалъ и объяснялъ намъ самыя рѣдкія растенія. И внѣ теплицъ, есть на этомъ острову множество разнородныхъ деревъ — удивительно, какъ они принялись въ такомъ песчаномъ грунтѣ! На этомъ острову Король проводитъ время съ своимъ семействомъ, въ удаленіи отъ свѣтскаго шуму. Здѣсь все тихо, просто, уютно. — Мы хотѣли было посѣтить русскую усадьбу, Никольское, но намъ напомнили, что уже поздно, что пора ѣхать въ Потсдамъ, и успокоили патріотическій порывъ увѣдомленіемъ, что въ Потсдамѣ есть цѣлая русская деревня. Не что! Поѣдемъ.

Потсдамъ—городъ довольно обширный, прекрасно выстроенный, имѣетъ слишкомъ 30 тысячъ жителей, но удивительно тихъ, молчаливъ и — скученъ. Самое любопытное мѣсто въ Потсдамѣ есть тамошняя гарнизонная церковь, въ которой хранятся смертные останки двухъ Королей Прусскихъ. Церковь снаружи величественна и имѣетъ высокую башню, на которую ведутъ 365 ступеней, но внутреннее ея убранство просто, по требованіямъ вѣроисповѣданія протестантскаго. Король, его фамилія и знатнѣйшіе сановники садятся на простыхъ старинныхъ стульяхъ. По стѣнамъ висятъ изображенія изъ земной жизни Спасителя, трудовъ знаменитѣйшихъ артистовъ берлинскихъ. Великолѣпная каѳедра изваяна изъ бѣлаго мрамора. За нею, въ просторной нишѣ, стоятъ на полу два гроба — одинъ величины колоссальной, другой гораздо меньше: въ первомъ покоится Фрид-

рихъ Вильгельмъ I, въ другомъ великій сынъ его, Фридрихъ II. Снаружи гробы обшиты деревомъ темнаго цвѣта; на нихъ нѣтъ ни какихъ украшеній, ни надписи. Гробъ отца выложенъ внутри мраморомъ, и отъ того такъ огроменъ; тѣло Фридриха лежитъ въ простомъ свинцовомъ гробу. Всегдашній полусвѣтъ господствуетъ въ этомъ пріютѣ усопшаго величія. Тѣни минувшаго вѣка носятся во мракѣ надъ бренными останками одного изъ величайшихъ Государей, когда либо царствовавшихъ въ мірѣ. — — Подлѣ каѳедры висятъ французскіе орлы и знамена, взятые Пруссаками въ 1813—1815 годахъ. Подъ ними хранится мундиръ, который носилъ Императоръ Александръ Павловичъ, въ званіи шефа прусскаго гренадерскаго полка своего имени. На черной мраморной доскѣ начертаны имена офицеровъ прусской гвардіи, падшихъ въ брани за независимость и честь отечества.

Болѣе всего хотѣлось мнѣ видѣть знаменитый дворецъ *Санъ-Суси*, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ Фридрихъ. Строеніе, въ одинъ этажъ, возвышается надъ садомъ, расположеннымъ шестью уступами по косогору. Съ другой стороны дворецъ окруженъ открытою колоннадою, подъ которою, на старости Короля, бывали разводы въ дурную погоду. Всѣ комнаты передѣланы при его преемникѣ; въ прежнемъ видѣ осталась только его библіотека, круглая комната, обставленная по сторонамъ до самаго потолка шкапами. На столѣ лежитъ большая книга въ листъ,

въ сафьянномъ переплетѣ: *Военное Искусство* (l'art de la guerre) Пюисегюра. Говорятъ, что великій Государь читалъ ее за нѣсколько дней предъ своею кончиною. Въ другой комнатѣ показываютъ кресла, въ которыхъ онъ испустилъ духъ свой; далѣе столовые часы, остановившіеся въ минуту его смерти. Вотъ галерея, великолѣпно украшенная во вкусѣ XVIII вѣка, по которой онъ прогуливался, играя на флейтѣ. Я выглянулъ въ окно: вотъ мельница, которой не уступилъ хозяинъ тому, кто не уступалъ Европѣ. — — Вотъ тамъ, на уступѣ терассы, подъ небольшими плитами, зарыты любимыя его собачки: Алкмена, Филлида, Тизбе, Паксъ, Діана, Амуретта, Бишь, Сюпербъ и пр. Вотъ за ручку этихъ дверей хватались Вольтеръ, Даржансъ и другіе французскіе любезники, забавлявшіе Короля въ часы отдохновенія. Здѣсь сидѣлъ онъ за письменнымъ столомъ, и занимался дѣлами государственными: все читалъ, во все вникалъ, все рѣшалъ мудро, справедливо (сколько человѣкъ справедливъ быть можетъ) и остроумно. Онъ отправлялъ должность государя, какъ чиновникъ, обязанный присягою и получающій жалованье, и не рѣдко говорилъ: «я только первый слуга государства». — Наканунѣ смерти его, каммердинеръ сказалъ врачамъ: «Видно плохъ въ здоровьѣ нашъ Король: сегодня, въ первый разъ въ сорокъ шесть лѣтъ, онъ забылъ о дѣлахъ кабинетныхъ.» — Фридрихъ былъ истинно великъ умомъ и душею. Одно чувство, кажется мнѣ, въ немъ преобладало — это

было презрѣніе къ людямъ: тѣ самые люди, отъ которыхъ онъ терпѣлъ въ своей молодости, вдругъ превратились въ самыхъ низкихъ рабовъ и льстецовъ, лишь только увидѣли его на престолѣ. Онъ видѣлъ, какъ люди продаютъ честь, совѣсть, душу для удовлетворенія своей жадности къ деньгамъ и мишурнымъ почестямъ; видѣлъ слабости, низость, раболѣпство, коварство, клевету, доносы, — но терпѣлъ людей — и благотворилъ имъ. Если находилъ человѣка, отличнаго по нравственнымъ и умственнымъ отношеніямъ, то привязывался къ нему на всю жизнь, но какъ рѣдки были такіе люди! Первымъ его неизмѣннымъ другомъ была достойная сестра его, умная Маркграфиня Байрейтская. Онъ уважалъ и любилъ Фельдмаршаловъ Шверина и Кита (Keith), Цитена, Алгаротти, котораго называлъ италіянскимъ лебедемъ, Гишара, котораго прозвалъ по имени адъютанта Цесарева, Квинтомъ Ициліемъ, и съ которымъ часто ссорился какъ съ равнымъ себѣ, Герцберга, ле-Канта и нѣкоторыхъ другихъ. Многихъ остряковъ и умниковъ держалъ онъ при себѣ для забавы, тѣшился ихъ спорами, шутками, самъ дразнилъ ихъ, но не уважалъ въ душѣ, и при первой дерзости высылалъ за границу. Онъ привязанъ былъ къ своимъ собакамъ: онѣ его любили искренно, безкорыстно, не требуя ни денегъ, ни чиновъ. Бишь доказала ему всю свою вѣрность въ одномъ критическомъ случаѣ. Въ Семилѣтнюю Войну, послѣ одного проиграннаго сраженія, Фридрихъ спасался на усталой лошади отъ преслѣдованія непрія-

телей, и видя, что венгерскіе гусары настигаютъ его, спрятался подъ мостомъ. Тутъ, откуда ни взялась, Бишь — бросилась къ своему господину, стала къ нему ласкаться, визжать, лаять на лошадь. Конскій топотъ приближался. Фридрихъ, боясь, чтобъ Бишь не измѣнила ему, приказалъ ей лечь. Смышленое животное поняло мысль своего господина, прилегло къ ногамъ его, и не шевелилось, доколѣ гусары не проскакали по мосту.... Одинъ иностранный министръ сказалъ ему однажды, что эта привязанность къ собакамъ очень удивительна въ такомъ великомъ Государѣ. — «Что тутъ удивительнаго?» возразилъ онъ: «Алкмена обходится мнѣ гораздо дешевле, нежели Графиня Помпадуръ Королю Французскому, а любитъ меня нѣжнѣе и вѣрнѣе!»

Тысячи разнородныхъ мыслей толпились у меня въ головѣ, когда я ходилъ по опустѣвшимъ заламъ Санъ-Суси: я вспоминалъ о галереѣ Версальской, о Сенъ-Клу, о Мальмезонѣ, о Царскомъ Селѣ, о Петергофѣ, сравнивалъ, мечталъ. Весь осьмнадцатый вѣкъ носился въ моемъ воображеніи. Воля ваша, а этотъ вѣкъ имѣлъ свои достоинства — великія, неотъемлемыя. Начатый Петромъ Великимъ, продолжаемый крестникомъ его, Фридрихомъ *), Екатериною II, Іосифомъ, Густавомъ III, Георгіемъ III, Карломъ III

*) Воспріемниками Фридриха были: Римскій Императоръ Карлъ VI, Царь Петръ Алексѣевичъ, Республика Голландская и Кантонъ Бернъ.



Испанскимъ, Леопольдомъ, благороднымъ Ганганелли, увѣковѣченный талантами великихъ полководцевъ, украшенный геніемъ безсмертныхъ мыслителей и писателей, онъ и не мечталъ объ ужасной развязкѣ въ концѣ своемъ. Но — пути Провидѣнія неисповѣдимы!

Осмотрѣвъ Санъ-Суси, живущій воспоминаніемъ лѣтъ протекшихъ, мы поѣхали въ *Шарлоттенгофъ*, новый загородный дворецъ нынѣшняго Наслѣднаго Принца. Домъ не большой, но красивый и уютный, построенъ въ саду, богатомъ прекрасными и рѣдкими деревами, кустарниками и цвѣтами, посреди которыхъ бьютъ прохладительные фонтаны. Привратница водила насъ по комнатамъ дворца, украшеннымъ и меблированнымъ съ изящнымъ вкусомъ. Стѣны расписаны арабесками съ геркуланскихъ подлинниковъ. Въ комнатахъ висятъ гравюры превосходнѣйшихъ произведеній живописи. Крыльцо, озаренное пріятнымъ *лиловымъ* свѣтомъ, проникающимъ сквозь цвѣтныя стекла, служитъ иногда столовою комнатою для царственнаго семейства. Прелестна галерея, идущая въ садъ. Стѣны ея расписаны арабесками, въ которыхъ помѣщены медаліоны съ портретами особъ королевской фамиліи и ближайшихъ ея родственниковъ. Съ пріятнымъ изумленіемъ нашелъ я въ числѣ этихъ портретовъ лица знаменитыхъ берлинскихъ художниковъ, Шинкеля и Рауха! — Въ комнатахъ много прекрасныхъ, дорогихъ, рѣдкихъ вещей, но самое пріятное впечатлѣніе произвелъ во мнѣ — что вы думаете? богатый часовой футляръ (porte-montre),

въ которомъ вставлены оловянные часы, дѣтская игрушка, съ грубою тесемкою, вмѣсто цѣпочки. Принцъ Вильгельмъ купилъ за два гроша эту игрушку на дорогѣ въ Шарлоттенгофъ, куда ѣхалъ въ первый разъ, и поднесъ ее своей невѣсткѣ, Наслѣдной Принцессѣ, на новоселье. При общемъ смѣхѣ всей фамиліи, принцесса вложила эти часы въ великолѣпный футляръ, и хранитъ какъ самый драгоцѣнный подарокъ. Такія черты семейственной добродѣтели, братской любви, довѣренности, откровенности, между особами царственныхъ семействъ — лучшая конституція для народовъ, самое прочное ручательство въ ихъ счастіи и благоденствіи. Добрый сынъ, добрый братъ, добрый отецъ — не можетъ не быть добрымъ государемъ.

Впрочемъ не все въ этотъ пріятный день было намъ истинно пріятно. Мы испытали жестокое разочарованіе. Распрашивая въ потсдамскомъ трактирѣ о достопамятностяхъ города и окрестностей, мы узнали, что верстахъ въ двухъ отъ Потсдама лежитъ русская деревня, населенная нашими пѣсенниками 1-го прусскаго гренадерскаго полка, переведенными, по желанію Короля Прусскаго, въ его службу, въ 1814 году. Какъ не поглядѣть земляковъ! Какъ отказаться отъ удовольствія — побесѣдовать по-русски! Мы отправились туда пѣшкомъ. Дорогою сталъ перепадать дождикъ, и мы спрятались подъ парусинный навѣсъ, гдѣ миловидная дѣвушка продавала вишни. «Далеко ли до деревни Александровки!» спросилъ я. — «Нѣтъ!» от-

вѣчала она: «шаговъ двѣсти — не болѣе.» — «Что, любите ли вы нашихъ земляковъ!» спросилъ я далѣе. «Почему жъ нѣтъ?» возразила она улыбаясь: «они люди предобрые; только жаль, что они еще болѣе любятъ *шнапсъ*.»

Дождь пересталъ. Мы пошли далѣе, и вскорѣ очутились посреди тринадцати русскихъ крестьянскихъ домовъ, бревенчатыхъ съ рѣзными украшеніями, — словно на московской дорогѣ. Мило, весело, любо! Мы постучались у первыхъ воротъ. Калитка отворилась, и оттуда вышло разочарованіе въ видѣ низенькаго русскаго солдатика, уже на второмъ взводѣ. Увидѣвъ русскія ленточки въ петлицахъ, услышавъ русскія слова, онъ всеусердно старался вытянуться и промолвить: «здравія желаю, ваше....» но слова замирали на устахъ его, и весь станъ колебался — не знаю, отъ радости ли, что видитъ земляковъ, или отъ бранденбургскаго шнапсу. На вопросъ нашъ, гдѣ можно бъ было намъ найти людей потрезвѣе, онъ отвѣчалъ, собравшись съ духомъ: «Вотъ здѣсь, въ трактирѣ, ваше....» Мы подошли къ одному домику, подъ вывѣскою русскаго орла, съ надписью: Zum Kaiser von Russland, и были встрѣчены французскимъ привѣтствіемъ хозяйки: «Qu'est-ce qui est à votre service, messieurs?» — Вотъ-те на! Этотъ домъ принадлежитъ унтеръ-офицеру, который женился во Франціи, и мадамъ его завела здѣсь гостиницу. Къ сожалѣнію нашему, мужа ея не было дома. Она позвала троихъ мальчиковъ, лѣтъ отъ десяти до четырнадцати.

Ихъ звали Николай, Александръ и Михаилъ; крещены они были по-русски, но не знали ни одного русскаго слова. Представительницею Россіи въ этомъ домѣ была толстая дѣвка, ярославская уроженка, родственница унтеръ-офицера, выписанная имъ на подмогу. «Ça travaille comme quatre!» говорила намъ съ удовольствіемъ хозяйка. На распросы наши, всѣ ли жители этой деревни такіе пьяницы, какъ первый попавшійся намъ навстрѣчу, она отвѣчала, что большая часть изъ нихъ люди трезвые и порядочные, теперь они на работѣ или въ городѣ, по своимъ дѣламъ, и что нѣкоторые изъ нихъ конечно, отъ праздности, отъ воли и отъ дешевизны водки, утѣшаются съ горя по отчизнѣ! — — Мы хотѣли зайти въ русскую церковь, прекрасное зданіе на возвышеніи, но она была заперта, священникъ уѣхалъ въ Берлинъ, а дьячка не могли отыскать.

Мы простились съ хозяйкою по-французски, побранили пьяницу по-русски, и, съ горемъ пополамъ, отправились обратно — Подъ-Липы.

XII.

Берлинъ.

Изъ перемѣнъ, найденныхъ мною въ Берлинѣ съ 1817 года, болѣе всего поразило меня зданіе музея, воздвигнутаго насупротивъ королевскаго дворца, гдѣ

прежде сего было пустое обсаженное деревьями мѣсто, называвшееся увеселительнымъ садомъ (Lustgarten). Это прекрасное зданіе построено въ 1824—28 годахъ, по рисункамъ Шинкеля. Огромное крыльцо, въ 21 ступень, ведетъ въ открытую колоннаду. Оттуда входишь въ ротонду, или круглую залу, уставленную древними статуями, и получающую свѣтъ сверху, изъ купола. По сторонамъ ротонды находятся залы для помѣщенія произведеній ваянія. Въ залахъ втораго яруса хранятся картины. Надъ фронтономъ надпись: Fridericus Guilielmus III studio antiquitatis omnigenae et artium liberalium Museum constituit; MDCCCXXVIII. Музей открытъ 3 Августа 1829 г., въ день рожденія Короля. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣленій: 1) картины, 2) древнія произведенія ваянія, 3) вазы, 4) рѣзные камни, 5) древнія и новыя монеты, 6) древнія бронзы, 7) маджолики, или глиняные сосуды среднихъ вѣковъ. Для наполненія его достойными храненія произведеніями искусствъ и древностями, наряжена была особенная коммиссія, которой позволено было, для пополненія этого хранилища, брать статуи, картины и прочее, не только изъ дворцевъ въ Потсдамѣ и въ Санъ-Суси, но и изъ собственныхъ комнатъ королевскихъ. Сверхъ того куплены были двѣ превосходныя картинныя галереи, Джустиніани и Солли. Такимъ образомъ составилась единственная въ своемъ родѣ картинная галерея, въ которой можно слѣдовать за исторіею искусствъ съ самаго ихъ возрожденія. Произведенія италіянскихъ

живописцевъ XIII, XIV и XV столѣтій принадлежатъ большею частію къ собранію Англичанина Эдуарда Солли. Этотъ страстный любитель искусствъ торговалъ въ Лондонѣ дровами, и наскучивъ этимъ прозаическимъ ремесломъ, уступилъ свою контору брату, а самъ переѣхалъ на жительство въ Берлинъ, гдѣ познакомился съ извѣстнымъ любителемъ и знатокомъ искусствъ, Гиртомъ, который сообщилъ ему подробный списокъ всѣхъ произведеній живописи, хранящихся въ Италіи въ церквахъ, монастыряхъ, всенародныхъ зданіяхъ и частныхъ домахъ. Солли, впрочемъ самъ незнавшій толку въ картинахъ, посылалъ въ Италію своихъ коммиссіонеровъ, и содержалъ тамъ агентовъ, которые должны были закупать для него поименованныя Гиртомъ произведенія, не стѣсняясь цѣною. Равнымъ образомъ покупалъ онъ рѣдкія картины въ Германіи и Нидерландахъ. Владѣлецъ знаменитыхъ шести мѣстныхъ образовъ Іоанна и Губерта фанъ-Эйковъ, привезъ ихъ въ 1818 г. въ Аахенъ, надѣясь найти покупщиковъ между собравшимися на тамошнемъ конгресѣ монархами, но никто изъ нихъ не рѣшался дать требуемыхъ двухъ сотъ тысячъ франковъ. Солли вошелъ въ аукціонную залу, услышалъ, въ чемъ дѣло; не глядя на картины, заплатилъ требуемыя деньги, и приказалъ тутъ же заколотить ящикъ, въ которомъ онѣ лежали. Такія покупки его разорили: онъ нашелся принужденнымъ уступить свою галерею Королю Прусскому за 700 т. талеровъ; она стоила ему самому болѣе милліона.

Въ этой галереѣ достойны особеннаго замѣчанія: Рафаэлева Богородица со Христомъ (Madonna della Colonna), принадлежавшая фамиліи Колонна въ Римѣ, и купленная Королемъ Прусскимъ за 10,000 талеровъ. Двѣ картины Корреджія достойны вниманія своимъ превосходствомъ и любопытными приключеніями. Онѣ представляютъ Іо въ объятіяхъ Юпитера, и Леду съ лебедемъ. Эти картины, во время Тридцатилѣтней Войны, попали изъ Италіи въ Швецію, и служили тамъ ширмою въ окнѣ королевской конюшни. Королева Христина увезла ихъ съ собою въ Италію, а послѣ ея смерти онѣ достались Герцогу Орлеанскому, Регенту Франціи. Сынъ его, человѣкъ набожный и суевѣрный, хотѣлъ сжечь эти соблазнительныя изображенія, но духовникъ удовольствовался тѣмъ, что Герцогъ приказалъ только вырѣзать головы Іо и Леды. По смерти Герцога (1752), купилъ ихъ Фридрихъ Великій, и украсилъ ими галерею въ Санъ-Суси. Наполеонъ увезъ ихъ въ Парижъ, а оттуда онѣ возвращены въ 1814 году. Не могу сообщить подробнѣйшаго свѣдѣнія обо всѣхъ превосходныхъ произведеніяхъ живописи, которыми глаза мои и душа наслаждались въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Это надобно видѣть: каталогъ ничего вамъ не скажетъ.

Не менѣе замѣчательны произведенія скульптуры. Въ 18 нишахъ ротонды стоитъ такое же число колоссальныхъ древнихъ статуй, изображающихъ разныя божества. Меня восхищаетъ въ древнихъ статуяхъ

тотъ видъ мягкости, который (временемъ ли, искусствомъ ли) приданъ мрамору: кажется, это живое *тѣло* человѣческое, которое уступитъ легкому давленію пальцемъ. Въ произведеніяхъ Кановы, Торвальдсена, Даннекера, вижу прекрасный *мраморъ*.— Изъ ротонды входишь въ большую залу, въ которой помѣщено 148 статуй и бюстовъ. Между ими отличается бронзовая статуя мальчика, найденная въ Тибрѣ при Климентѣ IX, и купленная Фридрихомъ II за 10,000 талеровъ. Въ другой, меньшей залѣ выставлены статуи знаменитыхъ Грековъ: Софокла, Ксенофонта, Геродота, Ѳемистокла, Сократа, Перикла, Демосѳена и пр.; въ третьей — статуи безсмертныхъ Римлянъ. Насупротивъ статуи Юлія Цесаря поставлена, по приказанію Короля, статуя Наполеона, работы Шоде. — Не распространяюсь о вазахъ, бронзахъ, медаляхъ, геммахъ.... Странное чувство какого-то благоговѣйнаго трепета проникаетъ въ душу посреди этихъ вѣковыхъ обломковъ генія, посреди этихъ произведеній искусствъ, пережившихъ, на землѣ, творцевъ своихъ. Великое дѣло жить въ потомствѣ!

Еще достоинъ вниманія египетскій музей, во дворцѣ Монбижу, но для меня въ немъ не было ничего новаго: мнѣ кажется, что египетскій музей нашей Академіи Наукъ не уступитъ берлинскому. Монбижу небольшой одноэтажный дворецъ, посреди сада, любопытенъ мнѣ былъ потому, что въ немъ останавливался Петръ Великій во время пребыванія своего въ Берлинѣ.

Отъ прозведеній древняго, или по крайней мѣрѣ *постояннаго* искусства, обратимся къ дѣйствіямъ музы животрепещущей настоящимъ, измѣнчивой и разнообразной.

Однимъ изъ главныхъ желаній моихъ, при нынѣшнемъ посѣщеніи Берлина, было — увидѣть хорошій нѣмецкій театръ. Оно исполнилось.

Въ Берлинѣ три театра: оперный, драматическій и кенигсштедтскій.

Оперный театръ, построенный Подъ-Липами, насупротивъ зданія университета, сооруженъ въ первые годы царствованія Фридриха II, и отличается простою, благородною архитектурою. На фронтонѣ его надпись: ***Fridericus Rex Apollini et Musis***. Внутренность его очень проста: стѣны и перила ложъ и галерей сдѣланы изъ дерева, и выкрашены зеленою краскою, съ позолоченными рамочками. Зала величиною и красотою не можетъ выдержать ни какого сравненія съ театрами петербургскими. Мѣста для зрителей очень неудобны: ложи узки, такъ, что не болѣе двухъ человѣкъ могутъ сѣсть рядомъ; за то онѣ очень глубоки, рядовъ въ пять скамеекъ, но сидящіе на третьей уже ничего не видятъ. Въ креслахъ неудобство еще бóльшее. Здѣсь нѣтъ, какъ у насъ, широкаго прохода между рядами креселъ; сидящіе во второмъ ряду упираются плотно колѣнями въ спину креселъ перваго ряда, такъ, что по поднятіи завѣсы нѣтъ никому прохода. Этимъ, разумѣется, выиграно мѣсто, на счетъ удобства. Притомъ это и не кресла, а отдѣль-

ныя, на каждаго человѣка, лавочки, приподнимаемыя къ спинкѣ (Sperrsitze), когда должно проходить. Декораціи прекрасныя. Я видѣлъ на этомъ театрѣ Фиделіо, Бронзоваго Коня и Оберона съ балетомъ. Оперы здѣшней похвалить нельзя. Въ ней нѣтъ хорошаго тенора. Бадеръ устарѣлъ. Недавно поступилъ на театръ молодой докторъ философіи Манціусъ: крошечная фигурка, съ жиденькимъ, хотя и пріятнымъ голоскомъ. Пѣвицъ отличныхъ не имѣется. Но оркестръ чрезвычайно хорошъ. Въ числѣ танцоровъ отличается Таліони, братъ знаменитой артистки парижской. Я не знатокъ въ хореграфіи, но мнѣ показалось, что наши петербургскіе балеты несравненно полнѣе, живѣе, блистательнѣе, изящнѣе.

Гораздо болѣе удовольствія нашелъ я въ театрѣ драматическомъ. Я говорилъ уже о его наружности. Зданіе театра воздвигнуто на Жандармской Площади, Шинкелемъ; оно окончено въ 1821 году. Оно снаружи кажется огромнымъ, но собственный театръ занимаетъ только небольшую его часть; въ остальномъ пространствѣ заключаются концертныя залы, комнаты для репетицій, гардеробныя, бутафорскія и т. п. Зала этого театра выстроена очень странно: она очень неглубока по ширинѣ своей; это не такъ красиво для глазъ, но чрезвычайно выгодно: отвсюду можно хорошо видѣть и слышать. Стѣны также обиты деревомъ, темно-желтымъ съ золотыми коемками. На авансценѣ съ боковъ, подъ королевскими ложами, прекрасные барельефы Тика. Мѣста такъ же тѣсны

и неудобны, какъ и въ оперномъ театрѣ; но всѣ эти неудобства и странности исчезаютъ, лишь только поднимется завѣса. Я никогда не видалъ такой хорошей нѣмецкой трупиы для трагедій и комедій, какъ здѣшняя. Леммъ, Крюгеръ и еще нѣкоторые другіе первостепенные артисты были въ отпуску, но и остальные принесли мнѣ большое удовольствіе. Я видѣлъ на здѣшнемъ театрѣ Шекспирова Венеціянскаго Купца, Раупахову трагедію Корова Салуццо, и три небольшія комедіи, данныя въ одинъ вечеръ. Венеціянскій Купецъ, въ русскомъ переводѣ данный въ Петербургѣ, произвелъ недоумѣніе и смѣхъ въ большинствѣ нашей публики, необразованномъ и незнакомомъ съ исторіею и достоинствомъ произведеній изящнаго искусства. Здѣсь, въ Берлинѣ, слушали эту піесу съ вниманіемъ и уваженіемъ къ генію Шекспира, видѣли въ ней не фарсъ, а близкое изображеніе нравовъ среднихъ вѣковъ, и характеровъ, достойныхъ изученія. Главную роль, Жида Шейлока, игралъ Роттъ, актеръ съ умомъ и дарованіемъ, но Берлинцы увѣряли меня, что онъ отстоитъ на тысячу миль отъ покойнаго Девріента, о которомъ вспоминаютъ съ величайшимъ сожалѣніемъ. — Въ Раупаховой трагедіи, которая впрочемъ не заключаетъ въ себѣ ничего отмѣнно хорошаго, отличалась Шарлотта Гагнъ, извѣстная и нашей публикѣ, актриса прекрасная собою, одаренная необыкновеннымъ талантомъ. Но болѣе всего позабавила и утѣшила меня комедія: die Familie Hellbrandt, переведенная съ французскаго. Въ ней

играли Шнейдеръ, Рютлингъ и другіе съ неподражаемымъ искусствомъ, веселостью, ловкостью: мнѣ казалось, что я перенесенъ въ Парижъ!

Кенигсштедтскій театръ содержится частнымъ лицемъ, кажется Евреемъ. Этотъ театръ построенъ на акціяхъ въ 1824 г., въ подражаніе парижскому des Variétés, собственно для представленія мелкихъ комическихъ водевилей, народныхъ оперъ, фарсовъ и т. п. Онъ знаменитъ тѣмъ, что на немъ дебютировала и образовалась Генріетта Зонтагъ. Нынѣ играютъ на кенигсштедтскомъ театрѣ большею частію волшебныя оперы, шутовскіе водевили, и пр. На немъ есть хорошіе артисты, напримѣръ комикъ Шмелька, но все въ немъ носитъ особенный жидовскій характеръ. Вообще берлинскіе Евреи, богатствомъ и вліяніемъ своимъ, играютъ важную роль. Лучшіе загородные домы въ звѣринцѣ принадлежатъ Жидамъ. Лѣтъ за двадцать предъ симъ появился на берлинской сценѣ Вурмъ, извѣстный и у насъ, въ Петербургѣ. Онъ игралъ Жидовъ съ неподражаемымъ искусствомъ, исторгалъ у Христіанъ громкія рукоплесканія, а Евреевъ выводилъ изъ терпѣнія. Они рѣшились погубить его, взвели на него обвиненіе въ гнусномъ порокѣ, представили свидѣтелей. Вурма посадили въ тюрьму, но такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что обвиненіе основано на клеветѣ и подкупленныхъ доводахъ, то его выпустили тайкомъ, съ совѣтомъ не въѣзжать въ прусскія владѣнія. Вскорѣ послѣ этого (осенью 1817) видѣлъ я его на лейпцигскомъ театрѣ

гдѣ онъ забавлялъ Саксонцевъ насмѣшками надъ Берлиномъ и берлинскими Жидами.

Который же изъ этихъ театровъ лучше прочихъ? спросите вы. Не знаю, отвѣчаю я. Лучше всего въ Берлинѣ двѣ вещи. Во-первыхъ, *діорама Гропіуса*. На углу Университетской и Георгіевской Улицъ, представляется вамъ зданіе оригинальное и красивое: это домъ славныхъ братьевъ живописцевъ Гропіусовъ. Въ немъ помѣщаются выставка художественныхъ произведеній (Kunstsaal) и берлинскій кабинетъ, т. е. собранія всего, что относится къ Берлину, описаній его, плановъ, видовъ; тутъ же продаются разныя искусственныя и ремесленныя издѣлія превосходной работы. Но важнѣйшее отдѣленіе въ этомъ домѣ есть діорама. Меня впустили въ темную комнату. Я дощупался до скамьи и сѣлъ. Поднимается завѣса: вижу предъ собою внутренность огромнаго зданія, въ которомъ устроены лѣса для передѣлки одной его части; на лѣсахъ и внизу работники; подлѣ лежатъ камни, лѣсъ и другіе матеріялы. Вотъ прекрасно! подумалъ я: показываютъ зданіе въ то время, когда оно еще достраивается. — Но эта работа что-то производится безъ стуку; замѣчаю, что и работники неподвижны. Догадываюсь наконецъ, что это картина: я былъ обвороженъ оптическимъ обманомъ въ продолженіе довольно значительнаго времени. На этой картинѣ представлена внутренность знаменитой кордовской каѳедральной церкви. Во время Аравитянъ она была магометанскою мечетью; видны еще остатки

мавританскихъ украшеній и позолоты. Сквозь отверстіе въ куполѣ проницаетъ солнечный лучъ, и падаетъ на саркофагъ, въ которомъ схороненъ Герцогъ Альба. Восемьсотъ порфировыхъ столбовъ поддерживаютъ потолокъ. Несравненно! Чрезъ нѣсколько минутъ завѣса опускается, и я остаюсь въ совершенной темнотѣ. Слышу вдругъ шумъ моря, плескъ волнъ, вой вѣтра; завѣса поднимается, и мнѣ является видъ Средиземнаго Моря, при Сорренто. Вдали острова Искія, Прочида, Капо Мизено. Вечеръ. Послѣдній лучъ солнца догараетъ на горизонтѣ. Влѣво рыбаки разсѣлись въ пещерѣ вокругъ огня. Море кипитъ; волны его пѣнясь разбиваются объ утесы берега и надъ столбами пещеры. Рыбачья лодка и челнокъ качаются у берега; вдали тихо плыветъ корабль. Очарованіе совершенное! Я перенесся въ Италію: видѣлъ на берегу этомъ Тасса, мечталъ о Плиніи.... Не могу выразить наслажденія этимъ несравненнымъ зрѣлищемъ. Все, что мы видѣли въ этомъ родѣ въ Петербургѣ, можетъ назваться дѣтскою игрушкою въ сравненіи съ діорамою Гропіуса. На обратномъ пути нашемъ въ Кронштадтъ стоялъ я у борта парохода, и любовался пѣнящимися волнами, разсѣкаемыми кораблемъ. «Не правда ли, это прекрасно?» спросилъ одинъ изъ моихъ спутниковъ.—«Прекрасно!» отвѣчалъ я: «а у Гропіуса море лучше....» Сорренто, Мизенскій Мысъ! Суждено ли мнѣ увидѣть васъ въ натурѣ!

Другая прекрасная вещь въ Берлинѣ—*мороженое* въ кандитерской лавкѣ Кранцлера, Подъ-Липами, на

углу Фридриховой Улицы. Удивительно вкусное! Можетъ быть, это предразсудокъ, но лучшаго я не ѣдалъ и въ Парижѣ. Мы, Русскіе, сбирались каждый вечеръ, послѣ театра, на галереѣ предъ кандитерскою, услаждали вкусъ свой мороженымъ, а душу бесѣдою о холодномъ и любезномъ отечествѣ, и забавлялись картиною шумной толпы народной, тѣснившейся Подъ-Липами. Иногда заходилъ я въ другую кандитерскую, подлѣ драматическаго театра; зачѣмъ, вы думаете? читать Сѣверную Пчелу, которую тамъ держатъ для нашихъ русскихъ студентовъ. Забавно и странно мнѣ было видѣть ее въ Берлинѣ!

Неужели болѣе нѣтъ ничего хорошаго въ Берлинѣ? спросите вы. Какъ не быть! Да въ девять дней всего не разглядишь. На одно, грѣшный человѣкъ, не разъ засматривался, на хорошенькихъ женщинъ. Какія личики! какіе глазки! Однажды вхожу я въ ворота дома оберъ-шенка Барона Арнима (временнаго директора театровъ). Кого вамъ надобно? спрашиваютъ у меня тоненькимъ голоскомъ. Оборачиваюсь влѣво, откуда несется голосъ. Херувимская головка смотритъ на меня изъ форточки. Я разинулъ ротъ и остолбенѣлъ. Она засмѣялась и сдѣлалась еще милѣе. Вдругъ кто-то проговорилъ подлѣ меня сиплымъ басомъ: «Да что вы не отвѣчаете? или вы въ жизни вашей женщинъ не видали?» — «Такихъ хорошенькихъ не видалъ!» отвѣчалъ я. «Это дочь моя!» прибавилъ привратникъ, смягчившись комплиментомъ, и съ тѣхъ поръ принималъ меня очень учтиво, и херувимская

головка всегда съ улыбкою привѣтствовала меня, какъ знакомаго. Здѣсь, въ Берлинѣ, я не разъ и сѣтовалъ и радовался, что мнѣ сорокъ восемь лѣтъ отъ роду.

Мужчины здѣсь не такъ милы, какъ женщины. Я разумѣю не высшія, образованныя сословія общества, а среднее состояніе, публику пятнадцатаго класса, въ которой заключаются низшіе чиновники, неважные торгаши, ремесленники и т. д. Здѣсь я узналъ что значитъ нѣмецкая поговорка ein Berliner Narr (берлинскій дуракъ). Изъ пяти человѣкъ, которые вамъ встрѣтятся на улицѣ, конечно трое одѣты шутами: одинъ въ голубомъ фракѣ, другой въ гусарскихъ сапожкахъ съ кистями, третій въ розовомъ галстухѣ, иной вовсе безъ галстуха. Я насмотрѣлся на нихъ, въ лѣтнемъ воксалѣ, въ Кенигсштедтской Улицѣ. Тамъ, въ извѣстные дни, даются сельскіе балы. Картина презабавная! Франты берлинскіе описаннаго мною класса уморительны. Счастіе и довольство самимъ собою выказываются у нихъ во всѣхъ пріемахъ, взглядахъ и словахъ. Самый низкій классъ Берлинцевъ отличается нахальствомъ и грубостью: трактирные слуги, привратники и т. п. несносны своею дерзостью. Въ Hôtel de Russie украли у меня дюжину шелковыхъ носовыхъ платковъ, и когда я сталъ жаловаться главному прислужнику (Oberkellner), онъ отвѣчалъ мнѣ чрезвычайно грубо *). Впрочемъ нельзя

*) Послѣ того узналъ я, что этотъ самый человѣкъ уличенъ былъ въ воровствѣ, и посаженъ въ Шпандау.



отнять у простолюдиновъ берлинскихъ природнаго ума и какой-то особенной живости въ характерѣ, чуждой другимъ Нѣмцамъ. Больше всѣхъ славятся остроуміемъ и скорыми отвѣтами тамошнія рыночныя торговки и носильщики, стоящіе по угламъ улицъ (Eckensteher). Ихъ каламбуры и экспромпты служили пищею многимъ водевилямъ и карикатурамъ. —«Послушай, Фрицъ!» говоритъ одинъ такой носильщикъ своему товарищу: «сходи-ко въ кабакъ, да принеси водки на два гроша.»—«Некогда!» отвѣчаетъ товарищъ.— Коли на два некогда, такъ принеси хоть на грошъ!»

Въ послѣднее воскресенье пребыванія моего въ Берлинѣ, я сидѣлъ поутру въ своей комнатѣ и думалъ, въ какой театръ, въ какое собраніе пойти мнѣ вечеромъ. Мнѣ приносятъ завтракъ и афишку съ надписью крупными буквами: Sonntag, den 19 Juli, kein Schauspiel *(въ воскресенье, 19 Іюля, нѣтъ зрѣлищъ)*. «Это что?» спросилъ я у слуги. Онъ отвѣчалъ мнѣ тихимъ, печальнымъ голосомъ: «За двадцать пять лѣтъ предъ симъ, 19 Іюля скончалась Королева.» — Въ этотъ день я помирился съ Берлинцами. Во всемъ городѣ господствовала совершенная тишина. Не слышно было ни музыки, ни пѣнія. Многочисленныя толпы прогуливались по улицамъ и по звѣринцу въ глубочайшемъ безмолвіи. И все это дѣлалось не по приказу начальства, а по собственному

Покраденныя вещи конечно были бы мною получены, если бы я былъ еще въ Берлинѣ.

внутреннему влеченію народа. Я думаю, если бъ театры были открыты, въ нихъ не было бы въ этотъ день ни одного зрителя. Это прекрасно! Прекрасно, за предѣлами гроба, по истеченіи четверти столѣтія, жить въ благодарныхъ сердцахъ милліоновъ! Не смотря на необыкновенно сильный жаръ, жители Берлина тысячами ѣхали и шли, на поклоненіе драгоцѣнному праху возлюбленной Государыни, въ Шарлоттенбургъ. Я присоединился къ одному такому каравану, съ любезнымъ Шам., моимъ путеводителемъ по Берлину.

Шарлоттенбургъ есть загородный дворецъ королевскій, построенный въ концѣ XVII столѣтія, и названный такъ въ честь Курфирстины Софіи Шарлотты. Онъ лежитъ на берегу Шпре, въ одной милѣ отъ Берлина. Вокругъ дворца выстроился мало по малу городокъ, въ которомъ нынѣ слишкомъ 450 домовъ и 6000 жителей. Всѣ Государи Пруссіи украшали и распространяли этотъ дворецъ. Въ немъ жила до кончины своей, супруга Фридриха II. Король, сопряженный съ нею бракомъ, основаннымъ на политикѣ, а не на взаимной склонности, чтилъ и уважалъ ее искренно, и въ день рожденія ея всегда являлся къ ней съ поздравленіемъ; въ одинъ этотъ день въ году, онъ надѣвалъ башмаки и черные шелковые чулки — великое съ его стороны пожертвованіе! Въ новыя времена, Шарлоттенбургъ былъ любимымъ мѣстомъ пребыванія покойной Королевы Луизы, супруги нынѣ царствующаго Короля: здѣсь родилась Императрица Александра Өеодоровна. При дворцѣ разведенъ пре-

красный садъ въ англійскомъ вкусѣ съ тѣнистыми аллеями. На одномъ изъ острововъ, образуемыхъ каналами, прокопанными изъ Шпре, называемомъ Луизинымъ, воздвигнутъ бронзовый бюстъ Королевы, отлитый по модели Рауха. Далѣе, среди густой рощи, возвышается гранитный мавзолей, въ которомъ хранятся смертные останки Незабвенной. На фронтонѣ, поддерживаемомъ четырьмя дорическими колоннами, изображены альфа и омега, символъ начала и конца всѣхъ дѣлъ земныхъ. Во внутренности мавзолея дверь, никогда не отворяемая для посѣтителей, ведетъ въ склепъ, гдѣ покоится тѣло Королевы, въ свинцовомъ гробѣ. Въ самомъ мавзолеѣ возвышается мраморный саркофагъ. На немъ представлена, изъ бѣлаго мрамора, Королева, лежащая на одрѣ покоя. Сходство лица ея поразительное. На стѣнахъ мавзолея висятъ четыре поблекшіе вѣнка, сплетенные ея дочерьми. Въ этотъ день весь помостъ мавзолея и саркофагъ усѣяны были свѣжими цвѣтами. Народъ толпился вокругъ него въ безмолвіи, и проливалъ слезы....

XIII.

Обратный путь.

8-го Іюля вечеромъ выѣхалъ я изъ Берлина. Опытъ научилъ меня: я взялъ заблаговременно мѣсто въ кабріолетѣ, № 5. Кабріолетомъ берлинскаго дилижанса называется передняя его часть, то есть наша двумѣстная карета, раздѣленная на три мѣста. Одно

изъ нихъ занимаетъ кондукторъ, два остаются для пассажировъ. Лучше такого мѣста нельзя найти. Во-первыхъ, видишь, куда ѣдешь. Во-вторыхъ, имѣешь только одного товарища, слѣдственно менѣе подверженъ неудобствамъ, капризамъ, сигаркамъ и т. п. помѣхамъ отъ своихъ спутниковъ. Да и сообщество кондуктора не такъ непріятно, какъ вообще можно бъ было предполагать. Эти люди обыкновенно выбираются изъ хорошихъ, заслуженныхъ унтеръ-офицеровъ, и если съ ними обходишься учтиво и привѣтливо, то очень легко ужиться. Вообще я замѣтилъ, что Пруссаки, въ первыя минуты бесѣды или дѣла, кажутся упрямыми, неласковыми, спесивыми, но лишь только увидятъ, что съ ними обходишься хорошо, перемѣняютъ обращеніе, и сами дѣлаются вѣжливыми, услужливыми и словоохотными. Другой пассажиръ въ кабріолетѣ былъ молодой французскій купецъ, г. Кюрсіяль, племянникъ и товарищъ знаменитаго винопродавца Флорентина Фора, въ Сенъ-Пере. Г. Кюрсіяль понравился мнѣ своею учтивостью, скромностью и пріятнымъ обращеніемъ. Дорогою узналъ я отъ него статистику всѣхъ французскихъ винъ, способъ ихъ выдѣлки, развозки, продажи и т. п. Это общество было мнѣ вдвое пріятнѣе отъ того, что всѣ остальныя мѣста дилижанса наполнены были разношерстными Жидами, которыхъ бесѣда не могла быть усладительна. На третій день, съ ударомъ девяти часовъ до полудня, дилижансъ остановился предъ прусскимъ почтовымъ дворомъ въ любезномъ

моемъ Гамбургѣ. Г. Кюрсіяль пригласилъ меня къ себѣ на завтракъ, и тутъ, на практикѣ, показалъ, какія вина добываются у его дяди. — Я провелъ въ Гамбургѣ пять дней: похожденія мои въ теченіе этого времени описаны мною выше. 15-го Іюля, въ часъ по-полудни, отправился я въ Любекъ, по ужасной дорогѣ, и прибылъ туда уже ночью. На другой день посѣтилъ г. Шлецера, получилъ отъ него, по обѣщанію, портретъ отца его, и на легкомъ рѣчномъ пароходѣ поплылъ по рѣкѣ Травѣ къ ея устью. Тамъ, на рейдѣ, стояла уже наша Александра, готовая везти насъ обратно въ милое отечество.

Въ нынѣшній рейсъ общество наше было такъ же пріятно, какъ и въ первый. Въ числѣ пассажировъ были: посланникъ нашъ при Минхенскомъ Дворѣ, Князь Г. И. Гагаринъ, баварскій посланникъ при Петербургскомъ Дворѣ, Графъ Лерхенфельдъ, съ молодою прекрасною супругою, семейство знаменитаго нашего врача, лейб-медика Рауха, одинъ путешествующій семидесятилѣтній Англичанинъ, генералъ Дюгальдъ-Стюартъ, жаждавшій посмотрѣть Россію, и еще нѣсколько человѣкъ умныхъ, любезныхъ и благовоспитанныхъ. Но погода была уже не прежняя. На другой день вечеромъ сгустились тучи на горизонтѣ, и въ ночь поднялась буря. Всѣ прилегли въ своихъ койкахъ. Помня, что въ первое путешествіе мое по морю погода меня не укачивала, я бодро вышелъ изъ каюты, и взобрался наверхъ, но радъ, радъ былъ, когда опять доплелся до своего ложа.

Въ бурю, кажется мнѣ, пароходъ несноснѣе всякаго другаго корабля: качка на немъ происходитъ тройная: одна вдоль судна, другая боковая, и третья — подергиванiе отъ колесъ паровой машины. Въ такомъ случаѣ нѣтъ ничего лучше, какъ лежать въ своей укромной хижинѣ, и въ воображенiи сочинять романы. Къ полудню качка и вѣтеръ прiутихли, и мы сѣли завтракать, но колебанiе все еще продолжалось, и мы ежеминутно придерживались за столъ. Каютъ-компанiя танцовала, если не мазурку, то польской. «Voilà un déjeûner dansant!» сказалъ одинъ пассажиръ, Французъ, упавъ съ вилкою въ рукахъ подъ столъ.

Въ среду отъѣхали. Четвертокъ, пятница — все это цѣлыя вѣчности; наконецъ, въ субботу, возникла надежда на скорое освобожденiе изъ пловучей тюрьмы, и дѣйствительно, въ восемь часовъ вечера мы остановились на кронштадтскомъ рейдѣ. Тутъ надобно было видѣть расторопность и усердiе къ службѣ нашей кронштадтской таможни! Въ минуту явились смотрители, помощники, досмотрщики. — «Tout les bics imaginables!» сказалъ прежнiй Французъ. У портовъ поставили часовыхъ, у люковъ, или сходовъ, другихъ. Прибыли чиновники кронштадтской полицiи, взяли наши паспорты и стали ихъ отмѣчать и повѣрять. Нѣтъ! ужъ тутъ, я думаю, ниточки запрещенной не провезешь — это будь сказано въ утѣшенiе господамъ московскимъ фабрикантамъ.

Въ четыре часа утра опять застукала машина, зашумѣли колеса, пароходъ двинулся. Мы всѣ вышли

на палубу. Мало по малу открылся Петербургъ. Вотъ мы и въ Невѣ. Вотъ Васильевскій Островъ, Англійская Набережная. Иностранцы смотрѣли на великолѣпныя массы и дивились имъ. Это зрѣлище было для нихъ тѣмъ поразительнѣе, что въ пятомъ часу утра солнце стояло уже высоко, и освѣщало прекрасную картину, какъ въ полдень. Но жители столицы еще погружены были въ глубокій сонъ: все было пусто, безмолвно. Если бъ не часовые, тихо расхаживавшіе предъ будками, то можно бъ было подумать, что это новая Помпея, возникшая волшебною силою изъ-подъ тысячалѣтняго пепла.—По мѣрѣ приближенія нашего къ цѣли плаванія, набережныя начали оживляться. Мы искали глазами друзей и любезныхъ. Дымъ, клубившійся изъ высокой трубы парохода, подавалъ сигналъ ждавшимъ нашего пріѣзда.

Расторглись легкія узы пріязни и довѣренности, заключенныя на тѣсномъ пароходѣ: мы разойдемся съ своими спутниками, сдѣлаемся чуждыми другъ другу, и развѣ при случайныхъ встрѣчахъ изрѣдка будемъ видѣться и вспоминать о бывшемъ товариществѣ. Такъ дружныя струи тихой рѣки разсыпаются брызгами, вливаясь въ просторный Океанъ!

Катитъ поспѣшно, на дрожкахъ, членъ таможни, всходитъ на пароходъ, трапъ упадаетъ, и мы бросаемся на берегъ.

Остальное написано не для печати.

БІОГРАФІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

ПОСВЯЩЕНА

ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ЧЕРНЫШЕВУ.



БІОГРАФІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Александръ I, Императоръ Всероссійскій, сынъ Императора Павла Петровича и Императрицы Маріи Θеодоровны, урожденной Принцессы Виртембергской, родился въ Санктпетербургѣ 12 Декабря 1777; сочетался бракомъ съ Принцессою Баденскою Луизою Маріею Августою, по святомъ мvропомазаніи Великою Княжною Елисаветою Алексѣевною, 28 Сентября 1793; по восшествіи на престолъ Родителя его, Императора Павла I, 6 Ноября 1796, объявленъ Цесаревичемъ и Наслѣдникомъ Престола; воцарился 12 Марта, вѣнчанъ на царство 15 Сентября 1801 года; скончался въ Таганрогѣ 19 Ноября 1825 года. Имѣлъ двоихъ дочерей: Марію Александровну (род. 18 Мая 1799, ск. 27 Іюля 1800), и Елисавету Александровну (род. 3 Ноября 1806, ск. 30 Апрѣля 1808 года).

Рожденіе Великаго Князя Александра Павловича, послѣдовавшее среди побѣдъ и торжествъ царствованія Великой Екатерины, было для всей Россіи радостнѣйшимъ событіемъ, даровавъ наслѣдника Императорскому Дому, къ утвержденію и распространенію славы и величія Имперіи подъ владычествомъ сей благословенной Богомъ династіи. Воспитаніе его было однимъ изъ главнѣйшихъ царственныхъ попеченій Августѣйшей его Бабки. Она сама назначала для него занятія и предметы ученія, сама писала книги для развитія его ума и образованія сердца; выбирала ему наставниковъ, учителей и товарищей, предвидя въ младенцѣ и отрокѣ великаго государя. Главнымъ попечителемъ при немъ былъ Графъ (въ послѣдствіи Князь) Н. И. Салтыковъ, а воспитателемъ Швейцарецъ Лагарпъ, къ которымъ Императоръ до конца своей жизни сохранилъ искреннюю любовь и благодарность. Императоръ Павелъ Петровичъ, по восшествіи своемъ на престолъ, удѣлялъ часть трудовъ царственныхъ своему наслѣднику. Великій Князь Александръ Павловичъ, сверхъ отправленія обязанностей военной службы, былъ санктпетербургскимъ военнымъ губернаторомъ, членомъ Совѣта и Сената, но все свободное время посвящалъ изученію великаго подвига, къ которому былъ призванъ Провидѣніемъ. Онъ вступилъ на престолъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, когда свѣтъ, его неблагодарность, его неумѣнье наслаждаться настоящимъ счастіемъ, его пустыя сожалѣнія о прошедшемъ, и несбыточные замыслы о буду-

щемъ еще не разочаровали человѣка, обаяннаго великодушными мечтами юныхъ лѣтъ. Александръ поклялся въ душѣ своей быть другомъ, хранителемъ, утѣхою ввѣренной ему Провидѣніемъ Россіи и всего человѣчества. Въ двадцатипятилѣтнее его царствованіе Россія и человѣчество видѣли подвиги, совершенные имъ для исполненія сего священнаго обѣта.

Исторія царствованія Александра есть исторія Европы въ первой четверти XIX вѣка, обильной великими и грозными происшествіями, какихъ прежде того не случалось и въ цѣлыя столѣтія. Мы не въ состояніи представить нашимъ читателямъ полную картину сего достопамятнаго времени: она не вмѣстилась бы въ тѣсныя рамы этого обозрѣнія, и превзошла бы наши силы. Величественная эта картина можетъ быть начертана тогда только, когда легкій туманъ времени, подернувъ предметъ ея волшебною тѣнью, выставитъ глазамъ художника огромные очерки во всемъ ихъ объемѣ, и удалитъ отъ нихъ второстепенныя части, ослѣпляющія теперь блескомъ своимъ взглядъ современника. Ограничимся исчисленіемъ главнѣйшихъ событій этой *Всемірной Исторіи;* удовольствуемся воспоминаніями о тѣхъ великихъ событіяхъ сего царствованія, которыя волновали юношескія сердца наши сладостнымъ восторгомъ, и теперь, по истеченіи многихъ лѣтъ, извлекаютъ у насъ, на закатѣ жизни, слезы умилительнаго благоговѣнія къ великому Государю, избранному Богомъ въ орудіе его правосудія.

Изложеніе наше дѣлится на двѣ главныя части: событія политическія и военныя внѣшнія, и дѣла внутреннія.

Александръ вступилъ на престолъ въ самое бурное время. Императоръ Павелъ, недовольный дѣйствіями своихъ союзниковъ, несоотвѣтствовавшихъ его пламенному усердію къ возстановленію правъ Европы, сблизился съ тогдашнимъ французскимъ правительствомъ, возникшимъ подъ твердою рукою геніяльнаго Наполеона Бонапарте, и объявилъ войну Англіи. Грозный британскій флотъ двинулся въ Балтійское Море, прорвался силою сквозь Зундъ 21 Марта (2 Апрѣля) 1801, и остановился въ виду русскихъ береговъ. Александръ изъявилъ желаніе прекратить войну эту. Англійскій Дворъ съ радостью принялъ слова мира, и 5 (17) Іюня былъ подписанъ мирный трактатъ между обѣими державами. Примиреніе съ Англіею въ этотъ разъ не вело къ войнѣ съ вѣчными ея противницами. 22 Сентября (4 Октября), былъ заключенъ мирный трактатъ съ Испаніею, 26 Сентября (8 Октября) съ Франціею. Со вступленіемъ на престолъ Александра, казалось, звѣзда мира взошла надъ утомленною въ брани Европою. Вскорѣ заключенъ былъ (въ Амьенѣ 15 (27) Марта) миръ между Франціею, Испаніею, Голландіею и Великобританіею. Россія согласилась съ Франціею касательно вознагражденія владѣльцевъ германскихъ. Австрія, Пруссія и прочія державы германскія равномѣрно къ тому приступили. Все клонилось къ заключенію общаго мира, къ утвер-

женію спокойствія и благоденствія Европы и свѣта на основаніяхъ прочныхъ. Но въ Европѣ владычествовалъ Александръ не одинъ. Въ одно время съ благодѣтельною и кроткою звѣздою Александра, возникъ на горизонтѣ міра блистательный метеоръ, съ необычайною силою сжавшій въ себѣ всѣ бурныя стихіи кровавой революціи французской. Наполеонъ Бонапарте изумилъ величіемъ своего генія весь тогдашній міръ: онъ успокоилъ Францію, побѣдилъ и усмирилъ несмѣтныхъ враговъ ея, пролилъ рѣки обилія и богатства на свое отечество, озарилъ его блистательною славою, но не долго пользовался безкорыстнымъ удивленіемъ современниковъ: безпрестанныя нарушенія чужихъ правъ и своего слова, покушенія на собственность ближняго, жертвованіе благомъ общимъ возвышенію своего семейства, и наконецъ беззаконное и злодѣйское умерщвленіе невиннаго Герцога Ангенскаго, открыли глаза Европѣ. Первая возстала на него Англія. Россія, Австрія и Швеція заключили между собою (въ началѣ 1805 года) союзъ, для остановленія бурнаго потока. Наполеонъ, занимавшійся нѣсколько времени несбыточными планами высадки въ Англію, узнавъ о начатіи военныхъ дѣйствій вступленіемъ Австрійцевъ въ Баварію, двинулся противъ нихъ всѣми своими силами, и, прежде нежели русскія войска поспѣли на помощь къ своимъ союзникамъ, обошелъ австрійскую армію (нарушивъ нейтралитетъ прусскихъ владѣній), и разбивъ ее (2 (14) и 3 (15) Окт.) при Эльхингенѣ и Лангенау, прину-

дилъ при Ульмѣ положить оружіе, перешелъ Иннъ, и занялъ (1 (13) Ноября) Вѣну. Русскія войска, не нашедъ австрійской арміи, отступили съ величайшимъ трудомъ, выдержавъ блистательное сраженіе при Голабруннѣ. Французы проникли въ Моравію, и тамъ произошла кровопролитная битва при Аустерлицѣ, 20 Ноября (2 Дек.) 1805, въ которой побѣда склонилась на сторону Наполеона. Императоръ Александръ Павловичъ оказалъ въ сей битвѣ храбрость самую блистательную, но принужденъ былъ покориться велѣніямъ судьбы, и когда Императоръ Францъ изъявилъ желаніе заключить съ Наполеономъ перемиріе, онъ удалился съ своею арміею въ предѣлы Россіи. Въ слѣдующемъ (1806) году, послѣ тщетныхъ усилій заключить миръ, соотвѣтствующій желаніямъ и требованіямъ Европы, война возгорѣлась съ большимъ жаромъ. Въ этотъ разъ выступила на поле брани Пруссія. Наполеонъ бросился на собиравшіяся противъ него прусскія войска: 27 Сентября (9 Октября) начались военныя дѣйствія; 2 (14) Октября были разбиты Пруссаки при Іенѣ и Ауэрштедтѣ; 15 (27) Наполеонъ вступилъ въ Берлинъ; важнѣйшія крѣпости прусскія сдавались одна за другою; 16 (28) Ноября Французы заняли Варшаву, и двинулись къ границамъ Россіи. Здѣсь нашли они твердое сопротивленіе. Послѣ сраженія при Пултускѣ и Голыминѣ, 14 (26) Декабря, въ которомъ Французы въ первый разъ встрѣтили мужественный отпоръ и принуждены были уступить поле сраженія, они заняли зимнія квар-

тиры. Военныя дѣйствія возобновились въ началѣ 1807 года: 27 Января (8 Февраля) произошло одно изъ кровопролитнѣйшихъ сраженій въ Новѣйшей Исторіи, подъ Прейсишъ-Эйлау. Русскіе удержали напоръ сильнаго врага, но не могли сокрушить огромныхъ его полчищъ. Обѣ арміи нѣсколько мѣсяцевъ стояли въ виду другъ друга. Въ концѣ Мая Русскіе одержали поверхность надъ Французами, 27 Мая (8 Іюня) при Гутштатѣ, 28 (9) при Гейльсбергѣ; но 2 (14) Іюня произошла битва при Фридландѣ, въ которой русская армія, поставленная въ невыгодную позицію, принуждена была уступить превосходнѣйшему непріятелю. Слѣдствіемъ потери этой битвы было вступленіе Французовъ въ Кенигсбергъ; Данцигъ былъ взятъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ, и русскія войска отступили къ своимъ границамъ. Императоръ Александръ Павловичъ, находившійся съ 4 Апрѣля при главной квартирѣ, но предоставившій командованіе войскомъ генералу Беннингсену, рѣшился испытать, не поведетъ ли къ лучшему для Европы и Россіи, сближеніе его съ сильнымъ и счастливымъ Императоромъ Французовъ. Послѣ свиданія ихъ на рѣкѣ Нѣманѣ, въ которомъ Александръ требовалъ только сохраненія владѣній союзника своего, Короля Фридриха Вильгельма III, подписанъ былъ 25 Іюня (7 Іюля) миръ тильзитскій между Пруссіею и Франціею. Изъ составившагося по этому миру новаго Герцогства Варшавскаго, отданнаго Королю Саксонскому, Россіи досталась Область Бѣлостокская. Вся

Европа получила новый видъ. Александръ удержалъ всѣ свои владѣнія въ цѣлости, и приступилъ къ континентальной системѣ Наполеона. Союзъ Россіи съ Франціею вскорѣ укрѣпленъ былъ страннымъ поступкомъ Англійскаго Кабинета. Британскій флотъ явился предъ Копенгагеномъ, и потребовалъ выдачи ему датскаго флота; получивъ отказъ, разрушилъ часть Копенгагена бомбами и конгревовыми ракетами 21 Августа (2 Сентября), и принудилъ Датское Правительство, не подававшее ни малѣйшаго повода къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, выдать ему всѣ свои корабли, морскіе и военные запасы, и проч. Слѣдствіемъ этого было объявленіе Россіею войны Англіи 25 Октября (6 Ноября) 1807.

Въ то время, когда русскія войска встрѣчали грудью непріятеля на западной своей границѣ, возникла война на югѣ, съ давнишними ея врагами, Турками. Французы, въ намѣреніи развлечь силы Россіи, воспользовались для того всегдашнимъ своимъ средствомъ, побудили Турокъ объявить ей войну (18 (30) Декабря 1806). Русскія войска, занявшія уже прежде того Молдавію и Валахію, для понужденія Порты къ исполненію обязанностей, принятыхъ ею на себя по трактатамъ кайнарджійскому и ясскому, сначала дѣйствовали тамъ безъ большихъ усилій. Главныя дѣйствія ихъ происходили въ Архипелагѣ: вице-адмиралъ Сенявинъ явился съ эскадрою на водахъ Греціи, и 19 (31) Іюля 1807 одержалъ значительную побѣду надъ турецкимъ флотомъ при Лемносѣ. 18 (30) Іюня Графъ

Гудовичъ разбилъ Турокъ въ Азіи, на берегахъ Арпачая. По заключеніи мира тильзитскаго, армія, дѣйствовавшая на Дунаѣ, была усилена, и послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ въ теченіе 1808 года, съ наступленіемъ весны 1809, начала военныя дѣйствія подъ командою Князя Прозоровскаго; въ концѣ Іюня перешла черезъ Дунай, и взяла небольшія лежащія при немъ крѣпости. По смерти Князя Прозоровскаго (9 (21) Августа) принялъ начальство Князь Багратіонъ: онъ взялъ нѣсколько крѣпостей, въ томъ числѣ Измаилъ и Браиловъ, и одержалъ побѣду при Рассеватѣ, но, по наступленіи зимы, перешелъ обратно черезъ Дунай. Въ кампаніи 1810 года командовалъ Графъ Каменскій: онъ взялъ Базарджикъ, Силистрію, Разградъ, храбро сражался подъ Шумлою, однако не могъ покорить ея; не имѣлъ успѣха въ штурмѣ Рущука, но одержалъ блистательную побѣду при Батынѣ, 26 Августа; слѣдствіемъ ея было паденіе Рущука и Журжи; при всемъ томъ Турки еще не думали о мирѣ. По смерти Графа Каменскаго, генералъ Голенищевъ-Кутузовъ принялъ, въ 1811 году, начальство надъ дунайскою арміею, которая была значительно ослаблена усиленіемъ войскъ на западной границѣ Россіи, а Турція въ то время собрала всѣ свои силы для блистательнаго окончанія кровопролитной брани. Кутузовъ успѣлъ заманить турецкую армію на правый берегъ Дуная, у Слободзеи, и окруживъ ее со всѣхъ сторонъ, выморилъ голодомъ. Заключено было перемиріе, и чрезъ нѣсколько времени

послѣ того (16 (28) Мая 1812), подписанъ миръ въ Бухарестѣ. Рѣка Прутъ назначена была границею обѣихъ Имперій. Россія пріобрѣла Бессарабію съ крѣпостями Хотиномъ, Бендерами, Аккерманомъ, Киліею и Измаиломъ, и, что всего важнѣе, армію, дѣйствовавшую дотолѣ на Дунаѣ, могла употребить противъ бурнаго нашествія, угрожавшаго ей съ береговъ Вислы.

Вскорѣ послѣ начатія брани съ Турками, возгорѣлась война съ Швеціею. Послѣ тильзитскаго мира, Россія пригласила союзника своего, Короля Густава IV, покориться обстоятельствамъ заключеніемъ мира съ Франціею. Въ его волѣ было не принимать этого предложенія, но отказъ его былъ такъ оскорбителенъ для Россіи, что за нимъ не могло не послѣдовать разрыва. Всѣ старанія нашего кабинета объ удовлетворительномъ соглашеніи были тщетны. Двухлѣтняя война въ Финляди принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ войнъ Россіи. 8 (20) Февраля 1808 года обнародована была декларація о разрывѣ съ Швеціею, и въ тотъ же день русская армія, подъ начальствомъ Графа Буксгевдена, перешла чрезъ границу. Она шла впередъ безпрепятственно, занимая одинъ городъ за другимъ, 13 (25) Февраля Ловизу и Борго, 18 (30) Гельсингфорсъ, 25 (8 Марта) Тавастгусъ, 5 (17) Марта Біернаборгъ и Швартгольмъ, 10 (22) Марта Або, 17 (29) Вазу, 31 (12 Апр.) Аландскіе Острова, Гамлекарлебю и Якобштадтъ. Шведы, отступавшіе предъ Русскими, стали защи-

щаться не ближе какъ подъ 64 градусомъ сѣверной широты, и одержали поверхность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но въ то же время, на югѣ Финляндіи, сдалась 25 Марта (6 Апр.) знаменитая крѣпость Свеаборгъ. Усилія Шведскаго Короля вытѣснить Русскихъ изъ сѣверныхъ предѣловъ Финляндіи или произвести диверсію высадкою у южныхъ береговъ ея, не имѣли успѣха. Храбрые Шведы видѣли, что всѣ ихъ усилія тщетны. Прекращеніе лѣта не остановило военныхъ дѣйствій, и 17 (29) Ноября шведскія войска очистили всю Финляндію. Кампанія 1809 года, въ которой главнокомандующимъ былъ генералъ Кноррингъ, началась двумя блистательными подвигами, едва ли имѣющими примѣръ въ Военной Исторіи. Одинъ отрядъ Русскихъ (генерала Кульнева) перешелъ по льду чрезъ Аландскіе Острова въ Гриссельгамъ, близъ Стокгольма (7 (19) Марта), а другой (Барклая де-Толли) чрезъ самое узкое мѣсто Ботническаго Залива, называемое Кваркенъ, и взялъ Умео (12 Марта). Третій корпусъ (Графа Шувалова) прошелъ чрезъ Торнео въ Западную Ботнію, и принудилъ одинъ шведскій корпусъ положить оружіе. Послѣдствіемъ этихъ успѣховъ, было сначало заключеніе перемирія при Каликсѣ, а потомъ и мира, въ Фридрихсгамѣ, 5 (17) Сентября: по этому миру Швеція навсегда уступила Россіи Финляндію и часть Восточной Ботніи до рѣки Торнео.

Такимъ блистательнымъ образомъ кончились двѣ войны Россіи, на сѣверѣ и на югѣ. Александръ не

участвовалъ въ нихъ лично, но былъ душею и руководителемъ всѣхъ военныхъ и политическихъ дѣйствій. Какъ при Петрѣ Великомъ Русскіе частными побѣдами готовились къ битвѣ полтавской, такъ при Александрѣ войны турецкая и шведская были нашимъ воинамъ школою, для приготовленія себя къ отраженію величайшаго изъ полководцевъ нынѣшняго вѣка, и арміи, которая дотолѣ считала дни выигранными сраженіями. Тильзитскій миръ, по властолюбивому и хищническому нраву Наполеона, не могъ быть продолжителенъ. Императоръ Французовъ не зналъ покоя, доколѣ существовала еще на твердой землѣ Европы держава, могшая спорить съ нимъ о верховной власти. Тщетны были всѣ пожертвованія Россіи, условія эрфуртскія, участіе ея въ достиженіи Наполеономъ вѣнскаго мира. Гроза, ужаснѣйшая всѣхъ прежнихъ, сбиралась черными тучами на горизонтѣ Европы. Наполеонъ, безъ всякаго права, безъ малѣйшаго повода, однимъ почеркомъ пера, лишилъ наслѣдственныхъ владѣній родственника Александрова, Герцога Ольденбургскаго, захватилъ города ганзеатическіе, и простеръ границы своей Имперіи до береговъ Балтійскаго Моря. Первымъ выраженіемъ неудовольствія Императора Александра было распоряженіе (19 Декабря 1810), коимъ запрещались къ привозу разные товары французскаго происхожденія, и позволялся ввозъ многихъ колоніальныхъ произведеній: этимъ средствомъ предполагалось отчасти вознаградить потери и убытки, причиняемые континен-

тальною системою, которую самъ Наполеонъ, для выгодъ своихъ, нарушалъ безпрестанно. Наполеонъ отозвался объ этомъ распоряженіи въ рѣчи законодательному сословію съ обычною своею дерзостью, и война оказалась неизбѣжною.

Императоръ Александръ, зная силы, пособія и геній противника своего, неутомимо занимался приготовленіями къ отраженію его неминуемаго нашествія. Армія получила новое устройство, въ особенности была преобразована артиллерія; войска были усилены обращеніемъ въ нихъ гарнизонныхъ и морскихъ полковъ и обученныхъ фронтовой службѣ матросовъ, и со всѣхъ сторонъ стекались къ западнымъ предѣламъ Россіи. Между тѣмъ, какъ всегдашнія наши союзницы, Австрія и Пруссія, принуждены были стать подъ знамена общаго врага, Россія нашла союзницу въ державѣ, недавно еще враждебной съ нею. Швеція не могла согласиться на тягостныя условія, предписанныя ей Наполеономъ, и, лишившись въ слѣдствіе этого Помераніи, рѣшилась искать помощи у Россіи: 24 Марта (5 Апрѣля) 1812 заключенъ былъ между Россіею и Швеціею союзный трактатъ въ Санктпетербургѣ.

Александръ Павловичъ выѣхалъ къ арміи своей изъ Санктпетербурга 9 Апрѣля. Русскія силы расположены были длинною линіею по западной границѣ. Онѣ состояли изъ двухъ Западныхъ Армій, 1-й подъ командою генерала Барклая де-Толли, и 2-й подъ начальствомъ Князя Багратіона, въ коихъ было всего

не болѣе 200,000 человѣкъ. Наполеонъ Бонапарте велъ съ собою 400,000 пѣхоты и до 80,000 кавалеріи. Послѣ нѣкоторыхъ тщетныхъ переговоровъ, громада силъ Наполеона двинулась на Россію (12-го Іюня). Онъ не объявлялъ войны формально, а только провозгласилъ своей арміи, что начинается война съ Россіею, которая увлечена своимъ неизбѣжнымъ рокомъ: планъ его былъ раздѣлить обѣ русскія арміи, разбить ихъ порознь, и открыть себѣ безпрепятственный путь въ сердце Россіи. Александръ возразилъ: «Не положу оружія доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ.... На начинающаго Богъ!» Русскія войска, не имѣя возможности отразить непріятеля, начали отступать въ порядкѣ и согласіи, и послѣ нѣсколькихъ частныхъ сраженій, обѣ наши арміи соединились въ Смоленскѣ. Императоръ Александръ находился при Первой Арміи до отступленія ея къ берегамъ Дриссы. Тамъ, убѣдясь въ необходимости дѣйствовать на сильнаго врага не одною арміею, но всею Россіею, оставилъ главную квартиру, для принятія дѣйствительнѣйшихъ мѣръ къ обезсиленію, отраженію и уничтоженію непріятеля. Онъ прибылъ (12-го Іюля) въ Москву: Россія встрѣтила Царя своего въ день опыта, недоумѣнія и горести, съ бо́льшимъ восторгомъ, нежели когда либо встрѣчала его въ дни счастія и торжествъ. Воскресли времена Минина и Пожарскаго: милліоны добровольныхъ приношеній лились въ казну царскую; тысячьми становились граждане и поселяне въ ряды воинства;

одна мысль, одно чувство проникли всю необъятную Россію: изгнать, истребить врага, или пасть съ честію на развалинахъ отечества, жертвуя послѣднею каплею крови законному своему Государю и свободѣ Русской Земли. Древняя столица, обреченная въ спасеніе отечества жертва, увѣнчалась, предъ закланіемъ, цвѣтами радости и надежды.

Государь, возвратясь въ Санктпетербургъ 22-го Іюля, былъ обрадованъ извѣстіемъ объ отраженіи Графомъ Витгенштейномъ маршала Удино, покушавшагося прорваться ко Пскову, и объ успѣхѣ, одержанномъ на лѣвомъ флангѣ арміи генераломъ Тормасовымъ; но главныя силы непріятеля шли безпрестанно впередъ. Соединившіяся въ Смоленскѣ обѣ арміи наши оставили этотъ городъ послѣ храброй защиты, и продолжали отступленіе по московской дорогѣ. Въ это время назначенъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ дѣйствующихъ армій Князь Голенищевъ-Кутузовъ, полководецъ убѣленный въ битвахъ и совѣтахъ, недавно еще украсившій покрытое ранами чело свое вѣнкомъ побѣдителя и миротворца. Онъ принялъ начальство надъ арміями при Царевомъ-Займищѣ, и продолжалъ отступленіе по прежнему плану, ища случая и возможности дать выгодное сраженіе. Императоръ Александръ Павловичъ, видя всю важность обезпеченія сѣверныхъ границъ Имперіи, и желая усилить главныя войска свои корпусомъ, стоявшимъ безъ дѣйствія въ Финляндіи, отправился (9-го Августа) въ Або, и имѣлъ тамъ съ Шведскимъ На-

слѣднымъ Принцемъ свиданіе, на которомъ положено было прочное основаніе существующему донынѣ между обоими государствами согласію, и границы наши ограждены были царственнымъ словомъ. По возвращеніи Государя въ С. Петербургъ, извѣстіе о блистательной битвѣ Бородинской, полученное въ самый Александровъ день, восхитило радостію сердце Государя и подданныхъ; но какая мрачная ночь наступила вслѣдъ за этимъ мгновеннымъ блескомъ! Наполеонъ вошелъ въ Москву. Древняя русская столица испытала участь Амстердама, Вѣны, Берлина, Лиссабона, Мадрида. Европа ждала и отъ этого торжества Наполеонова тѣхъ же послѣдствій, которыя ознаменовали покореніе другихъ столицъ ея; но Александръ, твердостью въ грозномъ опытѣ и благочестивымъ упованіемъ на помощь Вышняго, разстроилъ всѣ замыслы и расчеты враговъ своихъ. Умилительно вспомнить теперь тѣ достопамятныя слова, которыми Императоръ, не царскимъ манифестомъ, но скромнымъ объявленіемъ, возвѣщалъ о потерѣ Москвы: «Непріятель Сентября 3-го числа вступилъ въ Москву, но да не унываетъ отъ этого великій народъ россійскій! Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. — При бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго, не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣ-

ливостью и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюютъ!»

Потомство сравнитъ дерзкое предсказаніе неистоваго завоевателя съ этимъ смиреннымъ предчувствіемъ благочестиваго Царя, и рѣшитъ, на которой сторонѣ были истинное величіе, мудрость и знаніе настоящей минуты. Провидѣніе уже рѣшило. Москва воспылала надъ главою рушителя царствъ. Онъ обратился къ Александру съ предложеніемъ мира и дружбы. Не получивъ отвѣта, бросился на русское войско, обновленное числомъ, силою и духомъ, и встрѣтивъ препону въ намѣреніи своемъ прорваться на югъ Россіи, принужденъ былъ начать свое бѣдственное отступленіе по дорогѣ, истощенной и опустошенной имъ самимъ. Русскіе шли за Французами по пятамъ, не давали имъ отдыха, отрѣзывали всѣ сообщенія и пособія, становились на пути ихъ, и брали ихъ цѣлыми отрядами. При Березинѣ стѣснили Наполеона въ одно время, съ сѣвера Виттенштейнъ, съ югозапада Чичаговъ, съ востока Кутузовъ. Счастіе и въ этотъ разъ помогло своему баловню: онъ переправился черезъ Березину, и лично спасся, но значительная часть его арміи погибла на переправѣ. Остальная выморена была морозомъ, голодомъ и казаками на пути отъ Березины до границы. По словамъ самихъ Французовъ, вышло изъ Россіи 18,800 Французовъ и Ита-

ліянцевъ, и 23,000 Поляковъ и Нѣмцевъ. (*Koch*, Tableau de révol. II, 384). Знаменитыя эти событія были послѣдствіемъ плана, составленнаго самимъ Императоромъ Александромъ, по взятіи непріятелемъ Смоленска: онъ предвидѣлъ, что дерзость Наполеона заведетъ его далеко внутрь Россіи, и предположилъ, поставивъ въ тылу его на берегахъ Березины 120,000 человѣкъ, отрѣзать его отъ границы, и истребить со всею арміею. Временныя и мѣстныя обстоятельства, къ несчастію, воспрепятствовали точному исполненію сего великаго предначертанія, но и при несовершенномъ приведеніи его въ дѣйство, послѣдствія кампаніи были велики и изумительны.

Александръ, въ началѣ Декабря мѣсяца, отправился къ побѣдоносной арміи, и посреди торжествующихъ сыновъ своихъ, праздновалъ день своего рожденія, а наступленіе Новаго 1813 Года ознаменовалъ переходомъ русской арміи чрезъ границу, для исполненія возвѣщеннаго имъ Россіи и Европѣ. Если бъ намъ предоставлено было сказать, который годъ изъ двадцати пяти славныхъ лѣтъ царствованія Императора Александра есть самый блистательный, мы отвѣчали бы рѣшительно: тысяча восемьсотъ тринадцатый. Въ этомъ году онъ явился тѣмъ, что былъ въ самомъ дѣлѣ: великимъ политикомъ, мудрымъ распорядителемъ, благоразумнымъ и искуснымъ полководцемъ. Кромѣ веденія войны съ величайшимъ воинскимъ геніемъ нашего вѣка, предстояло ему другое, можетъ быть, важнѣйшее дѣло — устранить причину

пораженій, претерпѣнныхъ арміями германскихъ государствъ, состоящими изъ воиновъ храбрыхъ и усердныхъ, имѣющими предводителей искусныхъ и опытныхъ, и безпрестанно подавляемыми врагомъ — отъ недостатка внутренняго единства, отъ совмѣстничества и зависти разнородныхъ частей Германіи. Александръ, своимъ умомъ, сердцемъ и характеромъ, рѣшилъ эту трудную задачу. Послѣдствіемъ этого было дѣло, едва ли слыханное во Всемірной Исторіи: единогласное дѣйствіе войскъ самыхъ разнородныхъ, торжество коалиціи надъ непріятелемъ сильнымъ, нераздѣльнымъ и самовластительнымъ. При этомъ невольно сравнишь неудачу союзныхъ армій Наполеона въ 1812 году противъ устраненной Россіи, и торжество союзниковъ надъ Франціею, имѣвшею въ этотъ разъ на своей сторонѣ выгоды единства. Великія и славныя происшествія въ этомъ году слѣдовали безпрерывно одно за другимъ. Начало его ознаменовано было вступленіемъ Пруссіи въ союзъ съ Россіею. Шесть лѣтъ тягостнаго, унизительнаго ига возбудили въ благородныхъ Пруссакахъ жажду къ завоеванію своей независимости; неудачи и бѣдствія закалили духъ народа. Посреди приготовленій къ возобновленію военныхъ дѣйствій, скончался Кутузовъ (16-го Апрѣля): съ того времени и явное распоряженіе военными дѣйствіями пало на самого Императора Александра, который, бывъ всегда руководителемъ и, можно сказать, душею во всѣхъ дѣлахъ, по скромности своей, предоставлялъ другимъ исполненіе и славу.

Наполеонъ, употребивъ неслыханныя усилія, выставилъ къ веснѣ многочисленную армію. Союзныя русскія и прусскія войска, сразившись при Люценѣ, а потомъ при Бауценѣ, отступили въ Силезію, и тамъ заключено было перемиріе. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ шли переговоры о мирѣ, но обѣ стороны вооружались всѣми средствами, для продолженія войны въ случаѣ неуспѣха переговоровъ. Упрямство и странное ослѣпленіе Наполеона содѣйствовали и въ этомъ случаѣ успѣху союзниковъ: подъ самыми ничтожными предлогами замедлялъ онъ ходъ дѣла, старался о продолженіи перемирія, и, какъ видно было по всему, хотѣлъ не заключить миръ, а только выиграть время. Въ началѣ Августа возобновились военныя дѣйствія, но въ этотъ разъ Россія и Пруссія подкрѣплены были союзомъ Австріи, которая, употребивъ всѣ средства для образумленія ослѣпленнаго властолюбца, рѣшилась присоединиться къ его противникамъ. Войска русскія, прусскія, австрійскія, шведскія тѣснили Наполеона со всѣхъ сторонъ; онъ еще имѣлъ успѣхъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, напримѣръ при нападеніи на Дрезденъ, но первенство уже перешло на сторону союзниковъ; сраженія при Кульмѣ, при Кацбахѣ, при Гросъ-Беренѣ и Денневицѣ, данныя въ теченіе двухъ недѣль (съ 18 (30) Августа по 6 (18) Сентября), и наконецъ общая битва при Лейпцигѣ, 6 (18) Октября, сокрушили армію Наполеона, и прекратили владычество его въ Германіи. Онъ рѣшился отступить во Францію: дорогу засту-

пили ему бывшіе его союзники, Баварцы, и нанесли ему чувствительную потерю.

Надежда Русскаго Государя, основанная на искреннемъ благочестіи и увѣренности въ правотѣ своего дѣла, сбылась во всей точности: обѣщаніе его было исполнено; Германія и Голландія освободились отъ тягостнаго ига. 24 Октября (5 Ноября) побѣдоносный Александръ вступилъ съ войсками своими во Франкфуртъ на Майнѣ, и тамъ получилъ пріятное его сердцу извѣстіе о прекращеніи войны съ Персіею заключеніемъ мира въ Гюлистанѣ 12 Октября того же 1813 года. Союзныя арміи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отдыхали отъ трудовъ и усилій своихъ. Между тѣмъ вновь предлагаемъ былъ Императору Наполеону честный и выгодный миръ: онъ сохранялъ Францію, и только обязанъ былъ отречься отъ прежнихъ завоеваній своихъ за Рейномъ, Альпійскими и Пиренейскими Горами. Онъ не согласился, и въ день Новаго 1814 Года союзныя войска перешли чрезъ Рейнъ, и начали третью кампанію этой достопамятной войны. Предъ вступленіемъ союзныхъ армій въ предѣлы враждебной имъ Франціи, Александръ отдалъ своимъ русскимъ воинамъ (въ Фрейбургѣ 25 Декабря) достойный безсмертія въ Исторіи приказъ, слѣдующаго, между прочимъ, содержанія: «Воины! Мужество и храбрость ваша привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Они ведутъ насъ далѣе: мы переходимъ за оный, вступая въ предѣлы той земли, съ которою ведемъ кровопролитную, жестокую войну. Мы уже

спасли, прославили отечество свое, возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Остается увѣнчать великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворится на всемъ Земномъ Шарѣ спокойствіе и тишина! Да будетъ каждое царство подъ единою собственнаго правительства властію и законами благополучно! Да процвѣтаютъ въ каждой землѣ, ко всеобщему благоденствію народовъ, вѣра, языкъ, науки, художества и торговля! Сіе есть намѣреніе наше, а не продолженіе брани и разоренія. Непріятели, вступя въ средину царства нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную казнь. Гнѣвъ Божій покаралъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ: понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. — Воины! я несомнѣнно увѣренъ, что вы, кроткимъ поведеніемъ своимъ въ землѣ непріятельской, столько же побѣдите ее великодушіемъ своимъ, сколько оружіемъ, и соединяя въ себѣ храбрость воина противъ вооруженныхъ съ благочестіемъ христіанина противъ безоружныхъ, довершите многотрудные подвиги свои сохраненіемъ пріобрѣтенной уже славы мужественнаго и добронравнаго народа!»

Начинавшаяся тогда кампанія требовала отъ союзниковъ большихъ противу прежняго усилій, трудовъ и подвиговъ. Подвергшійся нападенію въ своей имперіи, распаленный жаждою славы и мести, Наполе-

онъ употребилъ всѣ средства для отраженія своихъ враговъ: и дѣйствительно кампанія 1814 года была самая блистательная изъ всѣхъ, веденныхъ имъ въ новое время, и можетъ быть сравнена только съ его же кампаніею 1796 года, въ Италіи. Но тщетны были всѣ способы генія, всѣ труды и пожертвованія его воиновъ, защищавшихъ родныя пепелища: часъ его ударилъ. Отринувъ скромныя предложенія союзныхъ Державъ на Шатиліонскомъ Конгресѣ, онъ вздумалъ перенести позорище войны на Рейнъ, и отрѣзать союзниковъ отъ сообщеній ихъ съ Германіею. Союзники догадались о его замыслахъ, и рѣшились уничтожить ихъ дѣйствіемъ не менѣе смѣлымъ: по мнѣнію, изложенному въ военномъ совѣтѣ Императоромъ Александромъ, они двинулись на Парижъ. По одержаніи надъ Французами блистательной побѣды при Феръ-Шампенуазѣ, Александръ взялъ Парижъ, послѣ упорнаго, кровопролитнаго боя, и 19 (31) марта, съ союзникомъ своимъ, Королемъ Прусскимъ, ввелъ побѣдоносныя войска въ изумленную столицу Наполеона. 10 Апрѣля, въ день Воскресенія Спасителя, совершено было умилительное священнодѣйствіе: на Площади Согласія, между Тюльерійскимъ Садомъ и Елисейскими Полями, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за двадцать одинъ годъ до того пала подъ гиліотиною голова несчастнаго Лудовика XVI, принесено было Греко-Россійскимъ Духовенствомъ, въ присутствіи Императора Всероссійскаго, Короля Прусскаго, союзныхъ генераловъ и всѣхъ французскихъ марша-

ловъ, посреди колѣнопреклоненнаго войска, благодарственное молебствіе Богу, осѣнившему благословеніемъ своимъ труды и подвиги, подъятые на спасеніе и примиреніе человѣчества!

Послѣдствіемъ взятія Парижа было отреченіе Наполеона, возведеніе на французскій престолъ древней династіи Бурбоновъ, и заключеніе всеобщаго мира, съ возвращеніемъ законныхъ правъ тѣмъ государямъ и народамъ, которые лишились ихъ въ теченіе французской революціи и владычества Наполеонова.

Императоръ Александръ, возвращаясь изъ Франціи, посѣтилъ вѣрнаго своего союзника, Принца Регента Великобританскаго (въ послѣдствіи Георгій IV), всѣми силами содѣйствовавшаго успѣхамъ союза, и въ Іюлѣ мѣсяцѣ возвратился въ С. Петербургъ, послѣ осьмнадцати-мѣсячнаго отсутствія. Радости, восторга, изступленія Россіи, при событіяхъ того времени, не опишетъ ни какое перо! Важнѣйшія государственныя сословія, Синодъ, Совѣтъ и Сенатъ, положили единодушно просить Государя о принятіи имени Благословеннаго, и о дозволеніи воздвигнуть ему приличный монументъ. Александръ далъ на эту просьбу рѣшительный отказъ, и воспретилъ всякое торжество по случаю возвращенія его въ отечество. Тѣмъ не менѣе усладительны и искренни были изліянія народной къ нему любви и благодарности.

Въ концѣ 1814 года Императоръ отправился на конгресъ Монарховъ въ Вѣну, для окончательнаго рѣшенія судьбы Европы, для вознагражденія всѣхъ

пострадавшихъ отъ властолюбія Наполеонова, и для упроченія мира и спокойствія навсегда. И здѣсь, какъ вездѣ, былъ онъ душею всѣхъ дѣйствій, и здѣсь, какъ вездѣ, своимъ умомъ, кротостью, вѣжливостью, умѣлъ примирять, согласовать и направлять къ одной цѣли самыя противоположныя желанія и замыслы другихъ; и здѣсь, какъ вездѣ, въ смиреніи своемъ, уступалъ другимъ наружное первенство, и дѣйствительно, какъ душа въ тѣлѣ, былъ видѣнъ только своими добрыми и благородными дѣлами.

Многочисленныя и разнообразныя дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію Вѣнскаго Конгреса, занимали его нѣсколько мѣсяцевъ. Внезапно получена была вѣсть о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы: онъ оставилъ Порто-Ферраіо 24 Февраля (6 Марта), и 1 (13) Марта вышелъ на берегъ во Франціи, при Каннѣ. Тѣ самые Французы, отъ которыхъ онъ за годъ предъ тѣмъ скрывался въ прусскомъ мундирномъ сюртукѣ и въ австрійской шляпѣ, приняли его съ восторгомъ. Встрѣчавшіяся съ нимъ войска, и тѣ самыя, которыя были высланы для того, чтобъ схватить его, переходили на его сторону. Всѣ принятыя королевскимъ правительствомъ мѣры были напрасны, и 8 (20) Марта онъ прибылъ въ Парижъ, откуда наканунѣ удалился Король Лудовикъ XVIII съ своею фамиліею и Дворомъ. Лишь только въ Вѣнѣ узнали о высадкѣ Наполеона во Франціи, восемь союзныхъ державъ (Россія, Австрія, Англія, Пруссія, Франція, Испанія, Португалія и Швеція) обнародовали декларацію, коею объ-

являли, что Наполеонъ Бонапарте, нарушивъ условія, по которымъ получилъ во владѣніе островъ Эльбу, «исключилъ себя изъ числа людей, охраняемыхъ щитомъ гражданскихъ и политическихъ установленій; что онъ, какъ открытый врагъ и возмутитель всемірнаго спокойствія, предается праведной мести обществъ.» Сверхъ того обнародованъ былъ протоколъ засѣданія конгреса 30 Апрѣля (12 Мая), коимъ участвовавшія въ немъ державы объявляли войну Наполеону. Наконецъ, 27 Мая (8 Іюня), подписанъ былъ актъ Вѣнскаго Конгресса, которымъ спокойствіе, безопасность и самостоятельность Европы утверждались на прочныхъ основаніяхъ, уничтожался торгъ неграми, постановлялись правила судоходства по рѣкамъ, и опредѣлялись степени и права агентовъ дипломатическихъ. По сему акту присоединено было къ Россіи Герцогство Варшавское, подъ наименованіемъ Царства Польскаго. — Союзники, довершивъ такимъ образомъ предпринятое ими дѣло мира, обратились къ прекращенію безпрерывныхъ дотолѣ войнъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Россія, на основаніи заключеннаго ею съ прочими державами трактата, отправила къ берегамъ Рейна, подъ командою Графа Барклая де-Толли, армію въ 168 т.; но она не успѣла сразиться съ общимъ врагомъ. Соединенныя англійскія и прусскія войска одержали (6 (18) Іюня) при Ватерлоо рѣшительную побѣду надъ арміею Наполеона Бонапарте: армія разсѣялась, а самъ онъ поспѣшилъ въ Парижъ, въ надеждѣ получить новыя пособія, но

принужденъ былъ вторично отказаться отъ престола, и послѣ тщетныхъ усилій пробраться въ Америку, сдался Англичанамъ, которые, въ слѣдствіе заключенной ими съ союзными дворами конвенціи, отправили его въ заточеніе, на пустынный островъ Св. Елены.

Императоръ Александръ, не успѣвшій, по отдаленности мѣстъ, изъ которыхъ должны были прійти русскія войска, принять участіе въ дѣйствіяхъ военныхъ, былъ за то главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ святомъ дѣлѣ примиренія. Ему, ему одному обязанъ Парижъ сохраненіемъ своихъ памятниковъ: послѣ бѣгства и плѣненія Наполеона, по отступленіи арміи французской, когда отчаяніе, страданіе оскорбленной чести и жажда мщенія волновали жителей Парижа и всей Франціи, когда первыя вступившія въ Парижъ, союзныя войска, движимыя неотвратимымъ чувствомъ ненависти къ своимъ давнишнимъ притѣснителямъ, хотѣли воспользоваться побѣдою, и поднять на воздухъ монументы славы своего врага, Александръ, внявъ моленію побѣжденныхъ, явился среди нихъ какъ ангелъ мира и утѣшенія, и единымъ словомъ своимъ, свято чтимымъ въ рядахъ воиновъ всей Европы, остановилъ совершеніе праведной, но жестокой мести, и тѣмъ прекратилъ недоумѣніе, ужасъ и отчаяніе вторично покоренной столицы. — Миръ съ Франціею возстановленъ былъ трактатомъ 8 (20) Ноября, и сверхъ того положено было, какъ для облегченія уплаты, возложенной на Францію контрибуціи, такъ

и для водворенія въ ней спокойствія, занять союзными войсками нѣкоторыя ея провинціи. Въ тотъ же день между Россіею, Австріею, Англіею и Пруссіею заключенъ былъ трактатъ о подтвержденіи прежнихъ условій, и о наблюденіи спокойствія во Франціи искорененіемъ всякихъ началъ революціи. Всѣ эти условія, акты, трактаты довершены и, можно сказать, освящены были заключеніемъ, по мысли и желанію Императора Александра, между имъ, Императоромъ Австрійскимъ и Королемъ Прусскимъ, Братскаго и Христіанскаго Союза. Актомъ этого союза Монархи обязывались руководствоваться во всѣхъ своихъ дѣлахъ заповѣдями христіанской вѣры, приносить другъ другу услуги, почитать всѣмъ себя, какъ бы членами единаго народа христіанскаго, поставленными отъ Провидѣнія для управленія тремя отраслями одного семейства, и наконецъ изъявляли готовность принимать въ этотъ союзъ всѣ державы, желающія торжественно принять изложенныя въ актѣ союза правила. Въ послѣдствіе времени всѣ державы Европы приступили къ этому союзу, кромѣ Великобританіи. Король Англійскій, признавая и уважая изложенныя въ актѣ правила, не могъ подписать его формально, по той причинѣ, что, на основаніи законовъ англійскихъ, всякій актъ, подписанный Королемъ, долженъ быть контрасигнированъ отвѣтственнымъ министромъ.

Императоръ Александръ, сдѣлавъ предъ союзными монархами и ихъ представителями смотръ вступившимъ во Францію войскамъ своимъ на равнинахъ

Шампани, бывшихъ уже за 14 вѣковъ до того позорищемъ пораженія одного грознаго завоевателя, воротился въ С. Петербургъ въ концѣ 1815 года.

Съ 1816 года до конца жизни Императора, Россія наслаждалась миромъ. Всѣ дѣйствія русской дипломатики съ того времени клонились къ одной цѣли: къ сохраненію, поддержанію и упроченію мирныхъ сношеній между Державами Европы, и къ уничтоженію зловредныхъ революціонныхъ замысловъ, поколебавшихъ спокойствіе и благоденствіе нѣкоторыхъ странъ ея. Дѣла эти рѣшены были личными свиданіями Монарховъ Европы на конгрессахъ, изъ которыхъ важнѣйшіе были слѣдующіе: Ахенскій, въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1818 года, которымъ рѣшено было вывести союзныя войска изъ Франціи; Троппаускій, съ Октября до Декабря 1820 года, переведенный потомъ, для рѣшенія дѣлъ Италіи, въ Лейбахъ (въ слѣдствіе этого конгреса союзные Монархи рѣшили, занятіемъ Неаполя, Сициліи и Піемонта, прекратить возникшее въ этихъ странахъ безначаліе), и наконецъ Веронскій, продолжавшійся съ Октября до Декабря 1822 года. Этимъ конгрессомъ возложено было на Францію, объявивъ войну Испаніи, возстановить въ ней прежнее законное правленіе.

Исчисленными выше воинскими и политическими подвигами, Россія, въ царствованіе Императора Александра, пріобрѣла значительное приращеніе землями. При вступленіи его на престолъ, Россія заключала въ себѣ пространство въ 349,472 квадратныя геогра-



фическія мили. Пріобрѣтеніемъ Финляндіи, Аландскихъ Островов, части Лапландіи (4,977 кв. м.), Бессарабіи и части Молдавіи (1,129 кв. м.), Царства Польскаго (2,292 кв. м.), земель, уступленныхъ Персіею (2,356 кв. м.), утвержденіемъ за Россіею Земли Черкесской (1,553 кв. м.), распространена она на 362,890 географическихъ миль.

Подвиги Александра въ дѣлахъ внутренняго, гражданскаго управленія были не менѣе многочисленны, разнообразны, велики и благотворительны. Нѣтъ ни одной отрасли государственнаго управленія, которая не была бы преобразована, исправлена, дополнена въ его царствованіе; многія части созданы имъ совершенно. Въ самомъ началѣ своего царствованія подтвердилъ онъ уничтоженіе Тайной Канцеляріи; возвратилъ свободу, честь и имущество многимъ невинно пострадавшимъ; возстановилъ права духовенства, дворянства и всѣхъ прочихъ сословій; учредилъ министерства для управленія дѣлами государственными, возобновилъ и распространилъ права Сената; въ послѣдствіи учредилъ Государственный Совѣтъ; привелъ въ лучшее устройство управленіе провинціяльное; прилагалъ попеченіе объ изданіи уложенія законовъ; старался о водвореніи повсюду порядка, правосудія, благоустройства, о прекращеніи лихоимства и злоупотребленій. Человѣколюбивый Монархъ отмѣнилъ наказанія нещадныя и жестокую казнь вырыванія ноздрей. Мы уже упоминали о преобразованіи имъ военной части: всѣ отрасли ея были приведены въ общую

стройную систему; части артиллерійская и инженерная получили совершенно новый видъ. Военная часть преобразована была не только по наружности: кротость и великодушіе Александра измѣнили нравственность арміи и образъ веденія войны. Примѣромъ своимъ, наставленіями и строгимъ наблюденіемъ дисциплины, вселилъ онъ въ воиновъ своихъ, храбрыхъ на полѣ брани, снисходительность и сostраданіе къ побѣжденнымъ, уваженіе къ безоружнымъ и мирнымъ гражданамъ. Въ войнахъ, веденныхъ въ его царствованіе, не было примѣровъ истребленія мирныхъ жителей и безоружныхъ плѣнныхъ послѣ кровопролитнаго штурма; напротивъ того, русскія войска къ славѣ мужества и неустрашимости своей присоединили славу не менѣе блистательную — воиновъ-христіанъ, человѣколюбивыхъ и великодушныхъ. Это свидѣтельство дано имъ всею Европою, и друзьями и врагами. — Управленіе Путей Сообщенія создано вновь, и возвысилось на отличную степень совершенства. — Финансы Имперіи, посреди продолжительныхъ войнъ, достигли неслыханнаго дотолѣ развитія. Земледѣліе, ремесла, фабрики, мануфактуры, торговля внѣшняя и внутренняя вознеслись на высокую степень. Внутреннее спокойствіе государства обезпечено составленіемъ Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. Но блистательнѣйшій алмазъ въ нетлѣнномъ вѣнцѣ царствованія Императора Александра, есть ревностное и великодушное попеченіе его о просвѣщеніи своей неизмѣримой Имперіи. Въ самомъ началѣ царствованія

своего учредилъ онъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, преобразовалъ, распространилъ, обогатилъ существовавшіе до него университеты, основалъ три новые (Санктпетербургскій, Казанскій и Харьковскій), раздѣлилъ всю Россію на учебные округи, и въ каждомъ изъ нихъ учредилъ гимназіи, уѣздныя и приходскія училища. Сверхъ того учреждены въ его царствованіе: Царскосельскій Лицей, Институтъ Корпуса Путей Сообщенія, Училища Инженерное, Артиллерійское и Кораблестроительное, Школа Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, военныя училища въ Тулѣ и Тамбовѣ, институты и каѳедры восточныхъ языковъ, и проч. Академіи Наукъ, Художествъ, Россійская, Медико-Хирургическая, и вообще всѣ ученыя и учебныя заведенія были при немъ преобразованы и усовершенствованы. Институты для воспитанія женскаго пола процвѣтали подъ благодѣтельнымъ покровомъ Августѣйшихъ Императрицъ, Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны. — При Императорѣ Александрѣ, Русскіе не довольствовались заимствованіемъ познаній и опытовъ у иностранцевъ: они и сами расширили область наукъ. Въ 1803 — 1806 годахъ совершено первое путешествіе Русскихъ вокругъ свѣта, подъ начальствомъ Крузенштерна и Лисянскаго, на корабляхъ Надеждѣ и Невѣ. Потомъ совершены еще нѣсколько другихъ Головнинымъ, Беллингсгаузеномъ, Васильевымъ, Коцебу, и проч., значительно обогатившими свѣдѣнія о земномъ шарѣ. Открыта Новая Сибирь, обозрѣна Новая Земля, и

ми. др. — Благородные подвиги на пользу просвѣщенія увѣнчаны были вожделѣннымъ успѣхомъ, и принесли отечеству неоцѣненные плоды. Возникли, образовались, прославились отличные таланты: Карамзинъ написалъ Исторію Россійскаго Государства; Дмитріевъ, Озеровъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ воскресили русскую поэзію; Мартосъ, Графъ Толстой, Егоровъ, Шебуевъ, Варникъ, Воробьевъ, Кипренскій, Уткинъ, Захаровъ, Воронихинъ, Стасовъ прославились произведеніями художественными. Размножилось число издаваемыхъ въ Россіи книгъ; распространилась любовь къ чтенію и къ благороднымъ занятіямъ науками и художествами.

Александръ, великій и мудрый между государями, былъ и человѣкъ необыкновенный: прекрасная его наружность, благородная осанка, величественный взглядъ являли душу возвышенную. Основаніемъ его чувствованій, помысловъ и дѣяній было благочестіе самое чистое и искреннее, а слѣдствіемъ этого освященія души его огнемъ небеснымъ — были твердость въ бѣдствіяхъ, смиреніе въ счастіи, кротость къ побѣжденнымъ, снисхожденіе къ преступнымъ, любовь къ правосудію, порядку, тишинѣ и благоустройству. Онъ былъ врагъ всякой пышности, всякихъ торжественныхъ встрѣчъ, похвальныхъ словъ и льстивыхъ выраженій. Каждаго человѣка считалъ своимъ ближнимъ, котораго, по заповѣди Божіей, обязанъ былъ любить, какъ самого себя: онъ, одинъ изъ всѣхъ государей земныхъ, получилъ, какъ человѣкъ, на-

граду за спасеніе человѣка. Это было въ 1807 году, на пути въ Бѣлоруссію: Государь, увидѣвъ лежащаго на дорогѣ въ безпамятствѣ крестьянина, съ неимовѣрными усиліями возвратилъ его къ жизни. Англійское Общество Человѣколюбія поднесло ему, въ ознаменованіе этого подвига, золотую медаль. Въ Декабрѣ 1812 года, прибывъ въ Вильно къ побѣдоносной своей арміи, онъ отправился не въ торжественное собраніе, не на великолѣпное, уготованное ему пиршество, а въ госпитали, гдѣ томились больные и раненые непріятели, ободрилъ, утѣшилъ, оживилъ несчастныхъ словами любви и милости, и извлекъ слезы благодарности изъ глазъ закоснѣлыхъ враговъ своихъ. Въ войнѣ 1813 и 1814 года являлся онъ всюду ангеломъ мира и спасенія: мы упоминали уже о великодушномъ его посредничествѣ для охраненія столицы народа, который за полтора года до того былъ виновникомъ разрушенія первопрестольнаго города Россіи. — За годъ до его кончины, мы, жители Петербурга, видѣли нашего незабвеннаго Государя геніемъ-хранителемъ нашимъ, посреди бѣдствій, причиненныхъ грознымъ явленіемъ природы. И эта благость душевная проявлялась во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ жизни его необыкновенною кротостью, вѣжливостью и предупредительностію. Обращеніе его было самое пріятное и привлекательное. Люди, предубѣжденные противъ него, послѣ самой короткой съ нимъ бесѣды становились его друзьями и поборниками. Ничто не могло противиться очарованію его обворожительной улыбки.

Въ 1825 году, отправился онъ на югъ Россіи, для сопровожденія туда своей супруги, искавшей исцѣленія въ полуденномъ климатѣ. Онъ оставилъ Петербургъ 1 Сентября, совершивъ съ благоговѣніемъ молебствіе въ соборѣ Александроневской Лавры. Какое-то горестное предчувствіе томило его душу. Выѣхавъ изъ города, онъ нѣсколько разъ въ тяжкомъ раздумьѣ оглядывался на любезную свою столицу. По прибытіи въ Таганрогъ, онъ встрѣтилъ тамъ Государыню, и сдѣлавъ всѣ приготовленія къ удобству и спокойствію больной, отправился въ Крымъ; осмотрѣвъ нѣкоторыя мѣста этой живописной страны, и посѣтивъ Севастополь, возвратился въ Таганрогъ 5 Ноября съ разстроеннымъ здоровьемъ. Болѣзнь его, причиненная простудою въ дорогѣ, со дня на день усиливалась опасною, и чрезъ двѣ недѣли, 19 Ноября, въ 10 часовъ и 50 минутъ до полудня, Александра не стало. Кончина его была тиха, какъ отшествіе на покой по тяжкихъ трудахъ жизни. Послѣдній взоръ его обратился къ свѣтлому небу, потомъ встрѣтился съ взглядомъ добродѣтельной супруги, — и глаза его закрылись навѣки.

Провидѣнію угодно было положить конецъ днямъ его въ полуденномъ краю Россіи, далеко отъ мѣста упокоенія Царей Русскихъ, какъ бы для того, чтобъ Россія, при плачевномъ перенесеніи останковъ его, могла выразить надъ хладнымъ его прахомъ чувствованія, которыми была преисполнена къ великому и добродѣтельному своему Императору. Шествіе тѣла

Государева, отъ Таганрога до С. Петербурга, было величественнѣйшимъ торжествомъ для усопшаго, принимавшаго за гробомъ дань благоговѣнія, отъ которой смиреніе его отказывалось въ жизни. Смертные останки его преданы землѣ въ Петропавловскомъ Соборѣ 13 Марта 1826 года, ровно черезъ двадцать пять лѣтъ по принятіи имъ престола.

Истекаетъ десятый годъ со времени его кончины. Россія наслаждается всѣми благами земными, счастіемъ, довольствомъ, славою, любитъ и благословляетъ Государя своего; но священное воспоминаніе объ Александрѣ все еще извлекаетъ искреннія слезы изъ очей его вѣрныхъ подданныхъ, вѣрныхъ его незабвенной памяти и за предѣлами могилы.

ВЗГЛЯДЪ

НА

ИСТОРІЮ РУССКАГО ТЕАТРА

ДО НАЧАЛА XIX СТОЛѢТІЯ.

ВЗГЛЯДЪ

НА

ИСТОРІЮ РУССКАГО ТЕАТРА

ДО НАЧАЛА XIX СТОЛѢТІЯ.

Вознамѣрившись представить читателямъ нашимъ обозрѣніе исторіи отечественнаго театра, не имѣемъ надобности углубляться въ изысканія сѣдой старины. Драматическое искусство въ Россіи есть цвѣтокъ временъ новѣйшихъ, недавно пересаженный изъ сосѣдственныхъ странъ, и взлелѣянный не народомъ, а благотворными лучами свѣтлаго царскаго престола. Россіяне древнихъ и среднихъ временъ не знали театральныхъ представленій. Въ числѣ искусствъ, вывезенныхъ изъ Греціи, не находимъ драматическаго; оно и въ Византіи было въ упадкѣ: правильныя трагедіи и комедіи замѣнены были плясками; народъ и

вельможи забавлялись на ипподромѣ, забывъ Эсхиловъ и Аристофановъ. Притомъ же Россіяне того вѣка, воинственные и необразованные, не могли бы находить удовольствія въ этихъ чуждыхъ для нихъ забавахъ. Если бъ Россія не утратила своего имущества, если бъ не была отторгнута варварами отъ Греціи, колыбели наукъ и художествъ, если бъ не подпала подъ желѣзное иго Батыевъ, то, можетъ быть, въ ней возникли бы изящныя искусства ранѣе нежели въ западной Европѣ; можетъ быть, она сдѣлалась бы не ученицею, а учительницею странъ сосѣдственныхъ. Но судьбою назначено ей было блистать и благоденствовать не въ средніе вѣки.... Вспомогательныя части искусства драматическаго процвѣтали у насъ искони: Славяне въ глубокой еще древности любили музыку и пляску. Народныя пѣсни наши восходятъ къ временамъ Владиміра, но, вѣроятно, сочинены позже: Россіяне, томясь подъ игомъ Татаръ, услаждали горесть свою воспоминаніями о дняхъ славы и величія. Мало по малу Россія пробуждалась отъ двухъ-вѣковаго усыпленія; но, освободясь изъ оковъ, нашла уже не тотъ міръ, который существовалъ дотолѣ. Греческая Имперія пала. Науки и искусства скрылись на Западъ. Россіяне невольно привлекаемы были силою просвѣщенія и гражданственности къ сосѣдямъ своимъ, Полякамъ. Мы заимствовали у Литвы и Польши устройство учебныхъ заведеній, мѣру языка стихотворнаго и начала театра. Польша, стоявшая въ XVI столѣтіи на ряду со всѣми просвѣ-

щенными державами по части математическихъ наукъ, краснорѣчія и поэзіи, не обращала вниманія на возвышеніе драматическаго искусства. Въ XVII вѣкѣ власть іезуитовъ возъимѣла пагубное вліяніе на всѣ отрасли просвѣщенія, и Польша, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за общими успѣхами въ наукахъ, отстала отъ прочихъ западныхъ государствъ. Англія имѣла Шекспира, Франція Корнеля: у насъ представляемы были въ Кіевѣ священныя драмы, или, лучше сказать, разговоры на польскомъ языкѣ, студентами тамошней академіи. Нѣкоторые ученые архипастыри того времени, желая обратить это увеселеніе въ пользу нравовъ и словесности, начали сочинять поэмы для школьныхъ представленій на языкѣ славянскомъ, заимствуя предметы изъ Священной Исторіи и Дѣяній Святыхъ, какъ было во всей западной Европѣ въ младенчествѣ драматическаго искусства. Св. Димитрій въ молодости своей написалъ (силлабическими стихами) нѣсколько духовныхъ драмъ: ***Рождество Христово***, ***Грѣшникъ кающійся***, ***Эсѳирь и Агасферъ***, ***Воскресеніе Христово***, и проч. Въ послѣдствіи драмы эти были представляемы у него въ Ростовѣ. Ѳеофанъ Прокоповичъ сочинилъ также нѣсколько подобныхъ піесъ, гораздо свободнѣе и замысловатѣе, нежели его предшественники. Между тѣмъ студенты кіевскіе не довольствовались представленіями въ стѣнахъ своей академіи: во время вакацій и о святкахъ ходили они по Украйнѣ съ вертепами (подвижными кукольными театрами), и притомъ играли

разныя сцены, отчасти духовнаго, отчасти же свѣтскаго и комическаго содержанія. Обыкновеніе это продолжалось въ тѣхъ странахъ и по введеніи въ Россіи правильнаго драматическаго искусства. У нихъ переняты эти забавы крестьянами *); но происхожденіе представленій этого рода сохранилось въ наименованіи ихъ *польскими жартами* (шутками).

Вскорѣ подобныя игрища завелись и въ Москвѣ. При Царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, бояре московскіе заставляли своихъ служителей и служительницъ представлять разныя сцены, большею частію комическія, сочиняемыя самими актерами во время игры. Иногда бывали подобныя увеселенія и при Дворѣ.

Царь Алексѣй Михайловичъ, любившій изящныя искусства, и непрепятствовавшій введенію иноземныхъ обычаевъ, забавлялся о святкахъ, на масляницѣ и въ послѣдніе дни Свѣтлой Недѣли театральными играми. Сначала даваемы были эти игрища у царскаго тестя, боярина Ильи Даниловича Милославскаго, и домъ его получилъ отъ того названіе *По-*

*) Замѣчательны маски, употребляемыя малороссійскими и литовскими поселянами о святкахъ. Маски эти дѣлаются изъ бересты, волосы изъ льпу, носъ изъ бураковъ. а зубы изъ перьевъ. Для произведенія ужаса въ зрителяхъ, актеры иногда берутъ въ зубы раскаленный уголь. Обыкновенныя дѣйствующія лица на такихъ зрѣлищахъ суть жидъ, цыганъ, управитель, которые стараются обмануть простодушнаго поселянина, и русскій солдатъ, защищающій его.

тѣшнаго. — По кончинѣ Царицы Маріи Ильиничны, увеселенія эти переведены были въ Село Преображенское, и поступили въ вѣдомство Посольскаго Приказа, которымъ тогда завѣдывалъ знаменитый бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Изъ Германіи вызваны были комедіянты, музыканты и танцовщики: знаменитѣе прочихъ была въ числѣ ихъ копенгагенская актриса Анна Паульсонъ. Русскій народъ переимчивъ: вскорѣ и дворовые люди боярина Матвѣева, научась у иностранцевъ, стали участвовать въ ихъ представленіяхъ. Въ Разрядныхъ Запискахъ 1679 года упоминается о тогдашнихъ театральныхъ представленіяхъ слѣдующими словами: «Была комедія въ Преображенскомъ. Тѣшили великаго Государя иноземцы, какъ Алаферна царица, царю голову отсѣкла (т. е. Юдиѳь царю Олоферну) и на органахъ играли Нѣмцы да люди дворовые боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. — Того жъ года другая комедія тамъ же, какъ Артаксеркс велѣлъ повѣсить Амана, и въ органы играли и на ѳіолахъ и въ струменты и танцовали. Въ третіе тамъ же тѣшили великаго Государя на заговѣнье, Нѣмцы и люди Артемона Сергѣевича на органахъ и на ѳіолахъ и на струментахъ, и всякими потѣхами разными.» — Представляемы были и аллегорическіе балеты: въ одномъ изъ нихъ появился Орфей, пропѣлъ похвальную пѣснь Царю, и протанцовалъ между двумя движущимися пирамидами.

При Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, любителѣ поэзіи и музыки, появились въ Москвѣ первыя славяно-

русскія драмы, сочиненныя отчасти въ Кіевѣ, а отчасти уже въ Москвѣ. Первымъ піитою того времени слылъ іеромонахъ Симеонъ Полоцкій *), а актерами были студенты новоучрежденной въ Москвѣ Славяно-Греко-Латинской Академіи.

Царевна Софія Алексѣевна, презрѣвъ старинный, азіятскій обычай, коимъ женскій полъ осужденъ былъ на вѣчное затворничество, завела у себя комнатный театръ, и сама играла на немъ съ благородными дѣвицами и знатными царедворцами. Извѣстно, что на этомъ театрѣ представлена была первая въ Россіи не духовная комедія: *Врачъ противу воли*, изъ Мольера. Царевна сама сочинила одну драму, которая, какъ говорятъ читавшіе ее, свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ ея умѣ и пылкомъ воображеніи, но воображеніе это, къ сожалѣнію, не было управляемо очищеннымъ вкусомъ.

Въ концѣ XVII столѣтія началось преобразованіе Россіи. Великій Петръ, употреблявшій всѣ средства для сближенія своихъ подданныхъ съ прочими Европейцами, покровительствовалъ и учрежденіе театра, но самъ не слишкомъ жаловалъ увеселенія сего рода, и это не удивительно: въ Германіи и Голландіи, которыя доставляли ему средства къ просвѣщенію русскаго народа, драматическое искусство было во младенче-

*) Драмы Полоцкаго хранятся понынѣ въ библіотекѣ Святѣйшаго Синода; двѣ изъ нихъ *(О Блудномъ сынѣ* и *О Царѣ Навуходоносорѣ)* напечатаны въ VIII томѣ Древней Россійской Вивліоѳики.

ствѣ, и ограничивалось нелѣпыми и не всегда благопристойными фарсами. Притомъ же театръ принадлежитъ къ роскоши просвѣщенія, а Петръ преимущественно смотрѣлъ на предметы полезные и необходимые. Изъ всенародныхъ увеселеній любилъ онъ большіе и великолѣпные маскарады: они доставляли болѣе пищи уму и воображенію, представленіемъ различныхъ народовъ, ихъ характеровъ, обычаевъ и т. п. Впрочемъ, доказательствомъ уваженія его къ актерамъ съ истиннымъ талантомъ можетъ послужить то, что онъ, въ бытность свою въ Парижѣ, часто посѣщалъ театры, и подарилъ золотую шпагу знаменитому актеру Барону.

Въ 1701 году выписано было изъ Данцига общество нѣмецкихъ актеровъ, состоявшее изъ десяти человѣкъ, подъ начальствомъ Ягана Кунштa. Для нихъ построили въ Москвѣ, въ Китаѣ Городѣ, на Красной Площади, деревянную *комедіяльную храмину*, длиною въ 20, шириною въ 12, вышиною въ 6 саженъ. Кунштъ былъ не только актеръ, но и авторъ: онъ сочинилъ приличный прологъ на случай торжественнаго вшествія Государева въ Москву послѣ знаменитыхъ побѣдъ надъ Шведами. — Всѣмъ извѣстно, какъ онъ подшутилъ 1 Апрѣля надъ московскою публикою. Пригласивъ на невиданное дотолѣ представленіе, онъ выставилъ по поднятіи завѣсы прозрачную картину, на которой написано было: *Первое Апрѣля.* Самъ Государь былъ обманутъ вмѣстѣ съ прочими, однако жъ не прогнѣвался, и только сказалъ, улыбаясь:

вотъ вольность комедіянтовъ! — Куншту отданы были въ обученіе двѣнадцать мальчиковъ изъ дѣтей подьячихъ и посадскихъ. Представленія даваемы были дважды въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четверткамъ. Въ эти дни не запирали воротъ въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ Городѣ до девятаго часу вечера, для свободнаго проѣзда въ театръ.

Въ 1705 году заступилъ мѣсто Куншта другой комедіянтъ, Отто Фирштъ. Труппа его представляла нѣмецкія комедіи и оперы, а выученные Кунштомъ русскіе актеры играли переводы этихъ піесъ, и нѣкоторыя, сочиненныя на русскомъ языкѣ. Въ литературномъ отношеніи эти піесы не заслуживали вниманія: онѣ были написаны въ подражаніе нѣмецкимъ драмамъ того времени, и притомъ варварскимъ языкомъ, составленнымъ изъ славянскаго, русскаго, польскаго и нѣмецкаго. Для обращика предлагаемъ оглавленіе нѣкоторыхъ тогдашнихъ драматическихъ сочиненій.

«*Описаніе комедіямъ*, что какихъ есть въ Посольскомъ Приказѣ Мая по 30–е число 1709 года. 1. О Франталпеѣ, Королѣ Эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его, и о прочихъ. 2. О честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона арцухъ (герцогъ) Фридрихъ фонъ Поплей. 3. Донъ Педро, почитанной шляхта, и Амариллисъ, дочь его. 4. Прельщенный любящій. 5. Тюремной заключникъ или принцъ Пикель–Гярингъ *).

---

*) Эта піеса, вѣроятно, переведена была съ голландскаго. Jan Pikelhäring называется, въ голландскихъ на-

6. О крѣпости Грубетона, въ ней же первая персона Александръ, Царь Македонскій. 7. Сципій Африканскій, погубленіе Королевы Софонизбы. 8. О Графинѣ Тріерской Геновевѣ. 9. Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Цесарь. 10. Постоянный Папиньянусъ. 11. Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитеръ. 12. О Баязетѣ и Тамерланѣ. 13. Докторъ принужденный.»

Нѣкоторыя драмы состояли изъ 8, 10 и 12-ти дѣйствій, и представлялись иногда въ продолженіе трехъ вечеровъ сряду. Между актами комическихъ и даже трагическихъ піесъ выбѣгалъ на сцену шутъ, и забавлялъ зрителей площадными остротами, которыя иногда оканчивались дракою между актерами, къ крайнему удовольствію тогдашней публики.

По перенесеніи столицы и важнѣйшихъ государственныхъ мѣстъ въ С. Петербургъ, переведенъ былъ туда и театръ. Онъ устроенъ былъ, попеченіемъ Царевны Наталіи Алексѣевны, сестры Петра Великаго, въ особомъ деревянномъ домѣ. Первая игранная на немъ піеса была трагедія, въ коей представлены были нѣкоторыя сцены, заимствованныя изъ мятежей недавно потушенныхъ правительствомъ; но и это зрѣ-

родныхъ фарсахъ, шутъ, или арлекинъ. Должно замѣтить, что лице шута у многихъ народовъ именуется *Иваномъ*, съ прибавленіемъ прозвища, заимствованнаго отъ любимаго блюда того народа, какъ то: у Нѣмцевъ Hanns-Wurst, у Французовъ Jean Potage, у Англичанъ John Pudding, у Италіянцевъ Giovanni Macaroni.



лище не обошлось безъ арлекина. Актеровъ было десять, а музыкантовъ шестнадцать человѣкъ; въ числѣ ихъ не было уже ни одного иностранца.

Съ той поры не находимъ свѣдѣній о театральныхъ представленіяхъ въ Россіи до времени Императрицы Анны Іоанновны. Только извѣстно, что воспитанники нѣкоторыхъ училищъ духовныхъ, медицинскихъ и военныхъ заводили игрища, и забавляли въ праздничные дни жадную къ увеселеніямъ публику. Профессоръ Штелинъ пишетъ, что онъ видѣлъ на масляницѣ комедію, игранную придворными конюшенными служителями въ С. Петербургѣ. Сцена помѣщалась на чердакѣ недостроеннаго дома, завѣшанномъ отъ непогоды рогожами. Висѣвшій въ слуховомъ окнѣ фонарь показывалъ зрителямъ, куда имъ надлежало взбираться. Оркестръ состоялъ изъ двухъ сиплыхъ рожковъ. За входъ платили по копѣйкѣ и по грошу.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины Первой, господствовала при Дворѣ простота временъ Петровыхъ. Петръ Второй любилъ преимущественно звѣриную ловлю, и не помышлялъ о другихъ увеселеніяхъ.

Въ 1730 году вступила на россійскій престолъ Императрица Анна Іоанновна, и съ того времени увеличились пышность и великолѣпіе Двора С. Петербургскаго. Въ 1730 году выписана была изъ Дрездена труппа италіянскихъ актеровъ, для представленія интермедій. Въ числѣ ихъ находились актриса Казанова, мать извѣстнаго путешественника, и знаменитый въ то

время буффонъ Педрилло. Въ 1735 году заведена была большая италіянская опера. — Съ 1738 до 1740 года были въ С. Петербургѣ нѣмецкіе актеры, вызванные изъ Лейпцига. Императрица не обращала вниманія на большую оперу; она любила преимущественно забавные и смѣшные фарсы. Въ 1740 году вызвано было въ Санктпетербургъ общество французскихъ актеровъ изъ Касселя, подъ дирекціею Сериньи, который, за 25,000 рублей въ годъ, обязался представлять еженедѣльно комедіи и трагедіи. Сперва театръ былъ устроенъ въ Зимнемъ Дворцѣ: всякій порядочно одѣтый человѣкъ могъ входить туда безъ платы; мѣста распредѣляемы были по чинамъ зрителей *).

*) Въ послѣдствіи передѣлывали, для помѣщенія театровъ, манежи; сперва въ домѣ Герцога Курляндскаго, потомъ у Казанскаго Моста; послѣдній сгорѣлъ въ 1749 году. Въ 1750 году выстроенъ былъ большой деревянный театръ у Лѣтняго Дворца, гдѣ нынѣ домъ Принца Ольденбургскаго. Съ 1745 до 1778 г. былъ еще небольшой театръ въ Новоисакіевской Улицѣ, въ зданіяхъ нынѣшняго Почтамта. Въ 1779 году построенъ былъ небольшой деревянный театръ на Царицыномъ Лугу; на томъ мѣстѣ въ послѣдствіи стоялъ памятникъ Суворова. Этотъ театръ сломанъ въ 1797 г., потому что препятствовалъ движеніямъ войскъ на парадномъ мѣстѣ. Послѣ бывшаго въ 1766 году большаго каруселя, перенесенъ былъ построенный для того большой амфитеатръ въ Коломну; на немъ представлялись тамъ разныя народныя игрища (эти игрища начинались въ четыре часа по полудни. Актерами были типографскіе наборщики, переплетчики и другіе мастеровые люди. Наканунѣ представленія они сговари-



Первые въ Россіи балеты даваны были танцмейстеромъ Ланде, обучавшимъ танцованію воспитанниковъ Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса (что нынѣ 1-й Корпусъ). Повѣрять ли, что это ничтожное, повидимому, обстоятельство подало поводъ къ основанію перваго правильнаго русскаго театра! Кадетъ Сумароковъ, воспламененный чтеніемъ Расина, Корнеля и Вольтера, изумленный прелестію сценической игры иностранныхъ актеровъ, началъ писать русскія трагедіи правильными ямбическими стихами, и восхитилъ своихъ

вались между собою о содержаніи и ходѣ піесъ. За каждое представленіе получали они отъ полиціи по полтинѣ на человѣка. Зрителей всегда было множество, не только простаго народа, но и порядочныхъ людей. За входъ не платили ничего; за то иногда случалось, что дождь разгонялъ и дѣйствующихъ и зрилелей). Въ 1783 году амфитеатръ былъ сломанъ, и на мѣстѣ его построенъ, архитекторомъ Тишбейномъ, нынѣшній Большой Каменный Театръ. Послѣдній былъ возобновленъ архитекторомъ Томономъ въ 1802 году; сгорѣлъ въ ночи на 1-е Января 1811 года, и въ 1818 году вновь построенъ архитекторомъ Модюи. Въ 1836 году перестроенъ онъ вновь, въ нынѣшнемъ блистательномъ видѣ, архитекторомъ Кавосомъ. Малый Театръ на Невскомъ Проспектѣ, близъ Аничковскаго Дворца, построенъ былъ въ 1801 году для италіянской труппы г-мъ Казасси, и потомъ купленъ въ казну. Онъ сломанъ въ 1832 г., и на мѣстѣ его выстроенъ, архитекторомъ Росси, великолѣпный Театръ Александринскій. Нѣмецкій театръ долгое время былъ въ домѣ Графа Кушелева, противъ Зимняго Дворца, гдѣ нынѣ Главный Штабъ. Въ 1835 году открытъ прекрасный Театръ Михайловскій, построенный архитекторомъ Брюловымъ.

современниковъ. Политическія обстоятельства благопріятствовали тогда возвышенію отечественныхъ талантовъ: по восшествіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, прекратилось вліяніе иностранцевъ, окружавшихъ Бирона, Миниха и другихъ вельможъ того времени; но это торжество было еще не совершенно: мѣсто господствовавшаго дотолѣ языка нѣмецкаго заступилъ французскій. Вліяніе этого послѣдняго было безъ сомнѣнія полезнѣе, ибо французская литература представляла гораздо болѣе изящныхъ образцовъ, нежели нѣмецкая того времени, но и въ этомъ случаѣ трудно было удержаться въ предѣлахъ, а въ послѣдствіи еще труднѣе освободиться отъ оковъ, которыя сначала казались легкими и даже пріятными.

Въ 1750 году, уже по выходѣ Сумарокова изъ корпуса, кадеты Свистуновъ, Мелиссино и Бекетовъ, съ нѣкоторыми своими товарищами, вздумали сыграть его Семиру, и пригласили на спектакль самого автора. Сумароковъ, восхищенный ихъ талантами и искусствомъ, донесъ объ этой новости Графу Разумовскому. Императрица, узнавъ о томъ отъ графа, приказала кадетамъ представить Хорея во дворцѣ. Богатыя одежды были выданы изъ царской кладовой. Государыня сама убирала Оснельду, которую представлялъ кадетъ Свистуновъ. Зрители были приведены въ неописанный восторгъ этимъ новымъ, благороднымъ увеселеніемъ. Сумароковъ, удостоенный благоволенія Императрицы, осыпанный общими похвалами публики, вскорѣ потомъ

написалъ Синава, Артистону и Семиру. Всѣ эти піесы представлены были кадетами въ корпусѣ и при Дворѣ. — Хотя, въ послѣдствіе времени, по учрежденіи всенароднаго театра, кадетскія представленія прекратились, но геній драматической поэзіи не оставлялъ перваго своего поприща въ Россіи: достойно замѣчанія, что многіе наши драматическіе писатели (Херасковъ, Озеровъ, Крюковской, Ефимьевъ), воспитывались въ Сухопутномъ Корпусѣ. Княжнинъ былъ тамъ учителемъ *).

Около того времени русскій театръ образовался въ удаленіи отъ столицы, трудами и талантами одного необыкновеннаго человѣка. Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, пасынокъ ярославскаго кожевеннаго заводчика Полушкина, бывая по коммерческимъ дѣламъ въ Петербургѣ, посѣщалъ тамошній нѣмецкій театръ, полюбилъ драматическое искусство, познакомился съ содержателями и актерами, снялъ планы и рисунки

---

*) При Императрицѣ Екатеринѣ II кадеты занимались представленіемъ трагедій французскихъ подъ руководствомъ бывшаго здѣсь, знаменитаго актера Офрена. Государыня сама нерѣдко посѣщала эти представленія, и всегда приказывала наставнику, почтенному старцу, страстно любившему свое искусство, садиться въ первомъ ряду креселъ. Офренъ, въ восторгѣ, нерѣдко забывалъ, гдѣ сидитъ, и забавлялъ Государыню своими восклицаніями. Сказываютъ, что онъ однажды, слушая монологъ въ Магометѣ (котораго игралъ покойный П. С. Желѣзниковъ), говорилъ отрывисто, но довольно громко: «bien! très bien! comme un dieu! comme un ange! presque comme moi!»

всего устройства сцены, машинъ, декорацій и т. п., и наконецъ рѣшился завести театръ въ Ярославлѣ! Для этого устроилъ онъ одинъ изъ кожевенныхъ амбаровъ своего отчима, и съ помощію двухъ братьевъ своихъ и фабричныхъ прикащиковъ, въ день имянинъ его, сыгралъ драму Эсѳирь. Это увеселеніе восхитило всѣхъ зрителей. Волковъ продолжалъ представленія свои по праздничнымъ днямъ, къ удовольствію всей ярославской публики, и сдѣлавшись, по смерти Полушкина, хозяиномъ, построилъ настоящій деревянный театръ, принялъ въ свою труппу для женскихъ ролей двухъ молодыхъ семинаристовъ, Нарыкова (Дмитревскаго) и Попова, и еще нѣсколько молодыхъ людей изъ приказныхъ. При покровительствѣ воеводы Мусина-Пушкина и при пособіи г. Майкова, предложившаго на устроеніе театра домъ отца своего, Волковъ имѣлъ необыкновенный успѣхъ. Въ то время началъ онъ брать за входъ плату: въ кресла по 25, въ партеръ по 10, въ галерею по 5, въ раекъ по 3 копѣйки. Театръ всегда былъ полонъ.—Вскорѣ слухъ объ этихъ зрѣлищахъ дошелъ до Императрицы, давно уже помышлявшей объ учрежденіи русскаго театра въ С. Петербургѣ. Въ 1725 году былъ отправленъ въ Ярославль сенатскій экзекуторъ Дашковъ съ повелѣніемъ привезти всѣхъ тамошнихъ актеровъ ко Двору. Труппа состояла тогда изъ трехъ братьевъ Волковыхъ, Дмитревскаго, регистраторовъ Попова и Иконникова, купеческаго сына Скочкова, цырюльника Шумскаго, двухъ братьевъ Егоровыхъ и Михайлова. Они приве-

зены были прямо въ Царское Село, и на другой день представили предъ Императрицею Хорева. Өедоръ Волковъ игралъ Кія, Поповъ Хорева, Дмитревскій Оснельду, и Григорій Волковъ Астраду. Игра ихъ понравилась, и они дали еще четыре представленія, въ которыхъ играли во второй разъ Семиру, Синава, Артистону и Гамлета. Послѣ этого отличнѣйшіе актеры этой труппы, Өедоръ Волковъ, Дмитревскій, Поповъ и Шумскій, были отданы въ кадетскій корпусъ для обученія ихъ иностраннымъ языкамъ и наукамъ, а прочіе отпущены съ награжденіемъ обратно въ Ярославль. Къ избраннымъ четверымъ актерамъ присовокуплено было восьмеро спадшихъ съ голосовъ придворныхъ пѣвчихъ. Каждый изъ нихъ получалъ въ годъ по 60 рублей и по парѣ суконнаго платья. Они находились подъ начальствомъ оберъ-шталмейстера Петра Спиридоновича Сумарокова, и пользовались столомъ наравнѣ съ кадетами. Корпусные офицеры, Мелиссино, Остервальдъ и Свистуновъ, преподавали имъ правила декламаціи. Въ 1754 году, для празднованія рожденія Великаго Князя Павла Петровича, даны были русскою труппою нѣсколько представленій при Дворѣ. Въ то же время приняты на театръ и женщины: изъ танцовщицъ Зорина, двѣ сестры, офицерскія дочери Марія и Ольга Ананьины, Пушкина, и знаменитая въ то время Авдотья *).

---

*) Балетмейстеръ Ланде обязался, при вступленіи своемъ въ службу въ 1738 году, составить балетъ изъ

30 Августа 1756 года состоялся имянной указъ объ учрежденія Россійскаго Театра. Директоромъ назначенъ былъ Александръ Петровичъ Сумароковъ, а первымъ актеромъ Волковъ. Прочіе актеры были: Дмитревскій, Поповъ, Шумскій, Сѣчкаревъ (изъ придворныхъ пѣвчихъ); дѣвица Пушкина (вышедшая потомъ замужъ за Дмитревскаго) и сестры Ананьины, вышедшія за Григорія Волкова и за Шумскаго. — Два раза въ недѣлю даваемы были русскія представленія на деревянномъ театрѣ близъ Лѣтняго Сада. Отъ казны отпускалось на содержаніе театра по 5000 рублей въ годъ. Въ 1749 году театръ переведенъ въ Лѣтній Дворецъ (у нынѣшняго Полицейскаго Моста, гдѣ теперь домъ Косиковскаго). Императрица приходила почти на каждое представленіе, черезъ корридоры, прямо изъ своихъ апартаментовъ. Репертуаръ тогдашняго театра состоялъ изъ трагедій и комедій

русскихъ танцовщиковъ и танцовщицъ. Для этого избралъ онъ двѣнадцать мальчиковъ и столько же дѣвочекъ, сиротъ и бѣдныхъ. Воспитанники были называемы по именамъ, а не по прозвищамъ; искуснѣйшіе изъ нихъ были: Аксинья, Елисавета, Варвара и Авдотья: Аѳанасій, Андрей, Петръ, Вавила и Тимоѳей. Послѣдній изъ нихъ не уступалъ лучшимъ иностраннымъ танцовщикамъ; но его никогда не называли по прозвищу (Бубликовымъ): онъ славился подъ именемъ Тимошки. Обыкновеніе это продолжалось до конца XVIII вѣка. Лучшую пѣвицу того времени, госпожу Сандунову, называли *Лизанькою* (см. журналы того времени). Танцовщица Берилова (ум. въ 1804 году) извѣстна была подъ именемъ *Настеньки.*

Сумарокова, и изъ переводовъ нѣкоторыхъ піесъ Моліера, какъ-то: Скупой, Лекарь по неволѣ, Скапиновы обманы, Мѣщанинъ во дворянствѣ, Тартюфъ, Ученыя женщины, и т. д. Изъ переводныхъ трагедій представляемы были Поліевктъ и Андромаха. Первая представленная въ Россіи русская опера (1755) была Цефалъ и Прокрисъ, соч. Сумарокова. Музыку сочинилъ тогдашній придворный капельмейстеръ Араія: онъ получилъ въ награду за трудъ свой богатую соболью шубу и сто полуимперіаловъ. Первыя роли играли дочь лютниста Елисавета Бѣлоградская и пѣвчіе Графа Разумовскаго, Гаврила Марценковичъ (отличный пѣвецъ, славившійся подъ именемъ Гаврилушки), Николай Клутаревъ, Степанъ Рожевскій и Степанъ Евстафьевъ.

Въ 1759 г. позволила Государыня учредить театръ и въ Москвѣ: на немъ играли Троепольскій съ женою, Пушкинъ и нѣкоторые студенты Московскаго Университета. Этотъ театръ былъ упраздненъ чрезъ два года, и двѣ первыя актрисы, Троепольская и Михайлова, переведены въ Петербургъ. Въ концѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, Сумароковъ уволенъ былъ отъ званія директора театра съ пенсіономъ 2000 рублей. Къ штату театральному прибавлено было еще три тысячи рублей въ годъ, и съ тѣхъ поръ прекратился впускъ публики за деньги. Театръ поступилъ въ вѣдѣніе оберъ-гофмаршала, и мѣста были раздаваемы по чинамъ зрителей.

Осенью 1762 года, по случаю коронованія Импе-

ратрицы Екатерины II, придворные актеры отправились въ Москву, и играли по два раза въ недѣлю при Дворѣ. Тамъ потерпѣлъ раждающійся русскій театръ чувствительную потерю смертію Ѳедора Григорьевича Волкова [1]). Братъ его, вскорѣ потомъ оставилъ театръ, и вступилъ въ статскую службу.

Государыня, по случаю коронованія своего, наградила актеровъ и актрисъ новыми великолѣпными костюмами и увеличила ихъ жалованье. Театры поручены были тогда кабинетъ-секретарю Ивану Перфильевичу Елагину *).

Въ 1765 году Дмитревскій получилъ позволеніе отправиться въ чужіе краи, для усовершенствованія

---

[1]) См. біографію его въ приложеніяхъ.

*) Послѣ того составленъ былъ театральный комитетъ, въ которомъ засѣдали: дѣйствительный тайный совѣтникъ А. В. Олсуфьевъ, артиллеріи генералъ-поручикъ П. И. Мелиссино, генералъ-маіоръ П. А. Соймоновъ, каммергеры А. И. Дивовъ, Князь Н. А. Голицынъ и каммеръюнкеръ П. В. Мятлевъ; послѣдній былъ главнымъ директоромъ. Въ осьмидесятыхъ годахъ части театральнаго управленія раздѣлены были между членами: русскій театръ порученъ былъ П. А. Соймонову; французскій А. И. Дивову, италіянскій и балетъ Кн. Н. А. Голицыну, нѣмецкій П. И. Мелиссино. Вскорѣ оказалось неудобство этого раздѣленія, и тогда, по прежнему, опредѣлены были общіе директоры, сначала А. В. Храповицкій, и потомъ Князь Н. Б. Юсуповъ. Преемникомъ его, въ царствованіе Императора Павла I, былъ оберъ-каммергеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ.



себя въ драматическомъ искусствѣ. Въ 1768 году ѣздилъ онъ въ Парижъ вторично, для принятія въ службу нѣкоторыхъ французскихъ актеровъ. По возвращеніи его, Россійскій Придворный Театръ получилъ надлежащее устройство, и быстрыми шагами пошелъ къ совершенству *). — Мы нашли слѣдующій штатъ актеровъ 1767 года.

*) Въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II, придворныя увеселенія распредѣлены были по днямъ недѣли, и именно: въ воскресенье, былъ балъ при Дворѣ; въ понедѣльникъ, французская комедія; во вторникъ, отдохновеніе; въ среду, русская комедія; въ четвертокъ, французская опера или трагедія (въ этотъ день зрители могли являться въ маскахъ, чтобъ изъ театра ѣхать прямо въ вольный маскерадъ); въ пятницу, маскерадъ при Дворѣ; въ субботу, отдохновеніе. — Иногда представляемы были при Дворѣ французскія и русскія піесы придворными кавалерами и дамами. На масляницѣ 1763 года, во время пребыванія Двора въ Москвѣ, представляли трагедію Семира, и небольшую комедію, переведенную изъ Моліера. Роль Семиры играла Графиня Брюсъ, урожденная Графиня Румянцова, а прочія роли Графъ Г. Г. Орловъ, Графъ А. П. Шуваловъ, маіоръ Измайловскаго полку Рославлевъ, и супруга оберъ-шенка, Анна Никитична Нарышкина. Въ комедіи играли главныя роли шталмейстеръ А. А. Нарышкинъ и Князь Гагаринъ. Въ балетѣ отличались старшая дочь оберъ-гофмаршала Графа Сиверса, Графиня Анна Михайловна Строганова, урожденная Графиня Воронцова, супруга оберъ-егермейстера Марія Павловна Нарышкина и каммергеръ Графъ Бутурлинъ. Оркестръ былъ составленъ также изъ знатныхъ любителей музыки. Въ слѣдующемъ году играли

1) *Иванъ Дмитревскій*, играетъ первыя роли въ трагедіяхъ и комедіяхъ, и получаетъ жалованья . . . . 860 р.
2) *Алексѣй Поповъ*, первыхъ любовниковъ въ комедіяхъ *) . . . . 600 р.

при Дворѣ Моліерова Мнимо-больнаго и Всесвѣтнаго Друга: обѣ комедіи переведены были на русскій языкъ гвардіи капитаномъ Волковымъ. Въ числѣ актеровъ отличались гвардіи капитанъ Кропотовъ, игравшій роль кучера, и три сестры дѣвицы Бибиковы. Младшая изъ нихъ, по десятому году, играла превосходно роль дочери мнимобольнаго. Въ другой піесѣ главныя роли играны были гвардіи капитаномъ Титовымъ и его супругою. Въ балетѣ осыпаны были рукоплесканіями Графиня Анна Петровна Шереметева и фрейлина Хитрова. — Въ домѣ оберъ-каммергера Графа Шереметева былъ также устроенъ прекрасный театръ, на которомъ, въ присутствіи Государыни, представляемы были любителями французскія комедіи. Лучшими актерами и актрисами были двѣ дочери и сынъ самого графа, три сестры Графини Чернышевы, Князь Бѣлосельскій, каммергеръ Графъ Строгановъ, подполковникъ Князь Щербатовъ и прусскій посланникъ Графъ Сольмсъ. Въ послѣдствіе времени составился особый эрмитажный театръ, на которомъ представляемы были комедіи, сочиненныя самою Государынею и приближенными къ ней особами. На эрмитажномъ театрѣ отличались: австрійскій посолъ Графъ Кобенцель, французскій министръ Графъ Сегюръ, Графъ А. С. Строгановъ и др.

*) Поповъ былъ и литераторомъ: онъ перевелъ Освобожденный Іерусалимъ Тасса, комедію Нѣмой и пр., и сочинилъ нѣсколько хорошихъ пѣсень.



3) *Яковъ Шумскій*, слугъ въ комедіяхъ *) 600 р.
4) *Евстафій Сѣчкаревъ*, играетъ резонеровъ и крестьянъ въ комедіяхъ, и небольшія трагическія роли . . . . 400 р.
5) *Гаврила Волковъ*, стариковъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ . . . . 400 р.
6) *Иванъ Лапинъ*, воспитанникъ Академіи Художествъ, любовниковъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ . . . . 350 р.
7) *Иванъ Соколовъ*, московскій уроженецъ, стариковъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ . . 350 р.
8) *Николай Бахтуринъ*, любовниковъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ . . . . 300 р.
9) *Петръ Кожевниковъ*, комическія роли, преимущественно подьячихъ . . . . . . 250 р.
10) *Николай Михайловъ*, небольшія роли въ трагедіяхъ и комедіяхъ . . . . 200 р.
11) *Кузьма Бигорскій*, тоже . . . . 150 р.
12) *Павелъ Умановъ*, суфлеръ . . . . . . 180 р.

---

13) *Татьяна Михайловна Троепольская*, жена регистратора сенатской типографіи,

---

*) Шумскій былъ неподражаемъ въ роляхъ слугъ, жидовъ и т. п. Въ старости своей игралъ онъ съ великимъ успѣхомъ Еремѣевну въ Недорослѣ. Преемникомъ его былъ Макаровъ.

играетъ первыя роли въ трагедіяхъ и комедіяхъ *) . . . . 700 р.

14) *Аграфена Михайловна Дмитревская*, роли первыхъ субретокъ въ комедіяхъ, и королевъ въ трагедіяхъ . . . . 600 р.

15) *Авдотья Михайловна Михайлова*, вторыхъ субретокъ и другія комическія роли . . . . 450 р.

16) *Марія Даниловна Соколова*, вторыхъ любовницъ въ комедіяхъ, невинныхъ дѣвушекъ и т. п. . . . . 350 р.

17) *Матрена Ивановна Пазова*, любовницъ въ комедіяхъ и иногда въ трагедіяхъ . . 300 р.

18) *Лукерья Михайловна Кусова*, матерей въ комедіяхъ, и наперстницъ въ трагедіяхъ. . . . . 250 р.

19) *Ульяна Θедоровна Чурбанова*, малыя роли въ трагедіяхъ и комедіяхъ . . . . 200 р.

Послѣднія три дѣвицы жили подъ надзоромъ смотрительницы изъ Нѣмокъ. Сверхъ того воспитывались три мальчика и три дѣвочки подъ смотрѣніемъ Дмитревскаго. На содержаніе каждаго отпускалось по сту рублей въ годъ.

---

*) Превосходная эта актриса скончалась отъ чахотки въ 1767 году. Знатоки, и въ числѣ ихъ самъ Дмитревскій, полагали, что она не уступаетъ знаменитѣйшимъ своимъ современницамъ: Лекуврёръ, Клеронъ и Дюмениль. Мѣсто ея заступила Елисавета Θедоровна Иванова.

Отечественный театръ недолго ограничивался этимъ небольшимъ штатомъ. При покровительствѣ Государыни, любившей придворныя и всенародныя увеселенія, въ которыхъ богатство и великолѣпіе соединялись съ умомъ и вкусомъ, русская сцена озарилась новымъ блескомъ. Дмитревскій усердно старался о образованіи актеровъ и о обогащеніи репертуара. При трудахъ и попеченіяхъ его, составилась русская комическая опера; самъ онъ перевелъ множество оперъ и комедій съ италіянскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Княжнинъ обогатилъ нашу трагедію. Фонъ-Визинъ создалъ комедію. До осьмидесятыхъ годовъ театръ все еще находился во дворцѣ, и чиновные зрители имѣли входъ безденежно. — Въ 1783 году открытъ былъ Большой Каменный Театръ, и вся публика получила, за умѣренную плату, возможность пользоваться симъ благороднымъ увеселеніемъ. Съ того времени начали давать великолѣпныя народныя представленія, заимствованныя изъ Русской Исторіи и изъ сказокъ: Начальное правленіе Олега, Рюрикъ, Иванъ Царевичъ и т. п. Сама Императрица сочиняла ихъ.—Вскорѣ потомъ (въ 1785 г.) учреждено было Театральное Училище, которому публика наша обязана образованіемъ превосходнѣйшихъ артистовъ.

Въ числѣ актеровъ, украшавшихъ санктпетербургскую сцену въ исходѣ XVIII столѣтія, кромѣ Дмитревскаго [2]), были: *Крутицкій* [3]), *Плавильщи-*

---

[2]), [3]) Біографіи ихъ помѣщены ниже.

ковъ [4]), *Черниковъ* (отецъ госпожи Самойловой), игравшій превосходно роли слугъ въ комедіяхъ и операхъ, прекрасный собою, и пріятный пѣвецъ; *Сандуновъ*, отличавшійся въ тѣхъ же роляхъ остротою и замысловатостью игры своей; *Рахманова*, неподражаемая въ роляхъ сварливыхъ и простыхъ женщинъ; *Воробьевъ*, ученикъ Дмитревскаго, хорошій пѣвецъ и превосходный актеръ въ роляхъ буфоновъ italiянскихъ; онъ былъ любимцемъ нашей публики, которая, при каждомъ появленіи на сцену, встрѣчала его громкимъ рукоплесканіемъ. Но самый отличный талантъ достался въ удѣлъ *Яковлеву*, который при бо́льшемъ образованіи и меньшей пылкости самыхъ противоположныхъ страстей, могъ бы сдѣлаться первымъ артистомъ въ свѣтѣ [5]).

Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, С. Петербургскій Театръ, едва возникавшій при вступленіи ея на престолъ, состоялъ изъ двухъ надзирателей (гг. Дмитревскаго и Плавильщикова), двадцати одного актера и двадцати двухъ актрисъ; изъ нихъ одиннадцать актеровъ и тринадцать актрисъ играли и въ операхъ.

Театръ, заведенный въ шестидесятыхъ годахъ въ Москвѣ, украшался отличными талантами Калиграфа, Лапина, Шушерина и преимущественно Померанцева, которому, сказываютъ, въ роляхъ чувствительныхъ и несчастныхъ отцевъ, не было подобнаго на русской

---

[4]) и [5]) Біографіи ихъ помѣщены ниже.

сценѣ. Шушерина видѣли мы долгое время въ Петербургѣ: его представленія Христіерна, Ярба, Заруцкаго, а болѣе всего Эдипа и Леара, навсегда останутся въ памяти любителей драматическаго искусства.

Обозрѣніе успѣховъ русскаго театра въ XIX столѣтіи, когда новые образцовые писатели твореніями своими оживили нашу сцену, когда появились на ней невиданные дотолѣ, преимущественно въ женскихъ роляхъ, таланты, предоставляемъ будущему времени. Теперь взглянемъ на иностранные театры, существовавшіе въ С. Петербургѣ.

При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, языкъ Французскій, какъ сказано выше, сдѣлался господствующимъ при нашемъ Дворѣ, слѣдственно и въ публикѣ. Пребываніе блистательнаго дипломатическаго сословія, частыя посѣщенія иностранныхъ принцевъ и государей — требовали учрежденія зрѣлищъ на языкѣ общеупотребительномъ въ Европѣ. Французскій театръ при Екатеринѣ былъ однимъ изъ превосходнѣйшихъ того времени. Въ трагедіяхъ отличались актеры: Офренъ, Флоридоръ; актрисы: Лесажъ и Гюсъ; въ комедіяхъ, актеры: Дорсевиль, Бурде, Дельпи, Фастье; актрисы: Добкуръ, Мишленъ, Дюфуа. Знаменитый Лекенъ и актриса Клеронъ согласились было, по убѣжденію Дмитревскаго, вступить на санктпетербургскій театръ; но Французское Правительство имъ въ томъ воспрепятствовало.

Италіянская опера, существовавшая у насъ съ тридцатыхъ годовъ, часто измѣнялась, но имѣла также

отличныхъ актеровъ и пѣвцовъ: старики съ восторгомъ воспоминаютъ о Давіи, Тоди, Жолетти, Маркези, Мандини, Ненчини.

Нѣмецкій театръ принадлежитъ къ необходимостямъ города, въ которомъ Нѣмцы составляютъ едва ли не пятую часть жителей. Въ 1763 году заѣхала въ Петербургъ труппа нѣмецкихъ актеровъ, странствовавшихъ по Пруссіи и Лифляндіи. Они играли въ недостроенномъ домѣ Князя Голицына, въ Малой Морской, на бѣдномъ театрѣ, въ жалкихъ костюмахъ; комедіи и оперы. Нѣкоторыя придворныя особы, для смѣху, посѣщали эти зрѣлища. Сама Государыня однажды изволила быть въ этомъ театрѣ, въ закрытой ложѣ, и объявила, «что нѣмецкіе актеры лучше всѣхъ прочихъ: они заставляютъ зрителей смѣяться съ начала до конца представленія надъ самими собою.» Имъ отведенъ былъ безъ платы оставленный деревянный театръ у Лѣтняго Саду, и выданъ гардеробъ: тамъ играли они, сначала одни, потомъ попеременно съ французскими актерами, и веселили публику средняго состоянія, которая не имѣла входа въ придворные театры. Въ 1783 году тогдашній директоръ театровъ, Петръ Ивановичъ Мелиссино, выписалъ изъ Германіи превосходнѣйшихъ актеровъ (Опица, Кантнера, Кронштейна, Фіалу, актрису Теллеръ и др.); но такъ какъ зрѣлища эти обходились для казны слишкомъ дорого, то труппа нѣмецкая въ 1791 году была распущена. Въ то время молодые люди средняго состоянія составили въ Петербургѣ два театра изъ лю-

бителей драматическаго искусства, и представляли комедіи и небольшія оперы на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1794 году прибыло въ Петербургъ общество нѣмецкихъ актеровъ, подъ дирекціею актрисы Тилли; изъ этого общества, принятаго потомъ въ службу дирекціи, составился разными катастрофами нынѣшній Нѣмецкій Театръ. На этомъ театрѣ было нѣсколько отличныхъ талантовъ, какъ-то, актрисы: Миллеръ, Леве, актеры Аресто, Линденштейнъ, и н. др. Въ 1800 году директоромъ его былъ Коцебу.

Въ продолженіе зимы 1767 года открытъ былъ Англійскій Театръ на Галерномъ Дворѣ, въ домѣ купца Рея. Г. Бруксъ съ женою, мистрисъ Рей и мисъ Кукъ восхищали зрителей превосходною игрою, какъ пишетъ профессоръ Штелинъ; но сколько времени эти спектакли продолжались, и отъ чего они прекратились, намъ неизвѣстно.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) *Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ* родился въ Костромѣ, 9-го Февраля 1729 года. Отецъ его былъ въ этомъ городѣ купцемъ. По смерти его, вдова вышла за ярославскаго заводчика Полушкина, и переселилась съ дѣтьми своими въ Ярославль. Ѳедоръ Григорьевичъ выучился въ Москвѣ нѣмецкому языку и музыкѣ. Къ ремеслу отчима своего не имѣлъ онъ ни малѣйшей склонности, но страстно любилъ всякія художества. Рисованію, живописи и скульптурѣ выучился онъ въ малолѣтствѣ безъ наставниковъ: донынѣ показываютъ въ ярославской приходской церкви произведеніе его рѣзной работы: Тайную Вечерю на царскихъ вратахъ. Но главная страсть его обращена была на искусство драматическое, въ которомъ онъ находилъ соединеніе всѣхъ изящныхъ и благородныхъ художествъ. Выше сего изложено основаніе Русскаго Театра, сперва въ Ярославлѣ, а потомъ въ С. Петербургѣ, трудами и талантами Волкова. Онъ былъ, при первомъ заведеніи театра, архитекторомъ, машинистомъ, живописцемъ, директоромъ, режиссеромъ и первымъ актеромъ. Волковъ былъ превосходенъ въ роляхъ героевъ: съ чувствомъ и жаромъ соединялъ онъ необыкновенное величіе и благородство; лице его было прекрасное и выразительное, голосъ чистый и звучный. Онъ былъ и хорошій стихотворецъ: въ не-

доконченной одѣ его Петру Великому сверкаютъ искры истиннаго таланта; пѣсни его въ свое время считались образцовыми. Фонъ-Визинъ говоритъ, что «онъ былъ мужъ глубокаго разума, наполненный достоинствами, имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ.» При вступленіи на престолъ Екатерины II, возведенъ онъ былъ въ дворянское достоинство, и получилъ 700 душъ, но не хотѣлъ оставить своего искусства. Въ началѣ 1763 года, данъ былъ въ Москвѣ, по его начертанію, великолѣпный всенародный маскерадъ, подъ названіемъ: *Торжествующая Минерва*, продолжавшійся три дня (30 Января, 1 и 2 Февраля). Волковъ, разъѣзжая верхомъ по улицамъ для наблюденія за устройствомъ и порядкомъ зрѣлищъ, простудился, впалъ въ гнилую горячку, и скончался 4 Апрѣля 1763 года. Тѣло его погребено было съ великолѣпною церемоніею, въ присутствіи знатнѣйшихъ особъ, вмѣнявшихъ себѣ въ честь быть его друзьями, въ Андроньевѣ Монастырѣ. Сумароковъ написалъ на случай его смерти элегію, посвященную Дмитревскому.

2) *Иванъ Аѳанасьевичъ Нарыковъ* родился 23 Февраля 1736 года въ Ярославской Губерніи; обучался сперва въ ярославской семинаріи, а потомъ у пастора, находившагося при Курляндскомъ Герцогѣ Биронѣ, который тогда жилъ въ Ярославлѣ. Познакомившись съ Волковымъ, вступилъ онъ на его театръ, и игралъ сначала женскія роли. По прибытіи ихъ въ С. Петербургъ, онъ въ первый разъ игралъ Оснельду

въ трагедіи *Хоревъ*. Сама Государыня Елисавета Петровна изволила убирать его къ этой роли. При этомъ случаѣ, спросила она объ имени трагической героини. «Нарыковъ,» отвѣчалъ онъ. «Нѣтъ,» сказала Государыня: «ты похожъ на польскаго Графа Дмитревскаго; и потому я хочу, чтобъ ты принялъ его фамилію.» — По смерти Волкова, Дмитревскій получилъ званіе перваго актера, и въ 1765 году отправленъ былъ во Францію и въ Англію. При посредствѣ И. И. Шувалова, познакомился онъ съ первыми лицами тогдашняго Французскаго Театра, и свелъ тѣсную дружбу съ Лекеномъ, у котораго и жилъ въ домѣ. Они вмѣстѣ ѣздили въ Лондонъ, и пять мѣсяцевъ прожили неразлучно съ Гаррикомъ, который хотя уже былъ боленъ, но нѣсколько разъ показывалъ гостямъ свое искусство въ комедіяхъ и трагедіяхъ. На одной изъ частыхъ дружескихъ вечеринокъ, за ужиномъ, Гаррикъ удивлялъ всѣхъ разными измѣненіями лица своего, которое онъ умѣлъ заставить съ одной стороны смѣяться, а съ другой плакать. Вдругъ Дмитревскій поблѣднѣлъ, задрожалъ и безъ чувствъ упалъ на кресла. Всѣ бросились къ нему на помощь, но вскорѣ выведены были изъ заблужденія громкимъ смѣхомъ притворно-больнаго. — Возвратившись въ Парижъ, игралъ онъ роль Замора въ Альзирѣ, на тогдашнемъ театрѣ Герцогини Виллруа. Лекенъ представлялъ Гусмана. Въ другой разъ игралъ онъ тамъ же Оросмана, а Лекенъ Шатильона въ Заирѣ. — По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, Дмитревскій вышелъ въ



первый разъ на придворномъ театрѣ въ роли Синава, и восхитилъ всѣхъ зрителей своимъ необыкновеннымъ талантомъ, усовершенствованнымъ примѣрами и наставленіями великихъ артистовъ. — Императрица, послѣ представленія, изволила призвать его къ себѣ въ ложу, и изъявила ему свое благоволеніе предъ всею публикою. Съ тѣхъ поръ оставался онъ украшеніемъ и славою русской сцены: восхищалъ зрителей искусною своею игрою, образовалъ молодыхъ актеровъ, обогащалъ Русскій Театръ переводами, помогалъ драматическимъ писателямъ своими совѣтами, и пользовался общимъ уваженіемъ, довѣренностію и любовію. Россійская Академія приняла его въ свои члены, и поручила ему написать исторію Россійскаго Театра. Въ торжественномъ ея собраніи читалъ онъ похвальное слово Сумарокову. Въ 1787 году уволенъ онъ былъ (послѣ 38 лѣтней службы) отъ должности актера, съ пенсіономъ по 2000 р. въ годъ. Послѣ того оставался онъ еще восемь лѣтъ инспекторомъ театральной школы, и игралъ неоднократно въ Эрмитажѣ и для дирекціи. Въ 1797 году представлялъ онъ, по волѣ Императора Павла I, на придворномъ театрѣ Димитрія Самозванца, и, въ знакъ Монаршаго благоволенія, получилъ дорогую, осыпанную бриллiантами табакерку. Въ послѣдній разъ вышелъ онъ на сцену 30 Августа 1812 года въ драмѣ: *Всеобщее ополченіе*, сочиненной С. И. Висковатымъ, въ роли отставнаго унтеръ-офицера, приносящаго въ жертву отечеству единственное свое достояніе — заслуженныя имъ се-

ребряныя медали. Публика приняла почтеннаго старца съ восторгомъ; самъ онъ такъ сильно былъ растроганъ и ролью своею, и пріемомъ зрителей, что съ трудомъ могъ проговорить нѣсколько благодарныхъ словъ. Въ концѣ 1817 года хотѣлъ онъ выйти на сцену въ представленіи, назначенномъ въ пользу семейства славнаго питомца его Яковлева, въ роли стараго управителя (нарочно сочиненной для него Княземъ А. А. Шаховскимъ въ водевилѣ: *Встрѣча незваныхъ*); но внезапная болѣзнь, причиненная сильнымъ волненіемъ чувствъ, воспрепятствовала ему исполнить нетерпѣливое ожиданіе публики. — Въ послѣдніе годы жизни своей чувствовалъ онъ слабость въ ногахъ, и лишился зрѣнія, но сохранилъ память, бодрость ума и силу воображенія. Скончался тихо 27-го Октября 1821 года, въ С. Петербургѣ. Императорская Россійская Академія воздвигла надъ прахомъ его памятникъ, изъ суммы, вырученной съ представленія, даннаго для этой цѣли театральною дирекцію. О талантѣ Дмитревскаго пишетъ П. И. Сумароковъ: «Въ трагедіяхъ лучшими ролями Дмитревскаго почитались Самозванецъ, Ярбъ и Синавъ. Онъ постигалъ во всей силѣ характеръ представляемыхъ имъ лицъ, и дополнялъ игрою своею недостатки автора. Напримѣръ, въ Димитріи Самозванцѣ, онъ явился глазамъ зрителей облокотившимся на тронъ, и закрытымъ мантіею: этимъ мрачнымъ положеніемъ освѣщалъ онъ, такъ сказать, темныя мысли перваго монолога. Въ Синавѣ читалъ онъ длинный монологъ (когда

представляется ему тѣнь брата), подвигаясь со стуломъ своимъ назадъ, какъ будто преслѣдуемый ею, и оканчивалъ, приподнимаясь на цыпочки. Это простое движеніе производило удивительное дѣйствіе на зрителей: всѣ трепетали отъ ужаса. — Многіе современники Дмитревскаго полагаютъ, что въ драмахъ и комедіяхъ онъ былъ еще превосходнѣе, и съ восхищеніемъ вспоминаютъ, что въ Амфитріонѣ, перемѣнивъ красный платокъ на бѣлый, онъ такъ измѣнялся, что его не узнавали, и во все время поддерживалъ свое превращеніе.» — Изъ литературныхъ трудовъ его извѣстны разныя мелкія стихотворенія, напечатанныя въ *Трудолюбивой Пчелѣ* и *Похвальное Слово А. П. Сумарокову*, помѣщенное во второй части *Сочиненій и переводовъ Россійской Академіи*. Онъ перевелъ на русскій языкъ нѣсколько театральныхъ піесъ: трагедію *Беверлей*, оперы: *Рѣдкая вещь*, *Діанино древо*, и передалъ на русскіе нравы комедіи: *Раздумчивый*, *Демокритъ*, *Лунатикъ* и проч.

3) *Антонъ Михайловичъ Крутицкій*, сынъ отставнаго гарнизоннаго сержанта, родился въ Москвѣ въ 1754 году, и на шестомъ году отданъ былъ въ сиротскій домъ. Нѣкто, г. Книперъ, вздумалъ составить, изъ воспитанниковъ сиротскаго дома, театральную труппу, и довольно хорошо успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Московскій актеръ Калиграфъ, взявшійся обучать сиротъ декламаціи, вскорѣ открылъ въ молодомъ Крутицкомъ необыкновенныя дарованія,

и родительски пекся о его образованіи. Книперъ привезъ свою труппу (состоявшую изъ 50 актеровъ и актрисъ) въ С. Петербургъ. Крутицкій явился въ роли Мельника, и сыгралъ ее въ совершенствѣ. Ему единственно обязана была эта опера своимъ блистательнымъ успѣхомъ: ее представляли, по требованію публики, двадцать семь разъ сряду. Крутицкій не имѣлъ выгодной наружности: росту онъ былъ малаго, лицемъ рябъ, глаза имѣлъ небольшіе, сѣрые; но все это замѣнялъ живостію, огнемъ, натуральностію игры своей. Одинъ вельможа (Л. А. Н.), восхищенный его игрою, бросилъ на сцену кошелекъ, наполненный золотомъ, съ приколотою къ нему бумажкою, на которой написано было: *Мельнику*. Въ 1783 году, по распущеніи Книперовой труппы, вступилъ онъ на придворный театръ, и тамъ равномѣрно восхищалъ всѣхъ своею игрою. Императрица, послѣ перваго представленія Мельника, приказала ему явиться въ царскую ложу въ костюмѣ Мельника, осыпала его похвалами и подарила ему часы. Торжествомъ Крутицкаго были комедіи Моліера: *Мѣщанинъ во дворянствѣ* и *Гарпагонъ*. Покойный Императоръ Павелъ, бывъ еще Великимъ Княземъ, никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобъ Крутицкій не былъ самъ въ высочайшей степени зараженъ скупостью, и неоднократно о томъ его спрашивалъ. — Въ 1797 году, по окончаніи этой комедіи, Государь призвалъ его въ свой кабинетъ, разговаривалъ съ нимъ около получаса, и пожаловалъ ему собственные свои часы. Послѣднимъ тор-

жествомъ его таланта была роль Старосты въ драмѣ: *Лиза, или Торжество благодарности,* г. Ильина (представленной въ первый разъ въ Іюнѣ 1802 года). Вскорѣ послѣ того онъ занемогъ, поѣхалъ лечиться въ Ревель, и скончался тамъ 21-го Іюля 1803 года. Государь Императоръ пожаловалъ четыремъ малолѣтнымъ его дѣтямъ по тысячѣ рублей въ годъ пенсіона до совершеннаго ихъ возраста. Крутицкій былъ не только великій артистъ, но и человѣкъ умный, благородный, добрый и образованный. Онъ зналъ очень хорошо французскій и нѣмецкій языки, искусно рисовалъ и игралъ на скрипкѣ. — Изъ литературныхъ его произведеній извѣстны комедіи: *Медимнъ и Лука,* и *Обмѣна двухъ шляпъ,* сочиненныя имъ въ подражаніе двумъ піесамъ, французской и нѣмецкой.

4) *Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ,* сынъ московскаго купца, родился въ 1760 году, учился въ Московскомъ Университетѣ, и на двадцатомъ году отъ роду вступилъ въ званіе актера при Санктпетербургскомъ Придворномъ Театрѣ. Онъ игралъ съ успѣхомъ роли первыхъ героевъ и любовниковъ въ трагедіяхъ, комедіяхъ и драмахъ, въ послѣдствіи роли старцевъ, Эдипа, Леара, и т. п. Отличныя его дарованія обратили на него вниманіе Императрицы Екатерины II, неоднократно изъявлявшей ему Высочайшее свое благоволеніе похвалами и подарками. Съ 1791 года былъ онъ, съ г. Дмитревскимъ, надзирателемъ Санктпетербургскаго Театра; въ 1793

году перешелъ на Московскій, и пользовался отличнымъ одобреніемъ публики. Въ 1810 году былъ онъ принятъ въ члены Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности. Скончался 18 Октября 1812 года на бѣгствѣ изъ разоренной Москвы. Этотъ искусный актеръ былъ и сочинителемъ. Изъ произведеній его извѣстны трагедіи: *Рюрикъ*, *Тахмасъ-Кулы-Ханъ*, и *Ермакъ;* первыя двѣ въ стихахъ, послѣдняя въ прозѣ; комедіи въ прозѣ: *Братья Своеладовы*, *Бобыль*, *Сидѣлецъ*, *Мельникъ и Сбитеньщикъ соперники*, *Сговоръ Кутейкина;* драма: *Графъ Вальтронъ* (подражаніе нѣмецкой драмѣ того же имени), и *Ленса, или Дикіе въ Америкѣ.* — Плавильщиковъ писалъ, сверхъ того, лирическія и другія стихотворенія, и прозаическія статьи, изъ коихъ заслуживаетъ особенное вниманіе отвѣтъ на задачу Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности: *О свойствѣ древняго Греческаго Театра.*

5) *Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ,* сынъ костромскаго купца, потерявшаго значительное имѣніе при пожарѣ Гостинаго Двора въ Санктпетербургѣ, родился въ 1773 году. Чрезъ два года послѣ его рожденія, умеръ отецъ его; на седьмомъ году лишился онъ матери, и съ небольшимъ остаткомъ отцовскаго имущества отданъ былъ въ опеку зятю своему, купцу Шапочникову. Онъ учился грамотѣ сперва у старушки просвирни Вознесенской Церкви, а потомъ отданъ былъ въ народное училище: тамъ съ необык-

новеннымъ прилежаніемъ началъ онъ учиться грамматикѣ, ариѳметикѣ, нѣмецкому и французскому языкамъ и рисованію; но на тринадцатомъ году эти упражненія были прерваны: опекунъ посадилъ его въ галантерейную свою лавку сидѣльцемъ. Въ 1791 году познакомился онъ съ Жебелевымъ, который былъ сидѣльцемъ въ шляпной лавкѣ брата своего, неподалеку отъ Шапочниковой. Оба они равно ненавидѣли ремесло свое, оба равно любили ученіе, и сдѣлались искренними друзьями. Въ досужное время читали они книги, и учили наизусть лучшія изъ нихъ мѣста, къ крайней досадѣ Шапочникова, который притомъ негодовалъ на Яковлева за то, что онъ никакъ не могъ запрашивать за товары двойной цѣны, считая это обманомъ. Жебелеву удалось однажды быть въ театрѣ, и видѣть Димитрія Самозванца. Новый міръ ему открылся: онъ сообщилъ свой восторгъ товарищу, и оба начали заниматься театральными представленіями, взявъ себѣ въ помощь младшаго брата Жебелева. Втроемъ выучили они наизусть Димитрія, и представляли по праздникамъ предъ домашними своими, когда строгій опекунъ уѣзжалъ въ гости. Потомъ играли они Магомета; но при этихъ игрищахъ не обходилось безъ бѣды. Однажды Магометъ, въ жару игры, кинувшись на Зопира, разбилъ деревяннымъ мечемъ въ кровь лице Пальмиры; въ другой разъ, декламируя за прилавкомъ, онъ такъ неосторожно размахнулъ руками, что разбилъ стекла у ящиковъ и перерѣзалъ себѣ пальцы. — Наконецъ удалось и ему побывать въ

театрѣ: тогда еще болѣе распалился онъ страстью къ поэзіи и къ драматическому искусству, и началъ самъ писать трагедію въ стихахъ. Въ это время Жебелевъ уѣхалъ въ Москву. Яковлевъ, оставшись безъ друга, не могъ сносить притѣсненій зятя; взялъ у него свой капиталъ (1800 рублей), снялъ окошко въ Гостиномъ Дворѣ подъ № 67, и началъ торговать галантерейнымъ товаромъ; потомъ перенесъ свой торгъ на биржу, и занялъ тамъ небольшой шкапикъ съ мелочными товарами и картинками. Но онъ не былъ рожденъ для коммерціи: сидя въ окошкѣ своемъ, занимался онъ только чтеніемъ книгъ и сочиненіемъ стиховъ, не заботясь о покупателяхъ. Одинъ любитель словесности, Н. И. Перепечинъ, замѣтилъ странныя занятія молодаго сидѣльца, познакомился съ нимъ, и увидѣвъ въ немъ необыкновенный умъ и рѣдкіе таланты, пригласилъ его къ себѣ въ домъ. Яковлевъ воспользовался этимъ приглашеніемъ: писалъ у г. Перепечина, подъ его руководствомъ, стихи на разные случаи, декламировалъ монологи изъ трагедій. Тамъ узналъ его И. А. Дмитревскій: прекрасная наружность Яковлева, пріятный и громкій органъ, острый умъ, воображеніе пламенное, страсть къ поэзіи и театру плѣнили почтеннаго старца: онъ сдѣлался покровителемъ, наставникомъ, другомъ Яковлева, и убѣдилъ его вступить на театръ. Яковлевъ безъ труда разстался съ своимъ шкапикомъ, и явился на театрѣ 1-го Іюня 1794 года, въ роли Оскольда, и во второй разъ, 2-го Іюля, въ роли Доранта въ комедіи:

Ревнивый. Въ третій разъ, 29 Іюля, игралъ онъ Синава. Публика встрѣтила его единогласнымъ одобреніемъ, и Яковлевъ былъ принятъ въ придворные актеры. Съ тѣхъ поръ игралъ онъ въ трагедіяхъ первыя роли героевъ, царей и т. д., въ комедіяхъ и драмахъ первыхъ любовниковъ, съ равнымъ успѣхомъ, и сдѣлался любимцемъ публики, изъявлявшей ему, при каждомъ появленіи его на сцену, громкими рукоплесканіями свое удовольствіе. Торжествомъ его таланта были роли Синава, Рослава, Фингала, Димитрія Донскаго, Пожарскаго, Гамлета, Лавидона, Танкреда, Отелла, а эпохою величайшей его славы—время появленія трагедій Озерова (1803 — 1809 года). Природа осыпала Яковлева всѣми дарами, необходимыми трагическому артисту: ростъ прекрасный, стройный, лице правильное, выразительное, голосъ громкій, способный ко всѣмъ измѣненіямъ, воображеніе пламенное, чувство сильное, природный умъ и страсть къ поэзіи — все соединялось въ немъ для составленія великаго актера. Если бъ эти способности были образованы въ его молодости, если бъ онъ въ послѣдствіи могъ усовершить ихъ примѣромъ великихъ образцовъ, собственнымъ размышленіемъ и руководствомъ строгой критики, то конечно сталъ бы наряду съ Гаррикомъ, Иффландомъ, Тальмою, Дмитревскимъ, корифеями драматическаго искусства; но, увлеченный первыми, блистательными своими успѣхами, и безпрестаннымъ рукоплесканіемъ *большинства* зрителей, онъ полагалъ уже, что достигъ крайней точки

искусства, и не слушался знатоковъ, которые вездѣ и всегда бываютъ въ *маломъ числѣ.* Пламенное чувство, пылкость страстей, безъ которыхъ актеръ не можетъ быть актеромъ, поэтъ поэтомъ, не образованныя воспитаніемъ, не ограниченныя строгостью холоднаго разсудка, ускорили его кончину. Жестокая, изнурительная болѣзнь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мало по малу истощала его силы. Въ послѣдній разъ вышелъ онъ на сцену 4 Октября 1817 года, и тогда уже, сказываютъ, можно было предвидѣть близкій конецъ его. На другой день слегъ онъ въ постель, и 3-го Ноября скончался. Изъ литературныхъ произведеній Яковлева извѣстны нѣкоторыя лирическія и драматическія стихотворенія: 1) *Отчаянный любовникъ*, трагедія въ 1 дѣйствіи, С. П. б. 1793. — 2) *Ода на коронованіе Императора Павла I*, 1797. — 3) *Торжество Вѣры*, лирическое стихотвореніе, 1810. — 4) *На побѣды, одержанныя россійскими воинами*, 1812. — 5) *На открытіе новой биржи*, 1816. — 6) *На бракосочетаніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Николая Павловича и Великой Княгини Александры Ѳеодоровны*, 1817. Разныя мелкія его стихотворенія помѣщаемы были въ журналахъ. Съ необыкновеннымъ талантомъ и пламенною душею соединялъ онъ доброе, благородное сердце, свято чтилъ дружбу, строго исполнялъ данное слово, охотно дѣлалъ добро, страстно любилъ отечество и славу его, и былъ истинный христіанинъ. Онъ щедро раздавалъ

милостыню, дѣлился съ бѣдными послѣднимъ, воспитывалъ сиротъ, искупалъ заключенныхъ. — Послѣднія его слова, на смертномъ одрѣ, за нѣсколько минутъ предъ кончиною, были:

Языки вѣдайте: великъ Россійскій Богъ!

МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА.


Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА.

I.

ДОРОГА.

Ахъ! дайте отдохнуть и съ силами собраться!
В. Пушкинъ.

Вы ѣдете въ Москву-съ? на долго ли-съ? въ который разъ? Позвольте спросить, за чѣмъ именно-съ? Конечно литературныя соображенія-съ? Или есть кой-какія дѣла-съ? Напрасно не зимою-съ изволите ѣхать-съ.

Вотъ нѣсколько изъ тысячи вопросовъ, которыми осыпали меня въ теченіе всего Мая мѣсяца всѣ друзья, пріятели, знакомые и полузнакомые, встрѣчные и поперечные. И вотъ, что я имъ отвѣчалъ: «Ѣду-съ, не на долго-съ, беру отпускъ только на двадцать на

восемь дней. Ѣду въ Москву, къ стыду моему, въ первый разъ. Вся жизнь моя протекла въ Петербургѣ (за исключеніемъ пятимѣсячной поѣздки, для леченья, за границу) въ безпрерывной, ежедневной дѣятельности, чему свидѣтелями служатъ около тысячи книжекъ Сына Отечества, тысяча семьсотъ листовъ Сѣверной Пчелы, да еще нѣсколько полновѣсныхъ нумеровъ въ каталогѣ Смирдина. Была ли тутъ возможность отлучиться не только за семьсотъ, но и за семьдесятъ верстъ? Наконецъ я рѣшился прибѣгнуть къ пособію добрыхъ пріятелей, взявшихся кормить мою Пчелку въ теченіе трехъ недѣль, получилъ отпускъ, взялъ мѣсто въ дилижансѣ.» — Теперь вопросъ: зачѣмъ я ѣду, объясняется самъ собою. Ѣду отдохнуть отъ выписокъ, переводовъ, корректуръ и прочихъ продѣлокъ, относящихся къ фронтовой литературной службѣ; ѣду полѣниться, позѣвать, усладить глаза и душу картиною Москвы, которая донынѣ жила только въ глубинѣ моего сердца, какъ идеалъ невиданной красавицы въ воображеніи пламеннаго юноши. Послѣ этого, удивительно ли, что ѣду *не зимою?*

Я выѣхалъ изъ Петербурга во вторникъ, 23 Мая, въ дилижансѣ (№ 1) первоначальнаго заведенія. Экипажъ новый, чистый, красивый и весьма удобный, Карета внутри раздѣлена небольшою перегородкою; передніе пассажиры сидятъ спиною къ заднимъ, но не совершенно отдѣлены отъ нихъ: посреди перегородочки есть дверцы, которыхъ можно и не запирать.

Смотрителемъ случился молодой, ловкій, усердный и учтивый человѣкъ, который всячески старался о поспѣшности и удобствѣ пути. Въ благодарность обѣщалъ я отдать ему справедливость въ Сѣверной Пчелѣ, и охотно исполняю обѣщаніе: его зовутъ Иванъ Михайловичъ Розинъ. Лошадей перемѣняли мигомъ, и мы, какъ изъ лука стрѣла, летѣли по прекрасному шоссе. *Московское шоссе* — эти слова произносимъ мы, домосѣды петербургскіе, холодно и равнодушно; но должно съѣздить въ Москву, чтобъ вполнѣ почувствовать всю цѣну этого великаго дѣла, можно сказать, этого благодѣянія, оказаннаго Александромъ Первымъ своему народу. Сообщенія между обѣими столицами теперь облегчены и сокращены самымъ чувствительнымъ образомъ, и плата за провозъ тяжестей значительно понизилась, слѣдственно произвела пониженіе и въ цѣнахъ продуктовъ и товаровъ. Сокращены средства сообщенія, во-первыхъ, выигрышемъ времени отъ поспѣшнѣйшей ѣзды; во-вторыхъ, и проложеніемъ дороги прямѣйшими линіями: уже нынѣ изъ прежнихъ 728 верстъ осталось только 681; со временемъ, когда шоссе будетъ довершено, сокращеніе сдѣлается еще значительнѣе. Выгоды и невыгоды прежней дороги особенно ощутительны между Вышнимъ Волочкомъ и Тверью (четыре станціи, на пространствѣ $134\frac{1}{2}$ верстъ), гдѣ шоссе еще не кончено. Лошади вязнутъ въ глубокомъ песку, и карета едва движется, какъ минутная стрѣлка на часахъ. И эти четыре станціи, въ прежнее время, считались

лучшими по всей дорогѣ! — На этомъ протяженіи шоссе будетъ кончено, какъ говорятъ, въ нынѣшнемъ году. По дорогѣ отъ Твери до Москвы не построены еще мосты, и замѣняются временными, деревянными. — Желательно, чтобъ по окончаніи этого шоссе, устроены были такимъ же образомъ дороги изъ Москвы въ Нижній Новгородъ и въ Тулу: послѣдняя, говорятъ, въ извѣстное время года, бываетъ вовсе непроходима.

Что сказать о странѣ, по которой я проѣхалъ? Дорога отъ Твери до Петербурга есть, такъ сказать, искусственная, проложенная по заложеніи послѣдняго изъ этихъ городовъ, почти по прямой чертѣ, а не такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, отъ одного города или селенія къ другому, близлежащему. По этой причинѣ она пуста и единообразна. Въ нѣсколькихъ саженяхъ по обѣимъ сторонамъ шоссе тянется мелкій лѣсъ, березовый и еловый. Только тамъ, гдѣ какой нибудь ручеекъ пересѣкаетъ дорогу, построены деревни и усадьбы. Не прежде Яжелбицкой станціи появляются возвышенія, рытвины, въ которыхъ вьются ручьи, и вся страна получаетъ видъ одушевленный, разнообразный. Подъѣзжая къ Валдаю, видишь влѣво озеро, и на острову его, посреди темнозеленаго лѣса, утомленнымъ взорамъ странника представляются стѣны Иверскаго Монастыря. Въ Петербургской Губерніи пахатныхъ полей очень мало; въ Новгородской немного болѣе: въ Тверской они занимаютъ значительное пространство, а Московская населена и воздѣ-

лана, какъ самыя благословенныя земли. Лѣсу мало. Отдѣльныя рощи начинаются за Тверью. Говорятъ, что здѣшніе лѣса истребленны на лапти. Очень можетъ быть. А сколько портится лѣсу близъ городовъ на *березки* въ Семикъ и въ Троицынъ День *)! Сельская промышленость также мало по малу измѣняется: въ Тверской Губерніи начинаютъ показываться во всѣхъ избахъ ткацкіе станки, а въ Московской всѣ молодые люди, и мальчики и дѣвушки, вяжутъ чулки. По мѣрѣ приближенія къ югу, къ сердцу Россіи, кажется, и лица обитателей становятся пріятнѣе, выразительнѣе. Женщины въ окрестностяхъ Вышняго Волочка, Торжка и т. д. казались мнѣ гораздо привлекательнѣе поселянокъ Новгородской и Петербургской Губерній; только онѣ безобразятъ себя нарядомъ. Не говорю о смѣшномъ, островерхомъ головномъ уборѣ: поясъ носятъ онѣ гораздо выше *пояса*, и прелестнѣйшій удѣлъ женственности, *поддерживаемый* красавицами во всѣхъ странахъ, отъ Лиссабона до Константинополя, здѣсь пересѣкается и приплющивается узенькимъ кушакомъ. — Жительницы подмосковныхъ деревень очень миловидны. Всѣ дѣ-

*) Подъѣзжая къ Москвѣ, увидѣлъ я, влѣво отъ дороги, громады древесныхъ вѣтвей на большомъ пространствѣ, и между ними кучи дровъ. «Это что?» спросилъ я. — «Здѣсь,» отвѣчали мнѣ, «стояла до нынѣшняго года заповѣдная роща, принадлежавшая къ подмосковному селенію Петровскому-Разумовскому. Помѣщикъ продалъ ее какому-то Жиду, и варваръ вырубилъ ее на дрова!!!»

вушки ходятъ въ красныхъ платочкахъ. Въ селѣ Чашниковѣ видѣлъ я поѣздъ свадебный: дѣвушки шли въ чистенькихъ сарафанахъ, въ новенькихъ платочкахъ; лихіе парни ѣхали на телѣгахъ, и пѣли во все горло à la Воротниковъ *)! Я здѣсь вполнѣ удовлетворилъ охотѣ своей бесѣдовать и шутить съ добрыми мужичками. Въ Выдропускѣ, пока перекладывали экипажъ, я вмѣшался въ толпу молодыхъ ямщиковъ, и далъ бездѣлицу на водку тому, который насъ привезъ съ прежней станціи. «За что, баринъ,» спросилъ другой ямщикъ, красавецъ собою, «изволите жаловать? вѣдь вы въ дилижансѣ ѣдете.» — «За то,» отвѣчалъ я, «что онъ ѣхалъ скоро, и притомъ бережно, былъ учтивъ, а не нахаленъ.» — «За то, сударь, мы ему и прекрасную невѣсту выбрали,» возразилъ прежній, «не правда ли? Что жъ ты краснѣешь?» — Я взглянулъ на ямщика, а онъ и подлинно закраснѣлся, какъ молодая дѣвушка. — «Ну, братъ,» продолжалъ прежній: «скажи жъ твоей Матрешѣ, что и господа тебя жалуютъ за учтивость.» Молодой ямщикъ стоялъ, потупивъ глаза, улыбался, и не зналъ что отвѣчать. Впрочемъ эти идиллическія сцены могутъ случаться только тогда, когда лошади уже впряжены. Съ самаго же прибытія на станцію до упряжки, происходитъ между собирающимися въ толпѣ ямщиками ужаснѣйшій споръ, кому ѣхать, чья

*) Петербургскій актеръ, отличающійся въ роляхъ Филатки и т. п.

очередь, не уступитъ ли кто своей, и т. д. Странное дѣло, что это возобновляется на каждой станціи, при каждой новоприбывшей повозкѣ. Кажется, будто эти люди случайно, въ первый разъ столкнулись на станціи, и спорятъ о дѣлѣ совершенно новомъ и очень затруднительномъ. Но для ѣдущихъ въ дилижансѣ эти сцены только забавны. Лошадей, при безпрестанномъ спорѣ и прежней брани, впрягутъ мигомъ, и полетятъ. Ямщикъ, желая отличиться, лишь только выѣдетъ изъ виду почтоваго дома, мышкою лѣвой руки сниметъ рукавицу съ правой, поведетъ этою рукою надъ лошадьми, какъ будто магнитизируя ихъ, потомъ проворно надѣнетъ рукавицу, привскочитъ, гаркнетъ: «ну, соколики! али забыли!» взмахнетъ плетью, и свѣту божьяго не взвидишь! — Путешествіе въ дилижансѣ пріятно еще и потому, что освобождаетъ отъ необходимости имѣть сношенія съ особами, пользующимися правомъ 14-го класса, и извѣстными своею учтивостью, безкорыстіемъ и трезвостью.

Что сказать о городахъ, чрезъ которые мы проѣхали? Мало новаго. Въ Новгородъ въѣхали мы въ пять часовъ прекраснѣйшаго утра. Въ домахъ все спало. На улицахъ двигались немногіе пріѣзжіе крестьяне, солдаты и т. п. Въѣхавъ въ Кремль, мы вышли изъ кареты, и отпустили ее впередъ, а сами пошли въ Софійскій Соборъ. Въ находящейся подлѣ онаго церкви, Входа въ Іерусалимъ, служили заутреню. Одинъ церковникъ, увидѣвъ пріѣзжихъ, догадался, чего мы хотимъ, и когда мы еще разсуждали,

кого бы попросить о впускѣ насъ въ соборъ, онъ уже воротился съ извѣщеніемъ, что двери собора отперты. Мы вошли боковыми дверьми въ это древнѣйшее въ Россіи зданіе, мимо котораго вѣки пронеслись съ трескомъ и громомъ, не коснувшись его святыни. Съ благоговѣніемъ остановился я предъ царскими вратами, между мѣстами царскимъ и патріаршимъ, пробуждая въ душѣ своей великія воспоминанія. Здѣсь, на этомъ самомъ помостѣ, преклонялъ колѣни Александръ Невскій; здѣсь Мароа Борецкая молила Святую Софію вступиться за градъ свой; Іоаннъ III приносилъ благодареніе Богу за приращеніе Россійской Державы присовокупленіемъ къ ней Новагорода. Зданіе храма тѣсное, темное — какъ древняя лѣтопись. У западныхъ вратъ разсматривали мы достопамятныя мѣдныя двери съ обронными изображеніями. — Нынѣ храмъ внутри поправляютъ, строятъ обрушившіеся столпы, скрѣпляютъ другіе и т. д.; но, сколько я могъ замѣтить, починка эта производится съ точнымъ сохраненіемъ древняго характера этого зданія, съ благоговѣніемъ къ святынѣ, вѣками уважаемой. Вновь сооружаемыя стѣны во всемъ будутъ подобны прежнимъ; украшенія, живопись и прочее, передаются во всей точности. Счастье, что передѣлка собора не попала въ руки нѣкоторыхъ поправщиковъ древности: они забѣлили бы всѣ старинныя изображенія чистою известью, и вмѣсто древнихъ столбовъ, по ихъ мнѣнію безобразныхъ, наставили бы, такъ называемыхъ, готическихъ столби-

ковъ. Во Франціи называютъ этихъ истребителей старины la bande noire (черная шайка); у насъ можно было бы назвать ихъ la bande blanche: сломаютъ все, что можно, а что оставятъ, то выбѣлятъ. — Изъ новыхъ построекъ въ Новѣгородѣ достоинъ преимущественнаго вниманія прекраснѣйшій мостъ чрезъ быстрый Волховъ. Но что значитъ нынѣшній Новгородъ въ сравненіи съ стариннымъ? На пространствѣ трехъ верстъ, по дорогѣ, представляются взорамъ путешественника развалины церквей, находившихся нѣкогда въ срединѣ города.

О Твери не могу сказать ни слова. Мы въѣхали туда ровно въ полночь, утомленные песчаною станціею, и выѣхали до разсвѣта. Жаль! Мнѣ желалось бы посмотрѣть на мѣсто жительства незабвенной Великой Княгини Екатерины Павловны.

Валдай, Торжокъ, Вышній Волочекъ, съ ихъ баранками, колокольчиками и сафьяннымъ товаромъ, не очень занимаютъ путешественника: длинными улицами тянутся деревянные домы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показываются и каменные. Лучшія гражданскія зданія суть домы присутственныхъ мѣстъ. Церкви вездѣ каменныя — даже въ самомъ ничтожномъ яму. Въ деревняхъ домы, по близости къ Петербургу, двуэтажные, но, по мѣрѣ удаленія оттуда, чаще появляются одноэтажные, имѣющіе внизу амбаръ, со входомъ съ улицы. Опрятные крестьяне моютъ свои жилища и снаружи, только не весь домъ, а одни простѣнки между окнами. Курныхъ избъ не видалъ я на

всей дорогѣ. — Во всѣхъ городахъ, замѣтилъ я, строится много новыхъ домовъ.

«Что это за рѣка?» спросилъ я за Тверью, взглянувъ налѣво отъ дороги. — «Волга,» отвѣчали мнѣ. Волга! повторилъ я съ восторгомъ:

Россійскихъ рѣкъ, озеръ краса,
О Волга пышна, величава!

Я глядѣлъ жаднымъ взоромъ на величественную рѣку, еще не широкую въ сихъ мѣстахъ, но уже несущую на хребтѣ своемъ *благословеніе земли*. Близъ Москвы видѣлъ я работы канала, проводимаго для соединенія Волги съ Москвою. Сказываютъ, что осталось прорыть не болѣе тридцати верстъ. Довершеніе этого канала будетъ великимъ для Москвы благодѣяніемъ.

Посмотримъ на маршрутъ: Городня, Завидово, Клинъ, Подсолнечная, Черная Грязь — Москва! Москва! Уже не далеко.

Я совершилъ этотъ путь очень пріятно. Со мною ѣхалъ Н. С. С., молодой, любезный, образованный человѣкъ, сынъ стариннаго пріятеля, пригласившаго меня остановиться въ Москвѣ у него въ домѣ. Другой пассажиръ былъ почтенный дворянинъ, возвращавшійся въ свое помѣстье, по окончаніи дѣлъ своихъ въ Петербургѣ, человѣкъ очень добрый, скромный и образованный. Четвертое мѣсто было не занято, и мы *жили* въ подвижной нашей тюрьмѣ на просторѣ. Говорятъ, что путешествовать пріятно. Опредѣлимъ

точнѣе: да, дѣйствительно пріятно видѣть новые предметы, наблюдать на дѣлѣ и своимъ глазомъ то, что прежде зналъ только по наслышкѣ; но *путешествовать*, *ѣхать* въ собственномъ смыслѣ — воля ваша — скучно и утомительно, хотя бы и въ лучшемъ обществѣ, какъ нынѣ случилось со мною. Дни *ѣзды* должно непремѣнно исключить изъ числа дней *жизни*. Къ тому должно прибавить плохое устройство провіантской части на дорогѣ. Говорятъ: «на московской дорогѣ можно найти *все* что угодно.» Да каково это *все*? *Все* существуетъ здѣсь только въ *названіи*: супы, жаркія, соусы на здѣшнихъ станціяхъ то же самое, что представленіе Федры по переводу И. И. Сирякова, и Скупаго, по переводу С. Т. Аксакова. Жирно, по большой части недосолено, жестко, безвкусно и не питательно. Вино здѣсь кандидатъ 10-го класса въ уксусы. — Лучше всего спросить щей, и если посреди плавающаго въ нихъ жиру какъ нибудь откроешь признакъ мяса, поблагодари судьбу, запей квасомъ, и спроси: «готовы ли лошади?» — Въ Торжкѣ славится ресторація Пожарскаго. Мы хотѣли было завернуть туда, но, по совѣту нашего смотрителя, остановились въ другомъ трактирѣ, и я тамъ, въ ломтѣ жесткаго бифстексу (или, какъ его называютъ по дорогѣ, *биштику*), оставилъ свой предпослѣдній зубъ.

Правительство сдѣлало и дѣлаетъ въ пользу проѣзжихъ все что можно; но улучшенія, требуемыя удобствомъ и прихотями роскоши, зависятъ отъ уси-

ленія проѣзду, и отъ соревнованія промышляющихъ. И это будетъ сдѣлано силою времени, по умноженіи потребностей житейскихъ. Россія находится въ періодѣ возрастанія, и нынѣшнее *посредственное* гораздо выше *лучшаго*, бывшаго въ употребленіи лѣтъ за двадцать предъ симъ.

И заведетъ крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ!

II.

МОСКВА.

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженій, царствъ россійскихъ мать,
Москва! Россіи дщерь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

И. И. Дмитріевъ.

При послѣдней перемѣнѣ лошадей (въ Черной Грязи) помѣстился я, съ спутникомъ своимъ, въ переднемъ кабріолетѣ дилижанса. Проливной дождь освѣжилъ предъ тѣмъ воздухъ; большая часть горизонта прояснилась; только на востокѣ чернѣлись тучи, служа полемъ той картинѣ, которая вскорѣ долженствовала открыться нетерпѣливымъ моимъ взорамъ. Впрочемъ, говорятъ, это не самая выгодная сторона для перваго взгляда на Москву; съ другихъ дорогъ она представляется въѣзжающему гораздо

великолѣпнѣе. Не прежде, какъ за три версты начали показываться на горизонтѣ главы московскихъ церквей и колокольни. Въ срединѣ возвышавшагося предъ нами *палисада* башень и шпицовъ, золотились верхи Ивана Великаго и соборовъ кремлевскихъ, а вправѣ, въ густой зелени, колокольня Новодѣвичьяго Монастыря. Мы въѣхали въ Село *Всесвятское,* извѣстное на всей Руси, по пѣснѣ:

Во селѣ, Селѣ Всесвятскомъ,
Среди улицы большой,
Разыгрались расплясались
Красны дѣвицы весной.

Вскорѣ за тѣмъ открылся влѣвѣ, среди густой рощи, *Дворецъ Петровскій*, прекрасное полу-готическое, полу-фантастическое зданіе, въ которомъ Наполеонъ сталъ на верхнюю точку своего мнимаго счастья, своей славы: отсюда покатился онъ стремглавъ въ пучину, и очнулся — на Островѣ Св. Елены. Теперь устраиваютъ большой, великолѣпный паркъ, отъ Петровскаго до самаго города. Гульбище это будетъ прекрасно и въ Москвѣ, изобилующей живописными окрестностями.

У Тверской Заставы сооружаются тріумфальныя ворота. Молодецъ, унтеръ-офицеръ полка Князя Сакена, подхватилъ заготовленный нашимъ смотрителемъ списокъ пріѣзжихъ. «Подвысь!» Шлагбаумъ взлетѣлъ къ верху; нашъ дилижансъ быстро двинулся въ городъ.

Это Тверская Ямская. По лѣвую сторону улицы идутъ домы ветхіе деревянные, по правую новые каменные, выстроенные для московскихъ ямщиковъ щедротами Государя Императора. Пріятно и усладительно находить по лицу всей Русской Земли живые памятники благотворительности и милосердія Государя нашего. Самъ чувствуешь при этомъ: «и здѣсь я подъ его кровомъ; и здѣсь, въ удаленіи отъ свѣтлаго трона, онъ промыслительною своею волею хранитъ, бережетъ, счастливитъ меня!» — Да и какъ любятъ его въ Москвѣ! Подите куда угодно: вездѣ второе, третье слово: «здѣсь былъ Государь съ Государынею и Наслѣдникомъ; здѣсь онъ былъ доволенъ; здѣсь похвалилъ, а тутъ замѣтилъ то-то и то-то.»

Любви лишь можетъ быть одна любовь наградой.

Вотъ Москва! Улицы, бульвары, церкви разныхъ временъ и разной архитектуры, домы и обыкновенные и странные, и великолѣпные и смиренные, мелькали, какъ сонныя видѣнія, предъ моими глазами. Дилижансъ остановился. Мы съ спутникомъ своимъ вышли и отправились къ нему въ домъ, гдѣ любовь родительская встрѣтила новоприбывшаго искреннимъ изліяніемъ благороднѣйшаго чувства.

Отдохнувъ съ полчаса, я съ нетерпѣніемъ отправился изъ дому, чтобъ взглянуть на Кремль. Миновавъ Большой Петровскій Театръ, очутились мы на просторной площади, кипящей народомъ. Посреди ея, въ центрѣ огромнаго водоема, бьетъ пальмою фонтанъ.

Надъ нею сверкаютъ верхи кремлевскихъ соборовъ. Мы проѣхали мимо великолѣпной рѣшетки, ограждающей Кремлевскій Садъ, далѣе, мимо всего сада, и миновавъ Спасскія Ворота, въ которыхъ что-то починивали, въѣхали въ Кремль Никольскими. Напрасно сталъ бы я изображать, описывать, изъяснять то чувство, которымъ стѣснилась въ эту незабвенную минуту грудь моя. Это Кремль! Вотъ три вѣнца Русскаго Царства: Успенскій Соборъ, въ которомъ Россійскіе Монархи вѣнчаются на царство и помазываются мvромъ; Благовѣщенскій, гдѣ Цари Русскіе вѣнчались на бракъ; Архангельскій, въ которомъ они принимали *послѣдній* вѣнецъ! И здѣсь ихъ гробницы: въ Архангельскомъ Соборѣ покоятся Цари, въ Успенскомъ Патріархи, въ Вознесенскомъ Монастырѣ Царицы. — Вотъ Красное Крыльце! Вотъ древняя Москва! Вотъ Россія во всемъ величіи своей простодушной старины! — Глаза мои наполнились слезами благоговѣнія къ святынѣ, поразившей ихъ въ первый разъ. Благодарю судьбу, подарившую меня въ тѣ лѣта, когда исчезаютъ обаянія чувствъ и воображенія, сими драгоцѣнными мгновеніями сладостнаго юношескаго восторга. Мгновенія эти миновали, но благодатный лучъ ихъ зажегъ въ памяти моей лампаду, которая будетъ въ ней теплиться до конца жизни.

Не думаю, чтобъ кто нибудь могъ усомниться въ дѣйствительности и искренности этого восторга. Жители московскіе привыкли съ младенчества своего созерцать эти картины, попирать эти живые памятники

древняго русскаго быта, ходить по стогнамъ, гдѣ каждый камень орошенъ русскою кровью, пролитую за Вѣру и Отечество; но прiѣзжiй въ семъ случаѣ походитъ на человѣка, который родился, выросъ и возмужалъ въ темномъ рудникѣ, освѣщаемомъ тусклою лампадою, и вдругъ, вышедъ на поверхность земли, видитъ въ первый разъ вѣчное солнце.

Послѣ того я неоднократно посѣщалъ Кремль, въ сопровожденiи толковыхъ путеводителей, и всегда находилъ въ немъ новые предметы для созерцанiя, для возбужденiя великихъ воспоминанiй о древнихъ событiяхъ Россiи. И въ одномъ ли Кремлѣ можно здѣсь найти пищу любви своей къ Русской Исторiи? Взгляните на Церковь Василiя Блаженнаго, построенную Царемъ Iоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, въ память завоеванiя Казани: о ней нельзя имѣть понятiя по гравированнымъ ея изображенiямъ; надобно видѣть и цвѣтà, которыми испещрена она снаружи, и замысловатость въ разнообразiи граней на главахъ ея. — Обративъ потомъ глаза на Казанскiй Соборъ, вспомните, что онъ построенъ Княземъ Дмитрiемъ Михайловичемъ Пожарскимъ. Взгляните на Лобное Мѣсто, съ котораго Василiй Iоанновичъ Шуйскiй говорилъ народу. Отыщите въ Китаѣ Городѣ домъ боярина Матвѣева. Посмотрите на небольшую древнюю церковь, стоящую въ недальномъ разстоянiи отъ однихъ изъ кремлевскихъ воротъ — это Церковь Николая Чудотворца *въ Подкопаяхъ*, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ выходилъ тайный подкопъ изъ Кремля во

время осадъ татарскихъ. — «Знаете ли, какъ называется это мѣсто?» спросилъ у меня спутникъ мой, когда мы, возвращаясь изъ Нескучнаго Саду, переѣзжали Москву рѣку, по деревянному мосту: «это Крымскій Бродъ. Здѣсь Крымскіе Татары переходили рѣку, нападая на русскую столицу.» — Съ высотъ, гдѣ построенъ Симоновъ Монастырь, видно за Москвою рѣкою большое пространство, очень мало застроенное: это Котлы, гдѣ разсѣянъ прахъ Лжедимитрія!

Въ этихъ немногихъ строкахъ хотѣлъ я только показать, какимъ образомъ Москва дѣйствуетъ на небывалаго въ ней пришельца. Странно и дерзко было бы, если бъ я, послѣ бѣглаго, поверхностнаго взгляда, вздумалъ изображать ее, описывать, спорить, и т. п. Это дѣло *самородныхъ* Москвичей. На ихъ обязанности и совѣсти лежитъ изображеніе и описаніе тѣхъ древностей, которыя уцѣлѣли въ Москвѣ послѣ татарскихъ нашествій Батыя, Тохтамыша и Наполеона. Живописное путешествіе по Москвѣ было бы живописнымъ путешествіемъ по Древней и Средней Россіи. Но этого не должно отлагать надолго: время, истребительною силою своею, сглаживаетъ слѣды древности.

III.

Многіе спрашиваютъ у меня, какъ понравилась мнѣ Москва вообще, и какое различіе замѣтилъ я въ ней

съ Петербургомъ. Понравилась она мнѣ очень. Мѣстоположеніе ея прекрасное. Что можетъ въ Петербургѣ сравниться съ видами, открывающимися съ Кремля? Эта амфитеатральная громада церквей, башень, разнообразныхъ домовъ, раздѣленныхъ и окруженныхъ прекраснѣйшею зеленью. Ѣду однажды по Покровкѣ, и заглядываю вправо въ переулокъ: онъ идетъ внизъ косогоромъ, и служитъ рамою прелестному ландшафту. — У насъ, въ Петербургѣ, горизонтъ со всѣхъ сторонъ оканчивается зданіями: Москву облегаетъ зеленый вѣнокъ. Вообразите, что на Тверскомъ Бульварѣ являются въ перспективѣ Воробьевы Горы! Въ Нескучномъ Саду видъ несравненный. Меня подвели къ крутому скату, и указали влѣво: тамъ представился мнѣ швейцарскій ландшафтъ: Слобода Алексѣевская, съ церковью, фабриками, сельскими домиками; на просторныхъ лугахъ пасутся стада; Москва тихо льется посреди злачныхъ береговъ. Теперь обратитесь направо: огромный городъ тонетъ въ златосизомъ вечернемъ туманѣ; за нимъ садится солнце, играя на верхахъ колоколень. — Такъ же восхитителенъ видъ съ высоты, на которой лежитъ Симоновъ Монастырь.

Во внутренности своей, Москва изумила меня неожиданною опрятностью. Во всемъ городѣ не видалъ я ни одного небѣленаго или некрашенаго дома. Въ немногихъ, отдаленныхъ мѣстахъ есть домы ветхіе деревянные. Слѣдовъ пожара нѣтъ почти вовсе. Я былъ по нѣскольку разъ во всѣхъ концахъ города, и

замѣтилъ не болѣе четырехъ или пяти домовъ, недостроенныхъ послѣ сожженія. По всѣмъ улицамъ устроены тротуары кирпичные, слѣдственно неровные и неудобные. Мнѣ сказывали, что недавно нашли въ окрестностяхъ Москвы очень хорошій плитнякъ, и намѣрены употребить оный на тротуары новостроящейся набережной Москвы рѣки. Но превосходнѣйшее украшеніе города составляютъ всенародные фонтаны чистой, здоровой воды, устроенные стараніями нынѣшняго любимаго начальника Москвы, Князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Недостатокъ хорошей воды очень чувствителенъ въ Москвѣ. Нынѣ провели ее чрезъ Мытыщенскій Водопроводъ (устроенный еще при Императрицѣ Екатеринѣ II, на дорогѣ къ Троицкой Лаврѣ), въ огромный водоемъ, помѣщающійся въ Сухаревой Башнѣ, а оттуда въ разныя части города. Польза отъ этого для здоровья жителей, для тушенія пожаровъ и т. п. неисчислима: московскіе жители ежедневно благословляютъ свое начальство за этотъ общеполезный трудъ. Фонтаны устроены трудами инженеръ-генералъ-маіора Яниша.

Частныя зданія въ Москвѣ большею частію не отличаются отъ петербургскихъ, но есть домы оригинальные. Не говорю уже о домѣ Пашкова, который поднимается надъ другими, какъ клѣтка попугая. На Тверской, неподалеку отъ дома генералъ-губернатора, отличается одинъ домъ совершенно венеціанскою архитектурою, съ выступами, балкончиками, и проч. Теперь въ немъ гостиница Европа, а прежде сего,

когда онъ принадлежалъ первому своему владѣльцу, надъ столовою комнатою былъ стеклянный потолокъ, и надъ потолкомъ прозрачный водоемъ, въ которомъ плавали живыя рыбы надъ головами обѣдающихъ. — Неподалеку отъ Никитскихъ Воротъ замѣтилъ я небольшой домъ розоваго цвѣта, съ желтыми ставнями и зеленою крышею, и въ саду его раскрашенныя въ естественную величину статуйки мужичковъ и крестьянокъ, пляшущихъ по-русски. Въ тѣсныхъ переулкахъ попадаются домы огромные и великолѣпные. Но главнѣйшее удобство Москвы есть *просторъ*, позволяющій окружать домы обширными садами. Сады, за недостаткомъ воды, много способствуютъ къ освѣженію воздуха. Всенародныя гульбища прекрасны; объ нихъ поговорю со временемъ.

IV.

Одинъ пріятель мой, прочитавъ второй и третій отрывки изъ замѣтокъ о Москвѣ, сказалъ мнѣ: «Такъ Москва нравится вамъ болѣе, нежели Петербургъ?» — Этого не скажу. Москва имѣетъ свои красоты, свои преимущества, — лучшій климатъ, мѣстоположеніе, виды, гульбища, но и Петербургъ нашъ красуется достоинствами неотъемлемыми. У насъ лѣто коротко, и погода лѣтняя перемѣнчива; но что сравнится съ прелестями петербургской лѣтней ночи, въ Іюнѣ

мѣсяцѣ (напримѣръ, на Малой Невѣ, между Каменнымъ Островомъ и дачею Строганова), когда природа дремлетъ легкимъ, чуткимъ сномъ красавицы, ожидающей прихода своего друга; — когда вечерняя заря непосредственно переливается въ утреннюю, и надъ зеркальною поверхностью широкой, прозрачной рѣки, въ священной тишинѣ, носятся легкіе призраки Оссіановскіе! Прекрасенъ нагорный садъ въ Нескучномъ, а наши невскіе острова? Станьте на такъ называемомъ Бетанкуровскомъ Мосту, ведущемъ съ Аптекарскаго Острова на Каменный; осмотритесь, и скажите, можно ли найти прекраснѣйшую картину, въ рамахъ которой, соединялись бы прелести природы съ чарами образованія и роскоши! Объ искусственныхъ преимуществахъ и говорить нечего. Прямыя, ровныя улицы не представляютъ такихъ картинныхъ видовъ, какъ московскія, но ѣздить по нимъ гораздо удобнѣе. Ходить же въ Москвѣ по улицамъ очень непріятно: выстланные кирпичемъ тротуары неровны и избиты, и при каждыхъ воротахъ вовсе перерываются. У насъ же непрерывный гранитный и плитный тротуаръ составляетъ по всему городу ровную, удобную и сухую дорогу для пѣшеходовъ. — Прямизна улицъ выгодна и для *климатерическихъ* расчетовъ. Я знаю, что въ такомъ-то часу пройду по всей такой-то улицѣ *въ тѣни;* въ Москвѣ это невозможно: улицы виляютъ во всѣхъ направленіяхъ.

Еще велики и незамѣнимы выгоды Петербурга,



какъ города *приморскаго*. Какая картина *искусственнаго* міра можетъ быть прелестнѣе зрѣлища кораблей, которые густымъ лѣсомъ мачтъ осѣняютъ набережную Биржи! Вамъ этого недовольно: вы хотите видѣть *море?* Пойдемте въ Екатерингофъ: это ближе Дѣвичьяго Поля. Вотъ оно, вотъ часть того огромнаго пространства водъ, которое, облекая шаръ земной, не раздѣляетъ, а соединяетъ между собою разныя части суши! Видите ли на краю горизонта трехмачтовый корабль, летящій на всѣхъ парусахъ? А вотъ навстрѣчу ему, такъ же быстро, хотя и противъ вѣтру, идетъ плоскодонное судно, имѣющее, вмѣсто мачты, дымящуюся трубу: это пароходъ — превосходнѣйшее изобрѣтеніе девятнадцатаго вѣка.

А внутри города? Зимній Дворецъ, съ возвышающеюся предъ нимъ единственною на земномъ шарѣ колонною Александра; насупротивъ его зданіе министерствъ военнаго, иностранныхъ дѣлъ и финансовъ — величественное, огромное, стройное и сообразное въ частяхъ своихъ. Вправо отъ дворца зданіе Адмиралтейства, окруженное зеленѣющимъ бульваромъ; насупротивъ его громада великолѣпнѣйшихъ палатъ, разрѣзанныхъ тремя расходящимися улицами, Невскимъ Проспектомъ, Гороховою и Вознесенскою; далѣе рядъ исполинскихъ столповъ Исакіевскаго Собора, манежъ конной гвардіи, выстроенный наподобіе партенона аѳинскаго; за статуею Петра новое зданіе Синода и Сената, раздѣленное аркою, въ которой, какъ

на театральной декораціи, рисуется Галерная Улица, съ флагомъ, развѣвающимся въ концѣ ея, на Новомъ Адмиралтействѣ; далѣе Нева: по лѣвому берегу ея тянется Набережная Англійская, уставленная рядомъ великолѣпнѣйшихъ домовъ; по правому набережная Васильевскаго Острова, гдѣ домы, по уклону рѣки, идутъ уступами, какъ на кулисахъ сцены; гдѣ зданія Академіи Художествъ, Морскаго Корпуса и Горнаго Института прерываютъ *гражданское* равенство этой купеческой части города! Надобно родиться посреди этихъ чудесъ искусства, надобно видѣть ихъ ежедневно, чтобъ смотрѣть на нихъ равнодушно; но стоитъ съѣздить куда нибудь недѣли на двѣ, чтобъ почувствовать все ихъ превосходство.

Москва драгоцѣнна воспоминаніями историческими: но чувство народной гордости, кажется мнѣ, находитъ болѣе пищи въ С. Петербургѣ, памятникѣ новой, просвѣщенной, могущественной Россіи, воздвигнутомъ на землѣ чуждой, пріобрѣтенной и огражденной силою русскаго меча и геніемъ ея Государей.

Безразсудно было бы съ моей стороны произносить рѣшительный судъ о Москвѣ, о нравахъ, обычаяхъ, отмѣнахъ тамошнихъ жителей, послѣ двухнедѣльнаго тамъ пребыванія — притомъ же лѣтомъ, когда половина *благородной* Москвы разлилась по разнымъ сторонамъ. Сообщу немногія отмѣтки изъ записной моей книжки.

Мнѣ понравился въ Москвѣ простой народъ своею смѣтливостью, оригинальностью и учтивствомъ. Заговоривъ съ простымъ человѣкомъ на улицѣ, вы можете быть увѣрены, что онъ будетъ отвѣчать привѣтливо и вѣжливо, будетъ отвѣчать порусски; что вы не услышите грубаго: *эй мойста*. Простаго народу, кажется мнѣ, въ Москвѣ гораздо болѣе, нежели въ Петербургѣ, особенно въ предмѣстіяхъ, — или онъ тамъ болѣе движется по улицамъ. Сидѣльцы въ рядахъ также очень услужливы и учтивы. Роскоши въ нарядахъ замѣтилъ я тамъ гораздо менѣе: здѣсь, въ Петербургѣ, напримѣръ, всякая горничная въ воскресенье и праздникъ щеголяетъ въ *шляпкѣ:* въ Москвѣ молоденькія дѣвицы, одѣтыя опрятно и нарядно, ходятъ въ скромныхъ чепчикахъ. Кстати о дѣвицахъ: въ Москвѣ видѣлъ я обрядъ, неизвѣстный въ Петербургѣ. На другой день по пріѣздѣ моемъ, встрѣтились мнѣ на улицѣ похороны: за розовымъ гробомъ шло множество женщинъ и дѣвицъ въ бѣломъ и цвѣтномъ платьѣ, какъ на какомъ нибудь праздникѣ; никого не было въ траурѣ. На вопросъ мой, что бы это значило, мнѣ отвѣчали, что хоронятъ дѣвицу, и что на погребеніи Христовой невѣсты никогда не носятъ печальной одежды.

Въ Петербургѣ преимуществуетъ тщеславіе чиновное и служебное. Подслушайте мелькомъ разговоры на улицахъ: «досталось въ полковники; произведенъ въ ассессоры безъ аттестата; махнулъ въ начальники отдѣленія, третьей Анны, четвертаго Станислава.»

Въ Москвѣ господствуетъ аристократія патріархальная, фамильная; слышите ли: «женился на племянницѣ Князя Спиридона Матвѣевича; схоронилъ тетушку Акулину Елизаровну; отдаетъ домъ за воспитанницею; старикъ-отъ заупрямился, не умираетъ.» — Услышите ли вы въ Петербургѣ фразу, подобную слѣдующей: «свихнулся было, да потомъ поправился чрезъ женщинъ и *дворовыхъ людей!*» — Однажды, въ театрѣ, спросилъ я у сосѣда моего: «кто этотъ человѣкъ почтеннаго вида въ орденахъ?» — «Какъ? вы его не знаете? Это племянникъ Прасковьи Полуехтовны!» —

Въ Петербургѣ болѣе толкуютъ о политикѣ, о наукахъ, о художествахъ; въ Москвѣ о домоводствѣ, о собакахъ, о лошадяхъ. Меринъ Протекторъ, которому достался первый призъ на скачкѣ 6-го Іюня, леталъ въ Москвѣ съ устъ на уста, какъ Лордъ Бейронъ. Но мнѣ кажется, что въ Москвѣ болѣе хотятъ и болѣе умѣютъ наслаждаться и веселиться, нежели въ Петербургѣ. Здѣсь, напримѣръ, въ театрѣ, большая часть зрителей зѣваетъ, жалуется на скуку, на неимѣніе другихъ забавъ, и какъ будто стыдится находить удовольствіе. Въ Москвѣ тѣшатся отъ души, глазъ не сводятъ со сцены, боятся проронить слово; когда же наскучитъ, уходятъ изъ театра туда, гдѣ повеселѣе. И литературою русскою (впрочемъ, сколько я замѣтилъ) въ Москвѣ занимаются усерднѣе, нежели у насъ. — Москвичи имѣютъ болѣе патріотисма московскаго, болѣе дорожатъ Москвою, не-

жели мы Петербургомъ. У насъ начни бранить Петербургъ, всѣ хоромъ пристанутъ. Въ Москвѣ задѣнь бѣлокаменную, ногъ не унесешь. Иной хвалитъ, хвалитъ Москву, а всегда кончитъ восклицаніемъ: «Ахъ! если бъ удалось опять побывать въ Петербургѣ!»

НЕКРОЛОГИ.

КАРАМЗИНЪ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился въ Симбирской Губерніи, 1-го Декабря 1765 года; воспитывался въ Москвѣ въ домѣ профессора Шадена, а потомъ учился въ тамошнемъ университетѣ. Въ молодости своей служилъ въ гвардіи, и съ 1789 по 1791 годъ путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы. Съ того времени жилъ въ Москвѣ, занимаясь литературою. Въ 1803 году пожалованъ въ Императорскіе исторіографы; въ слѣдующемъ году награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника; въ 1810 получилъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени. Въ 1812 пожалованъ въ коллежскіе совѣтники, а въ 1816, по поднесеніи имъ Государю Императору Александру Павловичу первыхъ осьми томовъ Исторіи Государства Россійскаго, награжденъ чиномъ статскаго совѣтника и орденомъ Св. Анны 1-го класса. Съ того времени поселился онъ въ С. Петербургѣ. Въ 1824

году награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Кончина Государя Благодѣтеля поразила благодарнаго Карамзина жестокимъ ударомъ: онъ впалъ въ изнурительную чахотку. Всѣ старанія врачей, всѣ попеченія родныхъ и друзей, великодушное участіе Государя, пламенныя желанія признательныхъ соотчичей — были тщетны. Покойный, чувствуя постепенное исчезаніе силъ своихъ, пожелалъ отправиться въ теплый климатъ Италіи, и надѣялся, на благословенныхъ берегахъ Арно, возстановить свое здоровье. Государь Императоръ, узнавъ о томъ, всемилостивѣйше пожаловалъ ему на дорогу 50 т. рублей, и повелѣлъ, для отправленія его, снарядить фрегатъ, Елену, подъ командою капитана Епанчина. Но Карамзинъ не могъ уже симъ воспользоваться: извѣстіе о кончинѣ Императрицы Елисаветы Алексѣевны погрузило его въ новую скорбь, отъ которой увеличились болѣзненные его припадки. Полученный имъ въ послѣдніе дни жизни знакъ Монаршей милости, успокоившей его въ разсужденіи будущей участи нѣжно любимаго имъ семейства, возбудилъ потухавшую въ немъ искру жизни, но не надолго. Въ четвертокъ, 20-го числа утромъ, онъ еще говорилъ объ Италіи, но вскорѣ впалъ въ совершенное разслабленіе и безпамятство, и тихо скончался 22-го Мая (1826), во второмъ часу по полудни, на рукахъ родныхъ и друзей своихъ....

Карамзинъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ, началъ упражняться въ отечественной словесности, и все

время, которое другіе употребляютъ на пріобрѣтеніе чиновъ или богатства, посвятилъ благороднымъ занятіямъ науками и литературою. Но исключительныя занятія эти не лишили его наградъ и выгодъ, сопряженныхъ съ дѣйствительною службою. Правосудные и великодушные Государи награждали его труды и заслуги самымъ отличнымъ образомъ: онъ былъ одинъ изъ первыхъ, получившихъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени въ чинѣ надворнаго совѣтника; онъ *одинъ* въ Россіи имѣлъ орденъ Св. Анны 1-го класса въ чинѣ статскаго совѣтника, и получилъ оный вмѣстѣ съ симъ чиномъ. Всѣмъ извѣстна послѣдняя, истинно царская награда, которой онъ удостоился; извѣстно и то, какую сугубую цѣну получила, въ глазахъ его и всѣхъ благомыслящихъ людей, сія награда отъ выраженій, коими благолюбивый Монархъ извѣстилъ объ оной самого Карамзина.

Первые переводы Карамзина помѣщены были въ журналѣ *Дѣтское Чтеніе*. Онъ издалъ въ Москвѣ: 1) *Московскій Журналъ*, 8 томовъ, 1792 и 1793. 2) *Аглая*, 2 книжки, 1794. 3) *Аониды*, или собраніе разныхъ стихотвореній, 3 части (1797, 1798 и 1799 г.). 4) *Пантеонъ иностранной словесности*, 3 книжки, 1798. 5) *Вѣстникъ Европы*, журналъ политическій и литературный, 12 частей, 1802 и 1803 годовъ. — Сочиненія свои, напечатанныя въ Московскомъ Журналѣ, издалъ онъ особо, въ 1794 году, подъ названіемъ: *Мои бездѣлки*. Въ 1804 г. напечатано въ Москвѣ полное собраніе его сочиненій

(въ 1815 г. вторымъ, въ 1820 третьимъ тисненіемъ, въ девяти томахъ). Въ немъ заключаются: 1) *Стихотворенія*, бо́льшею частію лирическія. 2) *Письма Русскаго Путешественника*, 4 тома. 3) Повѣсти: *Бѣдная Лиза, Прекрасная царевна и счастливый карла, Юлія, Дремучій лѣсъ, Наталья, боярская дочь, Сіерра-Морена, Островъ Борнгольмъ* и *Марѳа Посадница, или покореніе Новагорода.* 4) *Историческое похвальное слово Екатеринѣ II.* 5) *Разговоръ о счастіи.* 6) *О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ.* 7) Историческіе отрывки: *О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича; Пантеонъ россійскихъ авторовъ; Русская старина; Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ.* 8) *Рѣчь, произнесенная въ собраніи Россійской Академіи*, и проч. Сверхъ того напечатаны въ семъ собраніи мелкія прозаическія статьи разнаго содержанія, помѣщенныя въ издаванныхъ имъ журналахъ. Изъ переводовъ напечатаны въ тѣхъ же журналахъ и особо: *Повѣсти Мармонтеля* (М. 1794 и 1815), *Повѣсти госпожи Жанлисъ* (М. 1816), и еще *Повѣсти разныхъ сочинителей* (М. 1816). Но важнѣйшее твореніе, которому онъ посвящалъ съ 1803 года до кончины своей, въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, всѣ свои труды, есть: *Исторія Государства Россійскаго*, 8 томовъ, напечатанная въ Санктпетербургѣ 1816—18 годовъ, вторымъ тисненіемъ, тамъ же, 1819—20 годовъ; девятый томъ 1821; десятый и одиннадцатый 1823 г.

Карамзинъ занимался, въ теченіе двухъ лѣтъ, сочиненіемъ двѣнадцатаго тома, заключающагося восшествіемъ на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича: не знаемъ, конченъ ли этотъ трудъ совершенно. Твореніе его переведено на французскій, нѣмецкій и италіянскій языки.

Исторія Государства Россійскаго есть одно изъ важнѣйшихъ твореній на русскомъ языкѣ, по предмету, изложенію и слогу. Карамзинъ воздвигъ онымъ незыблемый памятникъ героямъ и подвигамъ древности русской, и своему трудолюбію, уму и талантамъ. Но если онъ, въ званіи историка, достоинъ хвалы и благодарности соотчичей и потомства, то не менѣе, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ славы въ качествѣ литератора и прозаика. Карамзинъ сотворилъ новую, правильную, чистую, легкую, благородную русскую прозу. Произведенія его, казавшіяся легкими, потому что нашли многихъ подражателей, и въ томъ числѣ мало удачныхъ, сначала возбудили противорѣчіе въ литераторахъ, привыкшихъ къ прозѣ Ломоносова и его современниковъ; но въ послѣдствіе времени общій голосъ истинно просвѣщенной публики призналъ, что слогъ Карамзина не есть прихотливое подражаніе иностраннымъ примѣрамъ, а основанъ на глубокомъ познаніи свойствъ русскаго языка, очищенъ благороднымъ вкусомъ и утвержденъ на правилахъ всеобщей грамматики. Въ первыхъ его сочиненіяхъ, особенно въ Письмахъ Русскаго Путешественника, встрѣчались иностранныя слова; но слогъ послѣдовавшихъ его

твореній, преимущественно Россійской Исторіи, может назваться образцовымъ. Не смѣемъ утверждать, что Карамзинъ достигъ уже послѣдней степени совершенства: языкъ нашъ еще можетъ обогатиться выраженіями и формами, пріобрѣсть бо́льшую правильность, возвыситься надъ нынѣшнею своею степенью; но имя и труды Карамзина будутъ сіять въ потомствѣ подлѣ именъ Кантемира и Ломоносова. Сочиненія Карамзина дѣйствовали примѣтно на его современниковъ: пріохотивъ и женскій полъ въ Россіи къ занятіямъ отечественною словесностію, они предуготовили образованіе вкуса въ возрастающемъ поколѣніи. Рѣшительно можемъ сказать, что легкостію, ясностію и правильностію русской прозы въ нынѣшнее время, обязаны мы трудамъ Карамзина. Нельзя исчислить благодѣтельныхъ послѣдствій, проистекающихъ въ общежитіи и литературѣ отъ трудовъ *одного* образцоваго писателя: умъ и вкусъ его проницаютъ повсюду — и въ кабинетъ ученаго, и въ будуаръ модной женщины, и въ палатку воина, и въ палату судейскую: читая произведенія хорошаго автора, иногда внутренно досадуя на непривычную новизну, иногда и явно возставая на то, чего не было прежде, люди мало по малу привыкаютъ къ лучшему, нечувствительно увлекаются силою ума и изящества, и невольно становятся его послѣдователями и подражателями, сами того не примѣчая. — Стихотворенія Карамзина суть выраженіе *мыслей* умнаго человѣка, облеченное въ форму поэзіи нѣжной и привлекательной.

Творенія Карамзина, въ которыхъ отсвѣчивались необыкновенный умъ, чистый вкусъ, ясная душа и доброе сердце, доставили ему множество друзей и чтителей во всей русской публикѣ. Нѣтъ уголка въ Россіи, гдѣ бы, въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ, не читали Карамзина, не восхищались его трудами, не любили заочно автора. Нѣкоторые писатели, издали восхищающіе публику, въ личномъ обхожденіи разочаровываютъ своихъ читателей; съ Карамзинымъ было противное: личное съ нимъ знакомство увеличивало и укрѣпляло почтеніе и любовь, внушаемыя его произведеніями. «Въ слогѣ заключается весь человѣкъ *),» говоритъ Бюффонъ. Это въ точности можно было отнести къ Карамзину. Основательность, спокойствіе, ясность, чистота, правильность, благоразумная бережливость, гармонія его слога — видны были въ его дѣлахъ и обращеніи; но качества эти получали новый блескъ и неотъемлемую прелесть отъ нѣжности сердца, отъ душевной теплоты, кроткой сострадательности и трогательнаго человѣколюбія, коими оживлялись всѣ его помышленія, слова и поступки. Онъ былъ вѣрный другъ, нѣжный супругъ, чадолюбивый отецъ; находилъ услажденіе въ пособіи и благотвореніи ближнимъ (сколько облагодѣтельствованныхъ имъ орошаютъ горячими слезами его могилу!); чувствуя свое достоинство, былъ скроменъ и невзыскателенъ, не зналъ недоброжелательности, за-

*) Le style est tout l'homme.

висти и мщенія; былъ благочестивъ и прибѣженъ къ Богу; пламенно любилъ Россію и добрыхъ своихъ Государей — былъ человѣкъ великій и добродѣтельный во всемъ значеніи этихъ словъ.

И уже нѣтъ его! И мы сокрыли смертные останки нашего Карамзина въ хладную землю! — Горестныя помышленія толпились въ душѣ моей, когда опускали прахъ его въ могилу: я слѣдовалъ глазами за гробомъ, желая еще нѣсколько мгновеній наслаждаться мыслію, что онъ посреди насъ, и съ умиленнымъ сердцемъ прочиталъ божественныя слова, начертанныя на крышѣ гроба: *Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ!*

ШУБЕРТЪ.

Өедоръ Ивановичъ Шубертъ (Friedrich Theodor Schubert) родился въ Гельмштедтѣ $^{30}/_{19}$ Октября 1758 года. Отецъ его, вскорѣ послѣ того, переселился въ Грейфсвальдъ (въ Помераніи), и тамъ началось ученіе сына, сперва въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ этого города. Съ 1776 по 1779 годъ, учился онъ въ Геттингенѣ восточнымъ языкамъ и богословію; въ 1779 совершилъ путешествіе въ Швецію, а съ 1780 по 1783 занимался окончательнымъ образованіемъ молодыхъ людей. Для преподаванія питомцамъ своимъ высшей математики, нашелся онъ принужденнымъ повторить немногіе уроки, полученные имъ въ юности по этой части, и безъ наставника, собственнымъ изученіемъ и наблюденіемъ пойти далѣе. Вскорѣ онъ полюбилъ эту науку, и совершенно посвятилъ себя занятіямъ математикою, въ которой оказалъ въ послѣдствіи столь блистательные успѣхи. Въ 1783

году переселился онъ въ Ревель, и былъ опредѣленъ ревизоромъ Гапсальскаго Уѣзда; притомъ занимался онъ обученіемъ молодыхъ лифляндскихъ дворянъ, готовившихся вступить въ военную службу. — Въ 1785 году опредѣленъ онъ былъ въ географы при Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ: первымъ дѣломъ его, по пріѣздѣ въ столицу, было устроеніе большаго готторпскаго глобуса, который былъ поврежденъ пожаромъ. — Въ 1786 году произведенъ онъ въ адъюнкты математическаго класса; съ этимъ вмѣстѣ сдѣлался онъ членомъ конференціи академіи, и занималъ это мѣсто 39 лѣтъ, до своей кончины. Въ 1789 году, произведенъ онъ въ настоящіе академики. Въ 1791, занялся сочиненіемъ *Теоретической Астрономіи*, которая напечатана на нѣмецкомъ языкѣ въ 1798 году. — Въ 1799, произведенъ въ коллежскіе совѣтники. — Въ 1800, поручена ему должность библіотекаря и смотрителя минцъ-кабинета академіи.— Съ 1803 года, преподавалъ онъ офицерамъ генеральнаго штаба лекціи въ практической астрономіи: изданное имъ для этой цѣли, на нѣмецкомъ языкѣ, *Руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ, служащимъ къ опредѣленію долготы и широты мѣстъ*, переведенное на русскій языкъ академикомъ С. Я. Румовскимъ, печатано съ 1803 года нѣсколько разъ въ подлинникѣ и въ переводѣ. — Въ 1804 году произведенъ онъ въ статскіе совѣтники. — Въ 1805, отправился при посольствѣ въ Китай, но, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, возвратился уже изъ Ир-

кутска. Въ 1813 году принятъ въ почетные члены Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента. — Въ 1819, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. — Въ продолженіе службы своей награжденъ онъ былъ орденами Св. Владиміра, сперва 4-й, потомъ 3-й степени, и Св. Анны 2-го класса, съ алмазными украшеніями. — Въ 1819 году сложилъ онъ съ себя должность библіотекаря академіи, чтобъ заняться исключительно вторымъ изданіемъ своей Теоретической Астрономіи. По желанію многихъ ученыхъ, особенно же друга его, Лапласа, который жаловался, что не можетъ пользоваться нѣмецкими книгами, это второе изданіе (напечатанное въ трехъ томахъ въ 4, въ 1822 г.) написано имъ на французскомъ языкѣ. — Съ 1788 года издавалъ онъ ежегодно ординарный *Санктпетербургскій Мѣсяцословъ*, а съ 1810 занимался редакціею Нѣмецкихъ *Академическихъ Вѣдомостей*, которыя, выборомъ предметовъ, полнотою, расположеніемъ и слогомъ, не уступаютъ ни какой другой официяльной газетѣ въ Европѣ. — Съ 1808 по 1818 годъ, издавалъ онъ на нѣмецкомъ языкѣ *Санктпетербургскій Карманный Мѣсяцословъ*, (St. Petersburgischer Taschen-Kalender), отличавшійся учеными, умными и пріятными статьями отъ всѣхъ альманаховъ Германіи и Франціи. (Этотъ мѣсяцословъ выходилъ съ 1812 по 1818 годъ и на русскомъ языкѣ, въ переводѣ покойнаго академика А. Ѳ. Севастьянова). — Многія ученыя статьи Шуберта помѣщаемы были въ Актахъ Академіи и въ иностран-

ныхъ ученыхъ журналахъ. — Сверхъ помянутой Теоретической Астрономіи, издалъ онъ въ 1803 году, на нѣмецкомъ языкѣ, въ трехъ томахъ *Общепонятную Астрономію* (Populäre Astronomie), и въ этомъ твореніи рѣшилъ трудную задачу: изложить точно, ясно и съ надлежащими доказательствами, чудесную систему мірозданія, безъ высшихъ математическихъ выкладокъ, приступныхъ однимъ ученымъ. Переводомъ этой книги на русскій языкъ, можно бъ было оказать великую услугу любителямъ наукъ въ отечествѣ нашемъ. Одинъ другъ и чтитель покойнаго сообщилъ намъ мнѣніе свое о этомъ трудѣ Шуберта въ слѣдующихъ словахъ: «Желая почтить память Сократа, древніе говорили, что онъ своими уроками нравственности низводилъ философію своего времени съ неба на землю: такимъ же образомъ, въ память Шуберта можно сказать, что онъ, общепонятными уроками о мірозданіи, знакомя людей съ таинствами и чудесами вселенной, достойнымъ образомъ возвѣщалъ на земли славу Божію, и хвалою Творца въ дѣлахъ видимаго міра, побуждалъ людей къ созерцанію столь же чудеснаго и непостижимаго промысла Божія въ дѣлахъ міра духовнаго.» — Года за три предъ симъ, рѣшился онъ, по неоднократнымъ убѣжденіямъ друзей своихъ, издать въ Германіи *разныя сочиненія* свои о предметахъ астрономіи, физики и другихъ наукъ, нравственности, общежитія и пр., помѣщенныя отчасти въ его Карманномъ Мѣсяцословѣ, который не былъ весьма извѣстенъ за границею. Двѣ вышедшія понынѣ

части этихъ сочиненій (Vermischte Schriften) возбудили общее вниманіе и единогласную хвалу всего ученаго и литературнаго германскаго свѣта. (Нѣкоторыя статьи изъ нихъ: *О скорости*, *О смыслѣ животныхъ*, *Исторія зеркалъ* и пр. напечатаны въ Вѣстникѣ Европы.) Шубертъ находился въ безпрерывной перепискѣ съ первостепенными учеными Европы и Америки. Академіи Стокгольмская, Копенгагенская, Бостонская и многія другія ученыя общества сдѣлали его участникомъ въ трудахъ своихъ. — Онъ сохранилъ дѣятельность, бодрость и присутствіе духа до самой своей кончины. 2-го Октября (1825) заболѣлъ онъ желчною горячкою, которая вскорѣ превратилась въ нервическую. Друзья и родственники не видѣли опасности; самъ онъ жаловался только на то, что скучаетъ въ постели, не имѣя возможности попрежнему заниматься дѣломъ, и просилъ ихъ развлекать бездѣйствіе его своею бесѣдою. Въ четвертокъ, 8-го Октября, онъ занимался еще редакціею академическихъ газетъ: не могъ самъ держать въ рукахъ корректуры, но замѣтилъ нѣсколько негладкостей въ слогѣ. Вдругъ болѣзнь усилилась, и въ ночи съ 9-го на 10-е Октября прекратила жизнь, драгоцѣнную для наукъ, безцѣнную для его друзей, родственниковъ и чтителей. — Тѣло его предано землѣ 15-го Октября на Смоленскомъ Иновѣрческомъ Кладбищѣ. Сынъ, достойный отца, пятеро дочерей, пятеро внучатъ и многіе друзья покойнаго, въ безмолвномъ унынiи, проводили бренные останки въ жилище вѣчнаго покоя.

Духъ, парившій въ тѣсной храминѣ къ Вѣчному Началу, постигавшій законы чудеснаго мірозданія, и толковавшій намъ таинства величія и мудрости Всевышняго, вознесся къ Источнику Свѣта, и возрожденіемъ своимъ довершилъ начатое на земли.

Мы желали бы оцѣнить и прилично восхвалить достоинства и заслуги сего великаго мужа, но для этого надлежитъ быть посвященнымъ въ глубокія тайны науки, имъ изученной, объясненной и распространенной. Этотъ трудъ принадлежитъ достойнымъ его сотоварищамъ. Академія Наукъ возвѣстила о своей потерѣ слѣдующими словами: «Кончина его есть невоз-«вратимая потеря для академіи и для наукъ, особенно «для умозрительной астрономіи, которой онъ бо-«лѣе тридцати лѣтъ преимущественно посвящалъ «свои великія душевныя силы, и которую обога-«тилъ онъ классическими твореніями, пріобрѣвшими «уваженіе отъ астрономовъ всѣхъ просвѣщенныхъ «націй. Высшая аналитика также обязана ему раз-«ными остроумными рѣшеніями многихъ трудныхъ «задачъ.»

Не одна математика была предметомъ его занятій: онъ имѣлъ глубокія познанія во всѣхъ частяхъ наукъ естественныхъ; зналъ основательно языки восточные, греческій и латинскій; по-французски и по-англійски говорилъ и писалъ, какъ на природномъ языкѣ, а по знанію и искусству въ языкѣ нѣмецкомъ равнялся съ классическими писателями Германіи. Онъ опровергъ, примѣромъ своимъ, мнѣніе, будто занятія ма-

тематикою сушатъ и охлаждаютъ душу: этотъ глубокомысленный мужъ былъ и великій поэтъ. Толкуя, объясняя и доказывая законы, по коимъ движутся свѣтила небесныя, онъ мыслію возносилъ читателей и слушателей своихъ надъ мертвою буквою, въ страны вѣчнаго свѣта и безконечной мудрости; въ устроеніи міра видѣлъ не механическую, ломкую машину, а стройное цѣлое, движущееся по манію Всевышняго. Находя во всѣхъ частяхъ безпредѣльнаго міра чудесную гармонію, онъ былъ любитель и земной гармоніи. Музыка составляла отдохновеніе и услажденіе его души послѣ занятій умственныхъ. За мѣсяцъ до кончины своей сказалъ онъ сочинителю этихъ строкъ: «музыка есть единственная страсть, которая во мнѣ еще осталась!»

Нравственный характеръ его составляли неутомимое трудолюбіе, примѣрная честность, любовь къ истинѣ, ненависть ко всякому пороку, къ лести, неправдѣ и коварству. Привыкнувъ искать истины и провозглашать ее въ наукахъ, онъ и въ общежитіи былъ прямодушенъ, откровененъ и неуклончивъ. Бесѣда его была бесѣда мудраго. Въ большомъ обществѣ сохранялъ онъ нѣкоторую важность, но въ тѣсномъ, пріятельскомъ кругу людей, умѣвшихъ его понимать и чувствовать, открывалъ всѣ богатства души своей — ученость, глубокомысліе, необыкновенное остроуміе и любовь ко всему изящному. И наружностью былъ онъ человѣкъ необыкновенный: стройный, высокій ростъ, твердая поступь, возвышенное

чело, носъ орлиный, быстрый взглядъ, умная усмѣшка — все показывало въ немъ высокую душу, проницательный умъ, сильное чувство и твердый характеръ.

Память его останется въ уваженіи, доколѣ науки, таланты и добродѣтель будутъ имѣть чтителей въ этомъ мірѣ.

ѲЕДОРОВЪ.

Коллежскій совѣтникъ *Николай Ильичъ Ѳедоровъ* родился въ 1790 году въ Уфѣ, гдѣ родитель его находился на службѣ. Онъ воспитывался и обучался дома. Въ 1811 году явился въ Казанскій Университетъ, и выдержалъ отличный экзаменъ по словеснымъ наукамъ и правовѣдѣнію. Сперва записанъ онъ былъ, въ 1802 г., въ службу въ нижнихъ присутственныхъ мѣстахъ Оренбургской Губерніи; въ началѣ 1812 года пріѣхалъ въ Санктпетербургъ, и опредѣлился въ Экспедицію о Государственныхъ Доходахъ, что нынѣ Департаментъ Государственнаго Казначейства. Занятія науками и словесностію, прилежное чтеніе хорошихъ авторовъ, и знакомство съ отличными литераторами (онъ былъ другомъ поэта Милонова, и долгое время жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ) родили и питали въ немъ любовь къ литературѣ. Онъ перевелъ очень удачно нѣсколько одъ

Горацiя (одна напечатана въ Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ 1812 г.), писалъ остроумныя критики (печатанныя тамъ же), басни и т. п. Санктпетербургское Вольное Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ приняло его тогда же въ число своихъ членовъ, также и Казанское Общество Любителей Отечественной Словесности, вскорѣ по его учрежденiи.—Ѳедоровъ, и въ жизни и въ литературѣ, имѣлъ наклонность преслѣдовать пороки, низость, любостяжанiе; но вскорѣ предѣлы словесности сдѣлались для него тѣсны: онъ сталъ искать поприща обширнѣйшаго. Въ 1815 году, въ чинѣ коллежскаго ассессора, оставилъ онъ службу по счетной части, и поступилъ столоначальникомъ въ Департаментъ Министра Юстицiи: здѣсь открылось его дѣятельности, его страсти къ добру и къ правосудiю, его ненависти къ злу и къ притѣсненiямъ — обширное поле. Оставивъ прiятныя занятiя словесностiю, онъ посвятилъ себя совершенно службѣ, и умѣлъ снискать довѣренность, благосклонность и уваженiе своего начальства. Въ непродолжительномъ времени получилъ онъ орденъ Св. Владимiра 4-й степени, и въ 1818 году управлялъ учрежденнымъ при департаментѣ отдѣленiемъ для частныхъ просьбъ, на правѣ и съ отвѣтственностью экспедитора. Неутомимые труды изнурили его здоровье: онъ искалъ мѣста въ благопрiятнѣйшемъ климатѣ, и въ концѣ 1818 года опредѣленъ былъ въ Симбирскую Губернiю губернскимъ прокуроромъ; за отличную тамъ службу получилъ чинъ надворнаго

совѣтника и орденъ Св. Анны 2-й степени. Въ 1822 году, по желанію и приглашенію начальства, переведенъ былъ вновь въ Санктпетербургъ, экспедиторомъ въ Департаментъ Министра Юстиціи, а въ 1823, по Высочайшему указу, опредѣленъ начальникомъ суднаго отдѣленія Департамента Государственныхъ Имуществъ. Въ этомъ важномъ мѣстѣ, коему подвѣдомы всѣ иски и тяжбы о казенномъ имуществѣ во всемъ государствѣ, успѣлъ онъ оказать свою дѣятельность, правдолюбіе, честность и безкорыстіе. Въ Іюнѣ 1824 года опредѣленъ онъ былъ, сверхъ этой должности, юрисконсультомъ въ Правленіе Государственнаго Заемнаго Банка; въ Ноябрѣ, по Высочайшему указу, пожалованъ въ коллежскіе совѣтники. Безпрерывные труды по должности наконецъ совершенно разстроили слабое его отъ природы сложеніе: въ началѣ 1825 года впалъ онъ въ неизлечимую чахотку, и скончался 7 Марта. — Ѳедоровъ имѣлъ основательныя познанія въ Правахъ, усовершенствованныя собственнымъ размышленіемъ и опытностью. Онъ занимался правовѣдѣніемъ, какъ поэтъ стихотворствомъ, а историкъ бытіями народными, съ охотою и любовію, можно сказать, со страстію. Но познанія эти не оставались у него въ одной теоріи: онъ самъ строжайшимъ образомъ исполнялъ на дѣлѣ трудныя обязанности юриста, умѣющаго сочетать пользу казны съ неприкосновенностію правъ частныхъ людей—и память его останется равно драгоцѣнною какъ для начальства, умѣвшаго цѣнить за-

слуги и достоинства, такъ и для особъ, коихъ дѣла были на его рукахъ. Имѣемъ ли надобность говорить послѣ этого, что онъ, въ продолженіе всей службы своей, жилъ однимъ жалованьемъ, и неутѣшной, достойной его супругѣ и трехлѣтнему сыну своему оставилъ въ наслѣдство одну память своихъ талантовъ, честности, пламенной любви къ благу человѣчества и безпредѣльнаго усердія къ службѣ? Наслѣдство завидное и неотъемлемое!

Въ кругу друзей, оплакивающихъ нынѣ рановременную его кончину, былъ онъ веселъ, откровененъ, шутливъ, искусно замѣчалъ въ людяхъ странности и смѣшныя стороны, но всегда былъ добръ, терпѣливъ, кротокъ и снисходителенъ: одни пороки находили въ немъ явнаго, непримиримаго врага.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

и

ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

въ 1814 году *).

Приступая къ обозрѣнію произведеній Русской Словесности 1814 года, считаю неизлишнимъ изложить въ началѣ нѣкоторыя мысли о существѣ и важности литературы въ просвѣщенномъ государствѣ, о пособіяхъ, которыя она имѣетъ въ нашемъ отечествѣ, и объ успѣхахъ ея въ продолженіе минувшаго и нынѣшняго столѣтій.

Народы, или многочисленныя семейства людей, имѣющихъ одно происхожденіе, обитающихъ въ од-

*) Читано въ торжественномъ собраніи Императорской Публичной Библіотеки, 2-го Января 1815 года.



ной землѣ, и говорящихъ однимъ языкомъ, различествуютъ между собою, какъ одинъ человѣкъ отличается отъ другаго. Каждое изъ этихъ семействъ, подобно каждому человѣку, имѣетъ свой характеръ, свой образъ чувствованія и наблюденія, и особенныя качества, которыя отличаютъ его отъ другихъ, какъ бы впрочемъ ни было велико разнообразіе нераздѣльныхъ или людей, составляющихъ эти семейства. Отъ этого характера и этихъ особенныхъ умственныхъ качествъ народа, происходятъ его обычаи, мнѣнія и вкусъ. Эти отличительныя свойства всякаго народа являются преимущественно въ его исторіи и литературѣ, точно такъ, какъ характеръ человѣка является въ его дѣлахъ и мысляхъ. Въ общежитіи, для узнанія свойствъ человѣка, должны мы пріобрѣсть понятіе о его дѣлахъ и мысляхъ, а въ отношеніи къ народамъ, должны сначала отвѣчать на вопросы: какія происшествія и подвиги ознаменовали его исторію? въ какомъ состояніи находится его литература?— и потомъ уже произнести мнѣніе о его свойствахъ, добродѣтеляхъ и недостаткахъ.

Исторія народа, безъ сомнѣнія, важнѣе его литературы: ибо всякой народъ имѣетъ исторію, а литературу находимъ у однѣхъ націй просвѣщенныхъ. Такъ и всякій человѣкъ извѣстенъ *дѣлами*, но *мыслями*, своими, незаимствованными отличается только человѣкъ образованный.

Народы, уподобляющіеся разнообразіемъ характеровъ нераздѣльнымъ частямъ своимъ, людямъ, и въ

жизни, и въ цвѣтѣ, въ увяданіи и кончинѣ, имѣютъ съ ними великое сходство. Молодой человѣкъ дѣйствуетъ и чувствуетъ прежде нежели мыслитъ: такъ и народъ прежде возвѣщаетъ о бытіи своемъ дѣлами и чувствованіями, нежели мыслями. Человѣкъ, образованный воспитаніемъ, наученный опытомъ, приходя въ зрѣлый возрастъ, излагаетъ свои мысли; на закатѣ же дней своихъ живетъ воспоминаніями и послѣдствіями опытовъ, живетъ тѣмъ долѣе, чѣмъ рачительнѣе сберегалъ и образовалъ душевныя и тѣлесныя свои способности. Юношествующій народъ быстро стремится по предлежащему ему поприщу; встрѣчая препятствія, усугубляетъ силы и превозмогаетъ преграды; приходя въ зрѣлость, производитъ писателей, сначала поэтовъ, потомъ витій, историковъ и философовъ, утверждаетъ бытіе свое на незыблемомъ основаніи истиннаго народнаго богатства: благочестія, добродѣтелей и просвѣщенія; благоденствуетъ и творитъ счастіе сосѣдей своихъ, старѣется посреди новыхъ, возрастающихъ поколѣній, заимствующихъ его просвѣщеніе и опытность, и преходитъ череду свою въ мірѣ, оставляя на нелицепріятныхъ скрижаляхъ исторіи память своихъ подвиговъ, заслугъ и добродѣтелей.—Вотъ исторія всякаго народа, истинно просвѣщеннаго, — но сколько народовъ до сего времени заслужили имя это въ точномъ смыслѣ?—Одни, обремененные игомъ рабства, влачатъ все бытіе свое для услугъ сильнѣйшему, не знаютъ ни подвиговъ, ни мыслей — и только въ унылыхъ элегіяхъ поютъ

свои горести и наслажденія природою, которыхъ ни какая власть отнять не можетъ! Эти народы не имѣютъ собственной исторіи и литературы. Таковы природные жители Америки, таковы Негры въ колоніяхъ Европейцевъ, и — страшно вымолвить! — таковыми стали нынѣ Греки, учители наши, старшій изъ народовъ Европы — подъ игомъ иновѣрцевъ и варваровъ. — Другіе народы ознаменовали начало бытія своего громкими подвигами, но, не утвержденные нравственностію и религіею, на которыхъ основываются истинная любовь къ отечеству и истинное просвѣщеніе, исчезли съ лица земли. Гунны, Вандалы и всѣ тмочисленныя полчища, потрясшія юношескою силою своею ветхую Имперію Римскую, пали отъ недостатка истиннаго внутренняго могущества: религіи, нравственности, любви къ отечеству и просвѣщенія. Эти народы имѣютъ исторію, но не знаютъ литературы: они подобны сильному, но не образованному, необузданному человѣку, который, не умѣя употреблять физическихъ силъ своихъ, падаетъ подъ ударами слабѣйшаго, но просвѣщеннаго наблюденіемъ и опытомъ. — Другіе народы, подобно древнимъ Финикіянамъ и нынѣшнимъ Голландцамъ, бѣдные, малочисленные, жившіе на тѣсномъ, каменистомъ берегу, обогатились всѣми сокровищами природы и искусства, ибо имѣли средства развить умственныя свои собственности. Мы видимъ государства, которыя, послѣ долговременныхъ періодовъ величія и силы, не утративъ богатства своего, не бывъ стѣснены границами,

впали въ бѣдность и безсиліе, потому что обитатели ихъ лишены были свободы мыслить, а съ нею и способности дѣйствовать; видимъ другія земли, которыя изъ слабыхъ и бѣдныхъ вознеслись на отличную степень силы и богатства, потому что эти оковы спали съ ихъ подданныхъ; видимъ небольшіе народы, которые противились и становились страшными сильнѣйшимъ государствамъ, даже покоряли ихъ, потому что были единодушны въ чувствованіяхъ, мысляхъ и дѣлахъ своихъ, и наконецъ видимъ многочисленные народы, содѣлавшіеся легкою добычею дерзкаго завоевателя, потому что не имѣли единства въ чувствованіяхъ, мысляхъ, слѣдственно и въ дѣлахъ. Еще есть народы, которые имѣютъ блистательную исторію, обширную литературу, но не могутъ и не должны служить образцами другимъ. Дѣла и мысли ихъ не основаны на твердомъ камени вѣры, правды и благоразумія: тщеславіе и безпокойное стремленіе къ новости ими управляютъ. Исторія ихъ есть безпрерывный рядъ бореній и перемѣнъ. Литература ихъ есть плодъ ума, а не сердца, плодъ ума быстраго, проницательнаго, смѣлаго, но холоднаго, вреднаго, не утвержденнаго на правилахъ нравственности и религіи. Такой народъ, подобно Алкивіаду между Аѳинянами, блеститъ нѣкоторое время, какъ яркій метеоръ; потомъ впадаетъ въ разслабленіе тѣлесное и душевное; притупляясь умомъ, не имѣетъ средства вознаградить его чувствомъ, и умираетъ, оставляя воспоминаніе о своихъ отличныхъ качествахъ, и сожалѣ-

ніе, что они въ самомъ началѣ не были направлены къ доброй цѣли.

Эти немногіе примѣры, извлеченные изъ наблюденій исторіи, свидѣтельствуютъ, что народы сильны и велики не числомъ своимъ, не произведеніями земли, а вѣрою, добродѣтелію и просвѣщеніемъ, единствомъ чувствованій и помышленій; что воспитаніе народное есть одна изъ священнѣйшихъ обязанностей правительства; что оно даетъ народу истинное его достоинство, замѣняетъ число, вознаграждаетъ недостатки, обуздываетъ бурные порывы юношеской силы, и усугубляетъ его способности и средства, когда онъ начнетъ приближаться къ старости. Въ чувствованіи силы и крѣпости юныхъ лѣтъ народъ непросвѣщенный можетъ совершить великія дѣла, но если сила и крѣпость эта не утверждены опытностію и образованіемъ, по приближеніи лѣтъ зрѣлыхъ наступаетъ слабость, тѣмъ болѣе примѣтная и вредная, чѣмъ сильнѣе были порывы первыхъ лѣтъ.

Русскій народъ подобенъ юношѣ, получившему въ наслѣдіе отъ отцевъ своихъ начала всѣхъ добродѣтелей—вѣру, вѣрность и любовь къ отечеству. Онъ заимствовалъ образованіе ума у иноплеменныхъ наставниковъ; скоро перенялъ полезное, и, въ полномъ чувствѣ силы своей, превзошелъ своихъ учителей *дѣлами:* хитрости противопоставилъ правду, коварству—вѣрность, нечестію—вѣру, и утвердилъ бытіе свое навсегда. За напряженіемъ силъ слѣдуетъ усталость, въ юношескихъ лѣтахъ непримѣтная, скоро-

преходящая. Народъ опять почувствуетъ стремленіе къ подвигамъ и трудамъ. Гдѣ найти ему удовлетвореніе? Въ дѣлахъ мирныхъ, въ подвигахъ гражданскихъ, въ наукахъ, художествахъ, словесности; въ приготовленіи запаса къ тому времени, когда, не имѣя болѣе силы юношеской, тѣлесной, долженъ онъ будетъ превосходить другихъ качествами ума и сердца! — Для этого должно наблюдать ходъ его литературы, способствовать ея успѣхамъ, замѣчать встрѣчающіяся ей препятствія, и отвращать ихъ, усматривать уклоненія народнаго образа мыслей съ пути истины и добродѣтели, и стараться о направленіи его вновь на этотъ путь, но безъ всякаго принужденія и стѣсненія, которыя производятъ дѣйствія, совершенно противныя предполагаемымъ. Вотъ воспитаніе народное; вотъ истинныя средства обезпечить бытіе, цѣлость и силу государства на столѣтія!

Великій Государь нашъ въ полной мѣрѣ чувствуетъ истину этихъ наблюденій. Пожиная одною рукою лавры войны и славы, онъ насаждаетъ другою древа, приносящія благодѣтельные плоды просвѣщенія и нравственности. Исторія явила Россіянъ народомъ великимъ, сильнымъ, могущественнымъ, горящимъ любовію къ отечеству и вѣрою въ Бога; — Александръ довершилъ начатое Петромъ и Екатериною. Литература наша также являетъ отличныя способности народа. Попеченіями Александра, она возвысилась и доказала, что Русскіе всѣми качествами ума и сердца достойны занимать мѣсто на первой степени земныхъ народовъ.

Литература, утвержденная на началахъ истинной учености, просвѣщенная Вѣрою, сравнится съ исторіею нашею.

Мы имѣемъ всѣ средства и пособія для достиженія этой важной цѣли.

Главное изъ этихъ средствъ есть языкъ нашъ, который, смѣло можно сказать, превосходитъ всѣ новѣйшіе европейскіе. — Языкъ эллинскій превратился въ нарѣчіе рабствующаго народа. Языки племени латинскаго по большой части не знаютъ стопосложенія, окованы риѳмами, стѣснены единообразнымъ ходомъ словъ, и такъ удалены отъ своихъ источниковъ, что не могутъ почерпать изъ нихъ. Они образовались, при великихъ трудахъ, изъ простыхъ, жесткихъ и нынѣ невразумительныхъ народныхъ нарѣчій. Языки германскіе, кромѣ скандинавскихъ, равномѣрно носятъ признаки того, что были нѣкогда подъ желѣзнымъ скипетромъ Рима: они долгое время стѣснены были тяжелымъ, единообразнымъ ходомъ словъ, и слишкомъ легко принимаютъ слова иностранныя. Эти языки также имѣютъ грубыя, народныя нарѣчія. — Языки Поляковъ и Богемцевъ, отъ смѣшенія этихъ народовъ съ племенами германскими и латинскими, и отъ принятія ими католической религіи, лишились оригинальности, силы, богатства и благородства. Первый изъ нихъ, сверхъ того, окованъ силлабическимъ стихосложеніемъ. Въ какомъ же величіи является посреди всѣхъ этихъ языковъ — русскій! Онъ состоитъ изъ чистаго, правильнаго, богатаго народнаго нарѣчія,

пользующагося всѣми сокровищами древняго богослужебнаго языка, образовавшагося по греческому, но близкаго къ народному. Онъ составился изъ самого себя, безъ всякой чуждой примѣси, обиленъ во всѣхъ грамматическихъ формахъ, способенъ къ подражанію древнимъ метрамъ, выразителенъ, свободенъ въ теченіи своемъ, благороденъ, важенъ, и въ то же время нѣженъ и пріятенъ. Въ другихъ языкахъ должно избѣгать выраженій и оборотовъ простонародныхъ: у насъ можно и должно ихъ искать, ими пользоваться. Во многихъ земляхъ выраженія чуждаго языка, введеннаго въ богослуженіе, повторяются народомъ, его непонимающимъ, и потому не могутъ обогащать языка общеупотребительнаго: у насъ языкъ богослужебный одними уже звуками внушаетъ благоговѣніе, ибо эти звуки, понятные для народа, возбуждаютъ въ немъ *мысли* обо всемъ, что велико и священно! Если языки французскій, англійскій и нѣмецкій, доведенные до отличной степени совершенства, уступаютъ русскому, въ сравненіи съ ними бѣдному писателями и образцами, въ какомъ разстояніи будутъ они находиться отъ него, когда отличные писатели придадутъ ему опредѣленность, точность, ясность языковъ, образованныхъ литературою! Мы разсматриваемъ здѣсь языкъ русскій единственно въ видѣ *средства* къ образованію насъ литературою, и повторяемъ, что онъ въ этомъ отношеніи и теперь занимаетъ первое мѣсто между всѣми европейскими.

Сверхъ этого главнаго пособія къ образованію

народной литературы, Россія представляетъ многія другія. Она обширна, могущественна и безопасна. Если, какъ нѣкоторые думаютъ, всякой климатъ имѣетъ различное вліяніе на характеръ народа, слѣдственно и на литературу его, то Россія можетъ произвесть писателей и художниковъ во всѣхъ родахъ. Предметы, представляемые испытателю исторіи и природы, землеописателю, стихотворцу, живописцу, безпредѣльною, такъ сказать, Россіею, могутъ и должны возбудить вниманіе и соревнованіе Русскихъ болѣе нежели изысканія въ странахъ чуждыхъ. Могущество и безопасность государства также необходимы для процвѣтанія литературы. Аѳины при Периклѣ, Римъ при Августѣ, Франція при Людовикѣ XIV были знамениты въ одно и то же время успѣхами литературы, политическимъ перевѣсомъ и воинскою славою. Истребленіе Испанской Армады подало знакъ къ начатію Англійской Словесности. Нѣмецкая Литература процвѣла, когда Фридерихъ II, Семилѣтнею Войною, утвердилъ безопасность и силу сѣверной Германіи. — Музы могутъ избрать благоденствующую Россію себѣ въ жилище; онѣ не устрашатся грозными твердынями на ея границахъ: курганы, возносящіеся надъ костями нашихъ враговъ на Дону, вокругъ Троицкаго Монастыря, при Полтавѣ, Бородинѣ и на берегахъ Березины, ограждаютъ ее лучше сильнѣйшихъ крѣпостей.

Литературѣ нашей не угрожаетъ раздробленіе на секты, какъ, напримѣръ, въ Германіи, уклоненіе писателей съ пути, начертаннаго разсудкомъ и опыт-

ностію: она принадлежитъ русскому народу, исповѣдующему одну религію, живущему подъ скипетромъ одного Государя, говорящаго однимъ языкомъ. Она не можетъ впасть и въ противоположную крайность: единообразіе, односторонность, принужденіе и неестественность, ствойственныя Литературѣ Французской, въ которой одинъ Парижъ предписываетъ законы языка и вкуса. У насъ нѣтъ такого средоточія: у насъ двѣ точки, вокругъ которыхъ обращается словесность — Петербургъ и Москва. Соревнованіе писателей двухъ столицъ россійскихъ препятствуетъ введенію въ словесность нашу заблужденій, подраженій дурнымъ примѣрамъ, и уклоненію языка съ истиннаго пути, поддерживаетъ равенство въ ученой республикѣ, и не допускаетъ самоуправства партій.

Присовокупимъ къ этимъ различнымъ выгодамъ образъ и духъ нашего правительства, споспѣшествующаго всѣмъ трудамъ и стараніямъ ученыхъ и литераторовъ, позволяющаго свободно мыслить и говорить обо всѣхъ предметахъ, не выходя только изъ предѣловъ благочестія и нравственности; — правительства, удѣляющаго важную часть доходовъ государственныхъ на учрежденіе и содержаніе всякаго рода училищъ, и на поощреніе дарованій. Присовокупимъ, что Россійское Духовенство, сохранившее, чрезъ бурныя столѣтія внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, залогъ Вѣры и языка чистъ и невредимъ, трудами своими въ наукахъ и словесности много содѣйствуетъ успѣхамъ истиннаго просвѣщенія и распро-

страненію здравой литературы. Почему жъ, спросятъ послѣ этого, почему жъ литература наша, при всѣхъ этихъ неоцѣненныхъ выгодахъ, при способностяхъ Россіянъ ко всѣмъ родамъ упражненій, при цвѣтущей юношеской силѣ всего народа, не приноситъ еще тѣхъ плодовъ, которыхъ свѣтъ въ правѣ ожидать отъ ней? — Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ прошлогоднемъ собраніи Императорской Публичной Библіотеки. Причины, замедляющія успѣхи словесности нашей, суть: малое стараніе образовать юношество истинною ученостію, и пагубное пристрастіе къ употребленію чужаго, бѣднаго языка. Когда большая часть согражданъ нашихъ увѣрится въ истинѣ этихъ наблюденій, когда почувствуетъ необходимость посвящать лучшіе годы юношества на образованіе его древними языками и примѣрами изящнаго, когда изгонитъ изъ обществъ нашихъ ненавистный вредными дѣйствіями своими языкъ французскій: — тогда возникнетъ наша литература, и, при необыкновенныхъ способностяхъ русскаго народа, при попеченіи мудраго правительства, сравнится съ литературами истинно просвѣщенныхъ народовъ.

Исторія нынѣшней Русской Литературы начинается въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Петръ Великій могъ, волшебнымъ жезломъ своего генія, заводить арміи и флоты, побѣждать непріятелей, учреждать суды и училища, но не могъ произвесть писателей и стихотворцевъ. Онъ слышалъ въ царствованіе свое поученія Стефана и Гавріила, восхищался краснорѣ-

чіемъ Өеофана, пользовался трудами Димитрія, но эти мужи получили образованіе въ царствованіе его родителя. По смерти великаго Монарха, сѣмена, имъ посѣянныя, не могли принести скорыхъ плодовъ. Кантемиръ получилъ воспитаніе иностранное, и, по произведеніямъ своимъ, принадлежитъ къ XVII вѣку. Со времени кончины Петра до вступленія на престолъ дщери его, при Дворѣ нашемъ и въ академіи имѣли первое мѣсто иностранцы или Русскіе, воспитанные въ чужихъ краяхъ, и не постигавшіе способностей русскаго народа. Въ царствованіе Елисаветы вдругъ возникла Русская Словесность, оживленная лучемъ отечественнаго солнца. Явился Ломоносовъ, восхитилъ слухъ и сердца соотечественниковъ громкою поэзіею, изумилъ ихъ первыми и еще донынѣ единственными образцами русскаго свѣтскаго краспорѣчія, опредѣлилъ механическіе законы языка грамматикою, и произвелъ многихъ соревнователей и подражателей. Въ то же время родился отечественный театръ. Сумароковъ написалъ первыя правильныя трагедіи. Незабвенный русскій меценатъ, Шуваловъ, ободряя таланты и снискивая имъ покровительство Двора, тогда же положилъ начало послѣдовавшимъ успѣхамъ нашей словесности основаніемъ Московскаго Университета. При семъ волненіи умовъ, при сихъ быстрыхъ успѣхахъ нашей словесности, вступила на престолъ Екатерина. Подробное изложеніе хода литературы нашей въ ея благословенное царствованіе увлекло бы насъ далеко отъ предположенной нами цѣли. Скажемъ

только, что исторія сего періода имѣетъ двѣ эпохи. Первая есть продолженіе эпохи прежняго царствованія, но въ бо́льшемъ видѣ, съ лучшими и быстрѣйшими успѣхами. Въ эту эпоху появились Петровъ, Херасковъ, Державинъ, Хемницеръ, Фонъ-Визинъ, Богдановичъ, Капнистъ, Княжнинъ, Костровъ, Майковъ. Стихотворенія того времени будутъ жить съ русскимъ языкомъ. Вторая эпоха есть плодъ учрежденія въ царствованіе Елисаветы Московскаго Университета, и начинается въ исходѣ предпослѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка. Въ это время образовались русская проза и механисмъ легкихъ стихотвореній. Карамзинъ, Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій, Муравьевъ показали въ прозѣ и стихахъ, что русскій языкъ способенъ не только къ громкой поэзіи и къ ораторскимъ рѣчамъ, но и къ сочиненіямъ въ слогѣ простомъ, разговорномъ и нѣжномъ. Они доказали, что если для высокаго и важнаго слога надлежитъ заимствовать выраженія и обороты богослужебнаго языка, то для слога простаго, яснаго, необходимо должно наблюдать языкъ народный, и подчинять ходъ его правиламъ логики, управляющей словосочиненіемъ новѣйшихъ языковъ.

Послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка ознаменовано было революціею, приведшею въ ужасъ и уныніе всю Европу, а съ нею и любезное наше отечество. Насталъ XIX вѣкъ, и Александръ, съ зарею мира, вступилъ на Всероссійскій Престолъ. Науки, художества, словесность воспрянули подъ благотворнымъ его влія-

ніемъ; возникли новые университеты, академіи и училища. Необыкновенное и дотолѣ невиданное въ Россіи стремленіе къ познаніямъ и усовершенію овладѣло всѣми умами. На поприщѣ словесности явились отличные мужи. Начали издаваться литературные и политическіе журналы. Русскій Театръ, осиротѣвшій по смерти Фонъ-Визина и Княжнина, обогатился новыми произведеніями, въ числѣ которыхъ трагедіи Озерова преимущественно содѣйствовали успѣхамъ драматической поэзіи. Въ это же время, съ появленіемъ произведеній, отличающихся прелестью стихосложенія и цвѣтущей поэзіи, публика приняла участіе въ словесности. Вельможи-патріоты поставляли славою поощрять ласками и ободреніями всѣхъ занимающихся изящною словесностью, науками и художествами, и литература отечественная сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ занятія свѣтскихъ обществъ.— Вообще, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ XIX вѣка, вышло болѣе сочиненій, нежели прежде того въ теченіе десяти лѣтъ, но въ концѣ 1805 года вновь поднялись мрачныя облака на горизонтѣ Европы. Въ 1806 и въ первой половинѣ 1807 года вниманіе всѣхъ устремлено было на брань со врагомъ общаго спокойствія. Война прекратилась, но миръ не возстановлялся. Въ теченіе пяти лѣтъ грозныя тучи носились надъ нашими главами. Народъ понималъ чувства и мысли своего Монарха, готовившагося отвести бурю, когда она разразится. Съ 1808 по 1812 годъ господствовало въ нашей литературѣ какое-то недоумѣніе. Казалось,

что писатели наши отлагали занятія свои до другаго времени. Тѣмъ бо́льшей чести заслуживали тогда старанія объ успѣхахъ литературы. Почтенные любители и покровители словесности, въ С. Петербургѣ, учредили, для сближенія отечественной литературы съ публикою, Бесѣду Любителей Русскаго Слова, а въ Москвѣ составились Общества Наукъ Историческихъ и Словесныхъ. Хвала патріотамъ, которые и въ безпокойныя, грозныя времена не теряли изъ виду священной цѣли всякаго гражданина — пещись объ успѣхахъ просвѣщенія! — Между тѣмъ, тучи подходили ближе и ближе; наконецъ, въ половинѣ 1812 года, грянулъ скрывавшійся въ нихъ громъ — и литература наша сначала остановилась совершенно, а потомъ обратилась къ одной цѣли, споспѣшествованію отечественной войнѣ. Въ продолженіе второй половины 1812 и первой 1813 годовъ не только не вышло въ свѣтъ, но и не написано ни одной страницы, которая не имѣла бы предметомъ тогдашнихъ происшествій. Это единодушіе приноситъ великую честь нашимъ литераторамъ, и доказываетъ, что они службу въ ученой республикѣ подчиняютъ должностямъ своимъ къ отечеству. Въ семъ случаѣ видно было дѣйствительно, что литература есть изъявленіе мыслей народа. Въ послѣдней половинѣ 1813 года всѣ помышленія и чувствованія нашихъ соотечественниковъ также обращены были на поприще войны и славы, но уже начали появляться произведенія словесности, неотносившіяся прямо къ современнымъ происшествіямъ.

Наконецъ, въ 1814 году, увѣнчавшемъ всѣ напряженія и труды истекшихъ лѣтъ, Русская Литература, посвящая поэзію и краснорѣчіе въ честь и славу великаго Монарха своего, обратилась снова на путь мирный, уравненный, огражденный навсегда. Въ теченіе сего года вышли многіе сочиненія и переводы, которые останутся незабвенными въ лѣтописяхъ нашей литературы. Они показываютъ, что отнынѣ, по утвержденіи политической независимости и безопасности государства, словесность, науки и художества устремятся безпрепятственно къ совершенству. Подробное исчисленіе произведеній литературныхъ по разнымъ отдѣленіямъ библіографической системы, докажетъ истину сихъ наблюденій. Присемъ должно замѣтить, что, сверхъ Русской Литературы, есть въ Россіи часть Литературы Нѣмецкой, Французской, Польской и Шведской. Въ каждомъ отдѣленіи упоминаемо будетъ, послѣ отличныхъ чѣмъ либо русскихъ книгъ, о сочиненіяхъ на прочихъ европейскихъ языкахъ, которыя у насъ напечатаны.

1. Богословіе.

По части догматическаго учебнаго Богословія должно замѣтить: *Обозрѣніе Богословскихъ Наукъ, для преподаванія въ высшихъ духовныхъ училищахъ, напечатанное по опредѣленію Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.* Сіе обозрѣніе есть плодъ трудовъ дѣятельныхъ членовъ С. Петербургской Духовной

Академіи, которая въ истекшемъ году, учрежденіемъ степени докторовъ Православнаго Богословія, и возведеніемъ на эту степень мужей отличнаго благочестія и учености, проложила новый путь распространенію священныхъ истинъ Вѣры въ любезномъ отечествѣ.

Въ герменевтическомъ разрядѣ отличается: *Обозрѣніе книги псалмовъ, сочиненное Гер. Павскимъ, студентомъ С. П. б. Духовной Академіи.* Это сочиненіе, сколько приноситъ чести молодому автору, столько свидѣтельствуетъ, съ какимъ успѣхомъ почтенные наставники сего высшаго училища пекутся о образованіи науками ввѣреннаго имъ юношества.

По части проповѣднаго Богословія изданы въ этомъ году многія слова и рѣчи знаменитѣйшихъ пастырей и служителей Церкви, преосвященныхъ митрополита *Амвросія*, епископовъ *Августина*, *Евгенія*, *Амвросія*, архимандритовъ *Филарета*, *Иннокентія*, *Ѳеофана*, оберъ-священника *Державина*, и многихъ другихъ. Почти всѣ эти слова имѣютъ цѣлію принесеніе благодарности Творцу за прославленіе Русской Земли и Русскаго Государя, за прекращеніе брани, и возстановленіе славнаго мира — какъ въ 1812 и 1813 годахъ предметомъ пастырскихъ поученій было возбужденіе надежды на торжество праваго дѣла, теплой вѣры въ помощь Всевышняго и любви къ Помазаннику его на земли. Не угасъ въ Россіи духъ Гермогеновъ и Авраамієвъ! Онъ оживляетъ и будетъ оживлять пастырей Православныя Церкви. Пусть въ другихъ странахъ возбуждаютъ народъ къ труднымъ

подвигамъ въ театрахъ, напоминая ему о предписаніяхъ тщеславія. У насъ подвигается народъ къ дѣламъ во храмахъ божіихъ, устами святителей, проповѣдниковъ истинной Вѣры, подвигается не въ воображеніи и умѣ, а въ сердцѣ и душѣ — не пустымъ призракомъ оскорбленной чести, а любовію къ отечеству и Государю, вѣрою въ Бога, защитника правыхъ. Которое изъ этихъ наставленій успѣшнѣе и вѣрнѣе — доказалъ 1812 годъ.

На нѣмецкомъ языкѣ напечатано нѣсколько превосходныхъ духовныхъ словъ на современныя происшествія, произнесенныхъ въ нѣмецкихъ областяхъ Россіи служителями Протестантской Церкви, ревностно и успѣшно содѣйствовавшими въ теченіе народной войны нашей въ возбужденіи любви и признательности жителей тѣхъ странъ къ преславному Россійскому Престолу.

Въ нравоучительномъ Богословіи должно замѣтить отличное сочиненіе: *Училище Благочестія или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ Житій Святыхъ священникомъ Мансвѣтовымъ.*

2. Правовѣдѣніе.

Теорія Правовѣдѣнія сдѣлалась важнымъ предметомъ упражненія нашихъ соотечественниковъ, по изданіи Высочайшаго Указа объ испытаніяхъ гражданскимъ чиновникамъ, неучившимся въ россійскихъ

университетахъ. Съ того времени появилось у насъ нѣсколько учебныхъ книгъ по этой части, написанныхъ профессорами, которымъ поручено было публичное преподаваніе оной. Въ 1814 году вышло, между прочимъ, подробное, ясное и хорошо написанное сочиненіе подъ заглавіемъ: *Опытъ Россійскаго частнаго Гражданскаго Права, соч. Вл. Вельяминова Зернова.*

По отдѣленію Политики, или общественнаго Права, лучшее сочиненіе было: *Разсужденіе о системѣ конскрипціи по правиламъ Государственнаго Хозяйства, съ предварительными историческими изслѣдованіями о рекрутскихъ наборахъ у народовъ древнихъ и среднихъ вѣковъ. Сочиненіе Карла Шульца.* Эта книга не потеряетъ цѣны своей отъ перемѣны обстоятельствъ, уничтожившей пагубную систему, въ ней изложенную. Она есть плодъ основательнаго ученія и собственныхъ наблюденій автора.

Сверхъ того напечатано нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій и переводовъ о современной политикѣ, о дворянствѣ, учрежденномъ Бонапартомъ, и тому подобныхъ предметахъ. Историческія и политическія статьи помѣщаемы были въ разныхъ журналахъ.

Объ Экономіи Политической, на русскомъ языкѣ, не напечатано ни одной книги.

3. Философія.

Въ Умозрительной Философіи изданы только учебныя книги, переведенныя съ нѣмецкаго.

По части Опытной Философіи, сверхъ нѣкоторыхъ небольшихъ сочиненій и переводовъ, издана книга: *Essai sur l'intelligence humaine, par Effimovitch.* При этомъ случаѣ неизлишнимъ почитаю сказать нѣчто о сочиненіяхъ, издаваемыхъ Русскими на иностранныхъ языкахъ. Если сочиненія имѣютъ предметомъ русскую исторію, географію, языкъ или поэзію, то непремѣнно должны быть написаны по-русски, ибо назначены для употребленія въ Россіи и Русскими. Когда же они относятся къ предметамъ общимъ, какъ-то къ философическимъ, математическимъ, естественнымъ наукамъ, древней и всеобщей исторіи, то могутъ быть писаны на общепонятныхъ древнихъ или новыхъ языкахъ: ибо предлагаются на сужденіе ученымъ и не въ одной Россіи, но во всей Европѣ, во всемъ свѣтѣ. Сочиненія, важныя, какъ для Россіи, такъ и для прочихъ земель, должны быть издаваемы вдвойнѣ, на русскомъ и на какомъ нибудь иностранномъ языкѣ. Такъ г. Крузенштернъ издалъ описаніе своего Путешествія на русскомъ и нѣмецкомъ, а г. Лисянскій на русскомъ и англійскомъ языкахъ. При этомъ можно замѣтить, что въ Россіи распродано едва ли двѣсти экземпляровъ каждаго изъ этихъ описаній перваго путешествія Россіянъ вокругъ земнаго шара; между тѣмъ какъ въ Германіи вышли три изданія путешествія г. Крузенштерна, а въ Лондонѣ, не смотря на жестокую и несправедливую критику англійскихъ журналистовъ, продана въ двѣ недѣли половина экземпляровъ книги г. Лисянскаго.

Къ разряду философіи принадлежатъ книги, которыя могутъ назваться антиподами философическихъ: Астрологи, Сонники, Гадательныя Книги и т. п. Въ 1814 году вышло только два такія сочиненія, между тѣмъ какъ въ прежніе годы издавались они гораздо въ бо̀льшемъ числѣ. Издатель одного нѣмецкаго журнала, прочитавъ въ Сынѣ Отечества извѣстіе объ изданіи Древняго Астролога, или Оракула, въ трехъ томахъ, заключилъ, что появленіе такихъ книгъ показываетъ, сколь велико у насъ суевѣріе; но заключеніе его несправедливо. Наши простолюдины покупаютъ эти книги не для дѣйствительныхъ гаданій, а для забавы; притомъ же и сочинители подобныхъ книгъ такъ неискусно прикрываютъ истинную цѣль свою мантіею кабалистики, что едва ли повѣритъ ихъ предсказаніямъ человѣкъ самый необразованный и суевѣрный.

4. ИСТОРІЯ.

Эта часть у насъ обильнѣе и важнѣе всѣхъ прочихъ.

а) Всемірная и Древняя Исторія.

По Всемірной Исторіи изданы переводы хорошихъ учебныхъ книгъ для училищъ Московскаго и Санктпетербургскаго Учебныхъ Округовъ.

Древняя Исторія, на русскомъ языкѣ, обогащена переводомъ *Плутарховыхъ Жизнеописаній г. Дестуниса,* напечатаннымъ по Высочайшему повелѣнію

на счетъ Кабинета Его Императорскаго Величества. Г. Дестунисъ, посвятивъ нѣсколько лѣтъ своей жизни на преложеніе безсмертнаго греческаго біографа, издалъ года за четыре предъ симъ опытъ своего перевода, который былъ разсмотрѣнъ въ Вѣстникѣ Европы г. Каченовскимъ. Переводчикъ, при новомъ изданіи книги, воспользовался между прочимъ этою критикою, и доказалъ, что благоразумный писатель, ни мало не оскорбляясь справедливыми замѣчаніями критики, пользуется ими, и съ признательностію имъ слѣдуетъ. Труды г. Дестуниса достойны вниманія и уваженія въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ доставилъ намъ одно изъ важнѣйшихъ сочиненій о Древней Исторіи, а во-вторыхъ, обогатилъ русскій языкъ хорошимъ переводомъ классическаго писателя, и тѣмъ въ полной мѣрѣ оправдалъ оказанное ему правительствомъ при изданіи этой книги вспоможеніе.

b) Россійская Исторія.

Занимающіеся исторіею раздѣляются на три класса: на анналистовъ, или лѣтописцевъ, критиковъ и собственно такъ называемыхъ историковъ. Первые описываютъ современныя или дошедшія до нихъ по преданію происшествія, и собираютъ памятники историческіе и дипломатическіе. Другіе приводятъ въ порядокъ труды ихъ, очищаютъ книги и рукописи отъ ошибокъ и вставокъ, толкуютъ невразумительныя мѣста, дополняютъ недостатки, и тѣмъ облегчаютъ труды историковъ, которые представляютъ лѣтописи, очищен-

ныя и исправленныя искусными и учеными критиками, въ самомъ ясномъ, вразумительномъ и пріятномъ для читателя видѣ. Россія изобилуетъ временниками и другими историческими памятниками, имѣла и имѣетъ многихъ прилежныхъ и остроумныхъ критиковъ, но въ собственныхъ историкахъ еще не можетъ назваться богатою. Она ожидаетъ съ любопытствомъ и надеждою историческаго творенія знаменитаго нашего прозаика, который принялъ на себя трудное, но полезное, славное дѣло — написать Русскую Исторію.

Важнѣйшее изъ напечатанныхъ въ Россіи 1814 года историческихъ сочиненій есть *Исторія Медицины въ Россіи, г. Рихтера,* плодъ рачительныхъ изысканій и многолѣтнихъ трудовъ. Хотя предметъ этотъ не можетъ быть равно занимателенъ для всей публики, но сочинитель умѣлъ сдѣлать его поучительнымъ и пріятнымъ для читателей всякаго состоянія. Нѣкоторыя главы, напримѣръ описаніе чумы, свирѣпствовавшей въ XIV вѣкѣ, и извѣстной подъ названіемъ Черной Смерти, написаны превосходно. Это сочиненіе издано на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Въ этомъ же году вышло въ свѣтъ *Собраніе государственныхъ россійскихъ граммать и договоровъ,* изданное иждивеніемъ и стараніями Графа Николая Петровича Румянцова, ревностнаго любителя отечественной исторіи. Сверхъ того назначено его сіятельствомъ болѣе 30,000 рублей на изданіе древнихъ россійскихъ лѣтописей. Честь и слава зна-

менитымъ патріотамъ, которые употребляютъ избытки свои на дѣла, истинно полезныя отечеству! Великодушныя ихъ пожертвованія будутъ жить въ потомствѣ.

Изъ учебныхъ книгъ для Русской Исторіи издана: *Краткая Россійская Исторія г. Строева.* Эта книга заслуживаетъ вниманіе и похвалу. На французскомъ языкѣ напечатано: *Précis de l'histoire de Russie à l'usage de la jeunesse, par Mr. de Fonvent.* Кажется впрочемъ, что русское юношество не имѣетъ нужды въ исторіи своего отечества, написанной на французскомъ языкѣ.

По біографической части должно замѣтить напечатанную въ 1812, но вышедшую въ свѣтъ въ 1814 году, достойную особаго вниманія книгу: *Дѣянія полководцевъ и министровъ Петра Великаго. Сочиненіе Дмитрія Бантыша-Каменскаго.*

c) Современная Исторія Россіи и всей Европы.

Изъ многихъ сочиненій и переводовъ по этой части отличаются преимущественно слѣдующія пять книгъ: 1) *Записки о составленіи и походѣ С. П. б. Ополченія, изданныя капит.-лейт. Барономъ Штейнгелемъ.* 2) *Краткое обозрѣніе похода Россійскихъ войскъ противъ Французовъ въ 1812 году.* 3) *Императоръ Всероссійскій и Бонапарте,* сочиненіе *г. Уварова,* съ французскимъ переводомъ. 4) Darstellung des französisch-russischen Vertilgungskrieges, соч. *г. Козегартена* и 5) *Dernières heures*

de Louis XVI par Edgevorth de Firmond, переведенная и на русскій языкъ. — Прочія книги, по этому отдѣленію, кромѣ нѣкоторыхъ переводовъ, не заслуживаютъ вниманія: онѣ выписаны, и притомъ не весьма искусно, изъ вѣдомостей, журналовъ и реляцій.

Г. *Дестунисъ* издалъ на новомъ греческомъ языкѣ, въ пользу обитателей Греціи, описанія великихъ современныхъ происшествій.

Къ отдѣленію исторіи должно отнести рѣдкое въ своемъ родѣ сочиненіе: *Жизнь Артемія Араратскаго, урожденца селенія Вагаршападъ въ Арменіи.*

d) Географія.

Землеописаніе Россіи обогащается тщательнымъ исполненіемъ статьи Устава объ училищахъ, которою поручено учителямъ губернскимъ и уѣзднымъ дѣлать топографическія наблюденія по предписанной формѣ, и доставлять оныя Министерству Народнаго Просвѣщенія. Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ напечатаны. Чрезъ нѣсколько лѣтъ всѣ области неизмѣримой Имперіи Россійской будутъ описаны самымъ подробнымъ и вѣрнымъ образомъ, и георафія Россіи доведена будетъ до возможнаго совершенства.

5. ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Ботаника Россійская обогащена прекраснымъ и у насъ донынѣ единственнымъ твореніемъ: *Flora Cau-*



casica. Латинскій текстъ сочиненъ г. *Маршаломъ Биберштейномъ*, а изображенія растеній нарисованы, выгравированы и раскрашены учителемъ рисованія при Харьковскомъ Университетѣ, г. *Матесомъ*. Вѣрность, чистота и тонкость отдѣлки поставляютъ эту Флору на степень лучшихъ изданій въ этомъ родѣ, вышедшихъ въ Германіи, Франціи и Англіи. Не нужно упоминать при этомъ, что правительство значительнымъ вспоможеніемъ доставило издателямъ средства достигнуть съ успѣхомъ предположенной ими цѣли. Частные люди у насъ еще не могутъ отваживаться на подобныя предпріятія.

6. Медицина.

Императорская Медико-Хирургическая Академія издавала въ этомъ году *Всеобщій Журналъ Врачебной Науки*, и сверхъ того напечатано нѣсколько переводовъ медицинскихъ книгъ и разсужденій о разныхъ предметахъ медицины на русскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

7. Физика, Химія и Математика.

По первымъ изъ этихъ двухъ наукъ изданы нѣкоторыя учебныя книги и разсужденія, а по части математики не вышло ни какихъ сочиненій и переводовъ кромѣ обыкновенныхъ календарей, *Морскаго Мѣсяцослова* и *Санктпетербургскаго Карманнаго*

Мѣсяцослова, издаваемаго на нѣмецкомъ языкѣ г. академикомъ *Шубертомъ*, съ русскимъ переводомъ г. академика *Севастьянова*. Въ Германіи и во Франціи издается много такихъ карманныхъ календарей или альманамовъ, но нашъ, Санктпетербургскій, безспорно долженъ занять между ими первое мѣсто.

8. Экономія.

По части Экономіи издаваемы были на русскомъ языкѣ два журнала, а на нѣмецкомъ одинъ. Въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Харьковѣ изданы на русскомъ, а въ остъ-зейскихъ провинціяхъ на нѣмецкомъ языкѣ разныя экономическія сочиненія. — Санктпетербургская Академія Наукъ продолжала изданіе *Технологическаго Журнала*. Нѣкоторые технологическія сочиненія изданы Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ.

9. Словесныя искусства.

а) Поэзія.

Лирическая поэзія въ истекшемъ году посвящена была прославленію знаменитыхъ подвиговъ Александра, побѣдителя и миротворца. Сверхъ разныхъ русскихъ одъ и пѣсней, изъ коихъ нѣкоторыя сочинены первыми нашими стихотворцами, вышли стихотворенія на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ, латинскомъ,

и даже на греческомъ — *Гимнъ Немезидѣ*, сочиненный г. *Грефе*, профессоромъ Санктпетербургскаго Педагогическаго Института. — Мы сказали уже, что въ числѣ лирическихъ стихотвореній 1814 года находятся произведенія первыхъ нашихъ поэтовъ. О прочихъ публика должна судить снисходительно, и уважать восторгъ усердія и любви подданныхъ при великихъ подвигахъ Государя. Никто, напримѣръ, не станетъ требовать, чтобъ *народъ*, обрадованный пріѣздомъ благотворителя, изъявлялъ свое веселіе размѣренными, правильными восклицаніями: чѣмъ они разнообразнѣе, чѣмъ *непринужденнѣе*, тѣмъ удачнѣе выражаютъ восторгъ народный.

Въ родѣ эпическомъ не было произведеній, достойныхъ вниманія.

Въ драматическомъ родѣ, кромѣ одной трагедіи въ прозѣ, одной комедіи и одной переведенной оперы (которыя всѣ не заслуживаютъ большаго вниманія) не напечатано на русскомъ языкѣ ничего. На нѣмецкомъ языкѣ вышло въ Санктпетербургѣ драматическое стихотвореніе г. *Раупаха*, подъ заглавіемъ: Timoleon, der Befreier, посвященное Его Императорскому Величеству, и заслужившее похвалу многихъ нѣмецкихъ литераторовъ въ Россіи.

Изъ описательныхъ поэмъ напечатаны: переводъ Делилевыхъ Садовъ, г. *Палицына*, и *Сельскій житель*, *Князя Шихматова*. Въ родѣ дидактическомъ вышли: *Христосъ*, стихотвореніе *Гавріила Романовича Державина*, *Ночь на размышленія*,



Князя Шихматова, и *Размышленіе о судьбѣ*, *Князя И. М. Долгорукова*. Басни и сказки *Александра Измайлова* и Басни новаго стихотворца *Александра Агафи* напечатаны особо. Басни *Крылова* помѣщаемы были въ журналахъ.

Если бѣдность нѣкоторыхъ разрядовъ этого библіографическаго обозрѣнія возбуждаетъ сожалѣніе, то нельзя не порадоваться бѣдности другихъ, напримѣръ разряда романовъ. Въ 1814 году напечатано въ Москвѣ и Петербургѣ по одному переведенному съ нѣмецкаго роману, и еще вышли двѣ историческія повѣсти. За двѣнадцать лѣтъ предъ симъ, одинъ почтенный литераторъ, разсматривая успѣхи книжной торговли и любви къ чтенію въ Россіи, сказалъ: хорошо, что наша публика и романы читаетъ — сказалъ въ томъ смыслѣ, что чтеніе есть занятіе безвредное, и что начинающій чтеніемъ романовъ доходитъ потомъ до стихотвореній, до исторіи, до философіи. Кажется, что публика наша въ самомъ дѣлѣ наскучила чтеніемъ пустыхъ сказокъ, и принимается за книги истинно полезныя и поучительныя.

b) Краснорѣчіе.

О духовномъ краснорѣчіи упомянуто нами выше, въ статьѣ Богословіе.

Свѣтское равномѣрно имѣло предметомъ прославленіе незабвенныхъ подвиговъ великаго Россійскаго Монарха.

10. Языкознание.

Для изученія русскаго языка напечатано нѣсколько грамматикъ и руководствъ къ словесности, которыя (за исключеніемъ *Правилъ Словесности, г. Толмачева*, и третьяго изданія *Основаній Русской Словесности, г. Никольскаго*) мало способствуютъ успѣхамъ теоріи языка и литературы, и вообще изданы для преподаванія по нимъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Нельзя не пожелать, чтобъ наши писатели прилежно занялись разсмотрѣніемъ и изысканіемъ правилъ Русской Грамматики, которая находится еще во младенчествѣ, и послѣ безсмертнаго Ломоносова имѣла весьма мало успѣховъ.

Между тѣмъ, въ 1814 году, важный филологическій вопросъ занималъ нашихъ литераторовъ: о переводѣ древнихъ стихотвореній размѣромъ подлинника, именно о переводѣ Гомеровыхъ поэмъ эксаметрами. Этотъ ученый споръ происходилъ въ собраніяхъ Бесѣды Любителей Русскаго Слова. — Русскій языкъ въ двухъ преимуществахъ подходитъ къ древнимъ: онъ имѣетъ свободу въ расположеніи словъ, и способность подражать количественной поэзіи. Въ превосходствѣ перваго изъ этихъ свойствъ никто не споритъ, хотя свобода эта непремѣнно должна быть подчинена правиламъ въ нѣкоторыхъ родахъ слога. Удивительно, что второе изъ этихъ отличительныхъ

качествъ не принято всѣми любителями и знатоками отечественной поэзіи, хотя ихъ впрочемъ нельзя укорить въ излишнемъ пристрастіи къ новымъ языкамъ, у которыхъ русская поэзія заимствовала ограниченныя свои формы.

Приступаемъ къ послѣднему отдѣленію библіографической системы.

11. Полиграфія.

Сверхъ шестнадцати разныхъ офиціальныхъ и партикулярныхъ газетъ, издававшихся въ 1814 году на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, польскомъ и шведскомъ языкахъ, выходили разные историческіе, политическіе и литературные журналы, въ Санктпетербургѣ три на русскомъ и два на нѣмецкомъ языкахъ, въ Москвѣ четыре на русскомъ, а въ Ригѣ четыре же, но на нѣмецкомъ языкѣ. — Одинъ писатель сказалъ весьма удачно, что періодическія изданія въ литературѣ то же, что каналы и дороги въ торговлѣ: они способствуютъ скорому сообщенію между учеными и литераторами, доставляютъ публикѣ свѣденія о новыхъ произведеніяхъ, и вообще придаютъ современной литературѣ живость и дѣятельность, особливо когда этимъ сообщеніямъ дана надлежащая свобода. Сверхъ того нельзя не замѣтить, что наши журналы имѣютъ свойство, общее съ характеромъ народа — благотворительность. Въ доказательство сего довольно было бы назвать одно изданіе — *Рус-*

скій Инвалидъ. При неусыпныхъ трудахъ издателя и благородномъ участіи всей россійской публики, собрано до четырехъ сотъ тысячъ рублей въ пользу страждущихъ защитниковъ отечества, которымъ, сверхъ того, раздаются ежегодно и ежемѣсячно важныя пособія. — Съ *Сына Отечества* Санктпетербургская Губернская Гимназія получаетъ ежегодно, на воспитаніе сиротъ военныхъ чиновниковъ, по три тысячи рублей. Посредствомъ этого же журнала, *Вѣстника Европы* и *Русскаго Вѣстника* получаютъ вспоможенія благотворительныхъ особъ многіе бѣдные люди, достойные лучшей участи. Рижскій директоръ училищъ, г. *Албанусъ,* издаетъ педагогическій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ, и сборъ съ него посвящаетъ въ пользу неимущихъ учениковъ рижскихъ училищъ.

Въ заключеніе этого обозрѣнія повторимъ изложенное нами выше сего мнѣніе о духѣ 1814 года въ отношеніи къ Русской Литературѣ. — Кровопролитная и упорная брань за свободу и отечество, обративъ на себя все вниманіе русскаго народа въ 1812 и 1813 годахъ, остановила на время ходъ его литературы, но въ 1814 году, при благотворномъ вліяніи славы и мира, науки, художества и словесность ожили съ новою силою, и обѣщаютъ принести отечеству со временемъ вожделѣнные плоды. — Сверхъ того нельзя не замѣтить, въ каждомъ изъ библіографическихъ отдѣленій, что всѣ полезныя дѣла, всѣ важныя предпріятія произведены стараніемъ или при дѣя-

тельной помощи правительства, которое, чувствуя всю цѣну истиннаго народнаго просвѣщенія, въ распространеніи его полагаетъ свою славу. Остается пожелать, чтобъ всѣ сословія государственныя, познавъ благія его намѣренія, твердо рѣшились, единодушнымъ участіемъ въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія, споспѣшествовать великимъ и благотворнымъ трудамъ мудраго своего Монарха.

II.

ОБОЗРѢНІЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1815 и 1816 годовъ *).

За два года предъ симъ, по изложеніи успѣховъ Русской Литературы въ 1814 году, изъявлено было предъ почтеннымъ собраніемъ посѣтителей Императорской Публичной Библіотеки общее желаніе, чтобъ мирныя упражненія въ наукахъ, художествахъ и словесности, по окончаніи славной и грозной брани за свободу Россіи и Европы, распространились между всѣми сословіями отечества, чтобъ благія попеченія правительства о водвореніи просвѣщенія среди под-

*) Читано въ торжественномъ собраніи Императорской Публичной Библіотеки 2-го Января 1817 года.

данныхъ Россіи, нашли содѣйствіе и пособія въ самомъ народѣ. Немного прошло времени — и уже исполняется это ревностное желаніе. Какъ на тучной землѣ, при благопріятной погодѣ, раждаются тысячи растеній и травъ, такъ на полѣ словесности русской возникаютъ произведенія всѣхъ родовъ. Конечно должно сказать по справедливости, что многія изъ сихъ растеній родятся для того, чтобы исчезнуть, едва обративъ на себя взоръ прохожаго, но въ числѣ ихъ есть и первые отпрыски прелестныхъ цвѣтовъ, обѣщающихъ украсить со временемъ богатый вертоградъ, и высокихъ деревъ, которыя, возрастя подъ благотворнымъ вліяніемъ всеоживляющаго свѣтила, и укоренясь въ землѣ отечественной, устоятъ отъ порывовъ бури и хлада въ продолженіе вѣковъ.

Это быстрое размноженіе произведеній литературы, это общее стремленіе къ упражненіямъ въ наукахъ, художествахъ и словесности есть неминуемое послѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ. Цвѣты и плоды ума человѣческаго имѣютъ столь близкое сходство съ произведеніями царства растеній, что я осмѣлюсь продолжать начатое сравненіе. Въ умственномъ мірѣ, какъ и въ физическомъ, произведенія природы, для достиженія зрѣлости и принесенія плодовъ, требуютъ пищи: для растеній пища эта есть воздухъ и свѣтъ, для произведеній духа — благоразумная свобода и вниманіе правительства. Всѣ старанія объ удобреніи земли и порученіи нѣдрамъ ея плодоносныхъ сѣмянъ напрасны, если возникшій изъ сихъ сѣмянъ стебль не

будетъ освѣжаемъ вѣяніемъ чистаго воздуха, если не озаритъ его животворный лучъ солнца. Хотя бъ изъ тысячи отростковъ и удалось одному преодолѣть внутреннею силою своею всѣ препятствія, но онъ никогда не достигнетъ той зрѣлости, того цвѣта, къ которымъ предопредѣленъ природою: онъ не осѣнитъ благотворными вѣтвями окрестностей, не произведетъ плодовъ пріятныхъ и питательныхъ:... Воспитаніе или просвѣщеніе народное есть дѣло великое, одна изъ важнѣйшихъ и священнѣйшихъ обязанностей правительства, тѣмъ болѣе достойная уваженія и хвалы, что занимающіеся имъ сами рѣдко наслаждаются плодами своихъ трудовъ, предоставляя ихъ въ пользу всѣхъ частей управленія государственнаго; но всѣ попеченія и ревность занимающихся образованіемъ юношества становятся тщетными и безполезными, если, по вступленіи молодыхъ людей въ свѣтъ, имъ нельзя будетъ употребить талантовъ, въ нихъ открытыхъ или имъ сообщенныхъ. Въ разныхъ земляхъ Европы, гдѣ издревле заведены хорошія училища, гдѣ юношество получаетъ классическое образованіе, и гдѣ бы надлежало ожидать непрерывныхъ и важныхъ плодовъ этого образованія — видимъ мы совершенно тому противное. Словесность этихъ странъ находится въ вѣчной посредственности, и только въ тѣхъ наукахъ и искусствахъ жители ихъ упражняются съ успѣхомъ, которыя, не требуя отличныхъ дарованій, необходимы только для общежитія. Отъ чего это происходитъ? Оттого, что въ тѣхъ странахъ нѣтъ

вѣротерпѣнія, позволяющаго каждому гражданину, какого бы онъ исповѣданія ни былъ, трудиться въ пользу общества; оттого, что въ нихъ господствуетъ пагубное мѣстничество, заграждающее истиннымъ талантамъ путь къ отличіямъ и наградамъ; оттого, что умственная сила народа, въ тѣхъ странахъ обитающаго, драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка, важнѣйшій, если смѣю сказать, *капиталъ* государства, окована цѣпями предразсудковъ, подозрительности и недовѣрчивости правительства. Таланты гибнутъ тамъ, какъ весенніе цвѣты отъ дыханія бурь и стужи!

Въ Россіи нѣтъ этихъ препятствій: мудрые ея законодатели, Петръ, Екатерина и Александръ, основали благоденствіе своихъ подданныхъ на благоразумной свободѣ и приличномъ каждому званію просвѣщеніи.

Петръ Великій утвердилъ правило терпимости всѣхъ вѣроисповѣданій — и люди съ познаніями поспѣшили изо всѣхъ странъ принести ихъ въ даръ юношествующему государству: всѣ они увѣрены были, что подъ сѣнію Престола Россійскаго найдутъ совершенную свободу отправлять богослуженіе по своему исповѣданію, и возможность приносить новому отечеству пользу своими трудами.

Незнатность и бѣдность породы не препятствуютъ возвышаться людямъ съ способностями и познаніями. Преграды положены только тѣмъ состояніямъ, которыя не могутъ имѣть способовъ и средствъ для пріобрѣтенія свѣдѣній, требуемыхъ въ высшихъ званіяхъ

государственныхъ, но если люди, въ сихъ состоянiяхъ рожденные, получили надлежащее образованiе, всѣ преграды упадаютъ, и сынъ земледѣльца, воспитанный въ высшемъ училищѣ, наравнѣ съ сыномъ вельможи имѣетъ право на первыя въ государствѣ званiя и отличiя.

Екатерина даровала подданнымъ своимъ свободу изъявлять свои мысли изустно и во всенародныхъ писанiяхъ — и воспрянули отечественные таланты! Державинъ, языкомъ божественной поэзiи, Фонъ-Визинъ, слогомъ здраваго и сильнаго разсудка, смѣло говорили предъ трономъ истины, которыхъ обнародованiе доказало твердость трона сего, на любви подданныхъ къ Вѣрѣ и отечеству основаннаго. Александръ довершилъ начатое ею; и то, что въ царствованiе Екатерины было временною царскою милостью, въ правленiе Александра, съ утвержденiемъ Устава о Ценсурѣ, сдѣлалось твердымъ государственнымъ закономъ. Изданiе этого устава, признаннаго всею просвѣщенною Европою превосходнымъ въ своемъ родѣ, ознаменовало возобновленiе отечественной словесности. Исторiя русской литературы въ царствованiе Александра свидѣтельствуетъ о его важности и благодѣтельности. Писателямъ русскимъ остается, благоразумнымъ употребленiемъ данной имъ свободы, доказать великому своему Монарху, что они достойны этого дара.

Теперь слѣдовало бы, почтеннѣйшiе посѣтители, изложить предъ вами другую причину быстрыхъ

успѣховъ словесности отечественной: вниманіе и поощреніе правительства, но въ семъ случаѣ довольно будетъ привести слова знаменитаго проповѣдника: *аще мы умолчимъ, возопіетъ каменіе, возопіютъ стѣны дома сего!* Благотворное дѣйствіе монархическаго правленія, въ распространеніи просвѣщенія, ощутительно и очевидно. Народу должно дойти до отличной степени зрѣлости и просвѣщенія, чтобъ, постигнувъ и оцѣнивъ важность образованія юношества, пожертвовать для него частію своего достоянія. Александръ же изрекъ одно слово — и лучи животворнаго свѣтила озарили всѣ концы пространнаго Русскаго Царства. Не говорю о столицахъ: и въ отдаленныхъ краяхъ отечества ощутительно послѣдствіе благихъ его начинаній; и тѣ страны, которыя обречены природою въ удѣлъ вѣчному хладу, согрѣваются благотворнымъ жаромъ просвѣщенія, и въ пустынныхъ степяхъ, гдѣ жители едва начинаютъ еще привыкать къ воздѣланію земли, есть уже любители произведеній ума человѣческаго!

Переходя къ доказательству изложенныхъ мною мыслей, повторяю сказанное въ началѣ: благоразумная свобода и вниманіе правительства производятъ тѣ плоды, которые мы видимъ; подданнымъ предлежитъ оцѣнить ихъ, и содѣйствовать съ своей стороны ихъ умноженію. Писатели должны увѣриться, что труды ихъ важны и полезны только тогда, когда посвящены утвержденію въ соотчичахъ ихъ правилъ Вѣры, нравственности, любви къ отечеству, распространенію

истиннаго просвѣщенія, здраваго вкуса и охоты къ полезнымъ занятіямъ. Родители должны наконецъ познать, что величайшее благо дѣтей ихъ состоитъ въ пріобрѣтеніи основательнаго, благоразумнаго просвѣщенія. Вотъ чего желаетъ Монархъ нашъ! вотъ чего требуетъ благодарность обязанныхъ имъ подданныхъ! — и изъявленіе этой самой благодарности сдѣлается новымъ благотвореніемъ для обязанныхъ ею.

Надлежало бы теперь исчислить всѣ произведенія Русской Литературы, изданныя въ 1815 и 1816 гг., чтобъ подтвердить сказанное выше о быстромъ ихъ размноженіи, но подобное исчисленіе было бы неудовлетворительно, и утомило бы вниманіе слушателей. Вмѣсто сего рѣшились мы наименовать, по всѣмъ отраслямъ наукъ и словесности, только тѣ книги, которыя достойны, почему либо, особеннаго вниманія, и могутъ показать нынѣшнее состояніе, направленіе и успѣхи просвѣщенія въ Россіи.

1. Богословіе.

Въ 1815 и 1816 годахъ вышли въ свѣтъ многія богословскія книги; между прочимъ поучительныя и торжественныя слова знаменитѣйшихъ пастырей и служителей Церкви. Изо всѣхъ отличаются преимущественно труды почтеннаго ректора С. Петербургской Духовной Академіи, архимандрита *Филарета*. Сверхъ разныхъ словъ и рѣчей, произнесенныхъ имъ, занимался онъ сочиненіемъ и изданіемъ книгъ по

всѣмъ почти частямъ Богословія. Его *Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи Греко-Россійской Церкви*, его *Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи*, его *Записки на книгу Бытія*, даютъ ему почетное мѣсто между писателями вообще, и особенно богословами Греко-россійской Церкви.

Сверхъ того напечатано великое число назидательныхъ книгъ, переведенныхъ большею частію съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ.

2. Правовѣдѣніе.

Религія есть первое основаніе всякаго общества, законы второе. Откровеніе религіи было важнѣйшимъ благодѣяніемъ Всевышняго, а изъ людей на первой степени благотворителей человѣческаго рода стоятъ законодатели. Съ благоговѣйною признательностью къ мудрому правительству, должны мы упомянуть, что Коммиссіею Составленія Законовъ напечатаны, въ продолженіе 1815 и 1816 годовъ, три тома *Свода Россійскихъ Законовъ*, въ которомъ представлены будутъ всѣ многочисленные и разновременныя постановленія Монарховъ Россійскихъ въ одномъ цѣломъ составѣ. Въ этихъ трехъ томахъ заключается одна первая часть Гражданскаго Уложенія. Никогда еще законы русскіе не были представлены въ такомъ систематическомъ порядкѣ. Благословеніе осчастливленныхъ современниковъ и потомства будетъ слад-

чайшею наградою виновникамъ и совершителямъ этого великаго подвига!

Въ теоріи Правовѣдѣнія должно замѣтить труды гг. профессоровъ *Кукольника* и *Цвѣтаева*, а въ практической его части первое въ своемъ родѣ русское сочиненіе: *Опытъ Уголовнаго Права*, написанный г. *Гореглядомъ*, и достойное особеннаго вниманія разсужденіе: *О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи*, г. *Грибовскаго*, доктора правъ Харьковскаго Университета. Въ этомъ университетѣ, несмотря на недавнее его учрежденіе, успѣли уже образоваться многіе достойные люди, обѣщающіе принести отечеству важную пользу своими познаніями и трудами.

За два года предъ симъ не могли мы назвать ни одного сочиненія о государственномъ хозяйствѣ. Въ 1815 же году вышелъ *Курсъ Политической Экономіи*, изданный на французскомъ языкѣ г. академикомъ *Шторхомъ*: съ одной стороны обогащаетъ онъ науку новымъ важнымъ сочиненіемъ, а съ другой представляетъ какъ бы отчетъ, на какихъ твердыхъ началахъ основывается воспитаніе юныхъ Великихъ Князей Россійскихъ. — На русскомъ языкѣ издано было нѣсколько мелкихъ сочиненій о системѣ мануфактуръ и торговли; статьи о томъ же предметѣ помѣщаемы были въ журналахъ.

3. Философія.

Въ умозрительной Философіи надлежитъ упомянуть о *Логикѣ*, профессора *Лоди*, а въ опытной *О начер-*

таніи душесловія, г. *Любовскаго*. Въ нравственной Философіи любитель словесности съ удовольствіемъ останавливаетъ взоръ свой на сочиненіи незабвеннаго *Михайла Никитича Муравьева: Обитатель предмѣстія, и Эмиліевы письма*, которое, по нравоучительной цѣли, прекраснымъ, новымъ мыслямъ и образцовому слогу, должно занять отличное мѣсто между произведеніями русской прозы.

4. ИСТОРІЯ.

И въ нынѣшнемъ обозрѣніи часть исторіи и поэзіи обильнѣе всѣхъ прочихъ. Явленіе пріятное! Историки и поэты преимущественно даютъ цѣну отечественной литературѣ, и болѣе всѣхъ другихъ писателей дѣйствуютъ на своихъ современниковъ и потомство. Состояніе наукъ историческихъ и изящной словесности одно можетъ подать мѣру настоящей степени просвѣщенія народа: оно возвышается и падаетъ съ процвѣтаніемъ и увяданіемъ націи.

1) Всемірная и Древняя Исторія.

По части Исторіи Всемірной, должно упомянуть съ уваженіемъ объ *Основаніяхъ Всеобщей Исторіи*, г. профессора *Кайданова*. *Памятникъ событій въ Церкви и Отечествѣ*, г. профессора *Орлова*, болѣе приличенъ для чтенія, нежели для преподаванія. Изданіе многотомнаго творенія на счетъ книгопродавца доказываетъ, какъ у насъ распространяется охота

къ чтенію полезныхъ книгъ, особенно въ среднихъ состояніяхъ.

2) Россійская Исторія.

Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, котораго мирныя занятія прерваны были вторженіемъ непріятеля въ древнюю столицу, съ новымъ ревеніемъ и успѣхами возобновило свои общеполезныя упражненія. Плодомъ ихъ было изданіе *Записокъ и трудовъ Общества* и первой части *Русскихъ Достопамятностей*. Оба собранія заключаютъ въ себѣ преважные матеріялы для русскаго бытописанія.

Лучшимъ сочиненіемъ о Русской Исторіи, изъ вышедшихъ въ 1815 и 1816 годахъ, должно безспорно назваться: *Изысканія* покойнаго академика *Лерберга*, которыя вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ и въ русскомъ переводѣ. Лербергъ оставилъ намъ въ этой книгѣ драгоцѣнный памятникъ своихъ познаній, талантовъ и трудолюбія, прекращенныхъ, къ сожалѣнію всѣхъ любителей наукъ, преждевременною его смертію.

Изъ занимающихся нынѣ Русскою Исторіею, достоинъ особеннаго вниманія и уваженія профессоръ *Эверсъ*. Имъ изданы, въ теченіе двухъ лѣтъ: *Критическія изысканія о древностяхъ русскихъ*, и *Учебная книга Русской Исторіи;* сверхъ того начатъ историческій и статистическій журналъ, который служитъ продолженіемъ Миллерову Собранію записокъ касательно Россійской Исторіи. Изданіе этихъ

книгъ на нѣмецкомъ языкѣ отнюдь не умаляетъ ихъ достоинства. Не должно забывать, что великій Шлецеръ, которому исторія наша обязана успѣхами своими въ новѣйшія времена, также писалъ по–нѣмецки. На русскомъ языкѣ напечатано по этой части, кромѣ нѣкоторыхъ учебныхъ книгъ, *Обозрѣніе Миѳологіи Славянъ Россійскихъ*, г. *Строева*.

Въ заключеніе сего разряда, непремѣнною обязанностію поставляемъ упомянуть, что скоро наступитъ время, когда Европа перестанетъ укорять Русскихъ въ равнодушіи къ ихъ обширной, важной, занимательной исторіи. Труды господина *Карамзина*, который, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, лишалъ произведеній своего пера русскую публику, посвятивъ все это время на сочиненіе Исторіи Россійской, достойно уважены и отличены Государемъ Императоромъ. Чрезъ годъ надѣемся, посреди сего почтеннѣйшаго собранія, сказать о выходѣ въ свѣтъ девяти томовъ сего творенія, и повторить гласъ общей благодарности достойному писателю.

3) Современная Исторія.

Въ теченіе прошедшихъ двухъ лѣтъ вышли нѣкоторыя дополненія къ описаніямъ событій незабвенныхъ годовъ 1812, 13 и 14. Важнѣйшее сочиненіе о семъ времени опасности и славы есть: *Письма Русскаго Офицера, сочиненіе Ѳедора Глинки*. Если не ошибаемся, онъ одинъ изъ всѣхъ участниковъ въ безсмертныхъ походахъ сихъ, издалъ о нихъ особое

твореніе, и потому заслуживаетъ преимущественно вниманіе и благодарность любителей словесности и славы русской. Будущій историкъ сихъ грозныхъ и славныхъ лѣтъ станетъ съ уваженіемъ пользоваться письмами Русскаго Офицера. Какою благодарностію были бы мы обязаны тому изъ сподвижниковъ Миниха, Румянцова и Суворова, который оставилъ бы намъ записки своего времени! Мы съ удовольствіемъ читаемъ Манштейна, де-Линя, но удовольствіе было бы вдвое сильнѣе, если бъ эти воспоминанія были намъ оставлены Русскими.

4) Путешествія и Землеописаніе.

Къ разряду путешествій принадлежатъ *Записки флота капитана Головнина о пребываніи его въ плѣну у Японцевъ, и флота капитана Рикорда объ освобожденіи г. Головнина изъ сего плѣна.* Это происшествіе случилось въ такое время, когда Россія озабочена была важнымъ дѣломъ освобожденія своего отъ нашествія страшнаго врага, и потому тогда не сдѣлалось гласнымъ, но въ послѣдствіи по справедливости обратило на себя вниманіе не только отечества, но и всего просвѣщеннаго міра. На Запискахъ г. *Головнина* наблюдатель отечественнаго просвѣщенія не можетъ не остановить особеннаго вниманія, какого книга эта во всѣхъ отношеніяхъ достойна. И въ самомъ дѣлѣ — сколько положеніе самого сочинителя въ плѣну возбуждаетъ любопытства въ читателѣ, столько необыкновенный своею простотою и

истиною слогъ его — вселяетъ къ нему совершенную довѣренность. Кромѣ этихъ достоинствъ, Записки г. Головнина имѣютъ еще важнѣйшую цѣну въ отношеніи политическомъ. Онѣ служатъ новымъ любопытнымъ поясненіемъ нравовъ, обычаевъ и законовъ Японскаго Государства, которое донынѣ почиталось въ числѣ земель малоизвѣстныхъ, и въ то же время доказательствомъ, какихъ отличныхъ офицеровъ Россія имѣетъ во всѣхъ родахъ службы. Кромѣ, можетъ быть, путешествія англійскаго капитана Флиндерса, во всей Европѣ въ послѣдніе годы не выходило по сей части книгъ, которыя важностію и занимательностію своею могли бъ сравняться съ этими Записками.

По этой же части должно замѣтить *Опытъ живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ, г. Свиньина*, переведенный на нѣмецкій языкъ и принятый съ похвалою и въ чужихъ краяхъ, и его же, вышедшее на сихъ дняхъ, *Описаніе достопамятностей Санктпетербурга*, которое, вкусомъ, расположеніемъ, отдѣлкою гравировокъ, можетъ стать на ряду съ лучшими изданіями въ семъ родѣ.

5. Естественныя науки.

По всѣмъ частямъ Естественныхъ Наукъ изданы многія сочиненія. Съ удовольствіемъ можно замѣтить, по именамъ врачей-сочинителей, что они почти всѣ Русскіе — доказательство успѣшнаго распространенія наукъ врачебныхъ и естественныхъ въ нашемъ оте-

чествѣ. — *Химическіе Словари* академика *Севергина*, дополнившіе чувствительный недостатокъ въ сей части, должны быть упомянуты съ уваженіемъ и признательностію. — Въ 1815 году изданы послѣднія части *Исторіи Медицины въ Россіи*, г. *Рихтера*. Мы упомянули уже о семъ превосходномъ твореніи въ обозрѣніи литературы 1814 года.

6. НАУКИ МАТЕМАТИЧЕСКІЯ И ВОЕННЫЯ.

За два года предъ симъ, когда едва кончена была брань, подъятая за освобожденіе Европы, мы не могли упомянуть ни объ одной книгѣ военной. Весьма естественно: когда требуются подвиги и труды на полѣ брани, нельзя заниматься науками, любящими покой и уединеніе. Нынѣ должны мы упомянуть *О полномъ курсѣ Артиллерійской и Понтонной Науки*, изданномъ Ученымъ Артиллерійскимъ Комитетомъ, и о *Основаніяхъ Фортификаціи*, написанныхъ, по правиламъ г. де Вернона, по порученію инженернаго начальства, г. подполковникомъ *Баженовымъ*. Въ первомъ изъ сихъ твореній представлена во всей полнотѣ теорія устроенія россійской артиллеріи, трудами Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева.

7. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Желаніе, изъявленное нами въ прежнемъ обозрѣніи, чтобъ читатели наши занялись прилежнымъ раз-



смотрѣніемъ и изысканіемъ правилъ Русской Грамматики, не исполнилось. Кромѣ нѣкоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ изданіи Московскаго Общества Любителей Словесности, ничего не сдѣлано въ ея пользу. Труды Линде, Таппе, Фатера посвящены въ пользу иностранцевъ, и знакомя ихъ съ нашимъ языкомъ, при всемъ достоинствѣ своемъ, не приносятъ теоріи сего языка ни какой пользы. Одинъ нѣмецкій сочинитель дурной Русской Грамматики, изданной въ прошломъ году въ Лейпцигѣ, говоритъ въ предисловіи, что онъ, по равнодушію Русскихъ къ языку своему, вознамѣрился пойти далѣе ихъ, т. е. выучить ихъ правиламъ этого языка. Намѣреніе смѣшное, но поводъ къ нему поданъ нами самими.

Господинъ *Аделунгъ* издалъ, на нѣмецкомъ языкѣ, книгу, достойную вниманія русскихъ патріотовъ: *Заслуги Екатерины Великой въ сравнительномъ языкознаніи.* При семъ случаѣ должно упомянуть, что эта книга г. Аделунга, творенія покойнаго Лерберга и критическія изысканія г. Эверса напечатаны на иждивеніи Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича Румянцова, который въ содѣйствіи истинному благу отечества — просвѣщенію его — находитъ свое удовольствіе и славу. Признательные современники уже назначили ему почетное мѣсто между первыми благотворителями наукъ въ отечествѣ. Потомство подтвердитъ этотъ справедливый приговоръ.

8. Полиграфія.

Въ 1815 году издавалось въ Россіи слишкомъ 40 официяльныхъ и неофиціяльныхъ вѣдомостей и журналовъ на разныхъ языкахъ. Въ 1816 году выходило менѣе, и, къ сожалѣнію, въ числѣ прекратившихся были такіе, которые дѣйствительно приносили пользу словесности и наукамъ.

Въ числѣ періодическихъ изданій, должны занять отличное мѣсто выходящіе повременно труды ученыхъ обществъ, а именно: *Извѣстія Россійской Академіи*, содержащія въ себѣ статьи, полезныя для составленія словаря русскаго и прочихъ славянскихъ языковъ, и изданіе *Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности*, отличающееся важностію и разнообразіемъ своего содержанія.

По части критической надлежитъ назвать: *Опытъ о элевсинскихъ таинствахъ*, написанный г. *Уваровымъ* на французскомъ языкѣ; *О придѣлкахъ къ древней статуѣ Купидона*, сочиненіе г. *Оленина*, изданное съ французскимъ переводомъ, и наконецъ *Письмо о переводѣ и представленіи Ифигеніи*, г. *Гнѣдича*.

9. Краснорѣчіе и поэзія.

По части собственнаго Краснорѣчія напечатаны, сверхъ нѣкоторыхъ рѣчей академическихъ, духовныя слова, о которыхъ упомянуто въ разрядѣ Богословія.

Къ сему отдѣленію надлежитъ присовокупить повѣсти и романы. Въ числѣ первыхъ отличаются изданія повѣстей, переведенныхъ гг. *Жуковскимъ* и *Каченовскимъ*. Мы пишемъ не похвальное слово нашей литературѣ, а обозрѣніе ея, и потому должны упомянуть о множествѣ переводныхъ романовъ, напечатанныхъ въ эти два года. Большая часть изъ нихъ перепечатана вновь, потому что первыя ихъ изданія сгорѣли въ Москвѣ.

Лирическая поэзія прославляла величіе и благость Монарха, освободителя Европы.

Посланіе къ Императору Александру, г. *Жуковскаго*, есть одинъ изъ прелестнѣйшихъ цвѣтковъ, возникшихъ въ это время. *Пѣснь на взятіе Парижа*, г. *Лобанова*, *Элегія* его *при гробѣ Князя Смоленскаго* и нѣкоторыя другія лирическія стихотворенія отличаются во множествѣ подобныхъ произведеній двухъ истекшихъ лѣтъ. Должно сказать, что въ Исторіи рѣдко случаются времена, которыя могли бы, подобно нынѣшнимъ годамъ славы Россіи, одушевлять пѣвцовъ отечественныхъ. У насъ есть стихотворенія на происшествія сихъ лѣтъ, которыя мы безъ стыда можемъ предать потомству съ повѣстію о великихъ дѣлахъ Государя и народа.

Въ поэзіи *дидактической* отличаются прекрасныя *Басни* г. *Крылова*, которыя изданы были особо и помѣщались въ журналахъ; также напечатаны два изданія Басень и Сказокъ *Александра Измайлова*. Какъ лучи солнечные отбрасываются всякимъ пред-

метомъ, едва имѣющимъ возможность отражать ихъ, такъ произведенія отличныхъ писателей, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, производили множество подражателей, особенно когда отличительныя красоты сихъ произведеній состоятъ въ простотѣ и мнимой безъискусственности, и равно дѣйствуютъ на читателей всѣхъ званій. Творенія лучшихъ баснописцевъ нашихъ породили множество подражателей, изъ которыхъ едва ли кто нибудь со временемъ сравнится съ своими образцами, ибо подражаніе, и подражаніе рабское, только развѣ въ младенческихъ лѣтахъ бываетъ упражненіемъ истиннаго таланта.

Поэзія *драматическая* обогащена изданіемъ переводовъ *Ифигеніи*, г. *Лобанова*, *Танкреда*, г. *Гнѣдича*, и *Эсѳири*, г. *Катенина*. Въ родѣ комическомъ должны быть отличены: *Липецкія Воды*, *Князя Шаховскаго*, и переводъ *Мизантропа*, г. *Кокошкина*. Остальныя произведенія драматической музы состоятъ большею частію изъ драмъ, оперъ, водевилей, балетныхъ программъ и другихъ подобныхъ твореній, въ которыхъ часть собственно піитическая есть самая слабая.

При исчисленіи произведеній поэзіи, нельзя не упомянуть о трудахъ *Графа Дмитрія Ивановича Хвостова*, который издалъ сочиненія и переводы почти по всѣмъ частямъ стихотворства.

Съ особеннымъ удовольствіемъ должно замѣтить, что, въ нынѣшнее время, вниманіе публики обращается на произведенія поэзіи и краснорѣчія болѣе нежели

когда нибудь. Это доказывается изданіемъ разныхъ собраній прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій и переводовъ, которые у насъ можно уже печатать съ нѣкоторою роскошью, ибо они находятъ многихъ любителей. Въ продолженіе 1815 и 1816 годовъ изданы, кромѣ исчисленныхъ выше Басенъ и Сказокъ гг. Крылова, Измайлова и многихъ другихъ, *Собраніе образцовыхъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ*, *Каліопа*, или труды воспитанниковъ Московскаго Университета, сочиненія г. *Тучкова*, сочиненія покойнаго *Плавильщикова*, сочиненія въ стихахъ *Жуковскаго*, и наконецъ пятая часть твореній *Державина* и два изданія *Озерова* — Державина и Озерова, которыхъ смерть похитила у насъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ. Воспоминаніе горестное, едва ли услаждаемое мыслію, что лучшая часть ихъ нетлѣнна и перейдетъ въ наслѣдіе вѣковъ! За годъ предъ симъ пѣвецъ Екатерины присутствовалъ еще въ семъ храмѣ щедротъ ея, и мы съ благоговѣніемъ взирали на старца, въ лицѣ котораго представлялся намъ первый изъ любимцевъ божественной музы въ наше время. Мы ловили во взорахъ его, въ которыхъ лѣта не могли изгладить юношескаго восторга, искры небеснаго огня великой его души; въ чертахъ лица его искали слѣдовъ тѣхъ вдохновенныхъ минутъ, въ которыя онъ духомъ переносился въ міръ надзвѣздный. Такъ стараемся мы, при закатѣ солнечномъ, удержать глазами послѣдніе лучи животворнаго свѣтила, чтобы потомъ, во мракѣ ночи, на-

слаждаться восхитительнымъ о нихъ воспоминаніемъ. Имя и творенія Державина принадлежатъ потомству, которое одно въ состояніи дать истинную цѣну великому стихотворцу. Когда поэзія есть та рѣдкая способность души, посредствомъ которой человѣкъ видитъ всѣ предметы въ свѣтѣ очаровательномъ, которая даетъ ему возможность, въ обыкновенномъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ, обрѣтать слѣды Вышняго Промысла, въ душѣ своей созидать новый, неизвѣстный смертнымъ міръ, постигать глубокимъ чувствомъ красоты природы и величіе Творца ея — всѣ эти впечатлѣнія языкомъ божественнымъ передавать другимъ, и тѣмъ возбуждать въ душахъ ихъ чувство безсмертія и назначенія человѣка къ другому, лучшему бытію — то Державинъ есть истинный поэтъ! Дѣйствія великаго стихотворца на современниковъ и потомство не могутъ быть исчислены. Непостижимою силою духа увлекаетъ онъ за собою націю, и переноситъ ее на высшую степень умственнаго образованія. Ликъ Державина будетъ вовѣки блистать въ храмѣ отечественныхъ музъ: когда иноземцы станутъ исчислять предъ нами имена своихъ поэтовъ — мы укажемъ на русскаго барда, и они умолкнутъ: въ душѣ его вмѣщался цѣлый міръ поэзіи!

Вскорѣ по кончинѣ Державина, вѣсть о смерти Озерова поразила насъ новою горестію. Державинъ былъ счастливѣе: до послѣдняго біенія сердца онъ питалъ душу свою восторгомъ поэзіи — и въ минуты разлуки съ земною жизнію переносился еще мыслію



въ область очарованій. Озеровъ угасъ въ тишинѣ уединенія, подъ игомъ страданій душевныхъ и тѣлесныхъ. Пламенный пѣвецъ Бога и Фелицы, преплывъ бурное море общественной жизни, спокойнымъ окомъ взиралъ съ берегу на его волненіе. Въ творцѣ Моины и Поликсены чувство преодолѣло силу духа; это самое глубокое чувство, которое произвело безсмертныя его творенія, было причиною его страданій и преждевременной кончины. — Творенія Озерова составили новую эпоху въ исторіи русской драматической поэзіи. Читатели и зрители обыкновенные могутъ находить въ его трагедіяхъ одно механическое превосходство стиховъ и слога предъ его предшественниками, но прилежный наблюдатель поэзіи отечественной долженъ видѣть въ нихъ достоинство гораздо важнѣйшее. До Озерова трагедіи наши были не иное что, какъ рабскія, одноцвѣтныя копіи образцовъ иностранныхъ. Озеровъ далъ имъ краски! Онъ оживилъ ихъ истинною поэзіею, которая, не довольствуясь вымысломъ и расположеніемъ происшествій и отдѣлкою слога, находитъ существо и превосходство свое въ красотахъ высшаго рода. Эдипъ, Фингалъ, Димитрій и Поликсена единственны въ своемъ родѣ, и донынѣ сочинитель ихъ не имѣетъ даже соперниковъ; эти трагедіи останутся украшеніемъ Русскаго Театра. Умъ человѣческій усовершенствуется, познанія людей распространятся, — возникнетъ, можетъ быть, какъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, собственная національная русская трагедія, но геній, водившій

кистію Озерова, будетъ сіять въ потомствѣ, и поздніе питомцы трагической музы съ восторгомъ и удивленіемъ будутъ взирать на великій образецъ свой!

Императорская Публичная Библіотека пріобрѣла два драгоцѣнные памятника этихъ великихъ поэтовъ; первый: экземпляръ Поликсены, писанный собственною рукою Озерова, и второй: аспидную доску, подаренную Библіотекѣ, по усильной просьбѣ ея начальства, родственниками Державина, на которой поэтъ, за два дни до своей кончины, написалъ слѣдующіе восемь стиховъ:

Рѣка временъ въ своемъ теченьѣ
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы.

Въ этомъ мѣстѣ хладная рука смерти коснулась поэта, и начатая мысль довершилась въ вѣчности. Она возбудится въ душѣ всякаго, кто взглянетъ на эти неоцѣненныя черты. Всѣ дѣла смертнаго тлѣнны, но духомъ своимъ великіе люди не умираютъ: этотъ духъ, подобно благотворному генію, возносится надъ разрушеніемъ и прахомъ, живетъ въ душахъ грядущаго вѣка, способныхъ вмѣщать великое и изящное, и укрѣпляетъ ихъ въ вѣрѣ, что отблескъ Вышняго Существа въ этомъ мірѣ не можетъ быть причастенъ тлѣнію.

III.

ОБОЗРѢНІЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
въ 1833 году.

(Письмо въ Парижъ, къ Якову Николаевичу Толстому.)

Вы, попрежнему, любите отечественную словесность; вы прилежно ею занимаетесь. Это увидѣлъ я на оберткѣ журнала: Europe Littéraire: тамъ сказано, что вы взялись сообщить его издателямъ *Обозрѣніе Русской Литературы.* Я увѣренъ, что вы исполните это намѣреніе достойнымъ сего предмета образомъ, и будете способствовать къ проясненію нынѣшнихъ французскихъ понятій о нашемъ отечествѣ; но такъ, какъ, вѣроятно, не всѣ русскія произведенія до васъ доходятъ, то я и полагаю, что нѣкоторыя подробности о нынѣшнемъ состояніи нашего литературнаго міра будутъ вамъ не излишни, а можетъ быть

и пріятны. Надѣюсь, что вы не оставите отплатить за это взаимностію; надѣюсь, что вы сообщите намъ извѣстія изъ того круга, въ которомъ живете нѣсколько лѣтъ. Любопытно было бы намъ узнать нѣкоторыя подробности о нынѣшнихъ герояхъ Французской Словесности: опишите намъ Ламартина, Делавиня, Гюго, Нодье, Дюмаса, Мериме, Герцогиню Абрантскую, Жанена, Бальзака; снимите маску съ библіофила Жакоба и Мишеля-Ремона. Я не могу служить вамъ такимъ обиліемъ матеріяловъ и лицъ, но мои извѣстія, конечно, будутъ доступны вашему сердцу: я буду говорить о Россіи и о Русскихъ. Напрасно думаютъ, что любовь къ отечеству (разумѣется, въ человѣкѣ совершеннолѣтнемъ) ослабляется удаленіемъ изъ отечества. Напротивъ: предметы, отдаленные отъ насъ *пространствомъ*, дѣйствуютъ на насъ такъ же, какъ минувшіе во *времени:* вдали исчезаютъ мелкіе ихъ недостатки; они представляются уму и воображенію нашему въ цѣломъ своемъ объемѣ, въ видѣ совершенномъ; они дѣйствуютъ на душу только хорошими, такъ сказать, *казо̀выми* своими сторонами. И это благородное чувство должно загладить въ вашихъ глазахъ скудость моего предмета. Скажу правду: наша литература еще не достигла той степени, на которой всякому доброму патріоту желалось бы ее видѣть. У насъ еще нѣтъ собственнаго міра литературнаго. Рѣдкіе занимаются у насъ литературою исключительно, и для самой литературы. Молодые люди, еще не разочарованные въ своихъ

школьныхъ вѣрованіяхъ и мечтаніяхъ, вышедъ въ свѣтъ, испытываютъ свои силы; но, не имѣвъ на первомъ шагу блистательнаго успѣха, упадаютъ духомъ, жалуются на равнодушіе и безвкусіе читающей русской публики, и большею частію посвящаютъ труды свои службѣ: ея награды существеннѣе и достаются скорѣе. Другіе изъ этихъ раненыхъ подвижниковъ вступаютъ въ когоргу, не письменной, но словесной оппозиціи, браня все, всѣхъ и каждаго. Потребны необыкновенная твердость духа, пламенная страсть къ словесности, безотчетная любовь къ наукамъ и искусствамъ, чтобъ долго, не говорю, всегда, трудиться на этомъ поприщѣ, усѣянномъ волчцемъ и терніемъ. Потребно поэту и литератору сильное чувство исполненія своего долга, чтобъ насладиться наградою за свои пожертвованія и успѣхи. Подите въ свѣтъ съ вашею душею, съ вашими твореніями — тамъ васъ не знаютъ. Вамъ скажутъ два, три привѣтствія, изъ которыхъ увидите, что полурусскій комплиментеръ не читалъ вашихъ твореній, и хвалитъ васъ наобумъ. Послушайте сужденій и похвалъ ступенью ниже. Васъ хвалятъ въ лице за тѣ мѣста въ сочиненіи вашемъ, которыя вы хотѣли бы навсегда уничтожить и въ книгѣ и въ памяти своей, а тѣ мысли, тѣ картины, тѣ чувства, которыя сотворены, рождены вами въ свѣтлыя минуты вдохновенія, съ которыми вы всю жизнь носились, какъ раковина съ драгоцѣнною жемчужиною — онѣ проскользнули на гладкой поверхности лакированныхъ китайскихъ урод-

цевъ! Изрѣдка, невзначай поэты русскіе слышатъ отголоски своихъ пѣсней; — изъ какого нибудь темнаго, отдаленнаго уголка отзовется: понимаю, чувствую! И этотъ одинокій голосъ, иногда одна мысль, что *можетъ быть* такой голосъ гдѣ-то раздается — вотъ что должно питать у насъ чувство, воображеніе и талантъ. Какъ послѣ этого не позавидовать литераторамъ другихъ странъ, которые дѣйствуютъ во услышаніе всему отечеству своему, которымъ рукоплещутъ изъ ложъ, изъ партера и — изъ райка: ибо кто знаетъ, куда заберется истинная критика, равно какъ и истинный талантъ! Впрочемъ, въ пользу сихъ опасныхъ совмѣстниковъ, должно сказать и то, что они покупаютъ свои успѣхи, свои лавры, тяжкимъ трудомъ, долговременнымъ ученіемъ, неутомимымъ прилежаніемъ, пожертвованіемъ здоровья, иногда и самой жизни. А мы, грѣшные, трудимся, какъ тѣ изъ нашихъ фабрикантовъ, которые снабжаютъ своими легкими и ломкими произведеніями рынки азіятскіе: сойдетъ-де и такъ съ рукъ! Мы еще не занимались литературою порядочно, серіозно, постоянно, какъ дѣломъ важнымъ, отечественнымъ. Мы играемъ въ словесность, какъ въ кегли. Не удалось, надоѣло: пойдемъ въ департаментъ.

Съ недавняго только времени занятія литературою начали давать у насъ выгоды существенныя, то есть, денежныя. Еще не далеки тѣ времена, когда напечатать книгу или предпринять изданіе журнала значило задолжать въ типографію и въ бумажную лавку. Нынѣ

постоянное занятіе по какой либо части словесности и наукъ непремѣнно принесетъ и вѣрную прибыль. Это важно для успѣховъ литературы. Странно, что у насъ считаютъ вещью — не то чтобъ неблагородною или непозволительною — а какъ-то неловкою, трудиться по наукамъ или словесности *изъ платы*. Да кто въ свѣтѣ трудится безъ возмездія? И полководецъ и министръ, и прелатъ и банкиръ, получаютъ плату за труды свои, плату честную и благородную, если она пріобрѣтена по мѣрѣ прямыхъ заслугъ! — Установленіемъ вѣрной, соразмѣрной съ трудами выгоды за постоянныя занятія словесностію и науками составится у насъ собственное сословіе ученыхъ и литераторовъ, коихъ вся жизнь будетъ посвящена обработанію какого либо предмета, важнаго вообще для человѣчества или для отчизны въ особенности. По мѣрѣ распространенія любви къ чтенію, къ занятію науками, родится и уваженіе къ ученому и къ литератору, какъ къ человѣку и гражданину; перестанутъ спрашивать: что онъ коллежскій или еще надворный? или: какъ можно дать владимірскій крестъ чиновнику 14–го класса, который побѣдилъ талантомъ Камучини и Жерара! — Правительство наше дѣлаетъ все возможное, чтобъ создать, возвысить, облегчить истинно благородное сословіе производителей во всѣхъ родахъ. Намъ должно понять его намѣренія, и встрѣтить ихъ исполненіемъ на половинѣ пути!

Вотъ, почтеннѣйшій Яковъ Николаевичъ, наши недостатки, наши жалобы, наши желанія и надежды.

Но вы не того отъ меня ожидаете: вы хотите отчета въ новѣйшихъ русскихъ произведеніяхъ. Извольте: напишу что знаю и что могу. Прошу только, послѣ сказаннаго, не жаловаться на скудость матеріяловъ моего отчета, и не требовать у меня той строгости сужденій, къ которой вы привыкли въ своемъ парижскомъ водоворотѣ. Бѣдные не смѣютъ быть слишкомъ разборчивыми. Между тѣмъ, если *количествомъ* нашихъ произведеній мы не можемъ установить курса русскому уму на европейской биржѣ, то *качествомъ* нѣкоторыхъ нашъ участокъ не во многомъ уступитъ трудамъ вашихъ Ротшильдовъ литературы.

Первыя мѣста въ числѣ дѣйствующихъ нашихъ поэтовъ занимаютъ Крыловъ и Пушкинъ. Жаль, что къ нимъ нельзя приложить рецепта Репетилова:

Писать, писать, писать!

Крыловъ изрѣдка выдаетъ свои новыя Басни. Пять было напечатано въ *Новосельѣ*. Надѣемся, что и Библіотека для Чтенія будетъ украшаться ими. Крыловъ, какъ человѣкъ умный, не довѣряетъ самъ себѣ, и на старости боится славы архіепископа гренадскаго. Мнѣ кажется, что это опасеніе напрасное. Не говоря о поэтическомъ талантѣ его, который ни мало не увялъ съ лѣтами, замѣтимъ, что и самый родъ его стихотвореній менѣе другихъ подверженъ вліянію лѣтъ. Воображеніе, чувство, пламя лирическое могутъ потухнуть съ лѣтами, но свѣтская на-

блюдательность, умъ, прелесть разсказа не ветшаютъ въ человѣкѣ съ дарованіемъ.

Пушкинъ, Протей въ словесности, своенравный, прихотливый, какъ сама поэзія, *игралъ* въ этомъ году однѣ прелюдіи, капризы. Мы ждали увертюры, ждали чего нибудь бо̀льшаго, важнѣйшаго, но не дождались, и, подобно султану Мустафѣ, восхищавшемуся настройкою инструментовъ своей капелліи, повторяли: и это хорошо! и это мило! — Къ Пушкину, болѣе нежели къ кому нибудь другому, можно отнести сказанное нами объ участи нашихъ поэтовъ. О немъ будутъ говорить: онъ былъ въ свѣтѣ, и свѣтъ его не понялъ.

Въ нынѣшнемъ году появились двѣ оригинальныя русскія трагедіи: *Торквато Тассо*, сочиненіе *Нестора Васильевича Кукольника*, названная имъ драматическою фантазіею, и *Россія и Баторій*, историческая драма *Барона Егора Өедоровича Розена*. Эти два произведенія должны обратить на себя все вниманіе любителей литературы, особенно первое. Тассъ, человѣкъ двухъ міровъ, великій, возвышенный, безсмертный въ мірѣ духовномъ, и слабый, ничтожный, сумасбродный въ глазахъ людей міра земнаго, представляетъ лице истинно поэтическое, созданное для драмы. Нашъ юный поэтъ удачно воспользовался характеромъ и судьбою пѣвца Іерусалима, и представилъ намъ въ своей фантазіи не именно историческаго Тасса, а вообще поэта, чуждаго гостя въ здѣшнемъ свѣтѣ, окруживъ его тѣми лицами и

обстоятельствами, которыми судьба какъ бы съ умысломъ окружила своего любимца и страдальца. Вся эта трагедія преисполнена красотъ, но лучшія сцены въ ней суть: бесѣда Тасса съ геніемъ своимъ въ темницѣ, и кончина его въ вѣнцѣ капитолійскомъ. — Трагедія эта не была представлена на театрѣ, и, какъ мнѣ кажется, авторъ ничего не потерялъ при этомъ. Идеальность, піитическая возвышенность предмета его драмы, несовмѣстна съ дѣйствительностію, осязаемостью, которой требуетъ *зрѣлищная* публика. Я увѣренъ, что *наши* зрители, увидѣвъ въ первой сценѣ, что Тасса въ домѣ его сестры принимаютъ за безумнаго, расхохотались бы, какъ въ *Горѣ отъ ума*, когда прославляютъ сумасшедшимъ Чацкаго на балѣ; увѣренъ, что не поняли бы и сцены сумасшедшихъ, въ которой сокрыто высокое значеніе. — Историческая драма Барона Розена отличается другимъ достоинствомъ: это поэтизированная картина русскаго быта въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Онъ взялъ удивительные характеры того времени: Іоанна, Бѣльскаго, Годунова, Баторія, Замойскаго, Курбскаго; срисовалъ ихъ, по возможности, придалъ къ нимъ еще нѣсколько лицъ, счастливо придуманныхъ и созданныхъ (таковъ, напримѣръ, Царевичъ Іоаннъ, котораго мы не можемъ разгадать въ прозаической исторіи), заставилъ ихъ дѣйствовать въ ихъ кругу, на ихъ поприщѣ. Въ этой драмѣ достоинъ преимущественнаго вниманія *языкъ* дѣйствующихъ лицъ. Авторъ отбросилъ стѣснительные, условные законы

приличія, благородства, нѣжности выраженій: онъ беретъ слова, которыя, по его мнѣнію, ближе, короче, сильнѣе выражаютъ мысль и чувство, располагаетъ ихъ по русскому народному синтаксису, и производитъ этимъ эфектъ удивительный. Можно сказать, онъ *ломаетъ* языкъ (иногда и не совсѣмъ удачно), но какъ, *не поломавшись*, и освободиться отъ оковъ, наложенныхъ на прежній языкъ драматическій и правилами Буало, и примѣромъ Сумарокова, и привычкою въ семинаріяхъ и канцеляріяхъ! Честь и слава младому витязю! Онъ ринулся на фалангу фальшиваго классицисма, какъ Арнольдъ Винкельридъ на мѣдную стѣну враговъ. Летите за нимъ въ слѣдъ, молодые поэты, и довершите побѣду истины и природы надъ ложными правилами и неестественностью! Впрочемъ должно сказать, что драма Б. Р., *какъ драма*, не выдержала бы строгой критики, если бъ въ ней не были выведены на сцену лица, важныя для насъ историческимъ своимъ значеніемъ: дѣйствіе и интересъ драмы въ ней двоятся, между Москвою и Псковомъ.

Третье поэтическое произведеніе нынѣшняго года есть умилительное завѣщаніе таланта, увядшаго на зарѣ жизни. Императорская Россійская Академія напечатала стихотворныя произведенія дѣвицы *Елисаветы Кульманъ*, скончавшейся 19 Ноября 1825 года, на осьмнадцатомъ году отъ рожденія. Жизнь и труды ея представляютъ намъ удивительную картину борьбы выспреннихъ душевныхъ силъ съ облекающимъ ихъ земнымъ тлѣніемъ. Дѣвица Кульманъ осно-

вательно знала почти всѣ новые европейскіе языки, латинскій и греческій: любимымъ ея занятіемъ были переводы древнихъ классиковъ и подражанія этимъ великимъ образцамъ. *Кончивъ* жизнь свою въ томъ возрастѣ, когда другіе едва *начинаютъ* учиться, она показала изумленному свѣту что̀ могла бы сдѣлать, если бъ судьба даровала ей еще нѣсколько лѣтъ существованія на земли, для полнаго развитія рѣдкаго поэтическаго дарованія. Святость памяти такой души удерживаетъ перо критика.

Въ нынѣшнемъ же году изданы стихотворенія молодаго поэта *Языкова,* порывы пламенной души, поэтическаго созерцанія, выраженные прекраснѣйшимъ языкомъ, но, по моему мнѣнію, слишкомъ единообразные вымысломъ. *Иванъ Ивановичъ Козловъ,* котораго жизнь явила намъ великій примѣръ утѣшенія, какое доставляютъ человѣку занятія поэзіею среди самыхъ тяжкихъ лишеній и страданій, также напечаталъ особою книжкою свои мелкія стихотворенія, разсѣянныя дотолѣ по разнымъ журналамъ и альманахамъ. Звуки пѣсней этого поэта не суть искусственныя рулады или блистательныя варіаціи виртуоза на драгоцѣнномъ роялѣ: это стоны, исторгаемые изъ гармоники или эоловой арфы!

Перейдемъ къ новымъ твореніямъ въ прозѣ. Первое мѣсто въ числѣ ихъ, и по времени выхода въ нынѣшнемъ году, и по внутреннему достоинству, принадлежитъ *Русскимъ повѣстямъ и разсказамъ Марлинскаго.* Рѣшительно можно сказать, что этотъ

писатель сталъ на первой степени нашихъ прозаиковъ. Вымыселъ, изложенiе, разсказъ, рѣзкiя и новыя мысли, прекрасные характеры, великолѣпныя картины природы, трогательныя и комическiя сцены общественной жизни, и свѣтскiй умъ, и пламенное чувство, и острая насмѣшливость, и умилительное унынiе души — сверхъ того строжайшая отчетливость въ описанiи мѣстностей разныхъ странъ, сословiй, занятiй — все это составляетъ достоинство этихъ повѣствованiй. Автора упрекаютъ въ излишнемъ остроумiи, въ неестественности и принужденности нѣкоторыхъ его сравненiй и описанiй. Это, можетъ быть, справедливо тамъ, гдѣ онъ описываетъ жизнь обыкновенную, свѣтскую, *гостиную;* но можно ли сдѣлать ему этотъ упрекъ въ Амалатъ-бекѣ, въ Красномъ Покрывалѣ, въ картинахъ морской жизни и военнаго быта, въ письмахъ къ доктору Эрману? Недавно читалъ я въ Journal des Débats рецензiю на переводъ Русскихъ Повѣстей (Les Conteurs Russes), напечатанный въ Парижѣ. Нашихъ писателей упрекаютъ въ недостаткѣ оригинальности. Но что сказали бы ваши аристархи, если бъ могли прочитать нѣкоторыя повѣсти Марлинскаго? Впрочемъ, разумѣется, что и переводу надлежало бъ быть сколько нибудь достойнымъ подлинника. Въ этихъ же Conteurs Russes, слова: «*Мишка! разбойникъ, подай свѣчей**)! переведены: Michinka, fils de chien, apporteras tu des lumières! съ ученою

*) Въ статьѣ Булгарина: *Судья по выборамъ.*

выноскою, что fils de chien, говорится по-русски: soukine syne, и съ отмѣткою: C'est une apellation fort commune, usitée dans les rapports du maître et des domestiques en Russie. Вотъ какъ насъ переводятъ, и по этимъ переводамъ судятъ о русской литературѣ, о русскомъ умѣ!

Другой писатель, пріятнымъ образомъ изумившій въ нынѣшнемъ году русскую читающую публику, есть *Баронъ Брамбеусъ*. Вы спрашиваете: откуда явился этотъ баронъ? Изъ русской сказки о Францылѣ Венеціянѣ, начинающейся слѣдующими словами: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ шпанскій король, Баронъ Брамбеусъ.» Довольно ли? Первые опыты Барона Брамбеуса напечатаны были въ Новосельѣ. Недавно вышли его ***Фантастическія Путешествія***, геніальное произведеніе необыкновеннаго ума и оригинальнаго воображенія. Мысли, картины, изложеніе — все въ этихъ повѣстяхъ поражаетъ читателя новостью и необычайностью. Жаль, что мѣстами проскакиваютъ выраженія, неодобряемыя нашимъ цѣломудреннымъ и чопорнымъ вкусомъ. On est très chaste ici aux oreilles — говаривалъ Сенъ-Моръ, когда ему толковали о неприличности чтенія нѣкоторыхъ французскихъ стихотвореній на его вечерахъ. Что дѣлать? Выраженія, которыя во Франціи слушаетъ, не краснѣя, всякая благовоспитанная дѣвица, у насъ привели бы въ замѣшательство опытную повивальную бабушку.

Изъ романовъ конченъ въ нынѣшнемъ году

изданіемъ четвертаго тома (и напечатанъ вторымъ, исправленнымъ тисненіемъ) *Послѣдній Новикъ*, г. *Лажечникова*, занимательный по содержанію, по дѣйствующимъ въ немъ лицамъ, но слишкомъ *подражательный* Вальтеру Скотту — во всемъ, кромѣ слога. — *Кощей Безсмертный*, г. *Вельтмана*, есть удачный опытъ употребленія старинныхъ русскихъ сказокъ, преданій, повѣрій, поговорокъ и другихъ обломковъ любезной старины. Въ этомъ романѣ есть прекраснѣйшіе эпизоды, но въ цѣломъ нѣтъ ни внутренней, ни наружной связи, и герой романа, пошлый дуракъ, не можетъ возбудить участія. — На этихъ дняхъ отпечатается романъ *Мазепа*, соч. *Ѳ. В. Булгарина*, въ которомъ очень близко и живо изображенъ бытъ малороссійскихъ удальцовъ стараго времени, и дѣла ихъ съ Ляхами и Москалями. — *Камчадалка*, романъ г. *Калашникова*, достоинъ вниманія по точному изображенію обычаевъ, нравовъ и нѣкоторыхъ происшествій Камчатки. — Въ нынѣшнемъ же году перепечатанъ романъ *Семейство Холмскихъ*. Если вы хотите узнать его содержаніе, купите, въ Парижѣ, переведенный съ англійскаго романъ: Le Pour et le Contre, прибавьте къ нему нѣсколько нашихъ національныхъ сценъ, въ которыхъ играютъ роль взятки, карты, ерофеичъ, и т. п. — и будете имѣть то, что мы читали подъ именемъ произведенія россійскаго. Должно впрочемъ сказать, что слогъ этого подражанія легкій, чистый, пріятный; заморскія происшествія и

лица передѣланы въ немъ на русскій ладъ очень искусно.

Изъ числа повѣстей, выходящихъ дюжинами, должно отличить повѣсти Казака *Луганскаго: Нападеніе въ расплохъ*, и *Цыганка*. Обѣ написаны прекрасно; но послѣдняя отличается особеннымъ характеромъ мѣстности молдаванской: *Кассандра* есть прелестнѣйшее созданіе поэта!

Заключу обозрѣніе достопамятныхъ явленій нынѣшней національной литературы сочиненіемъ генералъ-лейтенанта *Ивана Никитича Скобелева: Подарокъ товарищамъ, или Переписка русскихъ солдатъ.* Вы вѣрно читали, и съ удовольствіемъ, повѣствованіе французскаго солдата о жизни Наполеона (въ Europe Littéraire, и въ Médecin de campagne), Бальзака? У насъ есть такое же, или лучшее произведеніе въ этомъ родѣ: это упомянутая мною Переписка. Книга эта есть не подражаніе, не *поддѣлка* подъ солдатскій слогъ — а просто истинный солдатскій разсказъ, со всѣми повѣрьями, преданіями, прибаутками и оригинальными выраженіями русскаго воина. Сверхъ того, подъ видомъ разсказа, изложены въ этой Перепискѣ всѣ обязанности солдата, какъ человѣка и воина. Это, поистинѣ, первая у насъ народная книга.

По части Исторіи должно упомянуть о двухъ книгахъ: 1) *Сочиненія Князя Курбскаго*, изданныя г. *Устряловымъ*, и 2) *Изслѣдованіе Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, Вл. М. Строева.* — Г. *Полевой* издалъ четвертый томъ *Исторіи Рус-*

скаго Народа. Объ этихъ книгахъ не довольно краткихъ замѣчаній; о нихъ должно или просто упомянуть, или распространиться на нѣсколькихъ страницахъ: избираю первое.

Должно замѣтить, что почти всѣ исчисленныя мною новыя книги (именно кромѣ романовъ *Послѣдній Новикъ, Кощей* и *Семейство Холмскихъ*) вышли въ С. Петербургѣ. Это замѣчаніе касается до литературной статистики *внѣшней.* Относительно же *внутренняю* характера нынѣшней нашей словесности, замѣчательно бореніе, происходящее въ языкѣ. Приращеніе литературы нашей въ разныхъ родахъ, опыты нашихъ стихотворцевъ и прозаиковъ на путяхъ, донынѣ неизвѣданныхъ — все это способствуетъ къ обогащенію матеріяльной и формальной части языка. Многія слова принимаютъ иное противъ прежняго значеніе; другія употребляются въ смыслѣ, точнѣйшемъ или обширнѣйшемъ. Разные новые обороты получаютъ право гражданства; особенно, по сближеніи нашихъ писателей въ послѣднее время съ литературою Германіи, водворились у насъ многія нѣмецкія фразы, и къ нѣкоторымъ мы уже привыкли. Есть слова и выраженія *модныя*, безъ которыхъ нельзя показаться въ литературномъ свѣтѣ: таковы, напримѣръ, *проявленіе, жить жизнію*, и н. др. Очень забавенъ нашъ учено–ораторскій и дидактическій языкъ. Это какое-то натянутое, растянутое, надутое, взбитое разглагольствіе, котораго ни слушатели, ни самъ ораторъ безъ помощи лексикона и комментарій

понять не могутъ. Округленные, раскрашенные періоды слѣдуютъ одинъ за другимъ, въ симметрическомъ порядкѣ, какъ разноцвѣтные фонари въ балетѣ Кіа-Кингъ, съ тою разницею, что внутри балетныхъ фонарей свѣча, а въ пузырныхъ періодахъ нѣтъ формально ничего. Я не называю никого, но совѣтую всякому вникнуть въ содержаніе нѣкоторыхъ нашихъ новомодныхъ рѣчей, произносимыхъ иногда предъ многочисленнымъ собраніемъ. А что говоритъ собраніе? Прислушивается, зѣваетъ, морщится, не понимаетъ, но стыдясь въ этомъ признаться, и приписывая непостигаемость эту не безтолковщинѣ оратора, а своему тупоумію — восхищается и рукоплещетъ.

Если я не ошибаюсь, нашей словесности, нашей поэзіи и прозѣ, въ непродолжительномъ времени, предстоятъ перемѣны, и самыя счастливыя. Изъ среды молодыхъ питомцевъ музъ возникнутъ самостоятельные писатели, и вознесутъ нашу литературу и исторію на высшую степень. Эта мысль волновала и радовала меня, когда я, въ нынѣшнемъ году, въ Москвѣ, посѣщалъ аудиторіи тамошняго университета, видѣлъ на лекціяхъ И. И. Давыдова слишкомъ двѣсти человѣкъ, молодыхъ, благородныхъ, благовоспитанныхъ людей, жаждущихъ просвѣщенія; видѣлъ у М. П. Погодина труды учениковъ его по историческому классу, между прочимъ переводы превосходнѣйшихъ историковъ новаго времени. И я увѣренъ, что обогащеніе, преобразованіе, расширеніе языка нашего должно произойти изъ Москвы, колыбели русскаго просвѣщенія.

Я говорю вамъ только о собственной *словесности* русской. Если бъ я вздумалъ дать вамъ отчетъ въ движеніи наукъ и просвѣщенія въ Россіи вообще, то далеко вышелъ бы за предѣлы моего письма. Эта часть идетъ у насъ быстрыми шагами: въ Кіевѣ учреждается новый университетъ Св. Владиміра: С. Петербургскій обогащается новыми, достойными профессорами; Главный Педагогическій Институтъ въ непродолжительномъ времени выпуститъ значительное число молодыхъ, основательно обученныхъ, отлично образованныхъ кандидатовъ, для занятія учительскихъ должностей; въ Дерптскомъ Университетѣ окончили курсъ двадцать два человѣка воспитанниковъ такъ называемаго Профессорскаго Института, и почти всѣ удостоены степени докторской. Нынѣ отправились они въ чужіе краи, для довершенія своего ученаго образованія, и потомъ займутъ должности профессоровъ. Въ Министерствѣ Просвѣщенія начинается съ новаго года изданіе журнала для распространенія свѣдѣній о трудахъ и успѣхахъ по этой важной отрасли государственнаго управленія. Ученыя Записки издаются Университетами Московскимъ и Дерптскимъ. Въ С. Петербургѣ приступаютъ къ постройкѣ обсерваторіи, которая будетъ снабжена превосходнѣйшими инструментами. — Воспитаніе юношества въ военно-учебныхъ зиведеніяхъ также болѣе и болѣе идетъ къ совершенству. Военная Академія и офицерскіе классы Морскаго Корпуса, Инженернаго и Артиллерійскаго Училищъ и Института Корпуса Путей Сообщенія,

ежегодно умножаютъ число истинно образованныхъ, ученыхъ офицеровъ. Воспитательные институты Министерства Финансовъ, общеполезные журналы, издаваемые по этому вѣдомству, равномѣрно споспѣшествуютъ къ распространенію познаній въ наукахъ математическихъ, естественныхъ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что эти успѣхи въ познаніяхъ положительныхъ будутъ имѣть благое дѣйствіе и на словесность, драгоцѣннѣйшее достояніе націи. Науки можно переманить, пересадить изъ странъ просвѣщенныхъ; но отечественный языкъ, словесность, исторія воздѣлываются только собственными руками народа, на почвѣ, усѣянной костьми великихъ предковъ, орошенной кровью и слезами исчезнувшихъ поколѣній, приготовившихъ своими трудами, подвигами и страданіями нынѣшнее наше величіе, славу и благоденствіе.

Теперь сообщу вамъ нѣкоторыя извѣстія не о произведеніяхъ словесности, а о производителяхъ: вамъ конечно любопытно будетъ знать, что у насъ готовится и на будущее время.

Несторы петербургской нашей словесности, ***А. С. Шишковъ*** и ***Графъ Д. И. Хвостовъ***, съ усердіемъ продолжаютъ прежнія, любимыя свои занятія: Александръ Семеновичъ трудится надъ изслѣдованіемъ корней славянскихъ, а Графъ Дмитрій Ивановичъ ударяетъ въ струны своей лиры при каждомъ достопримѣчательномъ случаѣ.

Въ Москвѣ былъ я у ***И. И. Дмитріева:*** онъ живетъ, какъ мудрецъ, узнавшій міръ и суеты его, не

въ совершенномъ уединеніи, и не въ свѣтскомъ шумѣ, — въ тихой части города, въ прекрасномъ домѣ, окруженномъ густымъ садомъ; стѣны его комнатъ украшены изящнѣйшими гравюрами, напоминающими или великихъ людей, или важныя происшествія исторіи, или же представляющими образцовыя произведенія искусства. За столомъ его провелъ я нѣсколько пріятнѣйшихъ *аѳинскихъ* часовъ въ обществѣ литераторовъ, которыми онъ окружаетъ себя, питая донынѣ страстную любовь къ литературѣ, занимаясь всѣми ея произведеніями, принимая къ сердцу всѣ ея событія и явленія.

И. А. Крыловъ, попрежнему, проводитъ утро, занимаясь своею должностью главнаго библіотекаря русскаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки, обѣдаетъ въ Англійскомъ Клобѣ, и тамъ просиживаетъ вечеръ, невольно собирая вокругъ себя кружокъ всего, что есть умнаго, грамотнаго и толковаго въ этомъ разнообразномъ обществѣ.

В. А. Жуковскій, изнуренный безпрерывными трудами по своей должности, былъ очень нездоровъ въ прошедшемъ году. По совѣту врачей, отправился онъ на югъ; провелъ зиму въ полуденной Швейцаріи, въ мѣстѣ, закрытомъ отъ жестокаго дыханія сѣвера, и нынѣ воротился, совершенно оправившись и собравшись съ новыми силами. Я душевно обрадовался, увидѣвъ его недавно въ театрѣ: онъ помолодѣлъ нѣсколькими годами. Отдыхая, за границею, занимался онъ поэзіею: произведенія его досуга будутъ печа-

таться въ Библіотекѣ для Чтенія. Здѣсь онъ не имѣетъ времени дѣятельно заниматься литературою: чувствуя всю важность, всю святость своей должности, онъ жертвуетъ ей всѣмъ своимъ временемъ. Такъ и должно.

А. С. Пушкинъ, во второй половинѣ сего года, ѣздилъ въ Оренбургъ, для собранія на мѣстѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, нужныхъ для его *историческаго* труда. Между тѣмъ написалъ онъ, какъ я слышалъ, три новыя поэмы и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

Кн. П. А. Вяземскій, неусыпно занимаясь службою (онъ служитъ вице-директоромъ Департамента Внѣшней Торговли), не оставляетъ и литературы. Нынѣ, слышалъ я, кончилъ онъ подробную біографію фонъ-Визина. Въ альманахахъ встрѣчаются его мелкія стихотворенія.

Князь А. А. Шаховской, попрежнему, усердно и пламенно трудится для Русскаго Театра; но нынѣшнія его произведенія не могутъ сравниться съ прежними. Если вы хотите, въ нихъ болѣе основанія историческаго и философическаго, но не этого требуется въ драмѣ. Занимательность сюжета, отчетливость въ изображеніи характеровъ, быстрота дѣйствія — ничѣмъ замѣнены быть не могутъ. Онъ написалъ нѣсколько повѣстей, заимствованныхъ изъ русскаго быта въ началѣ и въ срединѣ XVIII вѣка, и намѣренъ издать ихъ подъ названіемъ Русскаго Декамерона. Предпріятіе, которому мы желаемъ скораго исполненія! Наша старина исчезаетъ по мѣрѣ удаленія ея дѣй-

ствователей со сцены, и у внучатъ остаются одни темныя преданія, искаженныя перескащиками. Если бъ у насъ были Записки временъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны! Мы припоминаемъ себѣ разсказы стариковъ, какъ сонъ, разсѣянный утреннею зарею. О временахъ Екатерины II-й многое помнитъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, и разсказываетъ съ восхитительною истиною и простотою. Кто не пожелаетъ, чтобъ онъ сохранилъ свои воспоминанія на бумагѣ! Записки его времени были бы драгоцѣннѣйшимъ матеріяломъ для исторіи!

М. Н. Загоскинъ, управляющій нынѣ Московскимъ Театромъ, продолжаетъ заниматься сочиненіемъ русскихъ своихъ романовъ. На сихъ дняхъ выйдетъ новое его произведеніе: *Аскольдова Могила*. По моему мнѣнію, въ его романахъ первенствуетъ интересъ драматическій. Что можетъ сравниться свѣжестью, замысловатостью, естественностью, съ его описаніемъ перехода чрезъ Волгу, покрытую льдомъ (въ Юріи Милославскомъ), и съ бесѣдою ямщиковъ завидовскихъ (въ Рославлевѣ)!

Ѳ. В. Булгаринъ, живущій почти весь годъ въ прекрасномъ своемъ помѣстьѣ, Карловѣ, подлѣ самаго Дерпта, написалъ два новые романа: *Мазепа* и *Чухинъ*. О первомъ я говорилъ выше; послѣдняго еще не читалъ.

Поговариваютъ еще о другихъ новыхъ романахъ *И. И. Лажечникова*, *Вл. И. Панаева* и др. Въ Сынѣ Отечества 1832 года напечатаны были два



отрывка изъ одного новаго романа, сочиненнаго дамою: они обратили на себя общее вниманіе близостью къ природѣ, прелестью слога. Ждали продолженія, но его не было, Говорятъ, что сочинительница принуждена была болѣзнію отказаться отъ довершенія своего труда. Крайне жаль!

Вы, можетъ быть, наконецъ спросите, чѣмъ занимаюсь я самъ. Тошно сказать, а нельзя умолчать! Жизнь редактора *ежедневной* газеты тонетъ въ *ежедневности*. У меня, какъ говоритъ Кутейкинъ, всякое утро разцвѣтетъ, и погибнетъ. Думаю: вотъ завтра поутру я напишу то и то; постараюсь кончить это. Завтра наступаетъ. Но пришла почта: разбирай Дона Педра и Дона Мигеля, скучай надъ длинными колоннами безтолковыхъ толковъ; повторяй, въ простотѣ сердечной, выдумки и лжи. Кончилъ! Дай займусь дѣломъ. Шасть факторъ: «*Оригиналу* не хватило: пожалуйте вершка на полтора.» — «Вотъ тебѣ предлинная статья о просвѣщеніи Турціи.» — «Мѣста не будетъ, Н. И.! Не прикажете ли постѣснить Францію!» — «Изволь, только оставь меня въ покоѣ.» — Я опять за перо: *Глава шестая....* Несутъ корректуру Пчелы: все брось, и въ продолженіе двухъ часовъ выправляй грѣхи полутрезвыхъ наборщиковъ! Это не выдумка: такъ бываетъ ежедневно, съ небольшими варіаціями. Въ мгновенные антракты моей журнальной траги-комедіи, дописываю романъ, начатый за три года предъ симъ, и занимаюсь исправленіемъ моей грамматики для новаго ея изданія.

Говоря о томъ, что *есть*, что *будетъ*, чего надѣемся и чего ожидаемъ, долженъ я упомянуть и о томъ, что *было* и *прошло*, оставивъ по себѣ добрую память: долженъ упомянуть о литераторахъ русскихъ, кончившихъ въ прошломъ году земное поприще.

Въ истекшемъ году скончались члены Россійской Академіи ***Николай Ивановичъ Гнѣдичъ*** (3 Февраля) и ***Иванъ Ивановичъ Мартыновъ*** (20 Октября), и литераторъ ***Орестъ Михайловичъ Сомовъ*** (27 Мая).

Не знаю, были ли вы знакомы съ Гнѣдичемъ; но если знали его хоть сколько нибудь, то оцѣните всю важность нашей потери. Сей мужъ правды и добра, основательно ученый, исполненный поэтическаго таланта, трудолюбивый писатель, усердный сынъ отечества, оставилъ въ сердцахъ нашихъ неизгладимую временемъ память. Одаренный отъ природы пламенною душею и пылкимъ воображеніемъ, онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ началъ испытывать свои силы и способности въ занятіяхъ словесностью, и плѣнясь безсмертными красотами Гомера, посвятилъ всю свою жизнь преложенію этого отца греческой поэзіи на русскій языкъ достойнымъ его образомъ. Онъ воскресилъ и усыновилъ въ русскомъ стихосложеніи величественный эксаметръ, обезславленный бездарнымъ Тредьяковскимъ. Кончивъ великій трудъ при рукоплесканіяхъ соотечественниковъ, онъ собралъ и издалъ отдѣльныя стихотворенія, написанныя имъ въ промежуткахъ важнаго своего подвига, и отдавъ такимъ образомъ отчетъ своему отечеству въ жизни

и дѣлахъ своихъ, сошелъ во мракъ могилы съ твердостью мудреца и вѣрою христіанина. Не могу вамъ выразить горести нашей при потерѣ этого необыкновеннаго человѣка. Онъ имѣлъ тонкій и разборчивый вкусъ, былъ нѣженъ и чувствителенъ ко всему великому и прекрасному, напитанъ чтеніемъ и изученіемъ великихъ образцевъ древности, былъ не только превосходнымъ писателемъ, но въ то же время и самымъ строгимъ и самымъ пріятнымъ критикомъ. Многіе наши писатели заимствовались и руководствовались его сужденіями. Домъ его былъ пріютомъ благородной и изящной простоты, тишины, кроткихъ бесѣдъ и дружескихъ изліяній. Страдавъ нѣсколько лѣтъ жестокою болѣзнію, онъ сдѣлался нетерпѣливъ, угрюмъ, причудливъ; но въ бесѣдѣ дружеской, въ разсужденіяхъ и толкахъ о наукахъ, о словесности, о друзьяхъ, мрачныя тучи исчезали на лицѣ его, взоръ прояснялся, улыбка возвращалась на уста, и прекрасная душа являлась во всей своей прелести. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ ровно за годъ предъ симъ, въ день его и моихъ имянинъ. Бесѣда началась усерднымъ съ моей стороны поздравленіемъ и вопросомъ о его здоровьѣ. Онъ сталъ описывать мнѣ свои мученія, жаловаться на медленность, съ какою идетъ его (мнимое) выздоровленіе. Я постарался, при первой возможности, обратить разговоръ въ другую сторону: рѣчь зашла о словесности. Мы стали толковать о новыхъ произведеніяхъ, о новыхъ ожиданіяхъ. Я, по его желанію, разсказалъ ему планъ моего новаго романа. Участіе,

удовольствіе, одобреніе изобразились на лицѣ его; забыты были и кашель, и судороги, и безсонныя ночи, и безотрадные дни страданій. Бесѣду нашу прервалъ врачъ, лечившій его по новомодной системѣ. Я вышелъ, обѣщая навѣстить его какъ можно скорѣе. На другой день, узнавъ, что съ нимъ сдѣлался ужаснѣйшій припадокъ, я убѣдилъ *моего* врача, основывающаго методу леченія на здравомъ смыслѣ и вѣковѣчномъ опытѣ, посмотрѣть несчастнаго страдальца, и облегчить его мученія: но уже было поздно. Онъ угасъ чрезъ нѣсколько недѣль. Я едва засталъ его въ живыхъ, и только успѣлъ подписаться свидѣтелемъ подъ его духовнымъ завѣщаніемъ, въ которомъ выразились все благородство, вся возвышенность его души: онъ обезпечилъ судьбу племянника, сына родной, любимой сестры; отдалъ отборную библіотеку свою въ пользу Полтавской Гимназіи, гдѣ получилъ воспитаніе, и завѣщалъ значительную сумму на исправленіе церкви, въ которой пріялъ святое крещеніе.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ оказалъ важныя услуги литературѣ и вообще просвѣщенію въ Россіи. Онъ былъ употребленъ Графомъ П. В. Завадовскимъ при начальномъ образованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, и принималъ самое дѣятельное участіе въ этомъ важномъ подвигѣ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ до конца жизни онъ не переставалъ заниматься словесностью и науками; издавалъ разные журналы (Муза, 1796; Сѣверный Вѣстникъ, 1804 — 1806; Лицей, 1807 — 1808); перевелъ сочиненіе Лонгина

и творенія многихъ греческихъ классиковъ, и издалъ нѣсколько книгъ о ботаникѣ, и въ послѣдніе годы своей жизни трудился надъ грамматикою русскою.

Ореста Михайловича Сомова вы знали. Онъ отличался, въ словесности нашей, не блистательными твореніями, но основательными познаніями и большою дѣятельностью. Онъ былъ безспорно изъ лучшихъ переводчиковъ нашихъ (если не лучшій) съ французскаго и италіянскаго языковъ. Сомовъ, почти одинъ изъ писателей нашихъ, былъ литераторъ и дѣломъ, и званіемъ, что у васъ, во Франціи, называется un homme de lettres. Онъ нигдѣ не служилъ, и занимался только литературными трудами. Безпрерывныя письменныя работы, не по вкусу и не по выбору, а по необходимости и по требованію другихъ, отвлекли его отъ самостоятельныхъ произведеній, потемнили его воображеніе, изсушили тѣлесныя силы, разстроили здоровье, и въ цвѣтѣ лѣтъ низвели въ могилу. Потеря его весьма чувствительна въ нашей литературѣ, скудной толковыми и знающими тружениками. Качествами сердца, услужливостью, кротостью, привязанностью къ друзьямъ, Сомовъ оставилъ добрую по себѣ память.

Заключу это письмо воспоминаніемъ объ одномъ достойнѣйшемъ человѣкѣ, похищенномъ смертію въ прошедшемъ году: онъ писалъ не по-русски, но по предметамъ своихъ сочиненій и по дѣламъ своимъ принадлежитъ Русской Исторіи. — 20-го Марта скончался въ Оренбургѣ ***Графъ Павелъ Петровичъ***

Сухтеленъ *). Знали ль вы его? На военномъ поприщѣ, конечно, не разъ съ нимъ видались, конечно слышали о немъ отъ всѣхъ, которые его знали, а знать, уважать и любить Графа Сухтелена, было одно. Не могу въ памяти и воображеніи своемъ найти никого, въ комъ соединялись бы всѣ качества, украшающія человѣка, гражданина, воина, любителя наукъ, друга человѣчества, истиннаго христіанина, и при исчисленіи рѣдкихъ его достоинствъ, не знаю съ чего начать. Онъ провелъ всю свою жизнь въ военной службѣ: былъ почти во всѣхъ походахъ русскаго воинства съ 1805 до 1828 года. Подите на поля Моравіи, на гранитные берега озеръ финляндскихъ, на вершины Балкановъ, на равнины Шампани, на стремнины Безобдала и Алагьюза, въ степи зауральскія, — вездѣ услышите имя Сухтелена, чтимое, славимое, благословляемое! Подите въ Тюльерійскій Дворецъ, и посмотрите на знаменитую картину Аустерлицкаго сраженія. Къ побѣдителю привезенъ верхомъ покрытый ранами кавалергардскій офицеръ— это осмнадцатилѣтній корнетъ Сухтеленъ. «Рано начали вы заниматься военнымъ ремесломъ!» сказалъ Наполеонъ. — Плѣнный отвѣчалъ:

Je suis jeune, il est vrai, mais aux âmes bien nées,
La vertu n'attend pas le nombre des années.

---

*) Сынъ инженеръ-генерала, россійскаго посланника при Шведскомъ Дворѣ.

«Браво! Вы знаете наизусть стихи Корнеля! Имя ваше?» — «Сухтеленъ.» — «Не родственникъ ли вы генералъ-квартермистру вашего Императора?» — «Онъ мнѣ отецъ.» — «Отецъ вашъ достойный, благородный человѣкъ!» возразилъ Наполеонъ: «Постарайтесь перевязать раны этого молодаго человѣка, поберегите его! Прощайте, храбрый Сухтеленъ!» — Приказаніе Французскаго Императора было въ точности исполнено. По исцѣленіи ранъ, Сухтеленъ былъ размѣненъ и возвратился въ Россію.

Предоставляя воинамъ описать военную службу Сухтелена, ограничусь исчисленіемъ дѣлъ его на поприщѣ гражданскомъ и ученомъ.

Въ званіи генералъ-квартермистра Главнаго Штаба, онъ участвовалъ въ учрежденіи Военной Академіи, и составилъ уставъ Финляндскаго Кадетскаго Корпуса. Ему принадлежало начальное исполненіе великой мысли: соединить астрономическими и геодезическими измѣреніями Россійскую Имперію съ прочими землями Европы, измѣрить меридіанъ по параллели Бреста, и продолжить оный къ западу чрезъ Австрію и Германію, а къ востоку до Волги и Урала. Въ военной литературѣ осталось прекрасное его сочиненіе: Précis des évènemens militaires en Finlande, достойное замѣчанія и тѣмъ, что оно, по безпристрастію и справедливости изложенія своего, заслужило вниманіе и благодарность обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Въ 1829 году, въ скулянскомъ карантинѣ, написалъ онъ небольшую книжку въ память друга и сослуживца



своего, Константина Христофоровича Бенкендорфа, падшаго подъ Варною: въ ней видна вся прекрасная душа и автора, и того, кто былъ предметомъ его воспоминаній. Въ 1830 году былъ онъ назначенъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ. Предоставляю свидѣтелямъ его ежедневныхъ добрыхъ и благородныхъ дѣлъ въ томъ краѣ воздать должную памяти его славу. Безпрерывныя, утомительныя занятія по должности истощили его здоровье. Онъ умеръ внезапно, скоропостижно, занимаясь дѣлами. Сказываютъ, что послѣдняя, подписанная имъ за секунду до смерти бумага, заключала въ себѣ доброе дѣло. Онъ погребенъ въ оградѣ военной церкви, при слезахъ и рыданіяхъ народа. Жители Оренбурга везли на себѣ бренные его останки въ обитель вѣчнаго покоя. Магометане молились на могилѣ его, утверждая, что онъ въ душѣ былъ истинный мусульманинъ, — величайшая въ ихъ устахъ похвала христіанину. Память Графа Сухтелена будетъ жить въ благословеніяхъ, доколѣ останется хоть одинъ человѣкъ изъ тѣхъ, которые его знали. Государь, узнавъ о его кончинѣ, пролилъ горькія слезы, — драгоцѣннѣйшая дань доброму подданному и вѣрному слугѣ! — и не велѣлъ печатать о смерти его въ приказахъ, доколѣ не приняты будутъ мѣры приготовить отца его къ извѣстію о сей жесточайшей для него потерѣ. Не знаю, какъ принялъ, какъ перенесъ эту ужасную вѣсть осьмидесятидвухлѣтній старецъ, находившій отраду и утѣшеніе ветхой жизни своей въ любви

къ своимъ дѣтямъ *). Графъ Павелъ Петровичъ любилъ отца, можно сказать страстно, писалъ къ нему по каждой почтѣ, и улучалъ каждый благопріятный мигъ, чтобъ съѣздить въ Стокгольмъ и съ нимъ повидаться. — И этого благороднаго, единственнаго человѣка нѣтъ уже на свѣтѣ!

Грибоѣдовъ, Оппперманъ, Головнинъ, фонъ-Фокъ, Гнѣдичъ, Сухтеленъ, достойнѣйшіе долголѣтія люди, въ короткое время сошли въ могилу.

Не говорите, что я слишкомъ распространился объ умершихъ; что, вспомнивъ о Сухтеленѣ, уклонился отъ первоначальнаго предмета моего письма. Въ нѣкоторыхъ лѣтахъ всѣ помышленія и чувствованія наши превращаются въ воспоминанія: взглядъ на прошедшее и настоящее есть прогулка по кладбищу.

6-го Декабря 1833 года.

---

*) Онъ вскорѣ послѣдовалъ за милымъ сыномъ, въ юдоль вѣчнаго покоя. *Поздн. прим.*



IV.

ПИСАТЕЛЬНИЦА.

На сихъ дняхъ прочиталъ я въ одномъ французскомъ журналѣ слѣдующія замѣчанія на женщинъ-авторовъ.

«Почему женщина, и самая добрая сердцемъ и прекрасная, лишается въ глазахъ нашихъ своей прелести, взявшись за ремесло писательницы? Нѣкоторые полагаютъ, что это происходитъ отъ дѣйствія зависти, самолюбія и мщенія мужчинъ. А мнѣ кажется, что это новая жертва силѣ прелести и красоты; жертва, должно признаться, жестокая, но чистосердечная и весьма понятная. Женщина, которая рѣшается изображать чувства вмѣсто того, чтобъ рождать ихъ въ сердцахъ, отказывается отъ своего владычества, сходитъ на нѣсколько ступеней съ своего трона; становится жрицею, бывъ божествомъ; унижается до степени поэта, бывъ самою поэзіею. — И, сверхъ

того, въ занятіи словесностью, въ размышленіяхъ о семъ занятіи есть нѣчто суровое и тягостное: на нѣжномъ личикѣ автора являются какія–то непріятныя движенія, вовсе противныя назначенію той, которая долженствовала бъ быть подругою всѣхъ вашихъ счастливыхъ часовъ. Гласность, знаменитость есть торжество, пріобрѣтаемое на счетъ стыдливости, могущее застращать и самую дружбу. Любовь не легко свыкается съ глазами, покраснѣвшихъ отъ письменныхъ трудовъ, и не прельщается пальчиками въ чернильныхъ пятнахъ. Посмотрите, какъ жестоко шипы тщеславія терзаютъ юную красавицу; какъ она мучится надъ пріискиваніемъ риѳмъ, надъ обработкою стиховъ. И стараясь произвесть въ другихъ удивленіе, терзаясь мыслію, что читатели къ ней равнодушны, она теряетъ кротость, терпѣніе, нѣжность; теряетъ то, что составляло всю ея прелесть! Вотъ за какую цѣну слава иногда вѣнчаетъ лаврами своими женщинъ умныхъ и прекрасныхъ; несчастныя совершаютъ теченіе жизни, не возбудивъ ни любви, ни желанія! Что жъ дѣлать? Когда сердце женщины переведено на бумагу, когда въ немъ нѣтъ тайнъ, которыми могли бы обладать вы одни, — стоитъ ли труда покорять это сердце? Это условіе женской знаменитости произвело многія рѣзкія мысли со временъ Сафо до нашей эпохи, мысли впрочемъ всѣмъ извѣстныя и обыкновенныя; но философы, внимательно наблюдающіе сей предметъ, легко понимаютъ роль Фаона. Бѣдненькій! Какъ жестоко наказанъ онъ вовѣкъ не-

умолкающими укоризнами за равнодушіе свое къ изступленной страсти женщины-поэта! Имя его переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ, какъ имя нечувствительнаго, неблагодарнаго чудовища, а можетъ быть, какой нибудь археологъ, роясь въ тлѣющихъ рукописяхъ временъ протекшихъ, найдетъ въ затерянныхъ листочкахъ Геродота или Атенея доказательства, что онъ отнюдь не былъ нечувствителенъ. Кто знаетъ, въ то самое время, какъ онъ затыкалъ уши предъ всенародными разглагольствіями десятой музы, втайнѣ можетъ быть, любилъ страстно какую нибудь Митиленскую или Самосскую дурочку, безграмотную, но хорошенькую. Соотчичи знаменитой пѣвицы учредили, въ честь ея, еще при жизни, торжественныя игрища; выбили даже въ память ея медаль; но медаль эта лежала только въ карманѣ Фаона, въ сердцѣ же конечно было нѣчто другое. Потомство! ты бываешь иногда очень несправедливо и взыскательно: невѣжество имѣетъ также свою прелесть. И послѣ Фаона многіе предпочитали выспреннимъ дщерямъ Феба молоденькую дѣвочку, которая не умѣла отличить дактиля отъ хорея. Ривароль любилъ пригоженькую швею, и говорилъ о ней: у ней вкусъ — персика, а умъ — розы.

«Вы видите, тамъ въ тихой рощѣ, какъ подъ платанами древняго Элевзиса, блуждаетъ тѣнь женщины, завернувшейся въ темную шаль. Если можете вообразить, что эта юная мать или невѣста, какъ пріятна и мила должна быть вамъ эта прерывистая походка;

какъ интересны эти задумчивые взгляды, изрѣдка обращаемые къ небу; какъ заманчиво движеніе устъ, которыя, волнуясь тихо, кажется, зовутъ предметъ ея любви. Но когда вы узнаете, что эта молодая женщина размышляетъ о планѣ новой книги, что красавица эта поглядываетъ на облака и на луну, чтобъ пріискать упрямую риему, что она повторяетъ полустишіе, которое непремѣнно должно втискать въ стихъ — очарованіе ваше исчезнетъ. Можно простить и угрюмость женщины и много причудъ, особенно когда ихъ причина неизвѣстна; но если знаете, что причиною этой угрюмости, этихъ причудъ была невозможность выразить на бумагѣ чувство, котораго она сама не понимаетъ, подобрать звонкое словцо, округлить романтическую фразу, досада или сожалѣніе возникнетъ въ вашей душѣ, и вы спросите: какое право имѣетъ она сурово обходиться съ дѣтьми своими, дурно принимать гостей? виноваты ли они, что умъ ея сегодня заупрямился?

«Между тѣмъ было бы весьма несправедливо, въ толпѣ сочинительницъ не отличить тѣхъ женщинъ, которыя непреодолимымъ стремленіемъ увлекаются къ выраженію, къ обработанію своихъ мыслей; не отличить ихъ отъ тѣхъ, которыя сдѣлались авторами изъ одного тщеславія. Очень полезно удержать послѣднихъ невинными насмѣшками отъ пустыхъ и безполезныхъ занятій словесностью; но первымъ должно воздать всю дань нашего уваженія. Если многія женщины почитаютъ умишко свой талантомъ, и страсть

къ мелкимъ похваламъ принимаютъ за любовь къ славѣ, за то другія повинуются невольному вдохновенію, и не могутъ удержать своего генія въ его полетѣ. Такъ госпожа де-Севинье писала безсмертныя строки, безъ своего вѣдома; такъ Дезульеръ творила для потомства, не думая и о современникахъ.»

Къ числу женщинъ-авторовъ, выходящихъ изъ обыкновеннаго круга, должно причислить и тѣхъ, которыя, претерпѣвъ жестокіе удары судьбы, лишась надежды быть счастливыми супругами и матерями семейства, въ занятіяхъ литературою и искусствами находятъ услажденіе своихъ горестей, и на жертвенникѣ музъ сжигаютъ ѳиміамъ, данный имъ природою для принесенія на алтари другихъ божествъ, и сими божествами отринутый. Такова одна изъ знаменитѣйшихъ писательницъ Германіи, одна изъ благороднѣйшихъ женщинъ, какихъ мнѣ когда либо случалось встрѣчать въ семъ мірѣ посредственности — Элиза фонъ-деръ-Рекке, урожденная Графиня фонъ-Медемъ, сестра покойной Герцогини Курляндской. — Разскажу по порядку, какъ и гдѣ я узналъ ее.

Въ 1817 году, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ на берегахъ Рейна съ единственнымъ другомъ моимъ, возвращался я, одинокій, въ Россію. Я былъ избалованъ: по Франціи ѣздилъ въ дилижансахъ, слѣдственно всегда въ пестрой и измѣнявшейся компаніи; по Германіи и по Швейцаріи самдругъ съ человѣкомъ, который замѣнялъ для меня цѣлый міръ. Но теперь, отъ самаго Ганау, ѣхалъ я одинъ, въ своей простор-

ной коляскѣ, и ужасно скучалъ. Чтеніе мнѣ пріѣлось. Вотъ въ Вейсенфельсѣ, за завтракомъ, читаю я въ лейпцигской газетѣ объявленіе, что одна молодая дама ищетъ въ Петербургъ сопутника, который имѣлъ бы свою коляску; узнать о ней въ Лейпцигѣ у банкира Рейхенбаха. Дама? молодая? Виноватъ, всѣ жилки взыграли. По пріѣздѣ въ Лейпцигъ, поспѣшилъ я въ контору Рейхенбаха, и узналъ, что эта дама есть госпожа В., швейцарская уроженка, жена бывшаго моего товарища по службѣ, женщина любезная и образованная, которую я зналъ уже въ Петербургѣ. Она завезена была въ Германію какою-то знатною барынею, и брошена на произволъ судьбы. Я обрадовался этому случаю: могу имѣть пріятную спутницу въ скучной дорогѣ, и въ то же время одолжить добрыхъ людей. Но ея не было въ Лейпцигѣ: она жила близъ Альтенбурга, въ Нептеницѣ, помѣстьѣ саксенъ-готскаго министра Барона фонъ-Тюммеля. Вмѣсто того, чтобъ переписываться, я рѣшился самъ къ ней ѣхать. Съ большимъ любопытствомъ осмотрѣлъ я на пути мѣсто знаменитѣйшей битвы новыхъ временъ; видѣлъ Борну, Либерволковицъ, Вахау и другія мѣста, извѣстныя мнѣ донынѣ по реляціямъ; ходилъ на кладбища при сихъ селеніяхъ, и кланялся праху земляковъ, спящихъ сномъ непробуднымъ послѣ геройской смерти. Госпожа В. удивилась и обрадовалась моему пріѣзду; она охотно согласилась пріѣхать чрезъ два дня въ Лейпцигъ, чтобъ потомъ вмѣстѣ отправиться въ Россію. Я былъ принятъ хозяйкою ея, Баронес-

сою, и двумя дочерьми учтиво, привѣтливо и радушно. Все это семейство дышало какою-то возвышенною поэзiею, наслѣдiемъ недавно умершаго дяди, знаменитаго писателя Морица Августа Фонъ-Тюммеля, по которомъ онѣ всё еще ходили въ траурѣ. Я въ тотъ же день воротился въ Лейпцигъ. Спутница моя прiѣхала въ назначенное время; мы сѣли въ коляску, покатились на сѣверъ. Подъѣзжая къ Берлину, стали мы разговаривать о томъ, какъ намѣрены провести тамъ время. Я сбирался осмотрѣть библiотеку, университетъ, посѣтить театры, и пр., а она объявила мнѣ, что должна видѣться съ Госпожею фонъ-Рекке.— «Съ сочинительницею писемъ объ Италiи?» — спросилъ я.— «Точно такъ,» отвѣчала она: «а вы почему ее знаете?» — «Какъ не знать! Еще прошлаго года перевелъ я нѣсколько ея писемъ и напечаталъ въ Сынѣ Отечества.» Симъ разговоръ нашъ кончился. По прiѣздѣ въ Берлинъ, я отправился къ нашему послу, а сопутница моя къ госпожѣ фонъ-Рекке, и между прочимъ разсказала ей, что ѣдетъ обратно въ Россiю съ русскимъ литераторомъ и журналистомъ, который знаетъ путешествiе ея въ Италiю, переводитъ оное и печатаетъ. Госпожа Фонъ-Рекке полюбопытствовала узнать меня, и лишь только я воротился съ посольскаго обѣда, госпожа В. повела меня къ ней. Я нашелъ женщину лѣтъ шестидесяти, высокаго роста, прiятной, не авторской наружности, учтивую, привѣтливую и любезную. На лицѣ ея, въ глазахъ, въ поступи видны слѣды необыкновенной

красоты. У ней были поэтъ Тидге (живущій уже нѣсколько лѣтъ въ ея домѣ) и профессоръ богословія Маргейнеке. Предупредительное обращеніе хозяйки ободрило меня, и я, къ собственному своему удивленію, въ этотъ вечеръ очень свободно и бѣгло говорилъ по-нѣмецки. Путешествіе по морю, пребываніе во Франціи, поѣздка въ Швейцарію, посѣщеніе Гёте и т. п. были попеременно предметами нашего разговора. На другой день пригласила она меня къ обѣду. Я нашелъ у ней общество разнообразное и пріятное: директора гимназіи Беллермана, профессора Дитмара, директора Академіи Художествъ Вейса, поэтовъ Шинка и Гёкинга, почтеннаго старца, который съ большимъ удовольствіемъ разсказывалъ мнѣ о пребываніи своемъ въ Петербургѣ, лѣтъ за тридцать предъ тѣмъ. Но всѣхъ интереснѣе была для меня сама хозяйка, существо необыкновенное, благородное, возвышенное. Сообщаю главнѣйшія обстоятельства жизни этой почтенной и любезной женщины.

На шестнадцатомъ году отъ роду она была выдана замужъ, по фамильнымъ расчетамъ, за человѣка суроваго и жестокаго, который терзалъ и преслѣдовалъ ее за любовь ея къ мачихѣ и роднымъ своимъ, за безпрерывныя занятія книгами. Наконецъ онъ до того на нее озлобился, что выгналъ ее изъ дому съ двухлѣтнею дочерью, единственнымъ ея утѣшеніемъ. И это дитя скончалось на шестомъ году отъ роду; въ то же время умеръ любимый братъ ея. Одинокая въ здѣшнемъ мірѣ, стала искать утѣшенія и отрады

въ сообщеніи съ другимъ свѣтомъ. Въ то время (1779) прибылъ въ Митаву Каліостро, нашелъ душу ея готовою къ принятію его мечтаній и фантасмагорій, обѣщалъ ей показать тѣни брата и дочери, и преподавалъ уроки магіи. Но вскорѣ по отбытіи шарлатана, собственный здравый смыслъ и бесѣды умныхъ людей ее исцѣлили, и когда Каліостро, при производствѣ процесса въ Парижѣ, дерзнулъ сослаться на ея свидѣтельство, благородная Элиза всенародно призналась въ прежнемъ своемъ заблужденіи, и напечатавъ книгу о бесѣдахъ своихъ со лжемудрецомъ, сняла съ него личину. Сіе великодушное пожертвованіе собственнымъ самолюбіемъ, для открытія свѣту истины, обратило на нее вниманіе всей Европы, и доставило ей уваженіе всѣхъ благомыслящихъ. Въ 1783 году предприняла она путешествіе въ Германію, для поправленія своего здоровья у карлсбадскаго цѣлительнаго источника. Въ это время познакомилась она съ первѣйшими писателями и поэтами Германіи. Сама она издала незадолго предъ тѣмъ свои духовныя и нравственныя стихотворенія, которыя были приняты съ общею похвалою. Кантъ, Мендельзонъ, братья Штольберги, Вейсе, Гёте, Виландъ, Глеймъ, были ея искренними друзьями. Ихъ одобреніе давало ей силы продолжать споръ съ мистиками, которые вступились было за Каліостра. Истина восторжествовала, и госпожѣ фонъ-деръ-Рекке принадлежитъ слава обнаруженія всего шарлатанства этихъ высокомѣрныхъ и зловредныхъ мечтателей. Съ того времени жила она попеременно

въ Германіи и въ Курляндіи, находила удовольствіе въ бесѣдѣ умныхъ людей и въ занятіяхъ литературою. Потеря нѣжно любимаго отца, одной вѣрной подруги (Софіи Беккеръ, съ которою она путешествовала и занималась описаніемъ своихъ путешествій) и другихъ любезныхъ ея сердцу — все это настроивало ея душу къ созерцанію внутренняго міра, не вымышленнаго мечтателями, но существеннаго и истиннаго. — Несчастный случай (она упала однажды изъ кареты, и опасно ушибла голову) разстроилъ слабое отъ природы ея здоровье, и она, въ 1804 году, отправилась въ теплый климатъ Италіи, въ сопровожденіи поэта Тидге: перемѣна воздуха, разнообразіе представлявшихся ей предметовъ, самыя безпокойства пути способствовали къ ея исцѣленію. Явился предъ нею безсмертный Римъ съ своими вѣковыми памятниками, разостлались цвѣтущія равнины Неаполя, повѣялъ бальзамическій вѣтеръ Искіи: она ожила тѣломъ, обновилась душею. Плодомъ сего путешествія были нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, и изданіе Дневника ея (въ четырехъ томахъ, 1815—1817) принадлежащаго къ самымъ занимательнымъ твореніямъ въ семъ родѣ. — Съ тѣхъ поръ живетъ она въ Германіи, то въ Берлинѣ, то въ Дрезденѣ, въ отборномъ, пріятномъ кругу, и услаждаетъ часы досуга занятіями литературными. Вотъ что говоритъ о ней аббатъ Денина: «Госпожа фонъ-деръ-Рекке есть для литературной Германіи то же, что была Викторія Колонна, Маркиза Пескарская, въ Италійской Литературѣ, въ

вѣкъ Льва X. Благородная, прекрасная, ученая, писательница, Маркиза Пескарская была другомъ Аріоста, Бембо, Казы, Варки, всѣхъ знаменитѣйшихъ писателей Италіи въ то время. Госпожа фонъ-деръ-Рекке живетъ въ дружбѣ съ Бистеромъ, Гёте, Миллеромъ, Николаемъ, Раммлеромъ, Виландомъ и проч., со всѣми Германцами, отличающимися талантомъ и заслугами, какой бы религіи, какого бы состоянія они ни были. Она принимаетъ съ равною учтивостью и жену ученаго книгопродавца Николая, и Еврея, доктора Герца, и вдову и дочь Моисея Мендельзона. У ней увидишь поэта и живописца, музыканта и историка, и т. д. *).»

Время, проведенное мною въ обществѣ госпожи фонъ-деръ-Рекке, останется незабвеннымъ у меня въ памяти и въ сердцѣ. Она разсказывала мнѣ многое о своихъ литературныхъ занятіяхъ и спорахъ, о Каліострѣ и Лафатерѣ; но болѣе всего врѣзалось у меня

---

*) Госпожа фонъ-деръ-Рекке скончалась въ Дрезденѣ 13 апрѣля 1833. Она отказала домъ свой и всю движимость поэту Тидге, котораго я посѣщалъ прошлаго (1837) года: ему восемьдесятъ пятый годъ отъ роду, но онъ еще бодръ духомъ и тѣломъ. Не желая жить по милости г-жи фонъ-деръ-Рекке, онъ платилъ ей ежегодно по шести сотъ талеровъ за квартиру и за столъ. По смерти ея оказалось, что она, въ теченіе двадцати девяти лѣтъ, отдавала эти деньги въ банкъ, и онѣ возвращены были ему сполна съ накопившимися съ того времени процентами. *Поздн. прим.*

въ душѣ ея повѣствованіе о свиданіи съ Екатериною Великою. Передаю разсказъ ея съ нѣкоторыми дополненіями, доставленными мнѣ въ послѣдствіи почтеннымъ Тидге.

«Великая Екатерина неоднократно изъявляла мнѣ свое благоволеніе за открытіе обмановъ Каліостра. Въ 1795 году отечество мое, Курляндія, сдѣлалась россійскою провинціею, и я сочла обязанностію изъявить вѣрноподданническую преданность моей Государынѣ. Императрица благоволила отвѣчать на мое письмо весьма милостиво, и съ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ приглашала меня пріѣхать въ Петербургъ. Лѣтомъ 1795 года прибыла я изъ Германіи въ столицу Сѣвера. Чрезъ нѣсколько дней была я приглашена къ обѣду оберъ-гофмейстериною Великихъ Княженъ, госпожею фонъ-Ливенъ, въ Царскомъ Селѣ, и тамъ мнѣ объявили, что Государыня, узнавъ о моемъ прибытіи, изъявила желаніе свое принять меня въ тотъ же вечеръ, безъ всякихъ церемоній, въ тѣсномъ кругу ея фамиліи, на дѣтскомъ балѣ,[1] который данъ будетъ для забавы ея внучатъ. Почтенная госпожа фонъ-Ливенъ приняла меня съ невыразимымъ радушіемъ, и представила Великимъ Княжнамъ. Вѣкъ не забуду сихъ райскихъ цвѣтовъ царственнаго вертограда! Невольное чувство радости и благоговѣнія влекло меня къ юнымъ Царевнамъ. Съ благородствомъ и достоинствомъ своего высокаго званія, соединяли онѣ дѣтскую кротость и простодушіе, которыя могутъ возникать только при тѣхъ Дворахъ, гдѣ строгій

этикетъ не изгналъ любви къ природѣ и человѣчеству. Старшія Великія Княжны, Александра и Елена, были прелестныя дѣвицы; младшія, Марія и Екатерина, милыя, веселыя, умныя дѣти. Я провела въ ихъ кругу пріятнѣйшіе часы. Вечеромъ, по данному мнѣ наставленію, пошла я съ придворными дамами въ такъ называемую аудіенцъ-залу, въ которой уже собраны были кавалеры. Я вдругъ очутилась въ кругу особъ, мнѣ совершенно чуждыхъ, не принимавшихъ во мнѣ ни малѣйшаго участія; но вскорѣ нашла одного варшавскаго знакомца, Князя Станислава Понятовскаго, и бесѣдовала съ нимъ въ ожиданіи появленія Государыни. Вдругъ распахнулись обѣ половины дверей, и Императрица, сопровождаемая своими внуками, вступила въ залу. Я представилась ей въ мою очередь. Великая Екатерина съ самаго дѣтства занимала мой умъ, мое воображеніе. Я представляла ее себѣ героинею, высокою, колосальною. Вообразите себѣ мое удивленіе, когда я увидѣла, что она роста средняго. Но это впечатлѣніе вскорѣ изглажено было величествомъ ея поступи и осанки, силою превосходнаго ума, который, блистая въ ея глазахъ, выражался въ каждомъ ея словѣ. Она поблагодарила меня за сочиненіе о Каліострѣ, потомъ отзывалась весьма благосклонно о моемъ отечествѣ, и въ великодушномъ порывѣ благости своей сказала, что постарается заслужить довѣренность, съ какою Курляндцы подверглись ея скипетру. Потомъ обратилась она къ другимъ особамъ, а я представлялась Великому Князю Александру

Павловичу и его супругѣ. Прекраснѣйшей четы я въ жизнь мою не видала! Все собраніе послѣдовало за Государынею въ танцовальную залу, и по данному ею знаку начался балъ. Императрица сѣла въ кресла, и посадила меня подлѣ себя. Я имѣла счастіе цѣлый часъ слушать ея бесѣду — счастіе и истинное наслажденіе! — Въ слѣдующее воскресенье, день рожденія Великой Княжны Александры Павловны (29 іюля), когда я явилась съ поздравленіемъ къ Ея Высочеству въ Царскомъ Селѣ, Государыня приказала пригласить меня къ обѣднѣ въ придворной церкви, потомъ къ столу, и вечеромъ къ фамильному балу. По соизволенію Императрицы, отправилась я въ церковь съ придворными дамами. Я крайне сожалѣла, что не разумѣла словъ богослуженія, но слухъ мой и зрѣніе были очарованы. Въ церкви стояла я въ такомъ мѣстѣ, съ котораго могла видѣть всю Царскую Фамилію. При этомъ случаѣ увидѣла я Великую Княгиню Марію Ѳеодоровну, величественную, царственную жену, еще прекрасную и миловидную. Необыкновенная душа видна была въ ея глазахъ и во всѣхъ чертахъ лица.— Вдругъ раздалось торжественное пѣніе невидимаго хора — казалось, звуки эти несутся изъ другаго, таинственнаго міра! Русское церковное пѣніе несказанно трогаетъ и возвышаетъ. Душа моя присоединяла слова и мысли къ этимъ неземнымъ тонамъ. — По окончаніи богослуженія, Великая Княгиня отправилась въ Павловскъ, и я лишилась счастія ей представиться. За обѣденнымъ столомъ дали мнѣ почетное мѣсто, насу-

противъ Государыни, и здѣсь я имѣла случай удивляться ея необыкновенному дару бесѣдовать въ обществѣ. Вечеромъ, на балѣ, она опять посадила меня подлѣ себя, и не позволила даже, чтобъ я поотодвинула свой стулъ къ сторонѣ. Умные, непринужденные ея разговоры возвысили и мой умъ до той точки, съ которой она орлинымъ окомъ смотритъ на происшествія міра. Между прочимъ говорила она о томъ, сколько затрудненій встрѣчается историку, долженствующему изобразить жизнь и подвиги Государя: онъ не можетъ проникнуть въ глубину его сердца, не можетъ видѣть побужденій и бореній, которыя предшествовали дѣйствію — и это дѣйствіе становится добычею историковъ, изъ коихъ каждый изображаетъ его посвоему. «Признаемся,» говорила она: «прагматическая исторія очень скудна!» Она говорила еще многое. Я напрягала все свое вниманіе, чтобъ не проронить ни одного изъ глубокомысленныхъ сужденій и тонкихъ замѣчаній, которыя вырывались у ней какъ бы невзначай. Обширность ума ея меня удивила и восхитила. Екатерина была великая жена; она была бы необыкновенною женщиною, если бъ и не была Императрицею *). Любовь къ ней народа, довѣренность къ ея уму и сердцу, убѣжденіе въ томъ, что

---

*) Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была бъ великою женой.

Державинъ.

она явно покровительствуема Промысломъ небеснымъ, укрѣпляли благодѣтельную самодержавную власть ея надъ русскимъ народомъ. Этому случилось мнѣ видѣть разительный примѣръ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того былъ спускъ корабля въ адмиралтействѣ. Меня пригласили спуститься на этомъ кораблѣ. Я дала слово, но утро того дня было пасмурное, дождливое и холодное, и я было раздумала ѣхать. «Поѣзжайте!» сказалъ мнѣ наемный слуга: «Государыня сама будетъ при спускѣ: погода непремѣнно разгуляется.» — «Непремѣнно?» спросила я. — «Непремѣнно!» отвѣчалъ онъ: «Ее любитъ Богъ.» — Я рѣшилась смотрѣть церемонію изъ окна сосѣдственнаго дома. Пріѣхала Государыня; загремѣли пушки; облака разсѣялись, и корабль полетѣлъ въ Неву, озаряемый лучами полуденнаго солнца. При первомъ лучѣ, слуга посмотрѣлъ на меня съ значительною улыбкою, и вѣрно думалъ про себя: «Теперь вѣришь ли, бусурманка, что Богъ любитъ нашу Государыню?»

V.

ВОСПОМИНАНІЯ.

ГРАФУ ѲЕДОРУ ПЕТРОВИЧУ ТОЛСТОМУ.

Ты хочешь знать, почтеннѣйшій другъ, что болѣе всего занимало меня въ жизни, на какой предметъ я преимущественно обращалъ вниманіе, и почему именно избралъ словесность занятіемъ и цѣлію моихъ трудовъ, моей жизни. Признаюсь, мало есть такихъ предметовъ въ свѣтѣ, на которые я, въ теченіе жизни моей, не обращалъ бы вниманія: люблю наслажденія природы; радуюсь, какъ ребенокъ, первому вешнему дню; предпочитаю прогулку въ прекрасное лѣтнее утро всѣмъ удовольствіямъ блистательнаго вечера; осенью не могу дождаться перваго мороза, который освѣжитъ воздухъ, и нѣжныя лица красавицъ разцвѣтитъ розами. Люблю цвѣты и птицъ; могу по ча-

самъ любоваться красивымъ макомъ, радуюсь появленію новыхъ узоровъ въ цвѣтникѣ; съ наслажденіемъ гляжу на хозяйство, ласки и раздоры домовитыхъ канареекъ. Люблю изящныя искусства; страстенъ къ музыкѣ, и, при звукахъ гармоніи Моцарта, забываюсь, созидая міръ невещественный въ глубинѣ души моей. Но всего болѣе занимаетъ меня человѣкъ, сіе, вѣками неразгаданное, послѣднее твореніе рукъ Божіихъ—сей царь вселенной, и рабъ страстей своихъ, тѣломъ жертва стихій, духомъ собесѣдникъ божества.

Одинъ новѣйшій философъ производитъ все сущее, все живущее на землѣ отъ вліянія солнца на планету нашу. Дѣйствіемъ солнца въ юные дни міра, — говоритъ онъ, — когда оно грѣло и живило сильнѣе, нежели нынѣ, подъ осень Исторіи Всемірной, — произведены, на хладной и тяжелой толщѣ земли, и минералы, и растенія, и животныя; произведенъ и человѣкъ, крайнее звено земнородныхъ: онъ пріялъ животную жизнь свою изъ общаго источника земной жизни, нашего солнца, пріялъ ее въ высшей, тончайшей, такъ сказать, противъ другихъ существъ степени; но солнце, средоточіе нашего міра, не есть средоточіе всемірное: оно обращается вокругъ другаго солнца, намъ невидимаго, неподлежащаго чувствамъ, непостижимаго уму нашему. Малый лучъ этого духовнаго солнца перелился чрезъ солнце наше на нашу планету, и заронилъ искру въ человѣкѣ: искра сія есть душа его — искра сія есть способность

переноситься въ міръ умственный и духовный, жить въ прошедшемъ и будущемъ, познавать бытіе Верховнаго Существа, постигать собственное свое безсмертіе. Душа духовная слита въ человѣкѣ съ душею животною, общею ему съ другими земнородными, но душа животная является въ немъ во всемъ своемъ совершенствѣ, на высшей степени противу всѣхъ другихъ, движущихся въ твореніяхъ низшаго разряда; душа духовная, выспренняя есть только малая искра, едва зримый зародышъ третьяго неба, проблескъ алмаза въ глыбѣ гранитной. Животная душа, при самомъ рожденіи твари въ свѣтъ, находится на высшей своей степени, лишь только получила возможность располагать и дѣйствовать своими орудіями, но душа духовная спитъ въ началѣ существованія человѣка, просыпается мало по малу, воспитывается, научается познавать себя, природу и Бога, но всегда остается въ младенчествѣ. Человѣкъ носитъ ее въ себѣ, холитъ и взращаетъ для другаго міра, куда она, по разрушеніи жизни животной, переселяется для продолженія своего бытія и для конечнаго усовершенствованія. Неравный удѣлъ сей искры составляетъ различіе нравственное и умственное между людьми. Въ однихъ, слабая искра тонетъ во мглѣ жизни животной; въ другихъ, искра духовная расторгаетъ узы чувственныя, рветъ и жжетъ вериги земныя. Но тамъ, гдѣ душа сія обрѣтаетъ достойную себя храмину, гдѣ она приходитъ въ равновѣсіе съ жизнію животною, тамъ проявляется высшее изъ су-

ществъ земнородныхъ — зиждитель царствъ и законодатель, побѣдитель злодѣевъ, просвѣтитель варваровъ, изыскатель таинствъ природы, толкователь Судебъ Божіихъ въ бытіяхъ человѣчества — творецъ новаго міра въ изящныхъ искусствахъ, въ музыкѣ и поэзіи.

Душа духовная создала себѣ оболочку невидимую, тѣло невещественное; соткала одежду — разноцвѣтнѣе полосъ радуги, блистательнѣе солнцевъ на синемъ небѣ — сотворивъ языкъ человѣческій. И въ этомъ тѣлѣ красуется она и растетъ, играетъ міромъ вещественнымъ, и органами его вѣщаетъ о мірѣ духовномъ. Я посвятилъ большую часть жизни своей на изученіе этой стороны человѣческой природы, смотрѣлъ на языкъ, сіе стройное, согласное въ разнообразнѣйшихъ частяхъ цѣлое, какъ изыскатель природы вещественной глядитъ, напримѣръ, на царство растеній: не пренебрегалъ мелочами, старался доискаться причинъ и началъ разнообразія и уклоненій въ несмѣтномъ роѣ звуковъ, служащихъ орудіемъ къ изображенію чувствованій и мыслей человѣка, и относилъ все къ одному источнику, вѣчному и безначальному. Многіе не хотѣли понять величія, важности, духовности языкоученія; не соглашались, чтобъ глаголы и мѣстоименія, причастія и предлоги вели къ чему либо высшему; но это однѣ формы, и формы варварскія: надлежитъ вдохнуть въ нихъ душу. Такъ, драгоцѣннѣйшій гербарій, съ рѣдкими произведеніями царства растеній, въ глазахъ непросвѣщеннаго есть кипа сухой травы.



И человѣкъ, сей любимецъ Божества въ нашемъ мірѣ, всегда былъ для меня самымъ любопытнымъ предметомъ для наблюденія. Въ каждомъ человѣкѣ можно найти пищу для созерцательнаго духа; каждый человѣкъ есть малый міръ, движущійся вокругъ духовнаго средоточія; но въ какой степени возрастаетъ важность этого наблюденія, когда предметомъ онаго бываетъ человѣкъ, необыкновенный между другими людьми, — человѣкъ, болѣе противу ближнихъ своихъ надѣленный тою божественною душею, которая даруетъ ему безсмертіе; воспитавшій въ себѣ эту небесную искру, и употребившій ее на пользу ближнихъ! Земной составъ его разрушается; невидимая гостья улетаетъ домой, оставляя на землѣ благоуханіе на тысящелѣтія, какъ солнце, закатясь за горизонтъ, долго еще играетъ лучами своими въ атмосферѣ.

Въ жизни моей случалось мнѣ видѣться, сближаться, бесѣдовать съ людьми, которые могутъ назваться великими и необыкновенными; случалось быть въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ съ другими, которые, своими добродѣтелями, талантами и трудами, оставили по себѣ нетлѣнные памятники въ душахъ своихъ современниковъ, которыхъ оплакиваютъ и свои и чужіе, которыхъ потеря въ душѣ друзей незамѣнима, и въ глазахъ самыхъ враговъ ихъ, атеистовъ нравственности, есть потеря для человѣчества. Воспоминать о нихъ, воскрешать въ мысляхъ ихъ ликъ милый и незабвенный, бесѣдовать съ ними мечтою, какъ

бывало наяву — есть отрада и услажденіе душѣ; но все ли то можно передать словами, изобразить мертвыми буквами, что живетъ, дышитъ и кипитъ въ глубинѣ ея! И не будетъ ли святотатствомъ касаться грубыми орудіями чувствъ святыни недосязаемой! Покойтесь въ нѣдрахъ священнаго воспоминанія, души, отлетѣвшія изъ сей юдоли, къ которымъ въ жизни была привязана моя душа цѣпью, неразрывною въ вѣчности! Для изображенія васъ, нѣтъ у меня красокъ, которыя были бъ постижимы чувствамъ постороннихъ! Обращусь къ тѣмъ немногимъ людямъ, которымъ я, наравнѣ съ прочими, удивлялся, которые, гласными подвигами, трудами и твореніями, доступны и знакомы образованному человѣчеству.

Уваженіе къ людямъ необыкновеннымъ, особенно къ писателямъ, къ литераторамъ, питалъ я съ самаго младенчества. Я воображалъ себѣ сочинителей книгъ людьми необыкновенными, и болѣе нежели людьми. Помню, съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на перваго, встрѣтившагося мнѣ, русскаго писателя: то былъ Ѳедоръ Осиповичъ Туманскій, сочинитель перваго тома Исторіи Петра Великаго, и издатель разныхъ другихъ историческихъ книгъ. Онъ пріѣзжалъ къ отцу моему по какому-то дѣлу. Они разговаривали, ходя по обширной залѣ. Я не сводилъ глазъ съ Туманскаго, и, притаясь въ углу комнаты, повторялъ про себя: «Вотъ писатель! вотъ сочинитель! Что онъ вымыслитъ, вычитаетъ, напишетъ, то читаютъ тысячи людей во всѣхъ концахъ Россіи, и бу-

дутъ читать еще долго послѣ его смерти! И по лицу видно, что онъ не такой человѣкъ, какъ другіе.» — Я досадовалъ въ душѣ на отца моего, что онъ обходился съ писателемъ такъ же, какъ и съ другими посѣтителями, учтиво, но, по моему мнѣнію, слишкомъ холодно. — Въ Юнкерской Школѣ имѣлъ я случай видѣть другаго писателя, который изданіями своими имѣлъ большое вліяніе на образованіе тогдашней литературы — Василія Сергѣевича Подшивалова. Онъ былъ въ то время директоромъ Коммерческаго Училища, находившагося неподалеку отъ Юнкерской Школы, и, по дружбѣ съ нашимъ инспекторомъ, Михайломъ Никитичемъ Цвѣтковымъ, товарищемъ его по университету, иногда навѣщалъ наши классы. И теперь еще вижу лице его, спокойное, умное, благородное, доброе! Мы, ученики, боялись въ немъ строгаго судьи; но тѣ изъ насъ, которые надѣялись на успѣхи свои въ словесности, съ умысломъ выставляли предъ нимъ тетрадки. Онъ замѣчалъ дѣтскую хитрость, бралъ тетрадки, просматривалъ ихъ, хвалилъ хорошее и давалъ добрые совѣты. Но непреодолимая моя страсть къ авторству и желаніе сближаться съ великими въ литературѣ людьми, нашли полное удовлетвореніе, когда я въ первый разъ увидѣлъ Державина. Онъ былъ тогда (въ 1803 г.) министромъ юстиціи, и, въ этомъ званіи, главнымъ начальникомъ нашего училища. У насъ былъ годовой экзаменъ. Лучшіе изъ насъ были увѣрены въ своихъ знаніяхъ, и съ самонадѣянностію ожидали начала испытанія.

Вдругъ услышали: министръ пріѣхалъ! Всѣ бросились по своимъ мѣстамъ. Державинъ въ парадномъ сенаторскомъ мундирѣ и въ лентѣ, сопровождаемый директоромъ нашимъ, Алексѣемъ Николаевичемъ Оленинымъ, вступилъ въ залу. По его желанію, начали экзаменъ съ Древней Исторіи. Меня вызвали перваго — надлежало показать мѣсто и раздѣленіе Древней Греціи. Я зналъ это, какъ Отче нашъ; но, подошедъ къ картѣ, очутившись въ двухъ шагахъ отъ Державина, остолбенѣлъ, вперивъ въ него глаза, и не могъ промолвить ни слова. Я не видѣлъ ни шитаго мундира, ни звѣздъ, ни ленты: я смотрѣлъ ему пристально въ глаза, и въ умѣ моемъ съ быстротою сонныхъ видѣній пролетали: Богъ, Фелица, Водопадъ, Рожденіе Порфиророднаго. — «Скажите положеніе и раздѣленіе Древней Греціи,» повторилъ учитель. Я посмотрѣлъ на него безмысленно, и опять обратилъ глаза на поэта. — «Древняя Греція,» подсказывали мнѣ шепотомъ товарищи: «лежала въ Европѣ, между 36-мъ и 41-мъ градусомъ сѣверной широты, и 37-мъ....» — «Знаю,» отвѣчалъ я тихо, и все смотрѣлъ на Державина. — Выведенный изъ терпѣнія, учитель вызвалъ другаго ученика, а я отступилъ въ сторону, ближе къ Державину. Директоръ, зная меня по экзаменамъ частнымъ, сказалъ ему что-то обо мнѣ, и Державинъ обратился ко мнѣ ласково. «Это что!» спросилъ онъ, указавъ на тетрадку, которую я держалъ въ рукѣ. — «Мои сочиненія,» сказалъ я съ откровеннымъ самолюбіемъ юно-

ши, и подалъ ему. Онъ развернулъ тетрадку, прочиталъ нѣсколько стиховъ (помнится, преглупыхъ), и сказалъ, отдавая мнѣ: «Это очень хорошо — продолжайте!» — Вообразите себѣ восторгъ мой! Державинъ говорилъ со мною, Державинъ читалъ мои стихи, Державинъ хвалилъ ихъ! — Есть быстрыя минуты, имѣющія вліяніе на участь, на дѣла и на всю жизнь человѣка. Немногія слова Державина произвели во мнѣ волшебное дѣйствіе: мнѣ казалось, что онъ, какъ первосвященникъ въ храмѣ Русской Словесности, посвятилъ меня въ ея таинства, и что долгъ повелѣваетъ мнѣ въ точности слѣдовать его призыву.

....

Занявшись Русскою Словесностью, я познакомился съ нѣкоторыми тогдашними литераторами; но въ тѣсныхъ связяхъ, въ то время, былъ съ немногими. Въ числѣ этихъ немногихъ долженъ я наименовать Матвѣя Васильевича Крюковскаго, автора извѣстной всѣмъ патріотической трагедіи Пожарскій. Я познакомился съ нимъ случайно. Въ 1806 году, поселился я въ домѣ, бывшемъ генерала Леццано, на Мойкѣ, за Полицейскимъ Мостомъ. Тамъ очутился я посреди разныхъ литературъ. Въ однѣхъ сѣняхъ со мною жилъ нѣмецкій юрисконсультъ и поэтъ, докторъ правъ Шмидеръ. Онъ былъ консулентомъ (адвокатомъ) при Юстицъ-Коллегіи, по протестантскому отдѣленію, а въ прежнія времена служилъ театральнымъ поэтомъ при разныхъ германскихъ театрахъ. Въ званіи консулента, онъ былъ большой мастеръ *разводить*

браки: за сто рублей онъ развелъ бы Филемона и Бавкиду. Въ должности театральнаго поэта, онъ иногда урѣзывалъ и сокращалъ, иногда же пополнялъ и распространялъ нѣмецкія піесы для представленія: извѣстно, что чѣмъ длиннѣе списокъ дѣйствующихъ лицъ на нѣмецкой афишѣ, тѣмъ болѣе стекается зрителей, и что тотъ Нѣмецъ не веселился въ театрѣ, у котораго не *склякошася кости* отъ засѣданія въ партерѣ съ семи часовъ вечера до часу утра. Сверхъ того, Шмидеръ перевелъ, и очень удачно, нѣсколько французскихъ водевилей. Познакомясь съ нимъ, я хотѣлъ было поучиться у него теоріи драматической поэзіи — ни тутъ-то было! Онъ былъ искусенъ въ одной практикѣ: піесы раздѣлялъ на прибыльныя (Kassenstücke) и невыгодныя, Шиканедера ставилъ выше Шиллера, о достоинствѣ актеровъ судилъ по сборамъ въ ихъ бенефисы. Впрочемъ и это знакомство было для меня не безъ пользы: Шмидеръ разочаровалъ мою вѣру въ безошибочность французскихъ трагиковъ; указалъ мнѣ сочиненія Лессинга и Энгеля, и заставилъ уважать авторовъ, пренебрегавшихъ правилами трехъ единствъ. Но классическіе авторы Франціи имѣли при мнѣ представителя въ другомъ сосѣдѣ. Французскій трагическій актеръ Дегланьи, о которомъ, конечно, съ удовольствіемъ вспоминаютъ любители театра, жилъ въ нижнемъ этажѣ сосѣдняго дома, окнами въ нашъ садъ. Онъ декламировалъ съ утра до вечера, предъ открытымъ окномъ, монологи и сцены изъ лучшихъ французскихъ

трагедій. Частенько, спрятавшись за кустомъ, я прислушивался къ его декламаціи, и думалъ про себя: «что ни говори Шмидеръ, а, ей Богу, и это прекрасно!» —

Шмидеръ учился у меня русскому языку. Въ одно утро, въ началѣ нашего знакомства, когда я выбился изъ силъ, толкуя ему, что *б*, и что *п* (онъ называлъ ихъ *пуки* и *бакой*), вошелъ въ его комнату молодой человѣкъ, пріятной наружности, одѣтый опрятно и со вкусомъ — не такъ какъ прочіе посѣтители и кліенты доктора. Онъ пришелъ сообщить о непріятности, съ нимъ случившейся. Рукопись перевода его, который стоилъ ему большихъ трудовъ, была отправлена къ Государю Императору въ армію, и какъ-то дорогою затерялась *). Неизвѣстный говорилъ (по-французски) о своемъ напрасномъ трудѣ и несбывшейся надеждѣ такъ скромно, мило и умно, что я почувствовалъ къ нему невольное влеченіе. И Шмидеръ обошелся съ нимъ учтивѣе обыкновеннаго, и по уходѣ его, объявилъ мнѣ, что этотъ молодой человѣкъ, нашъ сосѣдъ, господинъ Крюковской, русскій литераторъ, умный и образованный. Я искалъ случая познакомиться съ Крюковскимъ, и вскорѣ успѣлъ. Онъ проводилъ каждое утро въ саду — выйдетъ, бывало, въ фуражкѣ, въ нанковомъ сюртукѣ, въ зеленыхъ сапогахъ, съ большимъ краснымъ платкомъ на шеѣ,

---

*) Въ послѣдствіи она отыскалась. Это былъ переводъ сочиненія Геренштванда о политической экономіи.

и ходитъ про себя по аллеямъ, иногда въ безмолвномъ мечтаніи — иногда декламируя въ полголоса стихи. Я узналъ и полюбилъ его. Никогда не случалось мнѣ видѣть (ни прежде, ни послѣ того) человѣка, который бы такъ *совершенно* жилъ въ мірѣ фантазіи, который бы такъ мало дорожилъ свѣтомъ, такъ мало задумывался при какомъ-либо препятствіи — не-литературномъ. Крюковской воспитанъ былъ въ Сухопутномъ (Первомъ) Кадетскомъ Корпусѣ; говорилъ по-французски прекрасно, по-нѣмецки очень хорошо; по-русски писалъ мастерски, но, увлекаемый мечтаніями, не могъ заняться ничѣмъ основательно. Вставъ часовъ въ десять поутру, онъ отправлялся въ хорошую погоду въ садъ, въ дурную оставался въ своей комнатѣ, и забавлялся чтеніемъ, размышленіемъ, сочиненіемъ стиховъ; потомъ одѣвался и уходилъ куда нибудь обѣдать. Въ шесть часовъ возвращался домой, свертывалъ мѣдный рубль, и отправлялся въ театръ—русскій, нѣмецкій или французскій. Тамъ онъ совершенно предавался удовольствію, возбуждаемому сценическими представленіями; забывалъ все, его окружающее, плакалъ и смѣялся, какъ въ своемъ кабинетѣ. Не рѣдко замѣчалъ я, сидя подлѣ него въ театрѣ, какъ сосѣдніе съ нами зрители удивлялись вниманію и чувствительности молодаго человѣка. Особенно заглядывались на него женщины — должно знать, что въ то время женщины, и порядочныя и прекрасныя, не считали неприличнымъ ходить въ партеръ. И онъ былъ неравнодушенъ къ такому

вниманію. Достойно замѣчанія, что лучшее его произведеніе, Пожарскій, обязано существованіемъ своимъ дѣйствію двухъ прекрасныхъ глазъ въ нѣмецкомъ театрѣ. Играли драму: Волшебница Сидонія. Отличная актриса Миллеръ восхищала публику. Крюковской заливался слезами; я ему вторилъ. Вдругъ онъ какъ-то посмотрѣлъ въ сторону, и слезы остановились у него на рѣсницахъ. Глаза его встрѣтились съ глазами молодой красавицы, сидѣвшей въ ложѣ перваго яруса. «Видите ли?» спросилъ онъ, толкая меня. —«Вижу,» отвѣчалъ я равнодушно: «а что?»— «Какъ что! Эти глаза! Кто, кто эта прекрасная дѣвица? Нельзя ли какъ нибудь узнать?» — «Можно и очень можно!» отвѣчалъ я. Вскорѣ нашелъ я въ партерѣ одного изъ тѣхъ людей, которыхъ можно назвать живыми адресъ-календарями: онъ объявилъ мнѣ, что эта дама есть дѣвица, дочь такого-то чиновника изъ Нѣмцевъ, что она въ театрѣ бываетъ рѣдко, но всякое воскресенье въ лютеранской церкви, на Литейной, сидитъ внизу, обыкновенно на шестой скамьѣ. Я сообщилъ открытіе мое Крюковскому. Онъ воспользовался этимъ, и сталъ ходить каждое воскресенье въ лютеранскую церковь: притаится, бывало, на хорахъ, и глазъ не сводитъ съ владычицы своей, а она, бѣдненькая, и не догадывалась о своей побѣдѣ. Поэтъ довольствовался обожаніемъ идеальнымъ! Сердце конечно можно было насытить мечтами, но желудокъ требовалъ пищи вещественнѣйшей. Родные и знакомые Крюковскаго, у которыхъ онъ обѣдывалъ,

жили въ срединѣ города, и онъ не могъ поспѣвать къ нимъ по воскресеньямъ. Надлежало заводить знакомства на Литейной. Онъ нашелъ средство познакомиться съ Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ, который жилъ тогда въ своемъ домѣ, насупротивъ церкви лютеранской. Въ бесѣдѣ съ этимъ почтеннымъ любителемъ словесности, онъ заговорилъ о своихъ опытахъ, принесъ и прочиталъ ему свою трагедію, едва набросанную; по совѣту Александра Семеновича, перемѣнилъ и исправилъ въ ней многое, и при его же посредствѣ сдѣлался извѣстнымъ Александру Львовичу Нарышкину. Тогда была война съ Французами. Русскія сердца кипѣли ревностью отстоять Царей и троны Европы. Димитрій Донской Озерова имѣлъ блистательный успѣхъ. Крюковской долго не рѣшался отдать на театръ свою трагедію, почитая ее слишкомъ слабою и ничтожною. Убѣжденія новыхъ знакомцевъ превозмогли его боязнь. Пожарскаго сыграли въ Маѣ 1807 года—и сыграли превосходно. Яковлевъ, Шушеринъ, Каратыгина были въ ней неподражаемы. Маленькаго Георгія игралъ въ ней Сосницкій, тогда едва вышедшій изъ младенчества. Успѣхъ былъ совершенный. При поднятіи завѣсы, Крюковской исчезъ. Когда кончилась трагедія, публика единогласно стала требовать автора. Долго онъ не являлся. Громъ рукоплесканій и восклицанія не умолкали. Наконецъ показался онъ въ директорской ложѣ. Я не узналъ его—такъ онъ былъ блѣденъ и разстроенъ. Его съ трудомъ доискались въ ложѣ четвертаго яруса, гдѣ онъ скрылся

при началѣ спектакля, въ твердомъ увѣреніи, что трагедія его упадетъ. Я принималъ самое усердное участіе въ піесѣ и въ самомъ авторѣ. Въ театрѣ не могъ я его видѣть: блистательное торжество доставило ему множество знакомыхъ, и я не успѣлъ пробиться до него сквозь толпу поздравителей. На другой день, часовъ въ двѣнадцать, пошелъ я къ нему, чтобъ раздѣлить вчерашнюю радость. Вхожу въ комнату—нѣтъ никого, все пусто; вхожу въ другую, та же пустота—нѣтъ ни столовъ, ни зеркалъ, ни стульевъ. «Что это значитъ?» подумалъ я: «не можетъ статься, чтобъ онъ выѣхалъ: вчера провелъ я у него утро.»—«Кто тамъ?» раздался знакомый голосъ изъ-за перегородки. — «Я, Матвѣй Васильевичъ! Да гдѣ вы?» — «Извините, еще не вставалъ. Войдите покамѣстъ сюда.» — Я прошелъ за перегородку, и увидѣлъ моего поэта въ постели. И спальня опустѣла: въ ней были только кровать его и маленькій столикъ. «Садитесь, пожалуйте, на кровать,» сказалъ онъ мнѣ, смѣючись. «На этотъ разъ другихъ креселъ у меня нѣтъ.» — Я послѣдовалъ приглашенію, сталъ поздравлять его со вчерашнимъ успѣхомъ, и между нами завязался жаркій разговоръ о любимомъ предметѣ. Крюковской былъ внѣ себя отъ восхищенія. «Что же вы не замѣчаете преобразованія въ моей квартирѣ?» спросилъ онъ наконецъ очень весело. — «Вы видно съѣзжаете?» сказалъ я печально, думая, что лишусь любезнаго сосѣда. — «Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ: «я остаюсь здѣсь; только освободился отъ лишнихъ мебе-

лей.» — «Какъ такъ!» — «Я продалъ ихъ сегодня. Мнѣ надобенъ новый фракъ; я обѣдаю у Александра Львовича Нарышкина, а костюмъ мой уже очень поблекъ.» — «Помилуйте,» сказалъ я: «можно ли такъ поступать? Вы могли бы занять денегъ, до полученія платы за вашу трагедію изъ дирекціи.» — «Занять! занять! Да у кого? Ужъ мнѣ эта трагедія!» — «Но на трагедію вы не можете жаловаться!» — «Въ самомъ дѣлѣ? Такъ потрудитесь вынуть изъ этого столика бумагу, и прочитайте. Это было извѣщеніе начальства Коммиссіи Составленія Законовъ, что переводчикъ Крюковской, за долговременную неявку къ должности, исключенъ изъ службы. — «Да это ужасно!» сказалъ я. — «Что дѣлать!» отвѣчалъ безпечный поэтъ. «Я сказался больнымъ, чтобы работать свободнѣе дома. Чрезъ нѣсколько времени мнѣ напомнили, что пора выздоровѣть. Явиться къ должности — значило бы признаться, что болѣзнь моя была выдумана. Я не пошелъ, и вотъ послѣдствіе!» — «Надѣюсь однако, что ваши труды литературные будутъ хорошо вознаграждены.» — «Да, мнѣ проговаривали что-то о деньгахъ. А главное то, что мнѣ даютъ даровой билетъ въ партеръ. Теперь мѣдный рубль не будетъ у меня оттягивать кармана.» — Въ это время постучались у дверей. — «Entrez!» закричалъ Крюковской. Явился модный портной Фанденбергенъ съ новою парою платья.

Чрезъ нѣсколько времени дѣла моего пріятеля поправились. Онъ получилъ хорошее вознагражденіе

за свою трагедію. Государь, принявъ его милостиво, приказалъ спросить у автора, чѣмъ можно было бы его порадовать. Крюковскій съ робостью отвѣчалъ, что онъ желалъ бы усовершенствовать свои познанія и таланты въ средоточіи драматическаго искусства, въ Парижѣ. Желаніе его было исполнено: ему назначили хорошее содержаніе, и отправили его въ Парижъ. Тамъ онъ предался всею душею наслажденіямъ литературы и драматическаго искусства; изучалъ великіе образцы, готовилъ себѣ запасъ новыхъ идей, но ничего не успѣлъ положить на бумагу. Къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ тамъ руководителей, слушателей, друзей. Воля твоя, а талантъ требуетъ сообщенія, требуетъ участія другихъ. Крюковской, пробывъ года два въ Парижѣ, воротился въ Петербургъ, съ чѣмъ поѣхалъ: съ душею истинно поэтическою, способною постигнуть и передать все прекрасное, но безъ твердости и рѣшительности въ волѣ и характерѣ. Я увѣренъ, что и Пожарскій никогда не былъ бы конченъ безъ случайныхъ, благопріятныхъ обстоятельствъ. Къ несчастію, Крюковской, послѣ блистательнаго успѣха своего, познакомился съ односторонними судьями драматическаго искусства, которые, подъ видомъ благонамѣренныхъ совѣтовъ, преподаютъ молодымъ писателямъ правила, стѣснительныя для генія, убійственныя для таланта. Они охуждали въ Пожарскомъ всѣ тѣ сцены, которыя занимательны дѣйствіемъ и положеніемъ лицъ, а хвалили одни стихи—именно то, чѣмъ авторъ не могъ похвалиться.

Если бъ Крюковской жилъ и писалъ нынѣ, когда всѣ школьныя и закулисныя правила оцѣнены надлежащимъ образомъ, когда вѣрное изображеніе природы и человѣка предпочитается размѣреннымъ тирадамъ героевъ и тирановъ — онъ попалъ бы на свою стезю. А въ то время поэтической нерѣшимости и литературнаго смѣшенія языковъ, принужденъ онъ былъ безпрерывно бороться съ противорѣчіями. Я рѣдко видалъ людей съ такими пламенными чувствами, съ такимъ высокимъ и изящнымъ понятіемъ о любви, какія одушевляли Крюковскаго, — и онъ написалъ трагедію, въ коей о любви не упоминается. Клопштокъ, Шиллеръ, Гете были его обыкновеннымъ чтеніемъ; Шекспиръ извлекалъ у него въ театрѣ непритворныя слезы, — а его осудили низать риѳмы, и трепетать о соблюденіи единствъ, въ слѣдствіе небывалаго указа Аристотелева. Удивительно ли послѣ этого, что вторая трагедія его, Елисавета, дочь Ярослава, слаба и несвязна! — Онъ намѣревался было написать трагедію: Сафо, изобразить всѣ наслажденія и мученія любви. Вѣроятно, героиня поэмы уже существовала въ его воображеніи; вѣроятно она облечена была всѣми красотами поэзіи, но прелестный призракъ никогда не осуществлялся, и улетѣлъ съ душею поэта.

Крюковской, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи изъ Франціи, занемогъ и, послѣ продолжительной болѣзни, скончался (1811 г.) на тридцатомъ году отъ рожденія, оставивъ отечественной публикѣ залогомъ своего патріотисма и таланта одну трагедію,

а въ памяти родныхъ, друзей и знавшихъ его — убѣжденіе, что онъ, при благопріятномъ направленіи своихъ способностей, могъ бы обогатить и прославить Русскую Словесность.

Готовясь, по обыкновенію, поставить подъ этою статьею мѣсяцъ и число, я затрепеталъ невольно: *29-го Сентября 1832 года*. Ровно за шестнадцать лѣтъ предъ симъ, 29 Сентября 1816 года, скончался другой русскій литераторъ, искренній другъ мой, незабвенный и незамѣнимый, человѣкъ благородный, необыкновенный умомъ, талантами, образованіемъ — *Павелъ Александровичъ Никольскій*. Здѣсь могу я говорить о немъ только какъ о литераторѣ. Ты спросишь: что же онъ сдѣлалъ важнаго? чѣмъ прославился въ свое время? что оставилъ потомству? — Спроси у юнаго дуба, сокрушеннаго бурею, зачѣмъ онъ не раскинулъ вѣтвей своихъ по долинѣ! Спроси у солнца, на восходѣ помраченнаго тучами, зачѣмъ оно не оживляло земли своими лучами! — Никольскій умеръ двадцати пяти лѣтъ отъ роду. — Онъ готовился къ службѣ по горной части, учился въ Горномъ Корпусѣ очень хорошо, но не могъ заниматься исключительно науками точными и естественными. Мельпомена улыбнулась ему въ часъ рожденія: литература, поэзія, исторія увлекли воображеніе и умъ юноши. Онъ оставилъ горную службу, и вступилъ въ гражданскую, посвящая всѣ свои досуги трудамъ литера-

турнымъ. Въ пылкія лѣта юности, когда всякая удачная попытка намъ кажется блистательнымъ успѣхомъ, когда мы поставляемъ главную цѣль занятій словесностью не въ томъ, чтобъ писать, а чтобы печатать,— молодой Никольскій ревностно занялся литературою практическою, участвовалъ въ изданіи журналовъ *Цвѣтникъ* и *Санктпетербургскій Вѣстникъ*, сталъ издавать *Пантеонъ Русской Поэзіи*, переводилъ и повѣсти и романы. Другой, на его мѣстѣ, продолжалъ бы эти занятія, и оставилъ бы лѣтъ чрезъ пятьдесятъ память писателя трудолюбиваго и общеполезнаго. Но Никольскому этого было недовольно: съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ признался онъ самому себѣ, что не имѣетъ еще тѣхъ познаній и навыковъ, которые нужны для истиннаго литератора; бросилъ *дѣйствительныя* занятія и углубился въ ученіе. Литература древняя и новая, эстетика и теорія словесности сдѣлались предметомъ его ученія и изысканій. Смерть положила всему предѣлъ. Воспоминаніе о человѣкѣ обыкновенномъ тускнетъ въ душѣ нашей по мѣрѣ удаленія отъ насъ времени его кончины. Но утраченные міромъ люди отличные становятся намъ дороже и дороже, по мѣрѣ того, какъ мы на пути жизни удаляемся отъ времени, которое они украшали для насъ своимъ существованіемъ; по мѣрѣ того, какъ мы, узнавая людей, убѣждаемся, что нѣтъ подобнаго потерянному другу. Словесность наша, въ истекшія шестнадцать лѣтъ, чувствительно возвысилась, и обогатилась не только числомъ, но и зрѣ-

лостью производителей и произведеній. Съ каждымъ днемъ узнаемъ мы о новыхъ явленіяхъ въ литературѣ, съ каждымъ днемъ наши писатели обогащаютъ ее примѣрами и образцами; но, — повѣришь ли? все новое, все прекрасное въ нынѣшнихъ произведеніяхъ, въ нынѣшнихъ понятіяхъ, кажется мнѣ знакомымъ и бывалымъ! Когда вспомню о Никольскомъ, о смѣлыхъ, здравыхъ и свободныхъ отъ всякаго предразсудка мысляхъ его въ литературѣ; когда приведу себѣ на память его сужденія о писателяхъ, тогда намъ современныхъ, а нынѣ выслушивающихъ приговоръ потомства: — тогда мнѣ кажется, что нынѣшніе лучи проистекли отъ искры, таившейся въ душѣ сего необыкновеннаго юноши. Не знаю, былъ ли бы онъ самъ производителемъ, но увѣренъ, что Русская Литература имѣла бы въ немъ нынѣ своего Джонсона, Лессинга, Шлегеля; что его ясный, критическій, безпристрастный умъ былъ бы лучезарнымъ свѣтиломъ въ тусклой храминѣ нашей словесности.

Неисповѣдимая судьба человѣческая! Писатели, трепетавшіе рѣзкаго взгляда и насмѣшливой улыбки Никольскаго, нынѣ красуются и тщеславятся — а онъ!...

Принцъ де-Линь, помнится, сказалъ Великой Екатеринѣ: «Если бъ вы родились мужчиною, то конечно дослужились бы до фельдмаршаловъ!» — «Не думаю», отвѣчала она: «меня убили бы въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ!»

СТАТЬИ СОВРЕМЕННЫЯ.

Изъ Сѣверной Пчелы.

I.

КОНЧИНА

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

(30 Ноября 1825.)

Въ первыя минуты по полученіи горестной вѣсти о неожиданной кончинѣ незабвеннаго нашего Александра, не имѣли мы ни возможности, ни силъ, сообщить нашимъ читателямъ о подробностяхъ сего плачевнаго событія. Теперь постараемся передать имъ нѣкоторыя о семъ свѣдѣнія, но просимъ ихъ напередъ, не ожидать и не требовать отъ насъ повѣствованія связнаго и правильнаго: кто изъ Россіянъ, сыновъ Александра, можетъ равнодушно говорить о кончинѣ великаго Государя, добраго нашего отца! Понимаемъ, понимаемъ теперь въ полной мѣрѣ смятеніе, съ коимъ, за сто лѣтъ предъ симъ, знаменитый пастырь Церкви прервалъ начало рѣчи своей надъ бренными останками

Петра! И мы говоримъ нынѣ: «Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне! что видимъ? что дѣлаемъ? Александра Перваго погребаемъ!»

Не прежде прошедшей среды (25 числа) начали носиться въ здѣшней публикѣ слухи о нездоровьѣ Государя: говорили, что онъ занемогъ лихорадкою отъ легкой простуды; утѣшались мыслію, что болѣзнь эта не значительна; надѣялись, зная крѣпкое сложеніе тѣла Его Величества, что она не будетъ имѣть опасныхъ слѣдствій. Въ четвертокъ (26-го) вдругъ разнеслась молва, что болѣзнь приняла опасный оборотъ, что она превратилась въ сильную горячку, что при Высочайшемъ Дворѣ господствуетъ, по полученіи послѣднихъ писемъ, великое смятеніе, что ждутъ курьера съ рѣшительными извѣстіями. Недоумѣніе, страхъ, надежда, боязнь — распространились въ столицѣ. Въ пятницу (27-го числа) поутру услышали о закрытіи театровъ, но въ то же время разнеслась радостная вѣсть, что, по письмамъ изъ Таганрога, Государь почувствовалъ облегченіе. Объявлено было, что въ придворной церкви и во всѣхъ храмахъ столицы совершаемо будетъ молебствіе, для испрошенія у Господа Бога исцѣленія вселюбезнѣйшему Монарху. Во храмѣ Александро-Невской Лавры собрались знатныя особы, министры, генералы, офицеры гвардіи и множество народа. Вдругъ, еще до окончанія обѣдни, вошелъ въ церковь начальникъ гвардейскаго штаба, генералъ-маіоръ Нейдгардъ. На лицѣ его, покрытомъ смертною блѣдностію, прочитали страшную вѣсть.

Онъ подошелъ къ командующему гвардейскимъ корпусомъ, генералу Воинову, и сообщилъ ему о несчастномъ событіи. Мгновенно всѣ о томъ узнали: храмъ наполнился воплями; слезы покрыли грудь неустрашимыхъ, срѣтавшихъ съ улыбкою раны и смерть въ битвахъ. Всѣ поспѣшили во дворецъ: тамъ узнали, что въ самое время совершенія молебствія въ придворной церкви, въ присутствіи Императорской Фамиліи, прибылъ фельдъегеръ изъ Таганрога, и что военный генералъ-губернаторъ донесъ о привезенной имъ плачевной вѣсти Великому Князю Николаю Павловичу, а потомъ и Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ.... Да позволено намъ будетъ умолчать о послѣдовавшемъ: ни какое перо не изобразитъ сей горестной картины.

По учиненіи въ придворной церкви присяги на вѣрность подданства Его Величеству Императору Константину Павловичу, сперва Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, а потомъ Государственнымъ Совѣтомъ, Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, Министрами и знатнѣйшими чиновниками, гг. генералы и командиры полковъ гвардіи отправились изъ гвардейскаго штаба къ своимъ командамъ для приведенія ихъ къ таковой же присягѣ. По принесеніи знаменъ изъ мѣстъ храненія оныхъ, каждый полкъ строился въ каре, и совершалъ священный обрядъ клятвы въ вѣрноподданствѣ Государю, съ теплою вѣрою, съ твердымъ духомъ, но и съ горячими слезами о потерѣ своей. Рыданія солдатъ слышались вмѣстѣ

съ повтореніемъ словъ присяги. Да будутъ слезы, падшія на хартію присяги, неизгладимою подписью нашей любви и преданности къ Государямъ, преходящей и за предѣлы гроба!....

Станемъ ли описывать уныніе, печаль, слезы всѣхъ, всѣхъ жителей столицы! И Русскіе, и иностранцы, и юноши, и старцы, и жены, — всѣ объяты были *однимъ* чувствомъ, всѣ составили *одно* осиротѣвшее семейство. И сіе чувство потери обожаемаго Государя было для всѣхъ столь неожиданно, чтоль чуждо, что тщетно стали бы мы искать словъ для отданія въ томъ отчета. Толпы народа покрыли Дворцовую Площадь: всѣ, въ безмолвіи, смотрѣли на жилище добрыхъ Государей своихъ, ожидая оттуда, какъ и всегда, утѣшенія и облегченія своей печали. Вѣрные сыны Александра не могли утолить горести своей.

Въ субботу, 28-го числа, и вчера, въ воскресенье 29-го, началось во всѣхъ православныхъ греко-россійскихъ церквахъ столицы годовое поминовеніе за литургіею и отправленіе панихидъ о упокоеніи души Благочестивѣйшаго Великаго Государя Императора Александра I. Пламенны моленія сыновъ Россійской Церкви, просящихъ представльшемуся отъ нихъ земному Царю *милости Божіей и царства небеснаго у Христа безсмертнаго Царя.* Усердны были молитвы, возсылавшіяся о немъ къ Богу, въ воскресенье, и во всѣхъ иновѣрческихъ церквахъ. Храмы наполнялись плачемъ и рыданіемъ.

II.

ВИДѢНІЯ.

(5 Марта 1826.)

Вчерашняго числа до полудня, пошелъ я къ одному моему пріятелю, живущему на Невскомъ Проспектѣ, чтобъ выпросить у него мѣстечко у окна въ день печальной процессіи. Я давно не бывалъ въ этой сторонѣ города, шумной и веселой, гдѣ праздность и дѣятельность, промышленость и разсѣяніе толпятся цѣлый день. Нынѣ дѣятельность другаго рода заступила мѣсто прежней. На площади передъ Казанскимъ Соборомъ построена большая платформа для караула, народъ тѣснится въ соборъ, чтобъ видѣть величественное украшеніе. По улицѣ скачутъ ѣздовые въ траурныхъ ливреяхъ; обитые чернымъ сукномъ кареты вельможъ смѣнили свѣтлые экипажи прежняго времени. Императорскую Публичную Библіотеку, башню Городской Думы и частные домы убираютъ въ черное сукно фестонами. Тамъ, на тротуарѣ, встрѣтился я съ од-

нимъ родственникомъ моимъ, который былъ въ торжественной процессіи при ввезеніи тѣла покойнаго Государя въ Царское Село. Онъ представилъ моему воображенію трогательную картину: тихое шествіе печальной колесницы, предшествуемой духовенствомъ, окруженной сподвижниками покойнаго Императора; народъ по сторонамъ дороги, на колѣняхъ въ благоговѣйномъ безмолвіи; слезы и рыданія Государя Императора, срѣтившаго печальное шествіе у границы Царскосельской, и въ глубокомъ чувствѣ невозвратной потери бросившагося на гробъ того, кто въ жизни былъ ему *отцемъ и благодѣтелемъ* *); плачъ всей Царской Фамиліи, и наконецъ глубочайшую скорбь, съ которою у входа въ церковь, встрѣтила драгоцѣнные останки сіи рождшая его для блага человѣчества, и воспитавшая для добродѣтели, для славы земной и небесной. — *Блаженни плачущіи: яко тіи утѣшатся!* — —

Волнуемый симъ зрѣлищемъ и сими чувствами, пришелъ я въ квартиру пріятеля моего, и не заставъ его дома, сѣлъ въ ожиданіи подлѣ окна, и смотрѣлъ на волненіе народа: вспоминалъ, какъ за двѣнадцать лѣтъ предъ симъ, мы, жители петербургскіе, готовились съ торжествомъ встрѣтить избавителя отечества и миротворца Европы, и какъ онъ прекратилъ всѣ наши приготовленія, воздавъ хвалу и славу единому Богу; воспоминалъ печальныя процессіи, при погребе-

*) См. Высочайшій Манифестъ отъ 12 Декабря 1825.

нiи прежнихъ Государей, видѣнныя мною на этомъ же мѣстѣ въ молодыхъ лѣтахъ, и мало по малу погрузился въ сладостное мечтанiе, въ которомъ засыпаютъ всѣ наружныя чувства наши, и пробуждается неизвѣстное многимъ, но многимъ знакомое и безцѣнное чувство внутренняго созерцанiя, то состоянiе *ясновидѣнiя*, въ которомъ душа, расторгши узы тлѣнiя и настоящаго, переносится въ свой мiръ, и невещественнымъ окомъ видитъ прошедшее — воображаетъ будущее....

Я видѣлъ — печальное шествiе. По ровной дорогѣ, усыпанной бѣлымъ пескомъ и зелеными вѣтками, тянулись ряды незнакомыхъ мнѣ лицъ въ черной одеждѣ, одни со свѣчами въ рукахъ, другiе съ знаменами и хоругвiями, иные несли на подушкахъ доспѣхи воинскiе, знаки царскаго достоинства, кресты, звѣзды; еще другiе вели коней, богато убранныхъ. Лица сiи являлись изъ какого-то тумана, и прошедъ нѣсколько шаговъ по дорогѣ, скрывались въ такомъ же мракѣ. Только надъ самымъ путемъ свѣтлѣлось бѣлое облако, и я, посмотрѣвъ туда пристально, вскорѣ началъ различать въ немъ живыя картины, которыя появлялись въ легкихъ очеркахъ, и простоявъ нѣсколько секундъ, тонули въ бѣлыхъ облачныхъ струяхъ, какъ разливаются круги, производимые на поверхности воды брошеннымъ въ нее камнемъ. Не упомню всѣхъ картинъ: ихъ было слишкомъ много. Опишу нѣкоторыя изъ нихъ, оставшiяся въ моемъ воспоминанiи.

— Вижу прекрасный садъ и великолѣпную колон-

наду, уставленную бюстами людей великихъ, утѣшившихъ появленіемъ своимъ въ міръ сѣтующее человѣчество. Жена величественнаго вида, съ улыбкою кротости и любви, съ чертами мудрости и твердости на возвышенномъ челѣ, возводитъ прекраснаго голубоокаго отрока по отлогому скату на галерею, приближается съ нимъ къ изваяніямъ друзей и благотворителей міра, и повѣствуетъ отроку о ихъ подвигахъ. Въ очахъ его блистаетъ пламя умиленія, стремленія къ славѣ — къ славѣ той, которой не въ здѣшней жизни вѣнцы соплетаются. — —

— Вижу внутренность древняго храма, наполненнаго многочисленною, блистательною толпою. На лицахъ присутствующихъ, обращенныхъ къ амвону, изображены благоговѣніе, надежда, радость и умиленіе. На амвонѣ, въ свѣтломъ кругу Царскаго Дома, духовенства, воиновъ и вельможъ, вижу юную чету, вѣнчанную и помазанную на царство. Маститый первосвященникъ, совершивъ священный обрядъ, къ Монарху вѣчанному и превознесенному обращаетъ гласъ Вѣры и мудрости. Юный Царь, внемля словамъ его, съ умиленіемъ душевнымъ обращаетъ взоръ сыновней любви на стоящую близъ него родительницу свою, и въ этомъ взорѣ заключается обѣтъ его подвиговъ и славы.

— Вижу уединенный чертогъ царскій, гдѣ юный Монархъ, въ совѣтѣ съ мудрыми старцами, устрояетъ благо своего народа; вижу величественный и грозный строй воиновъ, которымъ онъ внушаетъ храбрость,

любовь къ отечеству, упорство въ бою съ врагомъ, милосердіе къ побѣжденному; — вижу его, входящаго въ скромную хижину, гдѣ живетъ добродѣтель и несчастіе: онъ вноситъ туда бальсамъ отрады и утѣшенія; — вижу, какъ онъ идетъ за гробомъ наставника и воспитателя своего, и искренними слезами платитъ ему дань любви и благодарности.

— Вижу — на большой дорогѣ остановилась коляска. Государь поспѣшно ее оставляетъ, и бросается въ сторону: тамъ лежитъ человѣкъ, повидимому, мертвый, въ одеждѣ простаго крестьянина. Монархъ полвселенной подъемлетъ на руки нищаго, ищетъ въ немъ слѣдовъ жизни; приближаются другія коляски; изъ нихъ выходятъ его приближенные. Онъ подзываетъ къ себѣ одного изъ нихъ, врача, и спрашиваетъ, можно ли спасти безчувственнаго; врачъ изъявляетъ сомнѣніе, но не останавливаетъ ревности человѣколюбца. Государь употребляетъ всѣ предписываемыя средства, напрягаетъ всѣ усилія, и послѣ долговременныхъ стараній, видитъ, что несчастный открываетъ глаза. Какой небесный восторгъ заблисталъ въ очахъ избавителя! Онъ обратилъ ихъ къ небу, и я прочелъ въ нихъ сквозь радостныя слезы: «Боже! я спасъ человѣка отъ смерти: эта минута есть счастливѣйшая въ моей жизни *)!»

*) Происшествіе это случилось въ 1807 году. По поводу онаго, Лондонское Общество Человѣколюбія поднесло покойному Государю Императору медаль за спасеніе человѣка отъ смерти.

Свѣтлое дотолѣ облако помрачается. Молніи сверкаютъ на темной его поверхности. Слышится отдаленный громъ.

— Вижу Красное Крыльцо и Площадь Кремлевскую, покрытую народомъ. Отворяются двери царскаго терема, и выходитъ на крыльцо Государь *). Тяжкая дума видна на челѣ его. Узрѣвъ его, тысячи бросаются на колѣни и восклицаютъ въ восторгѣ: «умремъ за тебя, Государь, за Церковь Божію, за Русь святую!» Горестно-кроткая улыбка является на ангельскихъ устахъ. Онъ возводитъ взоры къ небу.

— Вижу внутренность новопостроеннаго Казанскаго Собора. Священство совершаетъ литургію и молебствіе Всевышнему съ колѣнопреклоненіемъ: торжествуютъ одиннадцать лѣтъ со дня вѣнчанія Государя на царство **), но все во мракѣ, все тихо и уныло; многолюдство безмолвно; молитвы слышатся посреди молчанія, изрѣдка прерываемаго глубокими вздохами. На царскомъ мѣстѣ, подъ златыми словами: *Сердце Царево въ руцѣ Божіей*, предстоитъ Монархъ кроткій и величавый, съ Августѣйшимъ своимъ Домомъ. Глубокая задумчивость въ его взорахъ, но на возвышенномъ челѣ изображены спокойствіе, внушаемое теплою вѣрою и чистою совѣстью, твердость, почерпаемая великими душами въ уповаціи на Бога и въ чувствѣ правоты своего дѣла.

---

*) Въ Іюлѣ 1812 года.

**) 15-го Сентября 1812 года.

— Вижу древній городъ *), въ шумѣ и смятеніи: бѣгутъ воины — одни въ чуждыхъ намъ доспѣхахъ, другіе въ рубищахъ, иные падаютъ мертвыми на пути. При звукахъ торжественныхъ вступаютъ русскіе ряды, предводимые сѣдовласымъ старцемъ, и останавливаются на площади. И вотъ появляется Государь, и, при громкихъ кликахъ побѣдоноснаго воинства, объемлетъ маститагȏ вождя, возлагаетъ на него бѣлый крестъ. Радостныя слезы ихъ смѣшиваются.

— Ожидаю увидѣть торжественный, великолѣпный пріемъ. Нѣтъ! вижу мрачные переходы римско-католическаго монастыря: тамъ лежатъ грудами мертвые и умирающіе воины изъ рядовъ вражескихъ. Растворяются двери; входитъ въ обитель плача торжествующій побѣдитель, и со слезами небеснаго состраданія, простираетъ державную руку къ несчастнымъ врагамъ. Въ темномъ углу, оперппсь на саблю, стоитъ воинъ непріятельскій: во взорахъ его, помраченныхъ страданіемъ и горестною мыслію о торжествѣ сопротивныхъ, читаю слова: «Монархъ Россійскій! что бы ты ни совершилъ еще, этотъ подвигъ пребудетъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ твоей жизни **)!»

— Вижу поле битвы. Вдали, въ туманѣ дождевомъ, башни Дрездена. Бой ужасный. Ядра непріятельскія

*) Вильно.

**) «Monarque russe! quoique tu puisses faire, cette action sera une des plus belles de ta vie!» Слова Маркиза де-Шамбре, въ книгѣ его: Expédition de Russie, Livre IV, page 386.

вырываютъ цѣлые ряды. Смерть пируетъ. Окруженный блистательными сподвижниками и оруженосцами, воинъ правды и чести, защитникъ Вѣры и Отечества, вождь Европы къ спасенію и славѣ, Монархъ нашъ спокойно озирается, и удерживаетъ стремленіе ретиваго коня. Жертвы брани падаютъ подлѣ него: онъ недвижимъ. Въ двухъ шагахъ отъ него роковое ядро поражаетъ величественнаго вождя *). Государь бросается къ нему, истощаетъ пособія и утѣшенія, и передавъ его въ руки вѣрныхъ попечителей, вновь обращается къ своему мѣсту. Приближенные просятъ, умоляютъ его удалиться. Онъ отвѣчаетъ имъ спокойною, кроткою улыбкою, и указуетъ на небо.

— Мракъ мало по малу разсѣялся. Облако вновь просвѣтлѣло. — Вижу обширную площадь чуждаго, величественнаго города **). Съ одной стороны протекаетъ рѣка, съ другой сады, съ остальныхъ древнія великолѣпныя зданія. Русскія войска, въ торжественномъ одѣяніи, съ радостью на лицахъ, ровнымъ строемъ окружаютъ высокій амвонъ, построенный посреди площади; народъ, намъ чуждый, недавно еще непріязненный, шумными толпами мятется за нашими рядами. На амвонѣ, греко-россійское духовенство совершаетъ благодарственное Господу Богу молебствіе, и Государь, преклоняя колѣни предъ Всевышнимъ,

*) Генерала Моро.

**) Площадь Лудовика XV въ Парижѣ, 29-го Марта 1814 года, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

приноситъ Ему сердечную дань благодаренія за дарованныя побѣды, и молитъ, да изгладитъ небесная благость слѣды ужаснаго преступленія, на семъ мѣстѣ за двадцать одинъ годъ предъ тѣмъ совершеннаго.

— Вижу, являются въ чертогъ царскій трое вельможъ, и подносятъ Царю, побѣдителю и миротворцу, хартію благодаренія отъ имени отечества *). Государь беретъ ее, прижимаетъ къ сердцу, поднимаетъ взоръ къ небу, и возвращаетъ ее поднесшимъ. *Единому Богу подобаетъ слава!* говорятъ умиленные его взоры.

— Вижу прелестный садъ Павловскій — вижу Царицу-мать, счастливую славою и доблестями первороднаго своего сына, какъ она, въ сладостномъ нетерпѣніи, поспѣшаетъ встрѣтить его послѣ долговременной разлуки. Подлетаетъ быстрая коляска. Изъ нея поспѣшно бросается Государь, и повергается къ стопамъ родительницы.

— Вижу картину гибели, разрушенія, на берегу моря. Подлѣ большаго каменнаго зданія взгромождены обломки домовъ деревянныхъ; на сушѣ стоятъ барки и другія суда; по взморью плаваютъ хижины. Мертвые трупы женщинъ и дѣтей лежатъ на землѣ. Несчастные супруги и отцы проливаютъ надъ ними слезы отчаянія. Другіе въ развалинахъ ищутъ своихъ ближнихъ и родственниковъ. Иные блуждаютъ въ безмолвіи на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вчера еще, въ кругу лю-

*) Въ Іюлѣ 1814 года.

безныхъ своихъ, наслаждались дружбою, любовію и плодами малаго избытка. Посреди сихъ зрѣлищъ ужаса и плача, вижу, является Александръ *), окруженный блистательною свитою, проливаетъ слезы съ несчастными и сиротами, утѣшаетъ отчаянныхъ, подъемлетъ упадшихъ, и царскими словами, отголоскомъ небесной помощи, вливаетъ бальсамъ утѣшенія и твердости въ унывшія души. Обращается къ окружающимъ его сподвижникамъ и вельможамъ, и отправляетъ ихъ во всѣ стороны спасать погибающихъ, искать несчастныхъ, помогать страждущимъ, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ. Одушевленные примѣромъ и словами державнаго друга бѣдствующихъ, вѣрные исполнители стремятся на помощь бѣдствію и нищетѣ....

— Вижу тѣсную комнату и въ ней ложе страданія. Нашъ Царь, прекрасный, мужественный, недавно исполненный здравія и силы, лежитъ на одрѣ. Вѣрные слуги, окружая его, скрываютъ слезы и терзанія душевныя. Онъ одинъ спокоенъ: душа благочестиваго Царя напутствована христіанскими таинствами къ царствію небесному. Онъ простираетъ руку къ нѣжной супругѣ, услаждавшей послѣднія его минуты, прижимаетъ ея руку къ своему сердцу, взглядываетъ въ послѣдній разъ на прекрасное полуденное небо — —

---

*) Въ Екатерингофѣ, въ казенномъ чугунномъ заводѣ.

Въ эту минуту пробужденъ я былъ изъ моихъ видѣній звуками трубъ подъ окномъ. Умолкли трубные звуки, и герольдъ возгласилъ о ввезеніи въ столицу тѣла въ Бозѣ почивающаго Благовѣрнаго Великаго Государя Императора Александра Павловича.

III.

КОНЧИНА
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

(12 Мая 1826.)

Въ понедѣльникъ, 10-го Мая, отслужена въ придворной церкви Зимняго Дворца панихида объ упокоеніи души почившей въ Бозѣ Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Священнодѣйствіе это совершалъ Преосвященный Серафимъ, Митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, придворныхъ и другихъ особъ. Всѣ платили дань памяти незабвенной Государыни искренними, горячими слезами.... Кроткая Царица, добродѣтельная супруга великаго Монарха вскорѣ послѣдовала за нимъ въ селенія небесныя, куда со времени его кончины неслись всѣ ея мысли и желанія. Остановилось сердце, бившееся любовію къ человѣ-

честву; охладѣла рука, втайнѣ изливавшая безчисленныя благотворенія; сомкнулись уста, отверзавшіяся для выраженія любви, надежды и утѣшенія; душа праведная вознеслась къ Источнику Благости, да пріиметъ мзду по дѣламъ своимъ; осталась въ мірѣ память ея въ благословеніяхъ, и священная память сія не прейдетъ, доколѣ будутъ чтимы вѣра, милосердіе, кротость, благотворительность — всѣ добродѣтели христіанскія и человѣческія, коими Елисавета, въ высокомъ санѣ своемъ, подавала міру изящнѣйшій примѣръ. — При жизни ея молчала хвала, боясь оскорбить кроткую добродѣтель: теперь, когда неисповѣдимымъ велѣніемъ Всевышняго отозвана сія неземная душа въ настоящее ея отечество — теперь истина вступаетъ въ права свои, и передаетъ бытописанію отечественному подвиги ея любви и милосердія; — теперь Россія вопрошаетъ всѣхъ, всѣхъ сыновъ своихъ: «кто изъ васъ не оплакиваетъ сей утраты? кто не скорбитъ о сей потерѣ, какъ о потерѣ нѣжнѣйшей матери? Не дерзаю сказать: кому она, въ теченіе всей жизни своей, причинила малѣйшую скорбь или неудовольствіе? но спрашиваю: кто отходилъ отъ свѣтлаго лица ея безъ пособія, безъ утѣшенія, безъ отрады? кому не помогла она, если только помощь была въ ея возможности? кого не утѣшила? въ чье скорбное сердце не влила отрады?»—Безмолвныя слезы милліоновъ служатъ отвѣтомъ. Плачьте, Россіяне: не стало Елисаветы Добродѣтельной!

IV.

КОНЧИНА

ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

(25 Октября 1828.)

Императорскій Домъ и Россія лишилась матери. Вчерашняго числа, въ третьемъ часу утра, судьбами Всевышняго прекращена драгоцѣнная для милліоновъ людей жизнь Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Глубочайшая горесть распространилась по всему городу, и вскорѣ плачевная вѣсть разнесется по всей Россіи, которая въ теченіе пятидесяти двухъ лѣтъ была поприщемъ благотворныхъ подвиговъ усопшей Государыни, свидѣтельницею и чтительницею ея добродѣтелей. Великость потери нашей едва ли измѣрится нашею искреннѣйшею печалію, но да найдетъ праведная скорбь вѣрноподданныхъ минутное утѣшеніе въ воспоминаніи о достоинствахъ отозван-

ной въ небесное отечество свое души добродѣтельной, и въ мысли о той наградѣ, которая земную труженицу добра, милосердія и всѣхъ доблестей христіанскихъ и человѣческихъ ожидаетъ въ селеніяхъ вѣчности.

Съ которой стороны начнемъ исчисленіе качествъ и дѣяній покойной, и гдѣ кончимъ это горестно-сладостное воспоминаніе? Не станетъ у насъ ни выраженій, ни слезъ. Въ чертогахъ царскихъ, среди упоеній величія и всѣхъ родовъ славы, Марія водворила всѣ семейственныя добродѣтели: благодарная дочь, нѣжная супруга, чадолюбивая мать, вѣрный другъ (добродѣтельные и на престолѣ имѣютъ друзей) вселила священное чувство сихъ обязанностей въ сердца всѣхъ, ее окружавшихъ, и содѣлала подвиги добра, великодушія, самоотверженія наслѣдственными въ своемъ Августѣйшемъ Семействѣ. Дщери ея содѣлались украшеніемъ Дворовъ Европы, къ славѣ и гордости Россіи. Перворожденный сынъ ея, спаситель и примиритель Европы, пріялъ уже нетлѣнные вѣнцы и въ сердцахъ потомства, и у престола Предвѣчнаго. Другіе два сына.... Европа и вселенная видѣли великодушную борьбу ихъ, неимѣющую примѣра въ лѣтописяхъ вселенной. Мать счастливая и добродѣтельная! насладись нынѣ *тамъ* вполнѣ своимъ блаженствомъ.

Довольно было бы сихъ правъ на благословеніе современниковъ, на удивленіе потомства, но мало для души, жаждущей добра: Марія полагала, что она еще

ничего не совершила, когда еще что либо оставалось сдѣлать для блага человѣчества. Она пріяла отъ августѣйшаго своего супруга, за тридцать слишкомъ лѣтъ предъ симъ, должность священную и для ея сердца усладительную — быть защитницею, покровительницею, благодѣтельницею бѣдныхъ, сирыхъ, страждущихъ. И какъ совершила она этотъ великій подвигъ? Государыня, въ точномъ смыслѣ слова, *служила* Россіи. Ни какой министръ въ свѣтѣ не могъ сравниться съ нею въ дѣятельности, усердіи, неутомимости. Взгляните, соотечественники, на превосходныя, единственныя въ мірѣ заведенія, возникшія и процвѣтшія подъ благодѣтельнымъ покровомъ незабвенной! Исчислите милліоны осушенныхъ ею слезъ, водворенныхъ трудами ея въ сердца добродѣтелей, искорененныхъ ея попеченіемъ пороковъ! Управленіе ея было не временное попеченіе, внушенное минутнымъ состраданіемъ, а безпрерывное, стройное въ цѣломъ, соотвѣтствующее цѣлому въ частяхъ своихъ, занятіе. Строгая въ исполненіи возложенной на себя должности, попечительная о малѣйшихъ подробностяхъ сопряженныхъ съ оною дѣлъ, Государыня украшала, услаждала труды свои кротостью, милосердіемъ, состраданіемъ. Нигдѣ чиновники не служили въ продолженіе толикихъ лѣтъ сряду, какъ подъ ея высокимъ начальствомъ; нигдѣ не заслужено столько пенсіоновъ; нигдѣ не было столь мало нарушеній обязанности. Найдите одно бѣдствующее семейство, одного оставленнаго сироту честныхъ чиновни-

ковъ, находившихся подъ ея благотворнымъ вѣдѣніемъ: всѣ призрѣны, воспитаны, осчастливлены. А тѣ, которые были ближайшимъ предметомъ ея материнскихъ попеченій! Вы, отъ рожденія лишенные родителей, и имени! вы, юныя сироты благородныхъ людей, положившихъ жизнь свою за отечество въ подвигахъ воинскихъ и въ трудахъ гражданскихъ! вы, обиженные природою, слѣпцы, нѣмотствующіе! вы, брошенные на одръ плача, убогіе и страждущіе! отвѣтствуйте: чтò была она для васъ, и чего вы въ ней лишились!

Боже праведный и въ судьбахъ своихъ неисповѣдимый! даждь, да блаженный духъ Маріи не оставляетъ возлюбленной ею, благодарной, сиротствующей Россіи! да наслѣдіе, ею дарованное, навсегда, навсегда пребудетъ достояніемъ Августѣйшаго Дома Императорскаго, и симъ да утвердится навѣки между нами и внуками нашими благоговѣйное о ней воспоминаніе!

V.

ТОРЖЕСТВО

СОВЕРШЕННОЛѢТІЯ

НАСЛѢДНИКА ПРЕСТОЛА,

ЦЕСАРЕВИЧА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

(26 Апрѣля 1834.)

22 Апрѣля 1834 года пребудетъ незабвеннымъ и священнымъ въ лѣтописяхъ Россійской Имперіи. Въ этотъ день Государь Императоръ, по наступленіи опредѣленнаго законами совершеннолѣтія Наслѣдника Престола, приводилъ его, какъ Государь и отецъ, къ присягѣ, сначала въ санѣ Наслѣдника Всероссійскаго Престола, а потомъ въ званіи военнослужащаго. Обѣ эти присяги совершены были въ Зимнемъ Его Императорскаго Величества Дворцѣ.

Въ половинѣ втораго часа внесены были въ церковь императорскія регаліи, держава, скипетръ и

корона, и возложены на столѣ, по лѣвую сторону налоя, передъ царскими вратами, для креста и Евангелія. Засимъ введены были въ церковь всѣ имѣющія пріѣздъ ко Двору особы и члены дипломатическаго сословія, и заняли назначенныя имъ мѣста.

Въ началѣ третьяго часа вступили въ церковь, въ предшествіи и сопровожденіи чиновъ Высочайшаго Двора, Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Цесаревичемъ Наслѣдникомъ Престола и Императорскою Фамиліею, и были встрѣчены Преосвященнымъ Митрополитомъ Серафимомъ и прочимъ духовенствомъ со крестомъ и святою водою.

Когда Ихъ Величества изволили стать на свои мѣста, началось молебствіе, для сего именно случая сочиненное. Священнодѣйствіе это заключилось слѣдующею молитвою: «Господи Боже нашъ, Царю Царей и Отче, изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется, даровавый Аврааму Ісаака въ надежду рода, и Давиду Соломона во уготованіе царствія! Благодаримъ Тя, яко и рабу Твоему, Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему Великому Государю нашему, Императору Николаю Павловичу и супругѣ его, Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, благословеніе чадородія ниспослалъ еси, и яко залогъ благихъ ему и царствію его, перворocéднаго сына и наслѣдника его, Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича даровавъ, возрастилъ еси. И нынѣ молимъ Тя, Всеблагій Владыко, благослови

раба Твоего сего, отроческое житіе отлагающаго, и въ чинъ совершенныхъ лѣтъ входящаго. Пріими отъ устъ его священный обѣтъ сына Царева: на сердцѣ же его не точію обѣтъ сей, но и всю волю Твою святую перстомъ Духа Твоего напиши. Возведи его въ мужа совершенна; утверди его духомъ владычнимъ: да владычествуетъ въ немъ свѣтомъ Твоимъ просвѣщенный умъ надъ всякою страстію, и сердце чистое надъ всякимъ вожделѣніемъ чувствъ, да тако и надъ людьми Твоими владычествовати уготованъ будетъ. Даруй же ему житіе со здравіемъ долголѣтное и благоденственное, въ радость благочестивѣйшимъ Родителемъ его, во утвержденіе Царствію Всероссійскому, во славу имени Твоего преблагословеннаго.»

По окончаніи молебствія, Государь Императоръ, взявъ Цесаревича за руку, подвелъ его къ налою, и Его Высочество прочиталъ и потомъ подписалъ клятвенное обѣщаніе, слѣдующаго содержанія:

«Именемъ Бога Всемогущаго, предъ Святымъ Его Евангеліемъ, клянусь и обѣщаюсь Его Императорскому Величеству, моему Всемилостивѣйшему Государю родителю, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и все къ Высокому Его Императорскаго Величества самодержавію, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, споспѣшествуя всему, что къ Его Императорскаго Величества

вѣрной службѣ и пользѣ государственной относиться можетъ: въ званіи же Наслѣдника Престола Всероссійскаго и соединенныхъ съ нимъ Престоловъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, обязуюсь и клянусь соблюдать всѣ постановленія о наслѣдіи Престола и порядкѣ фамильнаго учрежденія, въ основныхъ законахъ Имперіи изображенныя, во всей ихъ силѣ и неприкосновенности, какъ предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ отвѣтъ въ томъ дать могу.

«Господи, Боже отцевъ и Царю царствующихъ! настави, вразуми и управи мя въ великомъ служеніи, мнѣ предназначенномъ: да будетъ со мною присѣдящая Престолу Твоему премудрость; посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очима Твоима, и что есть право по заповѣдемъ Твоимъ. Буди сердце мое въ руку Твою! Аминь.»

Государь Наслѣдникъ началъ чтеніе голосомъ громкимъ и твердымъ, но при воззваніи къ Царю царствующихъ голосъ его задрожалъ и прервался отъ слезъ. Нѣсколько разъ начиналъ онъ чтеніе снова, нѣсколько разъ останавливался, и кончилъ рыданіемъ. Умиленіе царственнаго юноши проникло во всѣ сердца. По подписаніи имъ клятвеннаго обѣщанія, Государь Императоръ съ невыразимымъ чувствомъ обнялъ его, трижды поцѣловалъ и подвелъ къ Государынѣ. Цесаревичъ хотѣлъ облобызать свою Родительницу; Государь предупредилъ его, обнялъ Императрицу, а потомъ заключилъ въ объятія и мать

и сына. При семъ трогательномъ зрѣлищѣ торжества всѣхъ царскихъ и человѣческихъ добродѣтелей, благоговѣйный трепетъ объялъ сердца всѣхъ присутствовавшихъ: всѣ проливали слезы душевнаго умиленія; всѣ возсылали моленія къ Богу, и испрашивали благословенія Его на сіе Августѣйшее Семейство, вину счастія, благоденствія и славы Россіи во временахъ настоящихъ и грядущихъ.

Ты плакалъ въ сіи священныя минуты, Августѣйшій Цесаревичъ! Ты чувствовалъ всю важность, всю великость сего священнодѣйствія. И родители твои, и вся Россія видѣли твои слезы и понимали ихъ. Такія слезы проливалъ безсмертный предокъ твой, Михаилъ Романовъ, когда, по гласу отечества, въ младыя же лѣта, обременилъ слабыя рамена свои тяжелою порфирою царскою — и Богъ благословилъ его царствованіе, оградилъ его миромъ и тишиною, даровалъ ему потомство, вознесшее, осчастливившее Россію. Да будутъ и твои слезы, преемникъ великихъ Царей, угодны Богу! да послужатъ онѣ залогомъ благости твоей души и счастія твоего отечества!

Общее умиленіе присутствовавшихъ обратилось въ торжественное изліяніе искреннихъ благодареній Господу Богу, въ священныхъ звукахъ: Тебе Бога хвалимъ, и громъ пушекъ возвѣстилъ столицѣ о совершеніи вожделѣннаго торжества.

За обрядомъ духовнымъ послѣдовало введеніе Цесаревича въ ряды храбраго русскаго воинства, на дѣйствительную службу. Въ палатѣ Побѣдоносца

Георгія, предъ трономъ, воздвигнутъ былъ жертвенникъ; на немъ возложены крестъ животворящій и Святое Евангеліе. Знамена гвардіи, знамена Бородина, Лейпцига, Парижа и Варны, и знамя Атаманскаго Его Высочества Наслѣдника полка осѣняли царскій тронъ. Вокругъ него стояли избранные, заслуженные воины — рота Дворцовыхъ Гренадеръ, представители старой славы русской, а далѣе, по обѣимъ сторонамъ залы, расположены были воспитанники всѣхъ военноучебныхъ заведеній — цвѣтъ благороднаго юношества русскаго, надежда отечества, сверстники по лѣтамъ Цесаревича. Ими командовалъ дядя его, Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Когда торжественное шествіе вступило въ залу, раздался громкій маршъ, а при вступленіи Ихъ Величествъ, заиграли: Боже, Царя храни! Государыня Императрица изволила стать на возвышеніи подлѣ трона, Государь Императоръ на ступеняхъ. Цесаревичъ у подножія. Всѣ бывшія въ залѣ войска преклонили оружіе на молитву и сняли кивера. Государь подвелъ Наслѣдника къ жертвеннику, гдѣ онъ, по словамъ оберъ-священника гвардіи, произнесъ слѣдующую воинскую присягу:

«Я нижепоименованный обѣщаюсь предъ Всемогущимъ Богомъ служить Его Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшему Государю Родителю моему, по всѣмъ военнымъ постановленіямъ, вѣрно, послушно и исправно; обѣщаюсь чинить врагамъ Его Императорскаго Величества и врагамъ его государства хра-

брое и твердое сопротивленіе тѣломъ и кровію, въ полѣ и крѣпостяхъ, на водѣ и на сушѣ, въ сраженіяхъ и битвахъ, въ осадахъ и приступахъ и во всѣхъ воинскихъ случаяхъ безъ изъятія; обѣщаюсь о всемъ, что услышу или увижу противное Его Величеству, его войскамъ, его подданнымъ и пользамъ государственнымъ, извѣщать и оныя во всѣхъ обстоятельствахъ, по лучшей моей совѣсти и разумѣнію, охранять и оберегать такъ вѣрно, какъ мнѣ пріятны честь моя и животъ мой; обѣщаюсь во всемъ такъ поступать, какъ честному, послушному, храброму и отважному воину надлежитъ, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ Всемогущій.»

Засимъ войска отдали честь, при громкой музыкѣ и громогласнѣйшихъ поздравленіяхъ на Всемилостивѣйшій привѣтъ Государя, и знамена преклонились предъ трономъ. — Государь Императоръ, Государыня Императрица, Наслѣдникъ и Императорская Фамилія изволили возвратиться во внутренніе покои.

Такъ кончилось торжество сего вожделѣннаго и незабвеннаго дня, ознаменованнаго многими царскими милостями, изліянными на достойныхъ вѣрноподданныхъ.

VI.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ.

(2 Сентября 1834.)

30 Августа сего года совершено исполненіе великой мысли Государя Императора — воздвигнуть безсмертному Императору Александру Первому памятникъ, достойный его и Россіи.

Изъ нѣдръ Финляндіи исторгнутъ исполинскій столпъ, величиною не имѣющій себѣ образца въ мірѣ, какъ и тотъ, которому въ память онъ воздвигается; съ неимовѣрными трудами и усиліями, которыя могли быть преодолѣны только русскимъ усердіемъ, неустрашимостью и смѣтливостью, перевезенъ въ Санктпетербургъ; при пособіи храбрыхъ воиновъ, сподвижниковъ Александра, поднятъ и поставленъ на

основаніи *); потомъ обдѣланъ и украшенъ, какъ прилично его величію и назначенію **), а нынѣ открытъ торжественно — да служитъ на вѣчныя времена свидѣтельствомъ признательности и благоговѣнія Государя и Россіи къ одному изъ величайшихъ и добродѣтельнѣйшихъ Монарховъ, украшавшихъ собою престолы.

Колонна Александровская, величиною превосходящая всѣ существующіе на земномъ шарѣ памятники***), состоитъ изъ цѣльнаго гранитнаго столпа, воздвигнутаго на огромномъ гранитномъ же подножіи, украшенномъ аллегорическими барельефами, и со стороны Зимняго Дворца надписью: *Александру I-му благодарная Россія*. На вершинѣ ея сіяетъ крестъ.

*) Камень, отторгнутый отъ основанія, перенесенъ былъ на устроенное именно для того судно 19-го Іюня 1832 года, привезенъ въ Санктпетербургъ 1-го Іюля, выгруженъ на берегъ 12-го, а поднятъ 30-го Августа того же года. Отторженіе колонны отъ каменной горы, перевезеніе въ Петербургъ и обработка оной произведены искусствомъ и трудами подрядчика Василія Абрамовича Яковлева.

**) Архитекторомъ г. Монферраномъ.

***) Весь монументъ имѣетъ въ вышину болѣе 22 саженъ (154 фута, 9 дюймовъ); стержень цѣльнаго гранита 12 саженъ (84 фута). Колонна Помпеева въ Александріи имѣетъ въ вышину 63 ф.; Пантеона въ Римѣ, 46 ф. 9 д. 11 лин.; обелискъ на площади Св. Петра 78 ф.; обелискъ Александрійскій, или Игла Клеопатры, 63 ф.; колонны Исакіевскаго Собора 36 ф.

Ангелъ, держа крестъ лѣвою рукою, правою указуетъ на небо. Исполинскою громадностью своею, возвышаясь надъ всѣми окружающими площадь великолѣпными зданіями, колонна изумляетъ взоры; напоминая о благочестіи, великодушіи и добродѣтеляхъ Александра, приводитъ въ умиленіе души и сердца не только Россіянъ, но и всѣхъ благомыслящихъ иностранцевъ, умѣющихъ чувствовать, постигать и цѣнить истинно великое, сближающее земнородныхъ съ Божествомъ, источникомъ всякой мудрости и добра.

Торжество открытія соотвѣтствовало величію монумента. Надъ главными воротами Зимняго Дворца построенъ великолѣпно украшенный балконъ со сходами по обѣимъ сторонамъ на площадь. Надъ экзерциргаузомъ и подлѣ него, также вдоль всѣхъ зданій Дворцовой Площади, сдѣланы были въ нѣсколько ярусовъ амфитеатры для зрителей. Народъ толпился на адмиралтейскомъ бульварѣ; всѣ окна и крыши окрестъ лежащихъ домовъ были усѣяны жаждущими насладиться симъ единственнымъ зрѣлищемъ.

Надлежало опасаться, что погода не будетъ благопріятствовать торжеству. Весь Августъ мѣсяцъ стояло время ясное и жаркое; съ 24-го начали перепадать дожди, и наканунѣ праздника, 29 Августа, вечеромъ поднялась жестокая буря съ необычайно сильною грозою; вода въ Невѣ возвысилась до такой степени, что въ ночи послѣдовали предостерегательные сигналы. Но утро 30 Августа взошло ясное и пріятное.

При свѣжемъ вѣтрѣ изрѣдка набѣгали облака, и опять исчезали.

Государь Императоръ изволилъ слушать въ сей день божественную литургію въ Невскомъ Монастырѣ въ восемь часовъ утра, и къ десяти возвратился въ Зимній Дворецъ. Въ десять часовъ всѣ войска собрались на назначенныхъ мѣстахъ, прилегающихъ къ площади. Въ одиннадцать часовъ три выстрѣла изъ конноартиллерійскаго орудія, поставленнаго подлѣ адмиралтейскаго бульвара, подали сигналъ: въ одно мгновеніе, изъ всѣхъ улицъ хлынули войска на площади, окружающія дворецъ и адмиралтейство. Они расположились лицемъ къ монументу, оставивъ между имъ и собою значительное пространство. Къ Зимнему Дворцу стояли, въ шести баталіонахъ, воспитанники военно-учебныхъ заведеній. Влѣво, къ экзерциргаузу, полки 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи; къ Главному Штабу 2-й дивизіи, къ Адмиралтейской Площади 3-й дивизіи. На Адмиралтейской Площади гренадерскій корпусъ и гвардейская кирасирская дивизія. На Петровской Площади 1-я и 2-я легкія гвардейскія и 7-я легкая кавалерійская дивизіи. Артиллерія расположена была на Разводной Площади, между Зимнимъ Дворцомъ и Адмиралтействомъ, и на Набережныхъ Дворцовой, Англійской и Биржевой, на Васильевскомъ Острову. По Невѣ, вдоль Дворцовой Набережной, стоялъ рядъ фрегатовъ, яхтъ и пароходовъ. Всего было въ строю 86 пѣхотныхъ баталіоновъ, 106 эскадроновъ конницы и 248 орудій артиллеріи.

Всѣми войсками въ этотъ день командовалъ лично самъ Государь Императоръ. По занятіи ими назначенныхъ мѣстъ, Его Величество изволилъ объѣхать оныя, и возвратился на Дворцовую Площадь. Въ то же самое время рота Дворцовыхъ Гренадеръ стала шпалеромъ по балюстраду балкона. Государыня Императрица, слѣдуя за духовенствомъ, весь Дворъ и прочія особы вышли на балконъ. Войска отдали честь, и ровно въ двѣнадцать часовъ начался благодарственный молебенъ. По мановенію Государя, всѣ войска, взявъ на молитву, обнажили головы. Всѣ зрители послѣдовали ихъ примѣру, всѣ возсылали теплыя молитвы къ Богу. Во время же благодарственной молитвы, пѣхота стала на колѣни. Среди обширной площади, между памятникомъ и мѣстомъ совершенія молебствія, Монархъ милліоновъ преклонилъ колѣно предъ Всевышнимъ, молился Ему, благодарилъ Его за Россію, за блага, изліянныя на нее, за блага, уготованныя ей впредь Небеснымъ Промысломъ. Священный трепетъ объялъ всѣхъ: на обширномъ пространствѣ, покрытомъ сотнями тысячъ, царствовала глубочайшая тишина; слова священнодѣйствующихъ явственно слышны были въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ площади — Богу приносима была молитва не словами, а душами. Послѣ многолѣтія, протодіаконъ возгласилъ вѣчную память Императору Александру, и съ послѣднимъ звукомъ его громкаго голоса, опустилась завѣса, заграждавшая дотолѣ подножіе монумента; золотые орлы, поддерживавшіе ее, пали предъ

памятникомъ; раздалось единодушное ура стотысячнаго войска, и загремѣли выстрѣлы изъ разставленныхъ въ строю пушекъ, съ судовъ и съ крѣпости. При сихъ кликахъ и громахъ торжества нетлѣнной славы, величественное шествіе двинулось съ балкона: крестный ходъ духовенства, за нимъ Государыня Императрица со всѣмъ Высочайшимъ Дворомъ, въ сопровожденіи роты Дворцовыхъ Гренадеръ, спустились по одной сторонѣ схода на площадь, и обошли памятникъ, тихо и величаво. Лишь только духовенство стало окроплять его святою водою, солнце яркими лучами озарило и монументъ и шествующихъ, и когда шествіе воротилось другимъ всходомъ на балконъ, легкій переходный дождь окропилъ площадь. Потомъ прояснѣло, и свѣтлая погода стояла во весь остальной день, какъ съ самаго утра.

По окончаніи духовнаго обряда, войска построились къ церемоніальному маршу. Государь Императоръ, въ сопровожденіи Его Королевскаго Высочества Принца Вильгельма Прусскаго и блистательной свиты, изволилъ проѣхать, отдалъ честь монументу и сталъ у подножія памятника; Государыня осталась на балконѣ. Предъ симъ Государь повелъ роту Дворцовыхъ Гренадеръ мимо монумента, ввелъ ее въ ограду, и поставилъ въ караулъ вокругъ памятника; тогда зрители получили понятіе объ исполинскихъ размѣрахъ колонны: великаны-гренадеры съ высокими шапками своими не достигали верхней линіи базиса. За гренадерами шли военно-учебныя заведе-

нія, потомъ пѣхота въ сомкнутыхъ полковыхъ колоннахъ, пѣшая артиллерія, кавалерія въ сомкнутыхъ полковыхъ эскадронныхъ колоннахъ, конная артиллерія и піонерный эскадронъ. Прусскіе офицеры и нижніе чины размѣщены были по полкамъ, соотвѣтствующимъ не только оружіемъ, но и нумеромъ тѣмъ полкамъ Прусской Арміи, въ которыхъ они служатъ. Войска построены были самыми густыми колоннами, и шествіе ихъ продолжалось слишкомъ два часа. Отличное ихъ устройство, ровный и свободный шагъ, превосходство конницы, красота артиллеріи — все восхищало военныхъ и невоенныхъ. Огромныя массы двигались легко и свободно, какъ одинъ человѣкъ. При этомъ рѣдкомъ зрѣлищѣ (никогда не было собрано въ С. Петербургѣ такого большаго числа войскъ) одна мысль невольно вторгалась въ умы всѣхъ присутствующихъ: какое средство движетъ и одушевляетъ сіи громадныя полчища, сообщаетъ имъ единогласіе и стройность, хранитъ въ нихъ порядокъ и устройство, возбуждаетъ усердіе, раждаетъ восторгъ радостно умереть за отечество? Средство это есть единство воли Движущаго сими силами, повиновеніе ихъ одному; Онъ же, облеченный властію и силою земною, въ смиреніи духа испрашиваетъ себѣ пособія, вдохновенія, благословенія свыше!

Въ половинѣ четвертаго часа кончилось это достопамятное торжество. Государь Императоръ, съ Высочайшимъ Дворомъ, изволилъ возвратиться во дворецъ; войска отправились по домамъ; зрители, вос-

хищенные великолѣпною картиною, удалились. На мѣстѣ торжества остался памятникъ Александру въ исполинскомъ величіи своемъ. Крестъ искупленія сіяетъ надъ землею, и устами ангела своего Всевышній вѣщаетъ: Россія! пребудь вѣрна Мнѣ въ Помазанникахъ Моихъ, и благословеніе Мое пребудетъ съ тобою навѣки!

Блистательная иллюминація вечеромъ освѣтила всѣ площади и улицы Петербурга; вокругъ памятника пылали огни въ великолѣпныхъ жертвенникахъ, и освѣщенный тысячью свѣтилъ балконъ Зимняго Дворца представлялъ зрѣлище очаровательное.

ОТСТАЛОЕ.

БУДУЩАЯ ПОВѢСТЬ.

ОТСТАЛОЕ.

БУДУЩАЯ ПОВѢСТЬ.

---

12 Іюля 1874 года, въ прекрасномъ городѣ Пятигорскѣ, инспекторъ врачебной управы, Петръ Елисеевичъ Свѣтиловъ, почтенный старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, бодрый, свѣжій и живой, сидѣлъ вечеромъ на широкомъ балконѣ своего дома, посреди своихъ домочадцевъ, курилъ трубку, посматривая на величественныя вершины горъ, теряющихся въ отдаленіи, и запивалъ табачный дымъ глотками ароматнаго чаю. За чайнымъ столикомъ предсѣдательствовала дочь его, миловидная женщина лѣтъ тридцати, окруженная тремя рѣзвыми малютками, въ черкесскомъ костюмѣ. Подлѣ нея сидѣлъ мужъ ея, въ такой же одеждѣ, съ военными на груди крестами. Съ другой стороны старика расположились два сына его: одинъ юноша военный, другой гражданскій; первый съ вы-

раженіемъ ума, огня, смѣлости, послѣдній съ томною на устахъ улыбкою.

«Не долго намъ бесѣдовать съ тобою, другъ мой, Вася!» сказалъ старикъ, оборотясь къ старшему сыну: «чрезъ недѣлю ты будешь летѣть на почтовыхъ, въ Петербургъ, чрезъ мѣсяцъ надѣнешь гвардейскій мундиръ, а тамъ....» — «Что жъ тамъ?» спросилъ Василій съ нетерпѣніемъ, смягчаемымъ сыновнею нѣжностью. — «Не такъ часто будешь объ насъ думать!» прибавилъ отецъ, понизивъ тонъ, и какъ бы страшась сказать: ты насъ забудешь. — «За то, что будетъ,» отвѣчалъ Василій: «трудно ручаться; но если бъ — допустимъ невозможное — я и хотѣлъ рѣже объ васъ думать, сердце меня не послушается. Я здѣсь родился, здѣсь выросъ; здѣсь могила маменьки — и я забуду этотъ край? — Здѣсь вступилъ я въ царскую службу, здѣсь участвовалъ въ усмиреніи послѣднихъ покушеній нарушить спокойствіе Кавказа, здѣсь заслужилъ честь быть призваннымъ въ гвардію — и я забуду это? Забуду васъ? Возможно ли?» — «Правда твоя, Василій Петровичъ,» сказалъ зять его: «мѣсто рожденія привязываетъ человѣка неразрывными къ себѣ узами. Семи лѣтъ отъ роду былъ я отправленъ въ Петербургъ, учился въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ гвардіи, былъ счастливъ и доволенъ. Меня отправили сюда. Я едва помнилъ, какъ давнишній сонъ, случаи моего дѣтства; почти вовсе забылъ свой языкъ, словомъ обрусѣлъ совершенно; но не могу выразить того чувства, которое объяло меня трепе-

томъ сильнымъ и несказанно усладительнымъ, когда показались мнѣ издали вершины нашихъ горъ, когда повѣяло на меня знакомымъ дыханіемъ Кавказа, когда увидѣлъ я первую Черкешенку.» — «Тише! тише!» примолвила, улыбаясь, жена его. — «Воля твоя, Дуняша!» продолжалъ онъ: «сердись или не сердись, но грязная дикарка въ то время была для меня во сто кратъ привлекательнѣе разряженныхъ, раздушенныхъ сильфидъ, съ которыми я кружился въ нѣмецкомъ вальсѣ по петербургскимъ паркетамъ. Разумѣется, что это очарованіе не было продолжительно. Я вскорѣ убѣдился во всѣхъ невыгодахъ и даже въ пагубности тогдашняго порядка дѣлъ на Кавказѣ, постигъ всю благость намѣреній правительства, рѣшившагося сдѣлать насъ людьми изъ разбойниковъ, и всѣми силами, всѣми возможными пожертвованіями содѣйствовалъ успѣху благотворныхъ и великодушныхъ предначертаній. Бывъ давно христіаниномъ въ душѣ, нѣсколько лѣтъ не крестился, чтобъ имѣть возможность дѣйствовать на моихъ соотечественниковъ. Любо теперь посмотрѣть на нашъ Кавказъ! Я ѣздилъ по многимъ странамъ просвѣщенной Европы, и ничего подобнаго не видалъ.» — «А мнѣ такъ жаль смотрѣть на нынѣшній Кавказъ,» сказалъ младшій: «все такъ чинно, тихо, порядочно! Нѣтъ мѣста воображенію, поэзіи. То ли дѣло бывало встарину! Прочтите Кавказскаго Плѣнника, Пушкина. Конечно, старинный слогъ его теперь страненъ, но вникните въ содержаніе, въ мысли, въ картины. Тогда было иное время! А теперь,

гдѣ разгуляться воображенію?» — «Теперь-то ему и разгуливаться, любезный другъ Андрюша!» сказалъ Черкесъ: «теперь оно одно дѣйствуетъ на Кавказѣ; ему привольно и просторно, а какъ бывало, въ старые годы, существенность накинетъ арканъ на воображеніе и потащитъ его въ горы — такъ прощай и стихи, и проза. Ой, ужъ вы, стихотворцы! Да стоятъ ли ваши воображаемыя картины той дѣйствительности, которую мы теперь видимъ въ нашей сторонѣ? Кавказъ тихъ и спокоенъ. Безопасность, довольство, богатство царствуютъ во всѣхъ его странахъ. Винодѣліе, землепашество, скотоводство достигли высочайшей степени. Кавказская шерсть вытѣснила испанскую; шелкъ нашъ употребляется преимущественно на всѣхъ фабрикахъ Европы; не шампанское, не бургонское, не портвейнъ пьютъ во всемъ Русскомъ Царствѣ, а наши доморощеныя вина, вкусныя, прочныя, здоровыя! Наши лихіе конники не только не враги Россіи, они составляютъ храбрый, быстрый, неусыпный авангардъ русской арміи. — Впрочемъ, неужели поэзія исчезла съ разбоями? — Здѣсь, попрежнему, свѣтитъ южное солнце; по прежнему, высятся снѣговерхія горы; по прежнему, зіяютъ бездонныя пропасти: только отъ зноя солнечнаго найдешь вездѣ пріютъ и тѣнь; на гору можешь взобраться не опасаясь сломить шею; въ пропасть не дадутъ тебѣ упасть прочныя перила. Неужели поэзія только и находитъ пищи, что въ разбояхъ, кровопролитіяхъ, буряхъ физическихъ и нравственныхъ? — Боюсь я,

чтобъ не возобновилась у насъ школа, угрожавшая въ юности моей литературѣ всѣхъ народовъ. Эта школа находила удовольствіе въ томъ, что возбуждаетъ ужасъ и омерзѣніе. Она миновала, какъ всѣ глупости, но родъ человѣческій идетъ впередъ не прямо, а лавируетъ, кружится на одномъ мѣстѣ, пишетъ мыслете, и не удивительно будетъ, если старинныя нелѣпости возникнутъ вмѣстѣ съ длинными таліями.» — «Прекрасно!» сказала съ хохотомъ Авдотья Петровна: «Длинныя таліи, какъ на портретѣ покойницы маменьки! Нѣтъ, другъ мой! Иное можетъ воротиться, а ужъ таліи вѣрно не опустятся. Длинныя таліи! Какъ это забавно!» — «Ошибаешься, Дуня!» возразилъ Петръ Елисеевичъ: «длинная талія гораздо красивѣе, величественнѣе, нынѣшнихъ вашихъ короткихъ талій, которыя, вѣроятно, въ скоромъ времени поднимутся еще выше пояса Новоторжскихъ мѣщанокъ. Въ мое время дамы и дѣвицы хвалились нѣжностью и стройностью своего стана, которыя при нынѣшней модѣ совершенно пропадаютъ. Какъ прекрасна была моя Вѣрочка въ длинной таліи, въ платьѣ полномъ, просторномъ, съ широкими рукавами, въ серьгахъ съ длинными подвѣсками; на лбу брилліантовая ферроньерка; волосы, закрученные косою на маковкѣ и на затылкѣ, и ниспадавшіе спереди по вискамъ; въ нынѣшнемъ же нарядѣ я бы и не посмотрѣлъ на нее. То-то время было!» — Необыкновенно густое облако дыму, вырвавшееся изъ устъ его, измѣнило глубокому вздоху. — Авдотья Петровна, изъ уваженія къ

отцу, удерживала смѣхъ, воображая карикатурные наряды тридцатыхъ годовъ. — «Мнѣ кажется, сестрица права,» сказалъ Андрей Петровичъ: «Перечитывая стихотворенія тѣхъ временъ, я вовсе не вижу, чтобъ красота женская возбуждала восторгъ, питала воображеніе поэтовъ. Въ нихъ видна какая-то странная смѣсь унылости и въ то же время молодечества, что-то дикое, необработанное, какое-то неуваженіе къ читателямъ. И хорошо было только то, гдѣ говорилъ умъ, а не чувство; напримѣръ, басни Крылова. Во всемъ же прочемъ, кромѣ немногихъ исключеній, натяжка и неестественность, безжизненность и презрѣніе къ роду человѣческому. Изъ этого я заключаю, что тогдашнія женщины не могли плѣнять воображенія, занимать сердца поэтовъ. Въ противномъ случаѣ...» — «Нѣтъ, другъ мой!» сказалъ отецъ: «не женщины были тому виноваты. Я скажу тебѣ на ушко: женщины всегда были и будутъ лучше насъ, и если бъ мы постарались сравниться съ ними въ чувствѣ прекраснаго, великаго, онѣ поднялись бы еще выше. Дѣло въ томъ, что въ тѣ годы наступило какое-то время недоумѣнія, остановки, перехода въ поэзіи. Словесность прочитала первый томъ, а за второй только что принималась. Все были попытки, начала, неудачные приступы. Отступали, чтобъ разбѣжаться. А предметовъ было довольно!» — «Предметовъ! предметовъ!» сказалъ Черкесъ: «предметы всегда есть и будутъ, только бъ были люди, которые въ состояніи ихъ разглядѣть со стороны поэтической.

Великіе поэты, живописцы, скульпторы творили все изъ ничего: самозванцы-художники не умѣли извлечь ничего изъ предметовъ самыхъ высокихъ и величественныхъ. Я не поэтъ, а берусь найти поэтическую сторону въ чемъ вамъ угодно. Исполненіе — дѣло другое.» — «Не бейтесь объ закладъ,» сказалъ Андрей Петровичъ, улыбаясь: «я знаю предметъ, изъ котораго вы именно не извлечете ничего поэтическаго.» — «А что бы это было такое?» спросилъ Черкесъ. — «Предметъ вашей ненависти и преслѣдованія: спиртъ, водка, пѣнникъ, сивуха.» — «Ты правъ, Андрей Петровичъ,» отвѣчалъ Черкесъ: «въ этомъ я еще сущій магометанинъ, и гнушаюсь всѣмъ, что только хотя слегка напоминаетъ этотъ медленный ядъ. Ты правъ — изъ этого предмета я не въ состояніи извлечь ничего поэтическаго. Меня по кожѣ подираетъ, когда подумаю, что въ мірѣ существуетъ это питье, что есть люди, которые имъ не гнушаются.» Черкесъ поморщился, какъ будто проглотилъ самое отвратительное лекарство.

«А я вамъ скажу,» возразилъ старикъ: «что это ненавистное питье могло бы служить заглавіемъ роману, въ которомъ оно составляетъ завязку.» — «Помилуйте, батюшка!» вскричалъ Черкесъ: «романъ, основанный на водкѣ!» — «Точно,» продолжалъ Петръ Елисеевичъ: «скажу болѣе: я знаю романъ, который развязкою своею обязанъ сивухѣ; еще болѣе: этотъ романъ есть мой собственный, исторія моей любви и женитьбы на вашей покойной тещѣ,

моей милой, незабвенной Вѣрѣ Дмитріевнѣ.» — «Что вы, папенька?» сказала съ недоумѣніемъ Авдотья Петровна: «какъ это возможно? Это невѣроятно.» — «Мало-ли что невѣроятно!» возразилъ старикъ: «а между тѣмъ сбылось дѣйствительно. Если хотите, если не боитесь соскучиться при разсказахъ шестидесятишестилѣтняго старика о любви былыхъ годовъ — я вамъ сообщу исторію моей юности.» — «Съ удовольствіемъ! охотно! сдѣлайте милость!» раздалось со всѣхъ сторонъ. — Старикъ выколотилъ докуренную трубку, набилъ ее снова, закурилъ, и началъ разсказъ:

«Вы знаете, что я учился въ Московскомъ Университетѣ. Это было около тридцатыхъ годовъ. Я занимался науками усердно и неутомимо, видя въ нихъ единственное средство честно прожить на свѣтѣ. Начальные годы моей жизни, моихъ учебныхъ занятій прошли тихо, незамѣтно. Помню только еще, какъ, при появленіи въ Москвѣ холеры, которая была тогда болѣзнь неизвѣстная, страшная, опасная, я дежурилъ въ госпиталяхъ съ безпечными моими товарищами; какъ мы преспокойно спали на постеляхъ, лишь только оставленныхъ больными, дѣлились съ ними порціею, даже купались въ ихъ ваннахъ — и первые, сами того не зная, доказали Европѣ незаразительность этой болѣзни. И это время прошло. Я кончилъ науки, выдержалъ экзаменъ на доктора медицины и хирургіи, получилъ золотую медаль, воображалъ себя лейбмедикомъ, президентомъ медицинской академіи, и Богъ

знаетъ чѣмъ. Одинъ мой товарищъ, выпущенный года за два до меня, и получившій выгодное мѣсто въ Петербургѣ, звалъ меня туда. Разумѣется, что я не колебался. Собралъ кое-какъ шестьдесятъ рублей, взялъ мѣсто въ кабріолетѣ петербургскаго дилижанса, и наканунѣ отъѣзда пошелъ къ одному изъ нашихъ профессоровъ, который, за недосугами, не подписалъ еще моего диплома. Я не нашелъ его: въ званіи визитатора частныхъ училищъ былъ онъ на экзаменѣ въ одномъ женскомъ пансіонѣ, и такъ какъ испытанія въ наукахъ обыкновенно оканчиваются танцами и вистомъ, то я и долженъ былъ дожидаться его до глубокой ночи. Прочитавъ въ двухсотый разъ великолѣпно напечатанный дипломъ свой, я было задремалъ, и вдругъ разбуженъ былъ чьимъ-то громкимъ голосомъ. Я раскрылъ глаза: предо мною стоялъ старичекъ, въ простой одеждѣ, разстроенный, трепещущій, съ выкатившимися глазами, и дергалъ меня за сюртукъ. — «Не докторъ ли вы?» спросилъ онъ меня страшнымъ голосомъ. — «Докторъ медицины и хирургіи,» отвѣчалъ я, протирая глаза. — «Такъ пожалуйте поскорѣе!» закричалъ онъ съ радостью, самъ надѣлъ мнѣ на голову мою шляпу, и потащилъ меня за собою. Я не успѣлъ опомниться, какъ онъ усадилъ меня въ сани, самъ сталъ на запятки, и закричалъ кучеру: пошелъ! Сани полетѣли — я не видѣлъ куда, и чрезъ полчаса остановились въ отдаленной части города, передъ деревяннымъ домомъ. Провожатый мой вытащилъ меня изъ саней, и опрометью вовлекъ

за собою на крыльцо. «Вотъ онъ! вотъ докторъ!» кричалъ онъ безъ памяти: «Что Вѣра Дмитріевна? жива еще, что ли?» — «Тише, Михеичъ,» сказала ему старушка: «другой докторъ пріѣхалъ безъ тебя. Этого не надо!» — «Какъ не надо!» закричалъ Михеичъ жалобно: «не одного, не двухъ, двадцати мало! Матушка ты моя родная, праведная моя, Вѣра Дмитріевна! Не умирай, сударыня!» Слезы въ три ручья полились по лицу старика. — Старушка повела меня въ комнату, тускло освѣщенную одною свѣчею. Больная лежала въ постели, за занавѣсками. У изголовья ея сидѣли почтеннаго виду мужчина и женщина, видно родители ея, въ безмолвной тоскѣ, и смотрѣли на моего профессора, который, въ парадномъ мундирѣ, при шпагѣ, стоялъ передъ больною, и глядѣлъ на нее пристально. При входѣ моемъ въ комнату онъ обратился ко мнѣ: «Это вы, Свѣтиловъ? Какъ вы сюда попали?»—Я разсказалъ ему, что сидѣлъ въ его залѣ, и что меня, за его отсутствіемъ, привезли сюда. — «Bene!» сказалъ онъ: «я усталъ до смерти, carissime! Останьтесь здѣсь на ночь. Бѣдная страдалица имѣетъ надобность въ скорой помощи и въ неусыпномъ попеченіи. Пустите ей четыре чашки крови изъ лѣвой руки, и потомъ давайте прописанное мною, коль скоро принесутъ изъ аптеки. Замѣчайте каждую четверть часа, что происходитъ, и въ случаяхъ важныхъ записывайте. — Вамъ, молодой человѣкъ,» прибавилъ онъ пресеріозно по-латыни: «предстоитъ большое поученіе и наслажденіе. Кадаверъ удивительный. Болѣзнь ея

необыкновенная, приключилась скоропостижно, и трупоразъятію никто противиться не смѣетъ.... — Завтра,» сказалъ онъ по-русски, обратясь къ родителямъ: «въ восемь часовъ утра я пріѣду, а до того времени останется здѣсь господинъ докторъ Свѣтиловъ. Будьте благонадежны, почтеннѣйшіе! Spes in nobis, in Deo exitus.» Онъ поклонился имъ, и съ важностью вышелъ. Мать взяла меня за руку, и подвела къ больной. Я остолбенѣлъ. При слабомъ мерцаніи свѣчи представилось мнѣ существо неземное! Дѣвица, лѣтъ девятнадцати, въ бѣломъ платьѣ, въ бѣломъ на головѣ чепчикѣ, подвязанномъ розовою лентою, лежала на постели безъ движенія. Глаза ея были закрыты. Черные локоны вырывались изъ подъ кружевной обшивки чепчика. Я вперилъ въ нее глаза, и не зналъ, что со мною дѣлается, гдѣ я, что вижу. Мать замѣтила мое вниманіе. «Не правда ли, она очень худа?» сказала она съ выраженіемъ боязни. «Она?» спросилъ я въ свою очередь: «она? нѣтъ! быть не можетъ!» — «Въ самомъ дѣлѣ?» спросила оживленная надеждою. — «Богъ милостивъ!» сказалъ я, опомнившись. «Ей должно пустить кровь, по приказанію профессора.» — «Какъ изволите!» отвѣчала мать. Отецъ подошелъ, чтобъ помочь мнѣ. Я взялъ больную за руку, засучилъ рукавъ ея до плеча — сердце мое сильно забилось. Я мысленно молилъ Бога о твердости. Руки мои дрожали. Я вынулъ изъ кармана готовальню, перевязалъ руку, коснулся ланцетомъ нѣжной жилки, и кровь брызнула. Я чуть было не закричалъ. Операція

кончилась благополучно. Я унялъ кровь платкомъ своимъ, перевязалъ руку, спустилъ рукавъ: наружѣ осталась ручка, прелестнѣйшее созданіе природы. Я сѣлъ подлѣ постели, и смотрѣлъ въ прекрасное лице страдалицы. Волненіе ея начало утихать. Казалось, что она заснула. «Слава Богу!» сказалъ я: «кажется, что ей легче.» Лучъ блаженнѣйшаго чувства блеснулъ въ глазахъ родителей. Видно было, что отцу трудно было не ложиться. «Поди, поди,» сказала ему жена: «поди, другъ мой, Дмитрій Степановичъ! успокойся. Мы съ господиномъ докторомъ останемся у Вѣрочки. Занеможешь ты, такъ я совершенно пропала.» Старикъ всталъ, перекрестилъ больную, взглянулъ на жену съ выраженіемъ любви и довѣренности, молча пожалъ мнѣ руку, и вышелъ. Я остался при больной одинъ съ ея матерью. Мало-по-малу оглядѣлся я въ комнатѣ. Въ переднемъ углу вспыхивалъ огонь въ лампадѣ подъ божницею. Все въ комнатѣ было чисто, порядочно, уютно, но не богато, не великолѣпно. По всему замѣчалъ я, что нахожусь въ домѣ купеческомъ. Но болѣе всего обращала на себя вниманіе моя больная. Она лежала неподвижно, блѣдная какъ мраморъ; длинныя черныя рѣсницы измѣняли прекраснымъ глазамъ; посинѣлыя уста были еще прелестны. Грудь ея иногда поднималась, но чаще всего лежала она безъ движенія, и нерѣдко устрашенной матери казалось, что любимица ея испустила послѣднее дыханіе. «Пощупайте у ней пульсъ,» говорила она мнѣ съ умоляющимъ взглядомъ. Я брался за руку, и успокоивалъ ее. Од-

нажды я какъ-то взялъ ее выше кисти, и не дощупался пульса. Видно, испугъ изобразился на моемъ лицѣ. «Такъ нѣтъ пульсу?» закричала мать, забывая, что должно хранить молчаніе. «Ради Бога, пощупайте сердце — если и оно остановилось....» — Не зная, что дѣлаю, я приложилъ руку къ сердцу больной: оно билось, но я не могъ отнять руки. Каждое біеніе этого сердца раздавалось въ моемъ громовыми ударами. — Что жъ? спрашивала мать. — «Бьется,» сказалъ я, медленно отнимая руку. — Долго не могъ я прійти въ себя, сидѣлъ въ безмолвіи и забыти, устремивъ глаза на прекрасную страдалицу. Добрая мать, видно, приписывала это вниманіе моему усердію въ исполненіи должности, благодарила меня взглядами, и не замѣчала, что мнѣ двадцать четвертый годъ отъ роду. Въ комнатѣ господствовала глубочайшая тишина. Только маятникъ столовыхъ часовъ указывалъ теченіе времени. Каждую четверть часа давали мы больной лекарство, каждую четверть часа приближалась минута разлуки. Стало свѣтать. Лучъ солнечный проникъ сквозь бѣлую миткалевую занавѣску. Улица проснулась. Зашумѣло на дворѣ. Съ послѣднимъ ударомъ осьми часовъ вошелъ мой профессоръ. — «Что больная?» спросилъ онъ. — Я описалъ проведенную ею ночь. Онъ взялъ ее за пульсъ, и покачавъ головой, сказалъ мнѣ по-латыни: «Чудеса совершаются, но не всегда.» Этотъ приговоръ жестоко поразилъ меня. Не знавъ предшествовавшаго хода болѣзни, не имѣвъ возможности узнать ее теперь, я

еще менѣе матери могъ судить о состояніи больной. «Благодарю васъ, любезный Свѣтиловъ!» сказалъ профессоръ: «за исполненіе моей просьбы. Я знаю, вамъ должно сегодня ѣхать. Ступайте съ Богомъ. Я нашелъ у себя дома вашъ дипломъ, подписалъ его и отправилъ къ вамъ. Простите! желаю вамъ счастливаго пути!» Онъ обнялъ и поцѣловалъ меня. Я не зналъ, что со мною дѣлается; посмотрѣлъ еще разъ на больную съ горестнымъ чувствомъ, котораго ни описать, ни вообразить не умѣю, поклонился матери, вышелъ изъ спальни. Въ другой комнатѣ встрѣтилъ меня отецъ, и со страхомъ освѣдомился о состояніи дочери. Я отвѣчалъ, что она провела ночь спокойно. Онъ пожалъ мнѣ руку, и вошелъ въ спальню. Въ рукѣ у меня осталась какая-то бумажка. Я развернулъ ее — пять рублей! Огорченный платою, я хотѣлъ было пойти къ нему и возвратить деньги, но опомнился, взглянулъ на окровавленный платокъ, прижалъ его къ губамъ, и бросился изъ дому, не помню какъ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ, преслѣдуемый зрѣлищемъ умирающей Вѣры. Въ волненіи своемъ, въ тоскѣ и недоумѣніи, я не догадался спросить при выходѣ изъ дому, у кого былъ, кто больная; не помнилъ даже переулка, въ которомъ стоялъ домъ этотъ. У меня осталось одно воспоминаніе о ней и — окровавленный платокъ. Я былъ увѣренъ, что она умерла. — Встрѣчаясь съ прекрасною, цвѣтущею дѣвицею, я говорилъ про себя: «Такова была Вѣра. И ты, юная дѣва, будешь то, что Вѣра теперь.» —

Я вступилъ въ службу, въ одинъ гвардейскій полкъ, и жилъ довольно пріятно и весело. Начальникъ у меня былъ человѣкъ умный и добрый. Офицеры полюбили меня и приняли въ свое общество; только, замѣтивъ мою задумчивость и особенное выраженіе унынія, когда я смотрѣлъ на молодыхъ, прекрасныхъ дѣвицъ, мучили меня вопросами, забрасывали шутками. Я отнучивался, сколько могъ, и наконецъ, видя, что странная моя мизантропія можетъ дѣйствительно повредить мнѣ въ мнѣніи людей, которые скорѣе повѣрятъ всему, нежели искреннему, безкорыстному чувству, рѣшился преодолѣть себя, не отказываться отъ общественныхъ удовольствій, разсѣять свою безполезную тоску въ бесѣдахъ любезной молодежи.

Однажды сговорилось нѣсколько молодыхъ людей (это было въ Августѣ мѣсяцѣ) поѣхать въ садъ нѣмецкаго танцклуба, поволочиться за хорошенькими Нѣмочками, побѣсить ревнивыхъ Нѣмцевъ. Я поѣхалъ съ ними. Мнѣ очень нравились эти полусельскіе балы. Въ просторномъ, иллюминованномъ саду гремитъ музыка. Пестрыя толпы расхаживаютъ по аллеямъ. Вокругъ столиковъ, подъ навѣсомъ деревъ, курятъ табакъ, пьютъ чай, ужинаютъ. Въ залѣ танцуютъ. Всѣ веселы, довольны. Наши шалуны, вступивъ въ садъ, забыли о своемъ намѣреніи, и приняли участіе въ общемъ весельи; нашли тамъ нѣсколько пріятелей во фракахъ, и гуляли съ ними по аллеямъ, любуясь цвѣточками изъ нѣмецкихъ оранжерей, въ русскомъ климатѣ. Я пріѣхалъ также съ намѣреніемъ повесе-

литься, и впалъ въ неизъяснимую тоску: чѣмъ болѣе наполнялся садъ, чѣмъ гуще и пестрѣе становились группы миловидныхъ лицъ, тѣмъ грустнѣе мнѣ дѣлалось. Вѣра! Вѣра! шепталъ мнѣ на ухо какой-то таинственный голосъ. Я сидѣлъ на скамьѣ въ самой большой аллеѣ. Вдругъ замѣчаю, что одна почтенная дама, проходя мимо, посматриваетъ на меня пристально, какъ будто припоминая стараго знакомца. Прошла она разъ, прошла два раза; все смотритъ и разглядываетъ. Что̀ бы это значило? Наконецъ, проходя въ третій разъ, она остановилась, сказала спутницамъ своимъ, чтобъ онѣ шли далѣе, и подошла ко мнѣ. — «Если я не ошибаюсь,» сказала она боязливо: «вы господинъ докторъ Свѣтиловъ?» — «Такъ точно, сударыня!» сказалъ я, вставъ со скамейки. — «Не безпокойтесь,» возразила она: «я къ вамъ присяду!» и съ этимъ словомъ сѣла подлѣ меня. — «Вашъ военный мундиръ,» сказала она учтиво: «немного сбилъ меня съ толку; но я слишкомъ хорошо васъ помню.» — Мнѣ она была совершенно незнакома. Я старался припомнить черты лица ея. — «Извините, сударыня,» сказалъ я наконецъ: «я не имѣю чести....» — «Это приноситъ честь вашему усердію къ своему дѣлу,» сказала она съ пріятною улыбкою: «вы такъ занимались больною, что и не взглянули на здоровую. Помните ли вы, въ Москвѣ, прошлаго года, зимою вы пользовали дочь мою....» — «Вѣру.... Вѣру....» пробормоталъ я въ оцѣпенѣніи. — «Точно, Вѣру Дмитріевну.» — «И она....»

сказалъ я, смущенный веселымъ тономъ матери. — «Слава Богу, выздоровѣла!» — Камень свалился съ моего сердца. Я не могъ удержать слезъ своихъ, взялъ руку доброй матери, и покрылъ ее поцѣлуями. — «Милый, любезный докторъ!» говорила она, утирая слезы: «какъ мнѣ пріятно видѣть въ васъ такое сострадание. Счастливы тѣ, которыхъ вы пользуете! Не повѣрите, какъ я рада, что нашла васъ. Мой добрый Дмитрій Степановичъ, по манеру, къ которому онъ привыкъ въ Германіи, заплатилъ вамъ за визитъ, какъ платятъ какому нибудь ремесленнику. Мнѣ было крайне совѣстно. Я натвердила Вѣринькѣ, что она именно вашему попеченію объ ней обязана своею жизнію. Лишь только вы ушли, съ нею сдѣлался кризисъ, и она была спасена.» — «Нѣтъ, сударыня!» сказалъ я ей: «не моимъ стараніямъ обязана она сохраненіемъ дней своихъ. Нѣтъ врача въ мірѣ, который могъ бы замѣнить хоть въ сотую долю попеченія матери. Я только скорбѣлъ о ней, а помочь ей не могъ.» — Я не зналъ, какъ спросить ее, гдѣ теперь Вѣра, что она дѣлаетъ, какъ онѣ очутились въ Петербургѣ. Словоохотная дама предупредила меня. Съ длиннымъ предисловіемъ и безконечными вставками и эпизодами, она разсказала мнѣ, что мужъ ея, Дмитрій Степановичъ Коробовъ, купецъ, бывшій коммиссіонеръ нѣкоторыхъ петербургскихъ негоціантовъ по внутренней торговлѣ, теперь пріѣхалъ въ Петербургъ; что у него много дѣлъ и непріятелей, и такъ далѣе, и такъ далѣе, но о главномъ предметѣ, объ одномъ

что меня интересовало и мучило — ни слова. Я воспользовался минутою, когда она понюхала табаку, чтобъ прервать нить ея повѣсти. — «Такъ Вѣра Дмитріевна совершенно выздоровѣла?» — «Слава Богу, слава Богу! вы сами въ томъ удостовѣритесь. Да вотъ и она! Вѣринька, душа моя! подойди сюда на минуточку.» Отъ шеренги проходившихъ мимо насъ, разряженныхъ дѣвицъ отдѣлилась одна, и подошла къ намъ. Я взглянулъ на нее. Предо мною стояла, во всей полнотѣ жизни, юности и красоты, та самая, которую я воображалъ тлѣющею подъ гробовымъ камнемъ. «Вотъ, другъ мой!» сказала мать: «Богъ услышалъ мои молитвы. Вотъ тотъ молодой докторъ, которому ты обязана жизнію.» — «Помилуйте,» сказалъ я въ смущеніи. Вѣра обратила на меня глаза съ такимъ выраженіемъ, какого я не могъ вообразить. — «А онъ, подумай, Вѣрочка, онъ ничего не помнитъ; онъ было совершенно запамятовалъ.» — «Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, извините!» сказалъ я поспѣшно, и вынулъ изъ-за пазухи платокъ, который съ тѣхъ поръ, какъ талисманъ, сопровождалъ меня повсюду. Не помню въ точности, что за тѣмъ послѣдовало; только я познакомился съ Вѣрою; онѣ пригласили меня къ себѣ; отца не было на балѣ, но онѣ увѣряли, что мое посѣщеніе будетъ ему пріятно. Между тѣмъ въ саду становилось сыро и холодно, онѣ раскланялись со мною; я проводилъ ихъ до кареты. Послѣднимъ словомъ Вѣры было: «Не забывайте насъ! сдержите слово!» — Я воротился къ

товарищамъ, сидѣвшимъ за ужиномъ. Они видѣли меня въ бесѣдѣ съ дамами, и стали шутить надо мною. Но какъ они удивились, замѣтивъ совершенное во мнѣ перерожденіе. Скромный, тихій, молчаливый Свѣтиловъ сдѣлался веселымъ, развязнымъ, шутливымъ, чуть не буяномъ. Шампанскаго! закричалъ я такимъ громкимъ голосомъ, что изъ двадцати угловъ послышалися восклицанія испуганныхъ Нѣмокъ: ach, Herr Jesus! Ужинъ проведенъ былъ съ шумными изліяніями и возліяніями. «Что сдѣлалось съ нашимъ Эскулапомъ?» спрашивали офицеры. Эскулапъ былъ въ третьемъ небѣ: Вѣра, прекрасная Вѣра жива; Вѣра здѣсь; я увижу Вѣру!

На другой день я отыскалъ семейство Коробова, и былъ принятъ, какъ давно знакомый, какъ родной. Дмитрій Степановичъ былъ человѣкъ добрый, умный, степенный, образованный. Онъ служилъ долгое время въ петербургской конторѣ одного богатаго англійскаго купца, ѣздилъ за коммерческими дѣлами по разнымъ странамъ Европы, пріобрѣлъ много познаній, опытности, умѣнья жить въ свѣтѣ, но не пріобрѣлъ главнаго — денегъ; поступалъ по правиламъ строжайшей честности, каждую хозяйскую копѣйку считалъ священною, а тѣмъ, что пріобрѣталъ самъ по расположенію и дружбѣ своего хозяина, дѣлился съ бѣдными земляками. Жена его, Авдотья Яковлевна, была предобрая женщина, привѣтливая, веселая, словоохотная — величайшимъ свидѣтельствомъ любви ея къ дочери было то, что она промолчала цѣлую ночь у постели больной. А дочь —

это была ваша добрая мать, моя незабвенная жена, съ которою я прожилъ счастливо, какъ въ раю, тридцать четыре года, которой не перестану оплакивать до новаго свиданія съ нею.»

Петръ Елисеевичъ умолкъ, и утеръ слезу. Дѣти молчали также, объятыя чувствомъ горестнаго воспоминанія. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ собрался съ духомъ, и продолжалъ:

«Не много нужно было времени, чтобъ познакомиться въ этомъ почтенномъ семействѣ. Мнѣ казалось, что я, дотолѣ сирота безродный и безпріютный, нашелъ своихъ родныхъ. Тоскливые, бурные порывы во мнѣ утихли. Вѣра, убѣжденная въ томъ, что мнѣ обязана спасеніемъ жизни, обходилась со мною, какъ съ братомъ. По ея примѣру, я началъ называть ея родителей батюшкою и матушкою. И эта связь была такъ чиста, благородна, безкорыстна, что я и не воображалъ влюбляться въ Вѣру, не думалъ, что могу, что долженъ на ней жениться. Такъ быть должно! думалъ я, благодаря Провидѣніе, которое привело меня къ моимъ роднымъ.

Такъ быть должно, думаетъ человѣкъ. Не такъ! возражаетъ строгая судьба. Дмитрій Степановичъ занимался въ то время дѣлами одного богатаго откупщика, Рысина, человѣка жаднаго, недовѣрчиваго, жестокаго, который обижалъ и оскорблялъ всѣхъ своихъ товарищей, помощниковъ и коммиссіонеровъ, и немного еще щадилъ Коробова, имѣя въ немъ необходимую нужду. Почтенный Дмитрій Степановичъ

нерѣдко приходилъ домой къ обѣду, разстроенный, печальный, убитый. Видно было, какъ трудно ему служить орудіемъ жестокосердію и жадности. Привѣтливость жены, ласки дочери, участіе немногихъ друзей, посѣщавшихъ его, едва могли разсѣять облака унынія на челѣ его. Самого Рысина я не зналъ и никогда не видалъ; вмѣсто его, являлся иногда сынъ его, Иванъ, русскій Ванька Каинъ, воспитанный въ Англіи. Онъ былъ одаренъ отъ природы умомъ и наружнымъ благообразіемъ; но честь, совѣсть, сердце замѣнялись въ немъ спесью, корыстолюбіемъ и гнуснѣйшимъ развратомъ. Въ Англіи усовершенствовалъ онъ свои природныя способности и дарованія, и, главное, научился скрывать ихъ, казаться благороднымъ, великодушнымъ, сострадательнымъ. Являясь къ Коробову по порученіямъ отца своего, сначала онъ обращался съ нимъ грубо и дерзко, какъ съ наемникомъ, но увидѣвъ нечаянно Вѣру, вдругъ перемѣнилъ свой тонъ и обращеніе, и старался втереться въ домъ того человѣка, котораго презиралъ въ душѣ своей, какъ бѣднаго илота, сотвореннаго для исполненія приказаній и прихотей богача. Онъ сталъ часто ѣздить къ Коробову. Всѣхъ болѣе была ему рада Авдотья Яковлевна: она воображала въ немъ жениха своей Вѣрочкѣ. Вѣра принимала его ласково и привѣтливо: предъ ними онъ носилъ маску человѣка благороднаго, честнаго и учтиваго. Старикъ только терпѣлъ его, не имѣя возможности выпроводить этого незванаго гостя. Страдалъ одинъ я. При первомъ появленіи

Ивана Кузьмича Рыспна въ домѣ Коробовыхъ, я почувствовалъ какъ будто ударъ въ сердце, котораго не могъ себѣ истолковать, сколько ни рылся въ физіологіи. Я замѣчалъ его ухаживанье за Вѣрою Дмитріевною, его угодливость Авдотьѣ Яковлевнѣ; замѣчалъ и ихъ неравнодушіе къ нему. Передо мною, бѣднымъ полковымъ лекаремъ, онъ не считалъ нужнымъ скрываться, да если бъ и хотѣлъ, то конечно бы не успѣлъ въ томъ. Любовь зорка. Да, любовь! При первомъ препятствіи, при первомъ движеніи ревности я узналъ, какъ называется чувство, которое привязывало меня къ Вѣрѣ. Жестокое состояніе! Я видѣлъ Ивана Кузьмича насквозь. Природа создала его красавцемъ, но впалыя щеки, синета подъ глазами, сиплый голосъ измѣняли слѣдамъ дурнаго поведенія. На кончикѣ его носа зардѣлось уже красненькое пятнышко, обѣщавшее вскорѣ покрыть все лице малиновою мантіею — мундиромъ записныхъ пьяницъ. Но онъ былъ очень остороженъ, и никогда не являлся къ дамамъ тотчасъ послѣ обѣда.—Мои мечты начали разсѣваться. Вѣра Дмитріевна была со мною ласкова, дружелюбна, привѣтлива по-прежнему, но иногда замѣчалъ я, что, въ бесѣдѣ со мною, она вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ на улицѣ или въ передней, какъ будто ожидая чьего-то пріѣзда, и обманувшись въ этомъ ожиданіи, долго не могла оправиться. Авдотья Яковлевна подняла тонъ цѣлою октавою выше. Одинъ Дмитрій Степановичъ не измѣнялся: онъ зналъ, какъ опытный торговый человѣкъ, цѣну этому

негодяю. Я рѣшился мало по малу оставить ихъ домъ. Больно было моему сердцу покинуть Вѣру; но меня поддерживало оскорбленное самолюбіе. Я сынъ честныхъ родителей, самъ полезный членъ общества; знаю наизусть Цицерона и Виргилія, читалъ въ подлинникѣ Гомера и Демосѳена, понимаю Канта, Фихте, Шеллинга и Окена, докторъ медицины и хирургіи, спасъ жизнь и возвратилъ здоровье десяткамъ, сотнямъ полезныхъ людей; еще недавно сдѣлалъ такую операцію, что самъ нашъ лихой Илья Васильевичъ Буяльскій ахнулъ отъ удивленія (а его бывало удивить трудно!), представленъ къ слѣдующему чину и къ кресту—и долженъ уступать мѣсто негодяю, пьяницѣ, развратнику, который чванится тѣмъ, что отецъ его награбилъ милліоны при подрядахъ, а самъ онъ выучился въ Лондонѣ лаять по-англійски! — Я сталъ ходить къ нимъ рѣже и рѣже — а онѣ того и не замѣчали! — Однажды явился я къ нимъ послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, и нашелъ весь домъ въ какомъ-то смущеніи и разстройствѣ. Авдотья Яковлевна молчала. Вѣра Дмитріевна, сидя за пяльцами, едва поднимала глаза, покраснѣвшіе отъ слезъ. Дмитрій Степановичъ былъ спокойнѣе прочихъ. Онъ взялъ меня за руку, повелъ въ свой кабинетъ, и разсказалъ причину этого общаго огорченія. За недѣлю до того сидѣлъ онъ вечеромъ въ своемъ кабинетѣ, за работою. Въ третьей комнатѣ, гдѣ были жена и дочь его, послышалось ему, раздался какой-то необыкновенный шумъ. Онъ всталъ и пошелъ туда. У нихъ былъ

Иванъ Рысинъ въ положеніи человѣка, лишь только вышедшаго изъ-за англо-россійскаго обѣда. Вѣра, трепеща, прижалась въ уголъ комнаты. Авдотья Яковлевна умоляла его отправиться домой. Рысинъ замахнулся на нее въ то самое мгновеніе, когда мужъ ея входилъ въ комнату. Дмитрій Степановичъ схватилъ его за руку выше локтя, и не говоря ни слова, вывелъ въ переднюю, въ сѣни, и столкнулъ съ крыльца. «Я отплачу тебѣ, мерзавецъ!» кричалъ Рысинъ, вскарабкиваясь на ноги.

Негодяй былъ узнанъ и изгнанъ изъ дому, но не трудно было предвидѣть, что это происшествіе повлечетъ за собою самыя непріятныя послѣдствія.

Дмитрій Степановичъ на другой же день написалъ старику Рысину, что по обстоятельствамъ долженъ оставить службу въ его домѣ, и просилъ принять бывшія у него на рукахъ письменныя дѣла и деньги. Рысинъ разсердился, не хотѣлъ было отпускать хорошаго помощника, но видя его непреклонность, согласился, рѣшась въ то же время жестоко отомстить ему. Дмитрій Степановичъ, извѣстный во всемъ петербургскомъ коммерческомъ мірѣ своею честностью, исправностью и познаніями, не затруднялся пріисканіемъ хорошаго мѣста: и самъ Баронъ Штиглицъ охотно взялъ бы его въ свою контору.

Мало по малу утихла тревога, причиненная въ домѣ Коробова дерзкимъ поступкомъ Ивана Рысина;

все пришло въ прежній порядокъ. И Вѣра Дмитріевна, и Авдотья Яковлевна стыдились въ душѣ предпочтенія, которое оказывали недостойному человѣку. Я представился, что ничего не замѣчаю, и въ короткое время это непріятное происшествіе было совершенно забыто. Онѣ были, постарому, ласковы и дружелюбны со мною. Любовь къ Вѣрѣ возникла въ моемъ сердцѣ съ прежнею силою: я чувствовалъ, что съ нею одною могу быть счастливъ, и рѣшился непремѣнно на ней посвататься, увѣренный, что и она ко мнѣ не равнодушна.

Между тѣмъ злоба и месть не дремали. Иванъ Рысинъ сплелъ отцу своему сказку о дерзкомъ поступкѣ съ нимъ Коробова, и они вмѣстѣ составили заговоръ, погубить его. Старикъ Рысинъ, знавшій, что Дмитрій Степановичъ принужденъ былъ войти въ долги отъ слѣдствій какого-то заморскаго банкрутства, купилъ одинъ его вексель, и подарилъ сыну, а тотъ подалъ его ко взысканію. Я былъ у Коробова, когда явился квартальный надзиратель съ предписаніемъ взыскать съ него двадцать тысячъ рублей, и въ случаѣ неплатежа, описать его движимое имѣніе, а самого отправить въ тюрьму. Все семейство было въ ужасѣ, въ отчаяніи. Сроку дано было двадцать четыре часа. Въ первый разъ отъ роду возропталъ было я на судьбу, не надѣлившую меня богатствомъ. Весь день прошелъ въ составленіи разныхъ плановъ, но ни одинъ не былъ удобенъ въ исполненіи, ни одинъ не велъ къ цѣли. Вечеромъ получено было по

городской почтѣ письмо руки Ивана Рысина, безъ подписи: оно еще увеличило общее отчаяніе и огорченіе, но во мнѣ родило искру надежды. Гнусный этотъ человѣкъ писалъ Дмитрію Степановичу, что мститъ за горькую обиду, нанесенную ему въ домѣ, куда онъ былъ заманенъ разными хитростями; что соглашается на отсрочку уплаты, если и отецъ, и мать, и дочь признаютъ себя виновными въ дурномъ съ нимъ обращеніи, и станутъ просить у него прощенія; что онъ рѣшится даже вовсе уничтожить долгъ, если они, послѣ этого примиренія, примутъ его опять, попрежнему, въ своемъ домѣ. Эта дерзость вывела меня изъ терпѣнія, но въ то же время я увидѣлъ средство изобличить Рысина въ личной его злобѣ на бѣднаго должника, и ослабить дѣйствіе взысканія. Простодушный жрецъ чистой матери природы — я прошелъ философію и медицину, а не заглядывалъ въ лабиринтъ юриспруденціи: я не зналъ правила, что гдѣ рука, тутъ и голова! — Я сообщилъ мое замѣчаніе Дмитрію Степановичу и его семейству. Они также, особенно женщины, оживились надеждою. Я взялся быть ихъ адвокатомъ; объявилъ, что имѣю друзей, товарищей университетскихъ, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, даже въ Сенатѣ, и что завтрашняго же числа утромъ приведу въ движеніе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ законниковъ. Я говорилъ съ такимъ жаромъ, что до слезъ тронулъ добраго Дмитрія Степановича. «Благородный человѣкъ!» сказалъ онъ: «возможно ли такое состраданіе къ бѣдѣ

семейства, вамъ почти совершенно чуждаго!» — «Да я еще ничего не сдѣлалъ!» отвѣчалъ я печально. — «Все равно!» возразилъ онъ: «все же вы мнѣ истинный другъ и благодѣтель! Удастся или не удастся — это въ волѣ Божіей, но въ вашемъ сердцѣ судьба моя уже рѣшена. Чѣмъ могу возблагодарить васъ?» — Я взглянулъ на Вѣру. Она потупила наполненные слезъ глаза, и покраснѣла. — «Понимаю!» сказалъ Дмитрій Степановичъ: «понимаешь ли и ты, другъ мой, Авдотья Яковлевна?» — «Давно поняла!» отвѣчала она, утирая глаза. — «Сѣющіе слезами радостію пожнутъ!» возгласилъ онъ, соединяя наши руки.

Я оставилъ ихъ поздно, а въ какомъ состояніи, описать не умѣю. Это было смѣшеніе всѣхъ горестныхъ, всѣхъ радостныхъ чувствъ, растворившихся наконецъ въ одной общей, неизглаголанной молитвѣ предъ Богомъ-сердцевѣдцемъ. Я не ложился спать. На другой день отправился къ должности, въ госпиталь, отрапортовалъ полковому командиру; потомъ надѣлъ фракъ, и полетѣлъ въ Сенатъ отыскивать товарищей-правовѣдцевъ. Въ то время Сенатъ только что былъ переведенъ въ новое зданіе. Я вошелъ въ нижнія сѣни; народу множество. Взошелъ на крыльце, потомъ отправился въ комнату направо, тамъ налѣво, и наконецъ въ большую залу. Вездѣ толпится народъ всякаго разбора, племени и чина. И отставные военные и купцы, и помѣщики и Жиды, все это движется, шепчетъ, толкуетъ, охаетъ, присвистываетъ. Чинов-

никовъ сенатскихъ не видать нигдѣ. Что это за суматоха? спросилъ я у одного незнакомаго мнѣ человѣка. «Какъ, сударь, вы не знаете, что теперь идутъ торги о винномъ откупѣ? Это все кандидаты въ банкиры или въ банкруты.» — «Покорнѣйше благодарю за наставленіе,» сказалъ я, пробираясь сквозь густую толпу, и самъ не зная куда. Если бъ я не былъ въ тревогѣ, въ отчаяніи, какую занимательную картину могъ бы составить изъ того, что въ этотъ день привелось мнѣ видѣть и слышать! Всѣ дѣйствующія лица этой траги-комедіи играли роль свою превосходно, натурально, отчетисто, усердно. Я пробрался до мѣста присутствія. Секретарь возглашалъ наименованія городовъ, и сколько кто за нихъ даетъ. Слыша объявленіе: за городъ Череповецъ четыреста тысячъ даетъ такой-то! я говорилъ въ умѣ: только бы двадцатую долю — и бѣдный Коробовъ спасенъ отъ стыда и разоренія. Я стоялъ, выпяливъ глаза, разинувъ ротъ, и жадно слѣдилъ за объявленія. Одинъ изъ торгующихся, дѣтина толстый и высокій, въ венгеркѣ со шнурками, сталъ въ меня вглядываться, и наконецъ спросилъ довольно грубо: «А вы, сударь, зачѣмъ сюда пожаловали?» — Этотъ дерзкій вопросъ разсердилъ меня. «Какая вамъ нужда!» сказалъ я смѣло: «за тѣмъ вѣроятно, за чѣмъ и вы.» — Онъ пріутихъ, подошелъ ко мнѣ ближе, взялъ учтиво за руку, и отвелъ къ окну. «Извините мой нескромный вопросъ!» сказалъ онъ, понизивъ голосъ: «Мы всѣ теперь, какъ на горячихъ угольяхъ. Сдѣлайте милость, не мѣшайте

намъ.» — «Странно!» возразилъ я: почему жъ именно я вамъ мѣшаю?» — «Полно-те, полно-те!» продолжалъ онъ съ припужденною улыбкою: «Къ чему тутъ околичности? Компанія наша покорнѣйше проситъ васъ не торговаться сегодня. Завтра, сколько вамъ угодно. Возьмите, вотъ двадцать пять тысячъ рублей, и ступайте съ Богомъ.» Съ симъ словомъ онъ сунулъ мнѣ въ руку толстый пакетъ. — «Помилуйте?» пробормоталъ я въ оцѣпенѣніи. — «Неужели этого мало?» спросилъ онъ со страхомъ. «Вѣрьте Богу, мы въ убыткѣ будемъ! Теперь пожалуйте!» Онъ взялъ меня подъ руку, вывелъ изъ залы, свелъ съ крыльца, и сказалъ: «Честное слово, что вы сегодня не будете торговаться?» — «Честное слово, но позвольте....» — «Кончено, сударь! я имѣю ваше честное слово. Прощайте!» — Въ сѣняхъ сторожъ подалъ мнѣ шинель, и я съ трудомъ отыскалъ въ карманѣ гривенникъ, ему на водку. На улицѣ развернулъ я пакетъ: въ немъ было сто билетовъ казначейства, новенькихъ, свѣженькихъ, свѣтленькихъ! — Въ изступленіи радостнаго восторга сѣлъ я на извощика, и велѣлъ гнать въ Гороховую Улицу, гдѣ жилъ Коробовъ. Не помню, какъ я туда пріѣхалъ, какъ взошелъ на крыльцо. Въ передней ноги у меня подкосились: я упалъ на стулъ. Вдругъ слышу несущійся изъ комнаты голосъ оцѣнщика: «Комодъ краснаго дерева, съ бронзою, съ тремя выдвижными ящиками, весьма подержанный, оцѣнка двадцать рублей!» Я вскакиваю съ изступленіемъ, отворяю дверь, и кричу: «Стой! все кончено,

вотъ деньги!» Съ симъ словомъ подаю я мой пакетъ Дмитрію Степановичу. «Что это!» спросилъ онъ. — «Это деньги, въ уплату по векселю; я досталъ, я занялъ; только удовлетворите этихъ господъ.» Надзиратель подошелъ учтиво, принялъ деньги, отдалъ вексель съ роспискою, и хотѣлъ уйти. «Куда, сударь!» спросила Авдотья Яковлевна, по уплатѣ долга почувствовавшая все свое достоинство: «Умѣли вы разстроить все въ домѣ, свалили въ кучу и мебель, и посуду, и платье. Теперь извольте поставить все на прежнее мѣсто.» — «Справедливо, сударыня!» отвѣчалъ квартальный, и приказалъ своей командѣ все уставить и прибрать какъ было. — «Теперь извольте итти, куда угодно,» сказала она: «и кланяйтесь Кузьмѣ Ерофеичу.» — «Не премину!» отвѣчалъ надзиратель съ низкимъ поклономъ, и отправился по принадлежности.

Когда мы остались одни, старикъ приступилъ ко мнѣ съ распросами, откуда я досталъ деньги. Не знаю, почему мнѣ совѣстно было сказать правду. Я отвѣчалъ, что мнѣ далъ ихъ взаймы одинъ старый пріятель, университетскій товарищъ. Благодареніямъ не было конца. Остальныя пять тысячъ назначилъ я на обзаведеніе своего дома и на свадьбу.

Между тѣмъ мнѣ все казалось, что я пріобрѣлъ эти деньги не честнымъ образомъ. Мнѣ слѣдовало бы объявить незнакомцу, кто я, зачѣмъ пришелъ въ Сенатъ, и тѣмъ отклонить его предложеніе. Но тогда

погибло бы семейство друзей моихъ! — Случалось ли вамъ замѣчать, друзья мои, что такія мысли о дѣйствительномъ достоинствѣ нашихъ поступковъ, о настоящей цѣнѣ вещей въ мірѣ, возникаютъ въ душѣ нашей чаще всего въ часы тишины и уединенія? Такъ бываетъ со мною. По утрамъ, въ тѣ минуты, когда душа, отдохнувъ отъ вчерашнихъ заботъ, еще не отуманилась своекорыстными мыслями о житейскихъ попеченіяхъ, не уступила еще власти надъ собою велѣніямъ нужды и необходимости, я здраво, чисто и совѣстно помышляю о своихъ дѣлахъ, предпріятіяхъ, надеждахъ и опасеніяхъ. Такимъ образомъ, въ одно утро, сидя за чаемъ, думалъ я о происшествіи въ Сенатѣ, и упрекалъ себя въ присвоеніи себѣ чужой собственности. Вдругъ входитъ денщикъ и докладываетъ мнѣ, что меня просятъ пожаловать поскорѣе къ одному больному. Я одѣлся наскоро, сѣлъ въ присланную за мною прекрасную карету, и пріѣхалъ въ великолѣпный домъ какого-то отставнаго полковника Трепетова. Самъ хозяинъ, объявили мнѣ, вдругъ занемогъ опасно. Меня ввели, по свѣтлому крыльцу, въ богато убранную комнату. Посреди ея стоялъ столъ, накрытый испятнанною скатерью, уставленный пустыми бутылками, недопитыми стаканами и рюмками. Черепки стекла хрустѣли у меня подъ ногами. По сторонамъ было нѣсколько раскрытыхъ зеленыхъ столовъ, исписанныхъ мѣломъ. Измятыя и изорванныя карты валялись на полу. Полусонный мальчишка поднималъ ихъ и выглаживалъ. Ни одинъ стулъ не

стоялъ на мѣстѣ; нѣкоторые опрокинуты были вверхъ ножками. «Пожалуйте къ барину!» сказалъ мнѣ слуга, отправившійся съ докладомъ. Чрезъ нѣсколько комнатъ вошелъ я въ темную спальню. Кто-то лежалъ въ постели, и охалъ. — «Что съ вами сдѣлалось, сударь?» спросилъ я, подошедши къ нему, и взявъ его за руку. Жаръ въ немъ былъ необыкновенный.» — «Отъ сущихъ пустяковъ, сударь!» отвѣчалъ онъ. «Вообразите! вчера мы, на радостяхъ, съ добрыми пріятелями, роспили ящикъ шампанскаго. Кажись, не впервые, а теперь такъ схватило, что я думалъ Богу душу отдать. Проклятый Рысинъ!» — Голосъ больнаго казался мнѣ знакомымъ. Имя Рысина еще болѣе возбудило мое любопытство. Я прописалъ ему что нужно было, и далъ нѣсколько совѣтовъ, увѣряя, что это пустое и скоро пройдетъ. — «Пройдетъ, пройдетъ» отвѣчалъ онъ: «а теперь смертельно голова болитъ.» — «Видно, радость была большая?» спросилъ я. — «Да, не часто удается такъ повеселиться. Мы съ пріятелями, во-первыхъ, успѣли взять превыгодно нѣсколько городовъ на откупъ; во-вторыхъ, посадили одного разбойника въ петлю. Не слыхали ль вы объ Рысинѣ?» — «Какъ не слыхать!» — «Этотъ злодѣй хотѣлъ надуть насъ на триста тысячъ, да мы Кузьму подкузьмили. Онъ самъ заплатилъ двѣсти, чтобъ только отвязаться. Впрочемъ и намъ стало это не дешево. Двоимъ дали по двадцати пяти тысячъ, чтобъ отстали. Ой, батюшки! рѣжетъ! ой, проклятый Рысинъ! — Такъ мы, сударь, вчера, по этому случаю,

старинку вспомнили. Всю ночь на пролетъ метали въ заповѣдную. Въ шесть часовъ легъ я спать, и чрезъ часъ проснулся отъ ужасной боли. Помогите, ради Бога!» — Тутъ узналъ я голосъ моего сенатскаго благодѣтеля. Онъ, въ темной комнатѣ, не могъ различить меня, да и возможно ли было бы подумать, что дерзкій торгашъ на откупа, и смиренный полковой лекарь одна и та же персона? — Увѣривъ моего паціента, что его болѣзнь не опасна и скоро кончится благополучно, я поспѣшилъ убраться. — На совѣсти у меня отлегло: деньги, которыми я помогъ моему будущему тестю, вышли изъ сундука его злодѣя и губителя!

Вотъ мой романъ, любезныя дѣти! Вы, конечно, прежде этого знали нѣкоторыя его подробности; но вполнѣ, кажется, я разсказалъ его вамъ теперь въ первый разъ.»

«Покорнѣйше благодаримъ васъ, батюшка!» сказалъ Андрей: «но я все ждалъ, что дѣло дойдетъ до водки, до сивухи, какъ вы обѣщали.»

«А развѣ ея не было!» спросилъ Петръ Елисеевичъ: «на что же торговались въ Сенатѣ? за что же дали мнѣ двадцать пять тысячъ? Не будь сивухи, не было бы и развязки моего романа.»

«Оно такъ,» возразилъ Андрей: «однако я не желалъ бы называть романа этого гнусными именами водки или сивухи.»

«Придумай ему другое названіе, а дѣло останется то же.»

«Какъ назывались деньги, которыя получали торгующіеся за уступку своего права?»

«Это называлось *отсталое*,» отвѣчалъ отецъ.

КОНЕЦЪ.



